

Айрин Серпента

ДОМ там
где твое сердце

16+

Айрин Серпента

Дом там, где твое сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40428492

SelfPub; 2019

Аннотация

Обиженная юношей в детстве, Лиз мечтала – вот он вернётся, и тогда она отомстит. Отомстит и забудет. Он не просто вернулся, он захотел её для себя навсегда...

Содержание

Часть 1. Северянка	6
Глава 1	6
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	69
Глава 10	76
Глава 11	79
Глава 12	107
Часть 2. Чары Востока	112
Глава 13	112
Глава 14	133
Глава 15	143
Глава 16	176
Глава 17	190
Глава 18	197
Глава 19	203
Глава 20	213
Глава 21	231
Глава 22	244

Глава 23	256
Часть 3. Весна в Париже	268
Глава 24	268
Глава 25	278
Глава 26	285
Глава 27	303
Глава 28	309
Глава 29	322
Глава 30	333
Глава 31	342
Глава 32	350
Глава 33	362
Глава 34	369
Глава 35	383
Глава 36	395
Глава 37	409
Глава 37	418
Глава 38	428
Глава 39	442
Глава 40	453
Глава 41	458
Часть 4. Время замкнуть круг	462
Глава 42	462
Глава 43	474

О.М. – лучу солнца в пасмурный день.
Арабский, кажется, мы осилили.
Дело за суахили?

Часть 1. Северянка

Глава 1

Нет-нет, дом был совершенно не при чём! Дом очень ей нравился. Пейзаж ранил эстетическое чувство молодой ещё хозяйки поместья. Не весь пейзаж. С центрального балкона открывался прелестный вид на фонтан, подстриженные газоны, дорожки, выложенные красивой дугой. А к окнам с восточной стороны Лаймен Стронберг подходить не любила. Если задержаться у них, под тяжёлыми занавесями, можно увидеть невзначай копошащиеся вдали противными блохами фигурки холопов, крестьян. Лаймен претила сама мысль разглядывать этих людей – людей ли? Не то чтобы приближаться к ним или разговаривать с ними. Что они, как не тени для удовлетворения потребностей своих господ?

Такого предательства от мужа она не ждала.

– Эмиль, вы больно ушиблись головой, если не понимаете, что есть пределы, ниже которых опускаться нельзя. Породниться с крестьянами?

Муж страдал от утреннего похмелья, то и дело прикладывал к голове тряпицу, в которую был завёрнут лёд. Ему явно не хотелось разговаривать с женой.

– Деньги не пахнут, драгоценнейшая, – едва шевеля гу-

бами, цедил он. – И почему сразу отбросы? Линтрем – свободный крестьянин, держит лавку, платит налоги. Да, обрабатывает клочок земли, но теперь-то он дочку на пушечный выстрел к бороне не подпустит. Думает, что она станет баронессой.

Эмиль хмыкнул, Лаймен дёрнулась.

– А как же ей ею не стать? Когда родной отец прикупил титул и знатного мужа преподнёс на блюдечке?

– Ой, не шумите, госпожа баронесса! – Эмиль скривился. – Вы же знаете не хуже меня – фамильное состояние Стронбергов растрчено...

– А всё собачьи бега и кости! – гневно вставила женщина.

– И чем же ещё развлечётся благородному мужчине в наши дни? Так вот, госпожа моя, денег нет. А у меня два сына. Я обязан был предпринять меры, чтобы не оставить их ни с чем. Договоры о браке не хуже других.

– Вы продали обоих сыновей, Эмиль!

– Я получил деньги, баронесса. И уж поверьте, что кроны Верга Линтрема ничуть не хуже крон Валафреда Рума, такие же полновесные. Можно вкладываться в ремонт этого могильника, – Стронберг с ленивой сентиментальностью похлопал дом по стене.

– Ах! – Лаймен схватилась за горло. – Ваши привычки, муж мой, не доведут семью до добра! Адела Рума – куда ни шло, всё-таки купчиха. Но крестьянская кровь в жилах Стронбергов!

Эмиль посмотрел на супругу тяжёлым взглядом.

– Заканчивайте истерики, госпожа. Мариса своим договором я не обидел. Приданое получил заранее, и хорошее. Подобрал ему жену-красавицу...

– Говорят, что из всех дочерей Верга Линтрема она – наипервейшее чудовище.

– ...умницу...

– Пока что ничем особенным девчонка не блеснула.

– Но ведь ей только семь лет. Зато, как подрастёт, она будет точно знать, что стоит дешевле песка под ногами у Мариса, и будет во всём ему подчиняться. Она нарожает ему детей и станет тихо и скромно сидеть дома, поджидая его.

– То-то все девицы Линтрем славятся своей скромностью! Ваш старший сын постоянно милуется на сеновале с их девчонкой, которой ещё и пятнадцать-то не исполнилось. И вторая такая же будет, Раймонд спит и видит, как бы залезть ей под юбку!

– Подбирайте выражения, госпожа! Наилучшим выходом было бы забрать девочку к нам в дом на ваше воспитание...

– Я к ней и пальцем не прикоснусь!

– Или отдать её вообще в город в приличную семью. Но кто за ней там присмотрит? А здесь вашего влияния на Раймонда не хватит, чтобы удержать его от распутства. Нам же нужна невеста девственной.

– А если нет? – внезапно заинтересовалась Лаймен. Муж одобрительно ей улыбнулся.

– О, в этом случае с нас снимаются все обязательства.

– Отец? – постучав в открытую дверь, светловолосый подросток напряжённо шагнул в гостиную. – Вы велели мне зайти...

Лаймен Стронберг подошла к сыну, сжала тонкими пальцами его плечо, и Марис взглянул на неё с обожанием: молодая, изысканная и прекрасная, как снежная королева, она казалась четырнадцатилетнему мальчику воплощением божества.

– Дорогой, ты подслушивал?

– Что вы, мама! – почтительно запротестовал сын. – Я не посмел бы.

– Хорошо. Потому что это было бы недостойно тебя, рождённого править. Ты знаешь, что всегда для тебя будет только два непререкаемых авторитета...

– Господь Бог, мама, и мой отец.

– Да, верно. Их слово – для тебя закон. Мы с отцом призывали тебя, чтобы сообщить новость, которая, возможно, изменит твою жизнь.

– Я слышал, мама, простите меня.

– Слышал, Марис?

– Да. Ведь у Раймонда нет другого брата. Отец желает, чтобы я женился на дочери раба.

– Сейчас в Швеции нет рабов, Марис, – сердитым голосом возразил Эмиль. – Мы цивилизованная страна. В лене есть люди, которые работают на меня...

– Они принадлежат вам, отец, опутанные долговыми обязательствами с ног до головы, – бесстрастно возразил мальчик. – Но, похоже, сейчас вы сами угодили в собственные сети.

– Изволь помолчать, Марис, – холодно прервала его Лаймен. Она могла ругать мужа, сколько ей вздумается, наедине, но не допустила бы попирания его авторитета сыном. – Принимая решение об обручении тебя с Элизой Линтрем, отец ни в коей мере не задумывал твоего позора. Девочке сейчас только семь лет, и в ваших отношениях ещё лет десять ничего не изменится. За это время может произойти очень многое: она может умереть от болезни, погибнуть при несчастном случае, наконец, потерять честь, что приведёт к автоматическому расторжению вашей помолвки. Вергилиус Линтрем гарантировал чистоту и невинность своей дочери в брачную ночь. Ничто не мешает тебе заявить о несоблюдении этого условия, если простыни вовремя поменять.

– Лаймен! – Эмиль с изумлением смотрел на жену.

– Так что помолвка, мой мальчик, это ещё не свадьба. Думаешь, Раймонд так уж хотел обручиться с Аделой Рума? Зато на деньги, полученные как задаток от Вергилиуса и Валафреда, мы восстановим наш дом, – рука Лаймен с гордостью гладила каминную полку с высеченными словами девиза «Побеждаю во всём». – И величие рода Стронбергов опять станет прежним, и даже выше того.

– Хорошо, мама, – подросток выпрямился и стал словно

бы выше ростом, окрылённый её словами. – Я женюсь на Лиз Линтрем, – и добавил, как заклинание. – Если она доживёт до такого счастья.

Глава 2

– Я не понимаю, что случилось с тобой, лендлорд, – подбоченясь, она стояла посередине дороги, не давая ему проехать, и выглядела гораздо старше своих лет. – Раньше ты говорил со мной и привозил сладости, а теперь только награждаешь оплеухами да щипками. Вчера ты загнал меня в лесу в болото и бросил пропадать, позавчера натравил собак. Ты хочешь, чтобы я погибла? Это всё из-за того, что мой отец, желая обеспечить мне будущее, договорился с твоими родителями о чёртовой помолвке? Ты надеешься получить все деньги без меня?

Станным для семилетней девчонки образом она попадала своими упрёками прямо в цель. Марис Стронберг на миг смутился: неужели он слишком жесток с нею? Но ему-то совсем не требуется такой довесок к приданому – костлявая, голенастая, с чёрным, как у мавра, лицом, на котором виднелись лишь кривоватые зубы да злые глаза и с жидкими волосёнками, стянутыми сзади в хвостик. Он не замечал всего этого, пока она была лишь очередным крестьянским ребёнком на его землях, слишком уродливой, чтобы другие девчонки хотели играть с ней, и оттого одинокой. Марис жалел её – немного покровительственно и с презрением господина. Но пристрастный взор открывал для себя совсем другое. И

вот с этим-то недоношенным монстром он проведёт остаток своих дней до могилы?! Хорошенькая, как игрушка, лошадка протестуяще заржала в ответ на туго натянутые поводья и поднялась на дыбы, едва не растоптав своими копытами эту отважную наглую кроху. Тёмное от загара личико Лизы Линтрем даже не дрогнуло.

– Ты совершенно права, маленькое чудовище! – в младшем отпрыске Стронбергов словно сорвалось с цепи что-то опасное. Склонившись с седла, он поднял за шиворот девочку и прокричал ей в лицо. – Ты мне не нужна! Если тебе удастся околеть за время, данное нам до свадьбы, буду очень признателен!

С глухим звуком Элиза упала на дорогу, прибавив парочку синяков и царапин к уже имеющимся. Светлые волосы выскользнули из-под ленты и грязными прядями обрамили покрасневшее личико. Глаза заблестели от сдерживаемых слёз.

– Чтобы ты подох, Марис Стронберг! – прошипела она сквозь стиснутые зубы, вскочила на ноги и, легко уклонившись от плети, обрушившейся в пыль – туда, где секунду назад была её голова, проворно забралась на дерево. – Ты злой, злой, мерзкий! – прокричала она из-за листвы срывающимся голосом.

– А ну-ка слезай, дорогая невеста, – голос хозяина был обманчиво мягок. Марис спешил и ходил вокруг узловатых корней, помахивая плетью.

– Ты такая свинья! – плакала маленькая Лиза. – Я тебе

верила... я сама хотела всегда умереть, потому что я уродка, но только ради тебя теперь буду жить. Я дождусь, когда смогу кинуть тебе в лицо твою паршивую помолвку!..

Улучив момент, плеть безошибочно рассекла воздух. Девочка завизжала, красный рубец вздулся на её ногах.

– Я тебя ненавижу, гад ползучий! Я вырасту, вот увидишь, стану красивой, такой красивой, что сам умолять будешь, чтоб за тебя вышла! а я тебе шиш покажу... я тебя до смерти ненавижу буду...

Глава 3

Одиннадцать лет спустя

Вся деревня встречала его, словно он отсутствовал не пару недель, а дольше Мариса Стронберга, сбежавшего из родительского дома сопливым подростком. Все дёргали его в разные стороны и говорили одновременно: старики хотели узнать новости из столицы, дети требовали подарков и лакомств, Сюзана тыкалась под руку, требуя, чтобы брат приласкал её. Но все звуки словно исчезли, он перестал замечать приветственные толчки и удары, когда солнце её улыбки согрело его мыслью, что скоро они поженятся с этой прекрасной, удивительной и потрясающей девушкой, что она принадлежит только ему одному и одному ему так улыбается, обещая в будущем бесконечное блаженство и скорый топот детских ножек в их доме. Пепельные волосы взметнулись и осыпали её грудь, когда она оторвалась от дерева, ствол которого обнимала в ожидании момента, когда сможет обнять вместо бесчувственной древесины тёплое тело своего мужа. Или почти мужа. От полного счастья их отделяло только две мелочи: святые слова положенного обряда и праздник после того, как закончится строительство их дома; в тот вечер она станет его женой, хозяйкой его чувств, его дома, его постели. Но раньше довести до естественного конца их отношения Мелисса Линтрем позволить не могла. Да и будущий

муж Элизы воспитан был правильно – сначала клятвы, потом брачная ночь с молодой женой, с Лиз.

– Ах, Андрес, душа моя! – Элиза шептала ему в потную шею, обжигая жаром преисподней. – Я ждала... я скучала... как долго ты не приезжал!

Ресья чувствовал себя польщённым. Покорить сердце такой девушки – не поле картофеля проборонить. Откровенная, страстная, но скромная. Много девчонок в деревне вздыхали по первому красавцу, многое и обещали ему, только кто знает, чьи дети в итоге окажутся на его лавке? А про Лизу Линтрем самые гнусные сплетники не могли сказать ничего. Хорошая девушка, будет отличной матерью и хозяйкой.

Лиза плакала, что-то бормоча. Андрес Ресья плотнее прижал невесту к себе, прислушался.

– Зачем же мы ждали со свадьбой до сбора урожая? Надо было жениться раньше...

Парень хмыкнул.

– Ну что ты, любимая? Это мне полагается гореть в нетерпении, не тебе.

– При чём здесь нетерпение?! – обожаемая блондинка топнула ногой. – Ты разве не понимаешь, какие неприятности он привёз нам?

Повеяло холодком.

– Кто «он»?

– Да разве никто не сказал ещё, Андрес? Марис Стронберг

вернулся...

Марис Стронберг вернулся после одиннадцатилетнего отсутствия в свой дом. Он вошёл с чёрного хода в гостиную, где скучала в ожидании вечерней прохлады вся семья – Эмиль лениво потягивал эль, Лаймен читала, а с застеклённой террасы доносились сердитые голоса как всегда ссорящихся Раймонда и Аделаиды.

– Уве, я уже отпустила вас... – начала, не поднимая головы, Лаймен.

Светловолосый мужчина в дверях ухмыльнулся:

– Дом, милый дом, тихая гавань, приют спокойствия и мира...

Лаймен застыла на миг, а глаза Эмиля Стронберга широко раскрылись:

– Сын?

– Марис! – отчаянно закричала, срываясь с места, Лаймен. Она упала у ног вновьприбывшего и обняла их руками. – Марис, сынок, мы думали, что потеряли тебя... но ты стал мужчиной, ты вернулся... – она осмелилась приподнять голову и осторожно взглянула на человека, в которого превратился её маленький мальчик, её сын. Он изменился больше, чем она ожидала; муж подошёл сзади, помог ей встать. На крик Лаймен в гостиную ворвался Раймонд, с удивлением разглядывая незнакомца, недоверчиво произнёс:

– Маак?

Насквозь прокалённый далёким солнцем смуглолицый мужчина откинул назад длинные светлые волосы, улыбнулся, задержав на миг внимательный карий взгляд на поражённом лице Лаймен. Тонкие тёмные пальцы нежно скользнули по щеке матери.

– Здравствуй, мама. God dag, брат, – рука протянулась Раймонду для пожатия.

– Ты вернулся! – неверяще прошептал тот.

Ироничная улыбка Мариса хлестнула всех огненной плетью:

– А что, мне требовалось для этого согласие риксдага?

Из-за спины Раймонда показалась рыжеволосая женщина со злыми зелёными глазами. Её руки взметнулись в воздух, чтобы сомкнуться на шее гостя:

– Брат Рея, какой сюрприз! Мой дорогой деверь, – по-кошачьи промурлыкала она, всем тонким телом прижавшись к Марису, и потёрлась животом о его пах, – я рада приветствовать тебя в нашем доме.

Алые губы выпятились, чтобы поцеловать его.

– Дорогая невестка, – так же сладко улыбнулся в ответ ей мужчина.

Этот номер всегда проходил гладко, и Аделаида не поняла, что случилось на этот раз такое, отчего, не успев почувствовать на своих губах его губы, она оказалась в метре от Мариса с болезненно пульсирующим запястьем.

– О, чёрт! – она восхищённо уставилась на нового героя.

Раймонд побагровел:

– Тоже мне, блудный сын нашёлся! Что, надоело в Стокгольме по девкам шляться?

– Рей! – ужаснулась Лаймен.

Но Марису не требовалась защита: тяжёлым взглядом он прибил брата к полу и каждое слово было словно камень на голову Раймонда:

– Я побывал в Персии и во Франции, в Китае и на Британских островах. Я плавал за чаем в Индию и искал сокровища на Мальорке, я разводил лошадей в Альпах и прожигал в Америке жизнь. Я был удачлив. Теперь я могу купить эту страну за сотую долю моего состояния. Но ты прав, Рей, у меня нет дома. Есть жилища, виллы, дома и дворцы в разных концах света, но нет сына и нет женщины, которая родит его мне. На вершине своей жизни, когда я мог выбирать среди первых красавиц Вселенной, я оказался последним дураком, я вспомнил об обещании. Я вернулся, чтобы отдать долг своих родителей. Я вернулся, чтобы жениться на Элизе Линтрем.

Сдавленно охнув, Лаймен упала в обморок. Аде коротко и зло рассмеялась.

– А с чего ты решил, милый деверь, что тупая крестьянка всё ещё ждёт тебя? Всем было понятно, что это обман, розыгрыш...

– Она умерла? – Марис смотрел только на отца.

– Лучше бы она это сделала, – хмыкнул, вступая в бесе-

ду, Рей. – После праздника урожая Лиза Линтрем выходит замуж за Андреса Ресья. Люди почти закончили строить их новый дом...

Аделаида внимательно наблюдала за лицом Мариса.

– Не совсем то, на что ты надеялся, да? – издевательски прокомментировала она. – Девчонка первая ухитрилась нарушить ваше давнее соглашение и даже не позаботилась спросить твоего позволения.

Марис отвернулся от злобной невестки к брату.

– Какая она, Рей? – тихо спросил он. – Почему она собирается замуж так рано, в семнадцать лет? Может быть, она слишком распутна и понесла от своего жениха? Или научилась прятать своё уродство? А может, её отец, поняв, что первая помолвка не слишком надёжна, предложил денег первому попавшемуся, чтобы избавиться поскорее от любимой дочурки?

– Её отец умер, – ворвался в молчание голос Эмиля. – Лавка осталась без хозяина, и семья Линтрем теперь разорена. Тебе не принесёт выгоды эта женитьба.

Младший сын широкими шагами обходил гостиную, касался богатых занавесей, смотрел на заново установленные окна, террасу, ухоженный сад за ней.

– Вижу, отец, что ты деньги Линтрема выгодно вложил, не спустил на кости, как раньше.

Что-то в его интонации насторожило отца. Тот подался вперёд.

– Дом приведён в хорошее состояние. И что же?

– Ты собираешься эти деньги возвращать вдове Линтрема?

Отец и мать шокированно переглянулись. О чём говорит этот человек, похожий лицом на их сына?

– Разве вы не заключили одиннадцать лет назад договор? – настаивал Марис. – Как я понимаю, Линтрем выполнил свою часть, хотя и оставил при этом семью без куска хлеба. А что тебе подсказывает сделать твоя честь?

– Линтрем был только крестьянином! – взвыл Эмиль. – Пусть свободным, но человеком без рода, без чести – какая честь у раба?

– Так мы говорим о твоей чести, отец. Ладно, не будем тратить слов. Значит, семья Линтрем живёт впроголодь?

– После смерти отца они не смогли выплачивать налоги. Потеряли статус свободных. Теперь эта семья – одна из беднейших в моих владениях. Их домишко, участок земли и сами они принадлежат мне. Пользы от этого никакой, надо признаться. Хотя девчонки хорошенькие. Да больно малы.

– Какие девчонки? – уточнил Марис.

– Ну как же, дочери. В семье семь девок по лавкам. В брачном возрасте пока старшие три. Самую старшую... м-м, – Эмиль метнул странный взгляд на Раймонда, – ну, ей брак не светит.

Почувяв несказанное, Марис отложил выяснение на потом.

– Потом есть ещё одна, не помню, как зовут. Если наду-

мает замуж – заплатит мне налог. Или в любовницы кому подарю. Ну и Лиза теперь выходит замуж. Ты говоришь о договоре – а я его не забыл. Освободил её от налога и даже денег чуток добавил на новый дом.

Сын усмехнулся.

– В общем, не Линтрем её поторопился спихнуть в новый брак, а ты. Подстраховался. А вдруг я не погиб и надумаю вернуться в родной край?

– Да она сама, как кошка, влюблена в этого Ресья!

– Значит, купил ей жениха. Жалко стало уродину...

Раймонд Стронберг наконец не выдержал несправедливости:

– Да девка чертовски хорошенькая! Сочный плод, куколка! Ух, я бы её... если бы не... – он покосился на полыхающую яростью жену.

– Когда тебе это «не» мешало? – ядовито-сладко пропела та.

Марис перевёл взгляд на отца.

– Да, правда, хорошенькая. Что там, настоящая красавица. Но я люблю вашу мать! – спешно открестился Эмиль. Лаймен ласково улыбнулась мужу, в этой улыбке было обещание клубка змей в постель.

Младший сын встал, потянулся.

– Ну ничего. Отосплюсь с дороги – сам проверю. Мама, можно занять мою прежнюю комнату?

Глава 4

Дом семьи Линтрем был построен ещё их прадедом на землях баронского рода. За сто лет он обветшал – сколько шумной ребятни видели его стены... Все потом уезжали, кого-то в армию короля, а кого и продавали. Свободным крестьянином был только отец Элизы, с ним вместе и его семья, но денег на дом Вергилиус почти не тратил, он всё мечтал разбогатеть да уехать куда подальше к сытой жизни. Хорошо, хоть не пожалел платы за то, чтоб Георга взял кузнец в подмастерья. Старый Хуго теперь не в силе, а кузней его управляет Георг. Кузнец-то – человек нужный в деревне, без него ни лошадь подковать, ни соху починить. Сам барон езжает к Георгу в кузню, бывает, что и беседует с ним. Георг и женился на дочке старого Хуго, Миле, у них уже двое ребят. Вот только разрывается брат между своей семьёй и помощью матери. Девчонки совсем ещё маленькие, Линета после случившегося с ней замуж не пойдёт. Селена о городе толкует, всё про какие-то фабрики, тоже не хочет задерживаться в деревне. Лиза говорила брату, что они с Андресом заберут мать к себе, когда сестрёнки вырастут и разлетятся по домам мужей. Вот только с Андресом она этот вопрос не обсуждала. Захочет ли? Но нет, он добрый, ласковый, не бросит старуху голодной смертью умирать.

Лиза знала – ей достался лучший из мужчин. И как пер-

вый красавец деревни углядел её за подружками? Тряпье не украшает молодую девушку, да и питались Линтремы плохо. Всё-таки четверо младших в семье, и мать сильно сдала в последнее время. Вся еда – со своего огорода, мясо Георг покупает раз в месяц или два, бывает, что рыбу кушают. Мать картофель не любит, не привыкла к нему, это поветрие только распространилось. Хорошо, хоть сестрёнки понимают – не до капризов. За Андреса замуж очень хочется, да как же она бросит их одних? Андрес-то тоже заботы о себе будет требовать...

Солнце стояло высоко и припекало спину. Лиз с трудом выпрямилась от грядки, даже, кажется, застонала. На землю упала длинная тень. Лиз подняла голову и обомлела – в пяти шагах от неё, у ограды ему по пояс, стоял мужчина, высокий, широкоплечий, как сказочный великан.

– Ну здравствуй, Элиза Линтрем, – процедил он. Лиз охнула и провалилась в тёмный омут воспоминаний своего детства. Баронский отпрыск гонит её на лошади, толкает в лужу, травит собаками...

Марис вовремя подхватил падающую девушку. С неудовольствием уставился на её лицо. Перегрелась на солнце, дурочка. Разве же можно в полдень работать на огороде без шляпы? Пусть шведское солнце – не чета пустынному светилу, а всё же нельзя. Надо водой её обрызгать, где бы взять воду? Взгляд Стронберга обратился к стоящему неподалёку ведру.

Струйки текли по её лицу, по губам, убегали в волосы и под платье. Лиз хлопнула глазами раз, другой... немедленно возжелала вернуться в спасительную тьму. Она лежала на коленях Мариса Стронберга, он сидел на траве под деревом, и было это уже не на огороде, а вроде бы в лесу. Стронберг жевал травинку и с острым интересом разглядывал свою наречённую невесту.

– Что же ты сразу, Лиза, хлоп – и в обморок? – насмешливо потянулись его слова. – Так только благородные дамы поступают, а ты разве ж из благородного сословия?

Губы Лиз Линтрем плотно сжались. Хватило минуты, чтобы она возненавидела Мариса Стронберга с прежней недетской силой. Господин барон вернулся позабавиться? Какая жалость, зверушка теперь кусается, знаете ли!

– Что ты молчишь?

Огрубляя произношение, девушка противным голосом пропищала:

– Какие ж мы благородные, ваша милость, откуда? А всё же не умеют знатные дамы так? – выбросив вверх руку, она вцепилась Марису Стронбергу в нос. Смертельной хваткой зажала кончик между вторым и третьим пальцами. Слезы мелькнули в обращённых на неё карих глазах.

– Ах, ведьма...

Не теряя времени, Лиз отпустила его нос и сноровисто скатилась с мужских колен. Встала поодаль на четвереньки. Оценила ситуацию. Вроде бы Стронберг не собирается бро-

саться на неё. Блондин задумчиво тёр свой нос.

– А я жениться на ней хотел...

Глаза Лиз блеснули ликованием. Будем надеяться, что сплетничать о личной жизни поместной крестьянки никому из его высокоблагородной семьи и в голову не пришло.

– Какая жалость, ваша милость! – она покачала головой. – Опоздали вы, господин барон. Мужняя жена я теперь.

Стронберг окинул её таким взглядом, что Лиз замерла – перестаралась! По его виду было понятно, что завалить в траву замужнюю он не считает за грех.

– Неужто опоздал? – блондинчик поцокал языком. – Ай-яй, фру Элизабетта, что ж вы морочите голову некоему Андресу Ресья, обещая ему свадьбу по осени?

Лиз вмиг растеряла желание играть. Дикой кошкой вскочила на ноги:

– Не тронь Андреса!

Мужчина тоже поднялся. Вроде и охнул для вида, и ухватился за дерево – а было ощущение, что всё это игра, не нужны ему никакие подпорки. Лиз огляделась – точно, окраина леса.

– Зачем вы притащили меня сюда? Деревня не пустая, кто-то ведь видел, обязательно донесут Андресу.

– А ваша речь улучшается на глазах, – похвалил Стронберг. – Так где правда, ты – девушка или женщина?

– Du kan dra dit pepparn växer¹, – чуть слышно пробормо-

---

¹ Иди туда, где растёт перец (шведск.)

тала злючка. Марис даже восхитился – характер есть, охота будет преинтереснейшей. И плевать, что раньше он не связывался с девственницами.

Осторожный шаг к ней – девушка отпрыгивает на три назад. Бежать не решается, знает, что в его власти продать в другие земли и сестёр.

– Постой спокойно, дай рассмотреть тебя, – выброшенная вперёд рука цепко хватается белую косу. Некоторое время Марис вертит, разглядывает её. Красивый цвет волос, то ли серый, то ли розовый. Похож на морские перлы. А глаза, вот странность, чёрные-чёрные, такие же ресницы и брови во-круг. На загорелых под солнцем щёчках – тёмный румянец. Смущения? Гнева? Под ветхим платьем – немалые холмики, обхватом в его ладонь, даром что только семнадцать лет. На мягкой коже – солёные капельки, но даже потная она пахнет свежестью. И страхом загнанного зверя.

Время ползёт медленнее капли сахарного варенья. Рука Стронберга покидает шею девушки, двигается к груди. Баронский сын явно намерен развлечься с ней прямо здесь, лишив её и Андреса будущего. Кому нужна подержанная жена? Пелена безмолвия со звоном лопается в ушах Лиз, девушка даже гложет на миг от шума листьев, звона птичьих голосов. Рука Стронберга быстра, а Лиз ещё быстрее, брат научил её, куда бить. Ах! Марис не пал на колени, но стоял, согнувшись, пока дрянная девчонка, сверкая пятками, удирала от него. Беги, беги до поры, милая. Сочтёмся.

Глава 5

От радостных хлопот Лаймен Стронберг помолодела, летала ровно птичка. Сын вернулся! Живой, здоровый, не в нищете, судя по его словам. Разговоров о вступлении в брак с поместной крестьянкой Марис больше не затевал, видно, сам понял неразумность своей идеи. Лаймен фыркнула. Надо же, честь! Честь следует блюсти при отношениях с себе подобными, но не к букашке, копошащейся в грязи. Слава светлomu Господу, эта опасность миновала. Однако не следует забывать о другой. Марис обмолвился, что у него есть дом и где-то в других краях, а значит, он может уехать. Снова. Вдруг навсегда? Её материнский долг состоит в том, чтобы привязать его к Швеции. Чтобы и помыслить не мог... А что лучше жены привязывает к дому? Нельзя с этим затягивать, подобрать ему милую девушку из приличной семьи. Лаймен села за письменный столик и занялась списком кандидатур.

Нужна симпатичная, молодая, пригодная к деторождению. После женитьбы Марис прикупит кусочек коронных земель, есть такой с восточной стороны родительского поместья. Отстроит дом, и займутся наследниками. От Рея с Аде внуков уже не дожидаться, понятно. У Аде было два выкидыша, больше она не хочет пытаться, украдкой пьёт какие-то травки, чтобы избавить себя от тягости. Ходят слухи, у Раймонда есть девка в деревне – да вот сестра этой самой Лизы.

Тоже скидывала ребёночка, говорят. Не в женщинах дело, похоже, а в Раймонде. С изьяном старший сын вышел. Лаймен вздохнула. Пусть уж Марис ей внуков и внучек народит, им дом и землю оставят.

На приглашение погостить с охотой на лис и настоящим балом откликнулись все семьи в дне пути от земель Стронбергов. Гостей съехалось без малого тридцать человек. Эмиль скрипел зубами при мысли о расходах, но и сам получал удовольствие от происходящего. Хорошенькие девушки не часто заглядывали в Стронберггард. Мамаш их развлекали Лаймен и Аделаида, заботы о мужской части гостей Эмиль разделил с Раймондом. Что же Марис? Марис спокойно наблюдал за происходящим. Учтив с девицами, предупредителен с матерями, ровен с мужчинами. Как ни старалась Лаймен, а так и не заметила, чтобы глаза его зажглись при виде юного личика. Невесты на выданье вели себя как положено – румянились щёчками, хихикали, роняли платки и перчатки, прикрывались веерами и расстреливали перспективного жениха откровенными взглядами поверх этих самых вееров. Предметы туалета с поклоном возвращались обладательницам, взгляды парировали холодноватой улыбкой учтивости. Да что ему надо, этому Марису? Основные надежды матери возлагались на бал. А утром охота. Лиса видели около озера, рыжего, матёрого. Подняли специально выдрессированных собак. Лошади перебирали копытами под ездоками. Звук рожка – охота началась.

Марис не слишком любил подобные развлечения. Чем виновата перепуганная тварь? К чему её смерть, съесть лису всё равно они не смогут. Меха её тоже матери не по статусу. Отдать шкуру Элизе? Марис усмехнулся, представив себе девушку в коротковатом, доставшемся от сестёр платьице и лисьем полушубке на плечах. Она скорее продаст шкуру торговцам и купит еды семье. При мысли о бремени, которое приходится слабой девчонке тащить на себе, улыбаться расхотелось. Красивая она. А что станет с её красотой лет через пять, десять убойного труда на огороде, землях барона, ухода за скотиной и беспрестанных, ежегодных родов младенцев Ресья? Этого нельзя так оставлять.

Когда Марис ехал сюда, планы его не простирались дальше явления перед поражённой и восхищённой девушкой в роли принца на белом коне. Жениться? Да пожалуйста, благодаря названному отцу он знает, что женитьба для мужчин – ещё не жизни конец. Женится, сделает ей ребёнка, уедет, снова проведает через несколько лет. Теперь-то он понимал, что оставить Элизу здесь, повесив к тому же на плечи дополнительный рот – верный путь к гибели и её, и ребёнка. Современная медицина медленно, очень медленно прокладывала путь в эти края. Если девочка не умрёт при родах, кормить ребёнка ей будет решительно нечем. Надо или отступить от неё, или забирать с собой. Названный отец не удивится, от него Марис не скрывал своих планов по исполнению долга чести. Марис представил себе северянку в рас-

калённых песках Аравии, и тут чувство юмора отказало ему. Впрочем, Элизу Линтрем в никабе и абайе вообразить легче, чем благородных дамочек, заполонивших нынче дом. Может, удастся её перевоспитать?

Ах, помяни чертовку!.. Ловкую девушку на камнях у Эльмарена Марис увидел ещё из-под деревьев. Свесившись наполовину с камня в озеро, она что-то перебирала руками. Заинтригованный, Марис Стронберг подъехал ближе, придерживая морду лошади, чтобы не заржала. Мелькнула серебристая молния, девушка издала торжествующий вопль. Рыба? Она рыбачит?

Когда Марис спешил, Лиза уже заталкивала в ведро вторую рыбину. Мельком мазнув баронского сына взглядом, девушка вновь распласталась всем телом на каменной гряде.

– Доброе утро тебе, красавица!

– Не шуми, рыбу разгонишь, а мне детей кормить.

– Не проще ли купить в лавке?

С высоты – пренебрежительный взгляд.

– За «спасибо» не продадут, а у нас нет лишних эре. Мать несколько шалей связала и продала, так эти деньги пойдут на дрова к зиме.

– Помощь от меня ты, конечно, не примешь?

Оставив мысль о рыбалке, девушка уселась на камне метрах в десяти над его головой, преувеличенно небрежно качнула ногой.

– Слышала я, есть такие женщины в городах, они готовы

на всё за «помощь». Твою милость они уже заждались.

Слова были ещё ничего, но выражение лица! Дерзкое и оскорбительное до невозможности. Марис поставил ногу в охотничьем сапоге на нижний камень.

– Слезай, птичка.

– Нашёл дуру! – фыркнула Лиз. Нервно глянула за спину – видимо, уходило время, пригодное для ловли рыб.

– Ты всё равно не сможешь просидеть там несколько дней, – увещевал Марис.

– Так и ты не сможешь, барончик. У вас же сегодня та-а-анцы, – с непередаваемым презрением протянула девица. Насмешка оказалась булавкой, проткнувшей пузырь терпения Мариса. Мужчина вмиг скинул сапоги. И полез вверх. Откуда ей было знать, что он ни дня не пропустил физических упражнений – бег, подтягивания, тяжести, бои на мечах? Девушка завизжала. Стронберг приближался с невероятной скоростью. А куда ей бежать? Забравшись на самый край каменной гряды, Лиз поглядывала в сторону вод Эльмарена. Прямо под ней было очень глубоко, а плавала она неважно. Может, лучше потонуть, чем лишиться девичьей чести? Крепкие пальцы схватили её за ногу.

– Ещё чего, – задыхаясь, пробормотал Стронберг. – Будет она разыгрывать тут самоубийцу!

Рывком он перетащил девушку на относительно ровный участок между камней. Утёр пот со лба.

– Будь прокляты эти гости, два дня уже не занимался. И

вино пить приходится, а это не путь воина.

– Чего? – девушка уставилась на него. – Ты не заболел, твоя милость? Какие вы воины, вы жирные кровососы, пирующие на наших заливках! Год за годом... – умелая подсечка выбила из неё храбрость и дух. И вот она снова на коленях Стронберга, только почему-то ягодицами кверху. Платье задрано, а белья она не носит совсем, подобная роскошь для богатых. Минута промедления – и первый увесистый шлепок.

– Поговорим об уважении, фрёкен Элизабетта. Лекция первая... вторая... – на пятой грозный профессор остановился, но не убрал руки с полушарий горящего огнём зада. Корчась от унижения, Лиз строила планы мести.

– Я убью тебя!!!

– Нет... – ладонь начала оглаживать ягодицы. – Ты станешь моей женой, как было уговорено. Но здесь не останешься, я увезу тебя далеко-далеко, где у меня дом. Будешь почтительна к главному человеку в моей жизни... будешь скромна... будешь лежать голая в моей постели... – пальцы скользнули между ног.

Лиз с воплем скатилась в сторону. Ушиблась, конечно, зато платье одёрнула. А в руке уже камень. Она прищурилась:

– Не подходи, пёсий сын. Убью и скину в озеро, пусть ищут потом.

Стронберг вставать не стал, лишь головой мотнул, и мягкая дымка в глазах рассеялась без следа.

– Не дури, девочка. Было бы за что меня ненавидеть...

– Ты целый год травил меня в детстве!

– Глупый был. Казалось, камень на шею отцы повесили.

А теперь думаю – подвеску с бриллиантом не узнал.

В драгоценных камнях Элиза не разбиралась, зато понимала кое-что в мужском вожделении.

– Думаешь, всё так просто, всё будет, как ты решил?

Стронберг пожал плечами.

– Уж нет, твоя милость, обломай аппетиты. У меня свадьба. Не тебе вмешиваться.

– Дурочка, – Марис снисходительно смотрел на неё. – Что ты мне сделаешь? Твой отец отдал тебя мне.

Лиз сияла.

– На десять лет! Было условие, что договор расторгается, если за десять лет помолвка не будет подтверждена браком.

– Или если невеста окажется не девственницей, – непонятная улыбка блуждала по лицу Мариса. Он встал, сразу оказавшись выше её ростом. – Так ты девица? – взгляделся в покрасневшее лицо Лиз, махнул рукой. – Разумеется, чего спрашиваю? Вот доука. Придётся тебя не только дефлорировать, но и обучать с нуля всему.

Лиз Линтрем захлебнулась негодованием. Впервые её главное сокровище так обесценили.

– Можешь не напрягаться, господин барон, – с презрением, годным для высокородной дамы, процедила она. – Найдутся учителя.

Марис надулся.

– Я всегда честно выполняю взятые на себя обязательства.

Сопя, словно паровоз – экзотическая пока новинка для Швеции, девушка поползла по камням вниз. Рыбалку сорвал, и... и вообще отвязаться от него не удалось.

– Эй, рыбу свою держи! – свесившись вниз, парень протягивал ей ведёрко. Лиз не удостоила его словом и взглядом, молча вырвала из руки ведро. По дороге к лесу миновала лошадь, стоявшую без привязи, валяющиеся рядом сапоги. Мелькнула злая мысль увести у барончика и то, и другое, пусть потом рассказывает гостям, как оказался в лесу босым и пешим. Но что она будет делать с этой лошастью? На крупе – клеймо Стронбергов, её не продашь, а выпорют вора уже не ладонью и посильнее, на баронских конюшнях.

– Лиз, а, Лиз! – снова донёсся крик, не успела она пройти полдороги до леса. Нехотя обернулась. Младший балансировал на верхней кромке камней, куда лишь она до сих пор не боялась вскарабкаться. И ещё осмелился послать ей оттуда поцелуй!

– Лиз, приходи вечером к нам на танцы, – он передразнил её интонацию. – Взорвём местечко? Будет весело!

Махнув рукой, он с подпрыгом бросился в озеро под камнями. Да ещё сделал кувырок в воздухе, позёр!

Лиз не стала дожидаться его появления. Пусть бы и голову себе разбил, идиот.

Глава 6

– А вы уже все танцы обещали, господин барон? – Ханна, весьма интересная дочь соседей с запада, жеманно поглядывала из-за веера. Всё в ней было неплохо, кроме глупости, так и пёршей из голубых овечьих глаз, да бюста четвёртого размера. Грудастых баб Марис не любил, а тех, кто использовал свои два сокровища в качестве тарана – тем более.

– К моему величайшему огорчению, фрёкен Эсфельт, увы, да. Но боги не могут быть так жестоки, и нам обязательно предоставится возможность составить тур.

Удовлетворённая питониха оставила его, и Марис поспешил укрыться в каморке под крышей. Его комната была временно отдана в пользование гостям. И что им здесь всем, мёдом намазано? Ну, мамочка, погоди, сын припомнит тебе эту игру в сваху! Он не хотел тревожить её известием, что планы насчёт Элизы Линтрем только укоренились. Мать обезумеет от негодования, сделает его жизнь невыносимой. А как же ухаживать за девушкой в сложной обстановке? Лиза уедет с ним, это не обсуждается. Но уехать тоже можно по-разному. С кляпом, связанной и в мешке или основательно попрощавшись со всеми родными, обещая писать и лучась надеждой на будущее. Кстати, уже можно знакомиться с её семьёй. Он собирался объяснить Лиз, что вся её семья, стареющая мать и сёстры, будут пожизненно обеспечены им,

Марисом, не узнают больше нужды, не погибнут от голода и холода. Это потребует от него ничтожных расходов – меньше, чем усилий на изучение отчётов от управляющего. Даже лучше, если она будет чувствовать себя ему обязанной. Искренние чувства – это хорошо, но что-то пока у искренних чувств Элизы неправильная полярность. Только встречаясь, они сразу становятся похожи на злую кошку и мальчишку, дёргающего её за хвост. Где же неровные удары сердца нежной барышни, блеск глаз, плохо скрывающий возбуждение, поцелуи и стоны под луной? Барышня скорее огреет его лопатой, чем бросится в объятия. Марис вспомнил уроки отца на тему покорения девушек и ухмыльнулся. Ничего, с барышней поработаем, а собственное нетерпение укротим.

Дом Стронбергов сиял, как огни, которыми, говорят, украшают улицы и деревья в городах. Было понятно издалека и каждому – у хозяев торжество, гости. Деревенских девчонок, служащих в поместье, третий день не отпускали по домам. Днём и ночью слуги удовлетворяли капризы гостей, стирали да наглаживали рубашки, камзолы, чулки, дамские наряды. И что это госпоже баронессе приспичило? Нет вроде повода веселиться. Последний раз так праздновали три года назад свадьбу Раймонда Стронберга и Аделы Рума. Лиза ненавидела те дни. Как раз в час принесения клятв в часовне, её сестра, слабая после выкидыша, попыталась утопиться. Хорошо, люди заметили, как Линета брела к озеру, бросились за Георгом, а тот вытащил сестру из воды. Дев-

ка Стронберга – по-другому Линету в деревне и не называли. А она виновна лишь в том, что любит этого проклятого Раймонда! Что с дуры-бабы возьмёшь? Любит она. Холостого ли, женатого... Эта история заставила Лиз окончательно возненавидеть баронский выводок. И самого барона, и его жену. Один раз Лаймен пересеклась с Элизой, а уж глянула так – с презрением, недоумением, гадливостью, что до сих пор мурашки по коже, от одного воспоминания. Тогда что она, Лиза Линтрем, делает в ночной час здесь, на ограде баронского сада, одетая, правда, хуже некуда – в старые штаны брата, верёвкой стянутые на талии, иначе свалятся. На ногах – драные туфли без каблуков, тело прикрывает домотканая рубашка. Вот она хотя бы хорошая, с вышивкой – мама вышивала. Волосы стиснуты в небрежную косу, отрезать бы, да убьёт Андрес.

– Привет, – на дорожке стоял младший отпрыск, перекрывая плечами свет от дома. Плечи у него и вправду на загляденье, мощнее выглядит разве Георг. Такой и коня поднимет над головой, не охнет.

– Как тебе развлеченьице? – Стронберг мотнул головой назад, туда, где виднелись разряженные дамы и кавалеры.

Лиза пожала плечами.

– А что мне? Главное, чтобы тебе нравилось. Это твой мир. Чего от них сбежал-то?

– Ненавижу, – одним словом обозначил своё отношение к развлечениям элиты Марис Стронберг. – Скучно это. На-

стоящий мужчина заниматься таким не будет. И холодно у вас здесь, отвык я, – он поёжился.

– У нас здесь? – Лиз как-то не испытала любопытства, где он пропадал. Хоть в преисподней, жарился у чертей на сковороде. – Это твоя родина, барончик, между прочим.

Марис Стронберг шагнул вперёд, ухватил болтающуюся в воздухе голую ногу, влез вправду ледяными пальцами под штанину – Лиза аж взвизгнула.

– Слушай, Лиз, – голос его был странно смущённым, – а ты не могла бы меня так не называть? Ну да, знаю, мучил тебя, был козлом, уродом – но что же меня, теперь до седин травить? – он помолчал, но и девушка настороженно молчала. – А знаешь, что я про тебя знаю?

– Что?

– Ты по-французски говоришь.

– Откуда это...

– А мне отец сказал, что твой отец так возгордился после помолвки, что упросил нашего с Реем учителя французского языка давать и тебе уроки.

– Папа ему состояние отвалил, – с горечью добавила Элиза. – Нет бы подумать, на что мы будем жить... потом, да откладывая помаленечку. А он всё мечтал да приговаривал: «Каков я, дочку из крестьян и в баронессы!». Спасибо, папенька, – она поклонилась в темноту, – осчастливил убогую!

– Да, – Марис помолчал. – Это он зря. Тебя не примет это общество, даже со знанием французского языка. От деву-

шек ждут происхождения, умения музицировать, петь, подбирать наряды и управлять слугами. Жениться-то я на тебе женюсь, а только на растерзание матери не оставляю.

Девушка дёрнула пленённой ногой, да так резко, что едва не попала Стронбергу по носу.

– Нужны мне твои милости, барончик!

– Лиз.

– Ой, ладно, извини. Извини! И проваливай. Что ты мне покоя не даёшь? Я люблю Андреса Ресья и хочу за него замуж. Ещё раз повторить? Я люблю...

Воспользовавшись ослаблением её внимания, Стронберг дёрнул девушку за обе лодыжки – и поймал, смягчая удар.

– Малышка, пойми, от тебя уже ничего не зависит.

– Отпусти меня! – Лиз дёрнулась в его руках, затихла и хитро прищурилась. – Так тебе, говоришь, девица нужна? А я на многое могу уговорить Андреса.

Руки Стронберга конвульсивно сжались и тут же расслабились.

– Мне поискать возможность посадить тебя под замок? Ну попробуй, уговори. Будет доживать свой век евнухом-инвалидом, без рук, без ног.

Пока Лиз гневно сопела, Марис перешёл к изучению её наряда.

– Забавные штаны, двух таких, как ты, в них посадить можно. А если дёрнуть за эту верёвочку?

– Руки убери.

– Душа моя, я только начал! А под ними по-прежнему ничего? А под рубашечкой?

– Послушайте, господин хороший, – девушка напряглась, – здесь все так одеваются. Когда каждый в старой одежке, мы уже и не так бедны. Вот по сравнению с вашей матушкой...

Марис бросил атаковать грубую ткань.

– Не надо сравнивать. Ну, носит она на себе десять слоёв одежды, так с детства привыкла же. Ты можешь представить себе мою мать в одной рваной юбке и без исподнего?

– Моя так и ходит, – по горечи в голосе стало ясно, что попытка Мариса пошутить не удалась. – Болеет зимой всё время, говорит, внутренности печёт. А что поделать? У нас на уголь денег не хватает. Одежду уж перешиваем по сто раз...

– Лиза, твои родные ни в чём не будут нуждаться... – чутьём воина Стронберг понял, что сейчас получит в нос, и дёрнул голову, уходя с траектории свистнувшего кулачка. Девушка рядом шипела, как кошка.

– Стронберг, я не продаюсь!

– Тогда просто потанцуй со мной, – в доме заиграла музыка, выплёскивающаяся через раскрытые настежь дверь в сад.

– Да я не умею, – выдвинула Лиз следующий аргумент. Марис обхватил всё её тело тёплыми руками.

– Всего лишь не сопротивляйся.

Они покачивались, словно лодочка на море, несколько минут. Лиз удивлялась настроению Стронберга. Чего он

привязался к ней? Вон сколько хорошеньких барышень съехались в гости к ним. А её уж не дразнил бы, оставил её крестьянскую долю. Неужели и вправду не даст выйти замуж за Андреса? Она так любит его... Лиз захотелось развеяться от понимания своей беспомощности. Помолвили – не спросили, замуж не пускают – и тоже не спрашивают...

А Марис думал про сладкое, тёплое тело в его руках. Девочка идеально подходит ему. Он оденет её, отмоет, покажет мир и миру. Какой она будет мягкой, нежной и узкой, когда он впервые войдёт в неё! Как будет захлёбываться в благодарностях, когда поймёт, что мать её вылечена, а сёстры пристроены замуж за надёжных мужчин! Одну из них можно и Андресу Ресья отдать, если не станет дурить парень... Лиз неосторожно приподняла голову, не успела и охнуть, как Марис Стронберг её поцеловал. Губы его были, в общем, приятные, не агрессивные, не слюнявые, тёплые и расслабленные. Но семнадцать лет – не возраст компромиссов. Как он посмел замахнуться на принадлежащее Андресу?! Марис ощутил упирающийся в его нижнюю челюсть крепкий кулачок. Мечты с прощальным звоном брызнули феями по сторонам.

– Что ещё? – без восторга уточнил Марис. Девушка демонстративно отёрла губы.

– Совсем обалдел? Я – невеста Андреса!

– Завтра продам его служить на границу, – пробормотал Марис. – Надоел он мне. Ни разу не видел, а уже надоел.

Лиз встревожилась. У Андреса не было статуса свободно-

го крестьянина, имеющего право переезжать на новое место без согласия владельца земель, и Стронберг мог – действительно мог! – продать его в королевские войска.

– Не тронь Андреса, слышишь?!

Стронберг гадко ухмыльнулся.

– А ты уговори меня.

– Я убивать обучена, не уговаривать, – парировала девушка. – Ухвачу тебя, как петуха, подмышку да шею сверну!

– Подпрыгни только повыше, забияка.

Вдали послышалось игривое девичье ауканье, на несколько голосов выкрикивающее его имя. Марис встревожился.

– Ну всё, давай подсажу, иди отсюда. Рано им про тебя знать.

Лиз ещё бы поспорила, что знать тут как раз и нечего, но ей самой не хотелось прослыть в деревне очередной девкой очередного Стронберга. Лучше без обсуждений... пока.

Глава 7

Женщина была старой, замученной. По своему фактическому возрасту Мелисса Линтрем вряд ли обгоняла Лаймен Стронберг, но от лишений и горестей смотрела на мир старушечьими глазами. Она хлопотала вокруг почётного гостя, не зная, куда его посадить и чем угостить, своим подобострастием невольно – или намеренно – оттягивая момент объяснения; а все её семь дочерей, включая самую младшую, пятилетнюю Марселу, стояли у стены, с самым мрачайшим видом взирая на посетителя и даже одинаково сложив руки на груди. В миндалевидных глазах Элизы, впрочем, таился страх – появление бывшего жениха не сулило ей ничего хорошего. Старший, известный в селении своей вспыльчивостью, их брат, к счастью, отсутствовал.

– Мелисса! – властным тоном Стронберг прервал монотонное воркование хозяйки ни о чём. И, когда её голубые глаза тревожно вскинулись на него, сбавил тональность. – Я должен поговорить с вами, Мелисса Линтрем, о серьёзных вещах и поэтому прежде всего попрошу, чтобы вы удалили отсюда детей.

– Да, конечно, – суетливо закивала несчастная женщина. – Нонна, Мирабела, уведите малышей!

Двойняшки одновременно мрачно насупились:

– Да, мама.

– Я имел в виду всех детей, – уточнил Марис Стронберг.

Золотистая загорелая кожа Элизы сперва полыхнула жарким румянцем, а затем побледнела, как смерть.

– Интересно, – хрипло заговорила она, – до какого возраста девушка считается ребёнком? И думали ли вы, что я дитя, когда предлагали мне переспать с вами?

– Лиза! – резким окриком остановила её мать.

– Конечно, конечно, мамочка, я уйду, – но ещё долгую череду секунд, почти минуту не отрывала она взгляда от холодного и пресыщенного, ненавидимого лица, сражающего наповал своей ледяной привлекательностью. Даже пушечный выстрел не мог потревожить бесконечного эгоцентризма Мариса Стронберга.

Проследив непроницаемым взором траекторию закрывающейся двери, богоподобный блондин устремил мёрзлый взгляд на мать Элизы. Его голос был холоден и бесстрастен:

– Вы знаете, с какой целью я здесь, Мелисса?

– Наверное, – неловко поёрзав, неохотно выдавила женщина из себя. – Говорят, вам зачем-то понадобилась моя дочь.

– Да, – отрывисто бросил хозяин земель в напряжённое пространство между ними. – Ей почти восемнадцать, правильно? Если плодовитостью она пошла в вас, ей пора начинать рожать мне наследников. Со своей стороны обещаю ей максимально возможную помощь.

Немолодая шведка тяжело вздохнула, отвела взгляд в сто-

рону, словно даже смотреть на Стронберга ей было невыносимо. Вскормленной на сословных различиях, Мелиссе так очевидно не хотелось идти на конфликт, что мужчина напротив даже почувствовал лёгкий намёк на жалость.

– Господин Марис, я не знаю, что мне сказать вам. Элиза помолвлена. Но у меня много ещё более красивых дочерей. Вы можете хоть сейчас жениться на Нонне или Мирабеле, или Ренате...

– Остановитесь, прежде чем вы предложите мне самую младшую. Я не просил замены.

– Вы такой же упрямый, как и она, – во взгляде Мелиссы было страдание. – Дурная девчонка вбила себе в голову, что знает, чего хочет от жизни, и её уже не переубедишь. Она хочет Андреса.

– Продайте мне вашу дочь, – слова вырвались у него неожиданно, удивив самого Стронберга. Но мысль пришлась по вкусу. – Продайте Элизу.

– Как это? – с изумлением уставилась на него Мелисса.

– Очень просто. Ударим по рукам, я заплачу поставленную вами цену и увезу Элизу. И вы её больше не увидите.

– Она всё-таки моя дочь, я не могу так поступить с нею, – но по уныло опущенным рукам Мелиссы было понятно, что сил на борьбу у неё больше нет.

Однако Стронберг как-то слишком легко смирился с отказом:

– Ну что ж, есть много способов укротить дикую кобыл-

ку. Тогда отложите их свадьбу и приставьте какую-нибудь из младших дочерей быть рядом с Элизой, пока она встречается с этим своим. . . – он щёлкнул пальцами, – Ресья. Мне нужно время, чтобы приучить девушку к мысли об отсутствии у неё выбора.

– Вы всё-таки хотите жениться на ней, господин Марис? – он мог бы поклясться, что в безвольных светлых глазах Мелиссы сверкнула надежда.

– Вот именно. По двум причинам: мне нужен наследник и мне нужна красивая женщина в постели. Ваша дочь отвечает моим запросам, фру Линтрем. Что до манер и поведения в обществе – я воспитаю её.

Баронский отпрыск ушёл, а после его ухода Мелисса обнаружила под глиняной миской мешочек с серебряными монетами. И спрятала его до поры, понимая, что Элизе об этом говорить нельзя.

Глава 8

Эмиль Стронберг был недоволен.

– И где же невеста, госпожа баронесса? Не думайте, что я не понял, для чего вы затеяли этот бал. Только невесты-то нет, похоже!

Супруга ожгла его взглядом разочарования:

– У вас есть идея получше, драгоценный супруг? Очередной сговор о браке уже не сработает, Марис больше не мальчик, каким можно управлять. По-моему, он просто наслаждается жизнью. Давайте же возблагодарим Небеса, что история с крестьянкой забыта!

Забыта ли? Эмиль не был уверен в этом до конца, да и Лаймен, похоже, занималась самовнушением. Всё-таки девочка так свежа, молода и аппетитна... вот бы ему такую покорную до раболепия подстилку...

Чёрт, чёрт, чёрт! Jävlar, да и только... Что за проклятье преследует её? Ну и денёк выдался сегодня: с утра она сцепилась в очередной раз с матерью, и в самый разгар объяснений Мелиссы, какая дура её третья дочь, из поместья Стронбергов принесли неохватный букет волшебного украшенных оранжерейных цветов. Такого испытания терпение Лиз не выдержало, и посыльный удалился с надетой на голову корзиной, в одежде, осыпающейся сотнями благоухающих ле-

пестков. За утешением Лиз отправилась к Андресу, но вместо нежности и понимания получила ещё один по-женски истеричный скандал: до Андреаса Ресья тоже дошёл слух о том, что его наречённую видели в компрометирующем обществе Стронберга. Даже слёзы не помогли на этот раз: Андреас всерьёз надулся и ушёл в дом, бросив её рыдающей у ограды. От неё отказались все – жених, мать, и только проклятый Стронберг, разрушивший всю жизнь Лиз, ждал и желал её. Эта мысль вогнала её в беспросветное отчаяние. Господи, ну случается же по твоей милости, что человек, который ей отвратителен, по-настоящему сходит от неё с ума! Вся напоминая бурлящий горячий источник, кипя и клокоча от негодования, Элиза вместо работы на огороде взбунтовалась – отправилась купаться на озеро в лес. Эльмарен не успокоил её, он оказался слишком тёплым, чтобы остудить кипящие чувства, и хмурым, неразговорчивым. Ей следовало обратить внимание на небо – спустя двадцать минут упрекнула себя Элиза, когда разверзлись небесные водохранилища и она искупалась второй раз, теперь уже в одежде.

Она постояла чуть-чуть под деревьями, но ливень и не думал прекращаться. Пора было искать убежище понадёжнее ветвей, с которых лилось ей на голову ничуть не меньше, чем с неба. Волосы Лиз в момент превратились в тусклые мокрые водоросли, юбка липла к коленям, а рубашка – к груди. Как неприятно... Зачем-то отжав подол, Элиза бегом бросилась в сторону деревни.

И ей повезло. Метрах в трёхстах от кромки леса, посреди луга, стоял сарайчик для сушки скошенной травы. Сейчас, когда до наступления первых холодов оставалось совсем немного, сено уже было всё убрано внутрь – а значит, она, по крайней мере, сможет там согреться после неосторожного свидания с Эльмареном.

Дверь была чуть-чуть приоткрыта, а замка на неё отродясь не вешали. Были в деревне более важные объекты, которые следовало защищать. Лиз проскользнула внутрь и окунулась в невероятно пахучую гамму сохнущего сена. Места, правда, чтобы развесить промокшую одежду, было совсем немного; но вещей у прячущейся от дождя девушки – и того меньше. Если развесить юбку и рубашку на стропилах, они высохнут до утра; а сама она зароется глубже в сено, да заберётся повыше и пересидит без нитки на теле, прикрытая волосами.

Рубашка была уже на полпути к снятию, закинута на голову, когда сзади раздался предупреждающий кашель.

– Не то чтобы мне не нравилась твоя спина...

Лиз взвизгнула и заметалась. Мокрая ткань снова шлёпнула по холодной коже.

– Ах, твоя милость, чтоб тебя! И чего дома не сидится? Смотри, какое ненастье!

– Мне вот захотелось экзотики, на сеновале переночевать, – Марис Стронберг ей улыбался с горы сена и даже – мерзость какая! – подмигнул.

Лиз нерешительно выглянула наружу, но дождь усерднее

прежнего месил грязь.

– Наши мысли совпали?

Лиз не отвечала. Парень съехал со скирды сена, весь такой чистенький, сухой, безупречный, в белой батистовой рубашке с завязками на груди, в светлых штанах. Ему-то тепло и сухо...

– Промокла, – констатировал он заметный всякому глазу факт. – А вдруг простудишься? У женщин с этого часто бывают осложнения... по девичьей части.

– По девичьей части у меня осложнения от тебя! – огрызнулась Элиза. – Шёл бы ты своей дорогой, барончик... – она вздрогнула от увесистого шлепка. Марис с неудовольствием посмотрел на мокрую после встречи с её юбкой руку.

– Фу, противно как, будто лягушку потрогал. Насиловать мокрую женщину как-то душа не лежит. Раздевайся!

Лиза стояла, раскрыв широко глаза, застигнутым врасплох зайцем.

– Раздевайся! – уже с раздражением повторил господин. – И прекрати трусить. Наденешь мою рубашку. Гардероб, сама понимаешь, остался в доме, – голос его звучал невнятно из-под ткани, что Стронберг стаскивал с себя. Оставшись наполовину обнажённым, пихнул рубашку в руки Лиз. И отвернулся.

– У тебя три минуты, чтобы отмереть, – предупредил он. Лиз не решилась уточнять, что будет потом. «Потом» не в её интересах. Вздохнув, она сбросила мокрую одежду с себя, на

миг поднесла к лицу рубашку Стронберга. Чистая... тёплая, ароматная... небось с деликатным мылом стирают, которое для мытья. Подруга Лиз, работающая в господском доме, однажды принесла в листике с дерева немного такого мыла – мягкого, словно свечка. Оно было розовое и пахло розами. Сама Лиз и дети по-серьёзному мылись раз в месяц, когда в деревне топили общую баню для жителей – на дрова скидывались все. Волосы промывали смесью из глины и топлёного сала, а потом полоскали отварами трав. Так что грязнулей Лиз не была, но и розами не благоухала. Рубашка же Стронберга была вещью из другого мира. А что ей сомневаться, он сам отдал! Лиз быстро натянула предложенную вещь. Обрадовалась, что та не слишком коротка для её роста, прикрывает бёдра.

Девушка хозяйственно выжала и развесила брошенную одежду, вставая на кончики пальцев, чтобы дотянуться до стропил. А обернувшись, наткнулась на пристальный взгляд Мариса. Начала краснеть, гадая, как много тела он видел под задирающейся рубашкой. Потом вспомнила руку Стронберга, шлёпающую возле озера её голый зад, и краснеть раздумала. Большого он увидеть не мог.

Забравшись повыше в стог, Лиз села, целомудренно натянула на колени подол. Марис улёгся рядом, с едва заметной улыбкой разглядывая её. Лиза подумала, что Стронбергу вообще не свойственно широко улыбаться, это не Андрес, готовый бегать вокруг с улыбкой до ушей, кипучей энергией.

Андрес был... своим парнем, простым и понятным, без тайников и лабиринтов в характере. Радовался – хохотал, злился – смурнел и бил сразу. Тонкие разговоры намёками были не для него. Зато и сомневаться в его чувствах Элизе не приходилось, о них Андрес кричал на всю деревню петухом.

– Тебе нравится такая жизнь, Лиз?

– Да что в ней может нравиться, – автоматически ответила девушка, продолжая думать о своём. – Дети всегда голодные, одежды не хватает, жалуются на холод.

– Тебе тоже холодно...

– Да что я! Я потерпеть могу, а вот сёстры маленькие. Их надо учить читать и писать, этим Селена занимается, она грамотная, – в голосе Лиз мелькнула гордость за сестру. – Она хочет уехать в город и устроиться работать на фабрику.

– Это тяжёлый труд, – перевернувшись на спину, Марис заложил руки за голову и смотрел в потолок. Женское любопытство заставило Лиз глянуть разок-другой на упругие выпуклые мышцы груди. Хорош... а кожа не белая, как у всей господской семьи, а даже коричневая. Как будто тяжко работал под жгучим солнцем. Следующие слова Мариса хлестнули кнутом.

– Многие женщины устают от него и выбирают женский путь.

– В содержанки? – Лиз взвилась, готовая прочитать лекцию о морали и достоинстве. Стронберг утихомирил её простым.

– Сoderжанки – это элита. Сотни становятся гулящими. Зарабатывают своими телами при трактирах и на улицах, стареют, изнашиваются, болеют. Нередко их убивают мужчины, заражённые дурными болезнями. Нет уж, в деревне лучше, тут свобода и чистота.

– Свобода для господ, – Лиз пожала плечами. – Прикажет мне завтра господин барон бросить всё и явиться работать к нему в дом – у меня нет выбора. Некому жаловаться, если он захочет меня убить.

– Нужно больно!

– Знаешь, твой брат надругался над моей сестрой, когда Линете было пятнадцать. Он не думал, что после этого Линету замуж не возьмут. Какое до этого дело хозяину? Это потом она придумала, что любит его, чтобы хоть как-то оправдать, что продолжает жить, а не утопилась. Матери запрещают дочкам с ней разговаривать, можно только кидать камни и плевать. А ты говоришь «дурные болезни», – Лиз снова вздохнула. – Если на солнце заглядываться – можно остаться без глаз. Вот Лин и сгорела.

– Они продолжают... встречаться?

Лиз улыбнулась осторожности формулировки.

– У вашей семьи есть домик в лесу, твой брат то и дело таскает туда Лин. Как с женой поругается, так и едет туда.

– А жизнь хоть как-то облегчает? Денег там, дров, мяса...

– Хорошо, что ему в голову это не приходит, – слишком уж ровным тоном проговорила Лиз. – Верну всё. Можно

иметь сестру-идиотку, но не продажную.

Стронберг смотрел задумчиво на стропила крыши. Что он мог ей ответить? Что гордость – слишком большая роскошь для женщин её сословия? Глупая девочка, ещё вся в иллюзиях по поводу своего места в мире...

– По-моему, я тебя ненавижу, – вдруг спокойно проговорила Лиз.

– Ты так думаешь? – тон Мариса был нейтральным.

Девушка тряхнула своими удивительными розовыми волосами.

– Да. Смотрю на тебя и чувствую так... аж дыхание заходится. В голове одна мысль: напасть, расцарапать, покалечить твою смазливую мордочку...

Стронберг заинтересовался, повернулся на бок к ней.

– Ты думаешь, я красивый?

– Я думаю, что ты гад, – Лиз не стала таить чувства.

– Отчего так?

– А по тебе не скажешь, когда будешь бить, когда полезешь с поцелуями...

– Как только попросишь.

– У Андреса всё не так. Мой Андрес ясен, как вода в ручье. Смотрит зверем – будут неприятности, а улыбается до ушей – весь мой.

Марис поморщился.

– Вот без лекции об особенностях Ресья я вполне мог обойтись.

Лиз светло улыбнулась ему.

– Ты сам спросил.

Ох, не проста его девочка, отнюдь не проста! И зубаста. Вытянув руку, Стронберг провёл ладонью по голой ноге Лиз. Девушка словно ошпаренная метнулась в сторону, запуталась в мягком, проваливающемся под ногами сене, упала. Да неудачно, её нижняя половина оказалась ближе к мужчине, чем руки и голова. Элиза застыла напуганным зверьком, однако Стронберг вроде не собирался набрасываться на неё и насиловать. Дольше лежать опрокинутым пугалом было глупо. Старательно одёргивая рубашку, Лиз подтянула ноги к груди.

– Иди сюда, жертва землетрясения. Хочешь спать? – Стронберг выглядел умиротворённым. – Люблю дождь. В Швеции он особенный, покойный...

Ловкими движениями баронский сын разложил одеяло на сене, какое-то особенное, тоненькое, но сухие травинки уже не кололись через него.

– Иди ко мне, – повторил Стронберг, – я тёплый и безопасный.

– Целовать больше не будешь? – Лиз не смогла удержаться от касания больной темы.

Марис долго смотрел на неё сонными карими глазами.

– Буду. Наверное. Не могу только точно сказать, когда.

Лиз замолкла, обдумывая странный ответ. А Марис тем временем подгрёб её, прижимая к тёплому твёрдому боку.

Покрытому только кожей.

– Разреши мне касаться тебя.

Девушка дёрнулась, прикрывая руками грудь. Стронберг неслышно рассмеялся.

– Там пока рано. Ты просто не знаешь всех своих чувствительных мест. Женщину можно распалить, не прикасаясь к груди, к губам и к... секретному холмику. А моя задача сейчас – усыпить тебя.

Лиз втянула ноздрями солёный и терпкий запах мужского тела. С тобой, пожалуй, уснёшь... Длинные пальцы Мариса обежали, легонько касаясь, её лицо, проникли в волосы и начали невесомо массировать, чуть потягивая пряди. Лиз устыдилась, что волосы её мокрые, свалявшиеся от дождя; но Стронберга это вроде бы не смущало. Было приятно. Сама не заметив, Лиз носом почти уткнулась в мужскую грудь, запах Мариса больше не мешал дышать и не стискивал горло.

– Ты тоже можешь потрогать меня, – проворковал искуcительный голос откуда-то сверху. В сладкой пелене почти сна Лиз повела ладонью от крепкой шеи вниз, к косточке у горла, погрузилась пальцами в ямку, сползла на грудь. И тут же снизу её толкнула твёрдая и упругая часть.

– Ай!

Стронберг боднул её ещё раз. Лиз выросла в деревне и знала признаки, когда козлы, быки и псы становятся опасными. Мужчины, наверное, тоже? Неужели у них внизу есть такое же красное и отвратительное?

Марис почувствовал – что-то идёт не так. Руки его уже обнимали не девушку, а окаменевшую статую. Элиза практически перестала дышать и моргать, было件нятно, что тормозить её бесполезно. Девушка испугалась. А всё его нетерпеливый друг... Отстранившись бёдрами от Элизы, Марис продолжил в месмерическом ритме гладить её волосы. И тихонько мурлыкать монотонный мотив.

Прошло, наверное, минут пять, пока сведённые судорогой ужаса мышцы девушки дрогнули. Марису снова пришлось решать задачу. Усыпить её окончательно или продолжить образование? Пожалуй, усыпить. Она измучилась. А Лиза решила за него, уже тихонько посапывая подмышкой. Марис подумал... и отпустил тоже себя.

Такого уютного сна у неё ещё не было. Лиз иногда спала в общей кровати с младшими сёстрами, но эти бойкие котята не успокаивали, а вертелись и пинались, лишая надежды отдохнуть. А когда и спалось, то вполглаза, в режиме контроля за ситуацией. Одной в кровати было всегда холодно под стареньким одеялом, а кошек для ловли мышей или тепла в доме не привечали. В этот же раз были все условия: сено ароматное, никто не тревожит, за стенами шуршит дождь. Тёплые властные руки обнимают и держат её. Да только это не жених, не Андрес – и ему-то лежать рядом с Лиз было рано, а младший Стронберг. Барончик настолько лишён самосохранения, что позволяет себе спать вместе с ней. Лиз не хотела будить его, поэтому лишь повернула голову набок.

Спит. Лицо мягче, чем в бодрствовании, лишено напряжённой злости, ресницы мирно лежат на щёках. Они короткие, светлые и наверняка жёсткие, потрогать Лиз не решается. А губы, когда не сжаты, мягкие и пухлые, как у девчонки. Лиз смешно. Она фыркает, а через пару секунд Марис уже сонно чешет нос о её плечо.

– Проснулась, неугомонная? Как спалось?

– Замечательно, – отвечает Лиз, и Марис не скрывает удовольствия от её искренности.

– Чего же ты испугалась, девочка? – провокационно бормочет он.

Лиз честно пытается вновь впасть в оцепенение, однако страх с прежней силой не возвращается.

– Ты не такой, как я.

– И слава богу, – Марис тихо смеётся. Потом задумывается. – А как у нас с основами анатомии?

– С чем? – крестьянка смущается, но всё же смотрит на него. Марис вздыхает.

– Ты голого мужчину когда-нибудь видела?

Теперь Лиз сокрушена. Она отворачивается.

– Я не буду больше разговаривать с тобой.

Вот дурочка! И он дурак, что позволил себе надеяться отвергнуться от преподавания. Вопреки истинным желаниям собственника в себе. Нет, её опытности он не хотел.

– Иди ко мне, недоразумение. Другие девушки в твоём возрасте... – он обрывает себя, сообразив, что мысли Лиз

вновь свернут на сестру, и со сложившимся романтическим настроением можно будет распрощаться. По той же причине не стал говорить, что будь он на месте Ресья, давно бы уже побывал у невесты под юбкой. Он может сдерживать свои аппетиты, но меняться не собирается.

Стронберг натянул на лицо суровое профессорское выражение:

– Итак, господа студиясы, спросим себя: что же отличает мужчину от женщины?

– Ум, – буркнула Элиза. Брови Мариса, выражая приятное удивление, задвигались; но девушка безжалостно добавила.

– У мужчин его нет.

Кхе-кхе, как говорят опытные преподаватели, беря паузу на обдумывание. Ну да Бог с ним, с содержанием черепной коробки!

– Фрёкен Линтрем, вы искушаете меня соблазном удалить вас с лекции...

К его удивлению, Лиз смущается всерьёз, краснеет, по-детски оправдывается:

– Я ничего... а что я?..

Чудесная игра. Марис откашливается:

– Вернёмся к теме телесных различий. Женщина предназначена природой стать матерью и кормить дитя, поэтому у неё внутри есть тайная полость для вынашивания младенца и грудь с сосцами, из коих выделяется молоко...

– Корова, – печально вздыхает Лиз. Нет сомнений, когда

бы её допустили на лекцию в настоящем университете, она бы взбаламутила весь факультет.

– Строение живородящих самок похоже, – соглашается Стронберг, стараясь не обидеть её. И забывает дышать, когда тёплая мозолистая ладонка ложится ему на грудь.

– Марис... а где ты набрался этих мудрёных слов?

Ловя наслаждение звуком своего имени на её устах, он с трудом понимает вторую часть. Но понимает – и хмурится: она стремится разрушить отличную игру.

– Много ездил по миру, малышка. А можно, я изучу, правильно ли устроена твоя грудь? – ладонью он плотно обхватывает холмик размером с хороший апельсин. И прёт напролом. – Тебе для этого придётся поднять рубашечку.

Грудная клетка Лиз раздувается, как кузнечные мехи, и Стронберг догадывается – планирует завизжать. Другой рукой сноровисто закрывает рот девушки.

– Всё, всё, я уже хороший. Давай перейдём к строению мужчин?

Элиза крутит головой и рычит, а когда удаётся освободиться от его руки...

– Лучше мы перейдём к смертоубийству! У меня есть жених, сколько раз говорить?!

– Ага, и поэтому ты валяешься со мной на сеновале практически голая!

– Убью тебя, – Лиз разъярилась не на шутку. Волоски на загривке Мариса встали дыбом. И не смешно вовсе, даже

редкий зверь слон боится дикую мышь.

– Убивай, – он расслабился, закрыл глаза и раскинул руки, прикинувшись трупиком. Дохлая жертва не интересна практически никому.

Лиз презрительно сморщила нос.

– Ну, хватит. Если моя одежда подсохла, я буду собираться домой.

А вот этого Марис не собирался ей позволить.

– Домой? Лиз, на дворе глубокая ночь. Что скажет Мелисса, когда ты ночью постучишься в двери?

– Хорошо, что пришла, – но девушка всё же задумалась. Надевать сырую одежду и вылезать под дождь – он так и стучал по крыше сарая, во тьме шлёпать по скользкой мокрой траве да грязи...

– Останусь, если дашь обещание, Стронберг, не приставать ко мне.

Вздых Мариса – верх притворства.

– Не могу я этого обещать. Лучше скажу по-другому – ничего против твоей воли, тебе не будет неприятно.

Элиза снова легла на сено. Поёрзала, перебралась ближе к Стронбергу на одеяло.

– Я никогда не обращала внимания, что оно колется. Ты делаешь меня слабой, барон.

По крайней мере, не «барончик». Он, видимо, подросток в её глазах.

– Жить в грязи и лишениях не означает демонстрировать

свою стойкость. Только глупость и лень, нежелание выбрать-ся оттуда.

– Ты, я так понимаю, выбрался? Или прожигал деньги родителей?

Марис не обиделся.

– Убегая из дома, я взял с собой восемьдесят крон. Все прочие деньги за одиннадцать лет я заработал своим умом и трудом. Хотя ты считаешь, что у мужчин ума нет.

Он замолчал надолго, и это молчание заставило Лиз робко потрогать его за плечо.

– Не обижайся, я так не думаю... наверное. Я повторяла за мамой.

– У твоей матери, заметно, к отцу остался большой счёт. Восемь детей – и никаких сбережений. Зато одна из дочерей знает французский язык!

– Заканчивай потешаться.

– Лиз, ты точно не хочешь выйти за меня замуж?

Девушка только застонала.

– А ведь я могу увезти тебя во Францию.

– Не надо меня подкупать, – голос Элизы дрогнул. – Это нечестно по отношению к Андресу, у него-то таких возможностей нет.

– Да мне плевать на возможности Андреса! – заорал Марис. Сарайчик содрогнулся. – Я о себе думаю! Хочу тебя – и получу тебя! Ты знаешь, я могу поступить, как твой хозяин: просто взять и изнасиловать. Раз, другой, пока не потеряю

интерес к игрушке.

– Да зачем тебе... – пискнула Лиз.

– Зачем? А ну, дай сюда руку! – разжав её пальцы, он силой плюхнул ладонь себе между ног. Лиз заторможенно ощутила нечто, похожее на крупную варёную морковь, очень тёплое, теплее остального тела, плотное, но упругое. Под её пальцами оно ещё увеличилось в размерах и в крепости, ткнулось в ладонь.

– Ой, там что-то не так! Сломалось... я не виновата!

– Ещё как виновата, – пробурчал Марис. Ярость покинула его. – Вот это и есть основное отличие мужчин. Кроме чести, гордости и стремления защищать свою семью. Так что – станешь игрушкой или выйдешь за меня?

Лиз засопела.

– Не стану. Не выйду. Я – невеста Андреса. Можно просто принять мой выбор?

– Я знаю, что ты в нём не уверена. Пожалуй, продолжу искушать тебя.

– Ты... ты... – девушка не находила слов.

– Тиран? – весело подсказал Марис. – Узурпатор? Так точно. Всё, что я вижу и хочу, становится моим. Когда-нибудь я расскажу тебе о своей жизни, малютка. Если захочешь. А пока только одно: я жил здесь и рос, как в первозданном Эдеме, с философией, что мир существует вокруг меня. В последовавшие годы мой взгляд весьма изменился. Я вынужден был бороться за слишком многие вещи, цветочек, чтобы не стать

жадным. Голодный не насытится никогда. И я беру от мира всё больше и больше – всё, что он может мне предложить.

– Даже ненужное? – тихо произнесла Лиз. – Ведь я не нужна тебе.

– Это неважно, красавица, – он тут же поправился. – То есть было бы неважно, даже если бы ты была права. Но ты ошибаешься. Ты нужна мне настолько, что я прошу тебя выйти за меня замуж.

Лиз поморщилась, спрятав гримаску под спасительным покровом тьмы:

– Этот проклятый дух соперничества между мужчинами! Уверена, что если бы Андрес не предложил мне выйти за него, ты и мельком не посмотрел бы в мою сторону.

– Один.

– Что один? – не поняла Лиз.

– Один раз всё-таки бы посмотрел. Из любопытства. А там, – он пожал плечами, – кто знает?

– Еще не поздно, Марис Стронберг, – горячо зашептала Лиз. – Не поздно забыть, что ты увидел. Просто найди себе другую.

– Поздно, – Марис поморщился. – Когда я собирался сюда, звёзды мне предсказали, что тот человек, кем я был, обратно в Париж не вернётся. Я полагал, что всё это из-за встречи с семьёй. А рифы оказались совсем в другом месте. Поздно, – повторил он сухим, неутешительным тоном. – Теперь ты для меня единственная.

– Тебе будет больно, Марис, – из самых лучших намерений Элиза пыталась предостеречь его. – Я не хочу причинять тебе боль, что бы там когда-то ни произошло между нами. Ты не найдёшь со мной своего счастья.

– Счастье имеет разные лики, – Марис безрадостно рассмеялся. – Для кого-то оно в покое, для кого-то – в страдании. Я, кажется, из последних... Я нашёл свою женщину, и отныне ты можешь терзать меня, сколько вздумается, Элизабетта Линтрем, но я, словно рак, останусь висеть на твоей жизни. Я уже достаточно взрослый, чтобы уметь отличить любовь – пусть даже неправильную – от влюблённости. И буду повторять тебе о своей любви при каждой встрече.

– Сегодня, – зловеще заговорила Лиз, – ты имел наглость прислать мне цветы. Получил мой ответ? Так вот, если потребуется, чтобы жизнь моя вновь стала спокойной, убить тебя, моя рука не дрогнет. Давай лучше расстанемся по-хорошему, Стронберг.

– Я люблю тебя.

– Понятно. Это, конечно, даёт тебе право затравить меня до смерти.

– Лиз, ты слишком драматизируешь. Я не прошу многого – просто дай мне тебя познакомиться с истинным Марисом Стронбергом. И сделай трезвый, обдуманый выбор между Ресья и мной.

– Да что ты говоришь? – наигранно изумилась Лиз. – А мне-то, глупой, казалось, что у меня нет выбора.

Марис негромко засмеялся в темноте:

– Нет, почему же, есть... до определённого предела. Спать ты всё равно будешь в моей постели, красавица.

Вся полыхая от ярости, Лиз стукнула его по рукам.

– Проклятый обманщик!

– Мне кажется, я был с тобой честен, Элизабетта. Если тебе угодно расценивать ограниченный выбор как отсутствие выбора, я не стану тебе мешать. Но ты нужна мне, Лиз. Я хочу тебя.

– Не один ты, – неосторожно огрызнулась в ответ Элиза.

Медленная улыбка расплзлась по лицу Мариса, прежде чем он согласился с истинностью её слов:

– Абсолютная правда. Поэтому мне следует поторопиться.

Она почувствовала, как горячие руки Мариса скользнули под рубашку и легли на обнажённое тело. Больше он ничего не делал, только рассеянно водил по груди рукой. Но этого оказалось достаточно, чтобы словно удар молнии пронзил тело Лиз. Крупная дрожь сотрясла её, а соски сжались в комочки болезненной твёрдости и невероятной чувствительности. Лиз даже перестала дышать, поражённая этими новыми для нее ощущениями. Она, кажется, застонала или сделала что-нибудь такое же... поощряющее, если секунду спустя Марис Стронберг отшвырнул в сторону плед и навалился на неё всем телом, а в темноте слышались только шорохи срываемых им с себя штанов.

– Нужно ловить момент, чёрт побери, – вполголоса про-
бормотал Стронберг.

Лиз вмиг вся окаменела, чувствуя себя так, будто её,
высохшую и обогревшуюся, вновь выставили под ледяной
дождь.

– Отвали, идиот, – процедила она сквозь зубы, впиваясь
ногтями в склонившееся к ней красивое лицо.

Марис негромко вскрикнул, и девушка задрожала, подумав всего на миг, что сейчас он её ударит. Но Марис только смотрел на неё, не произнося ни слова. Лиз решила идти до конца, чтобы было за что нести наказание. Она ударила его по лицу:

– Это тебе за то, что ты – не Андрес. А это, – ещё пощёчина, – за то, что посмел приставать ко мне. И это ещё детские игры. В следующий раз я придумаю, как покончить с тобой. Так что беги из деревни, Стронберг, и не оборачивайся, – скомкав свою одежду и в ярости вырвав из-под Мариса его одеяло, которое она накинула на плечи, Элиза покинула сарай.

Она прошла оставшееся расстояние босиком по мокрой траве, в ночи, кляня себя и бывшего жениха за распущенность последними словами, а холод, пронзающий всё её тело, считая справедливым наказанием за грехи.

После этого происшествия почти неделю Лиз брала на себя самую тяжёлую работу, готовила, присматривала за детьми – а при таких младших сестрицах это было совсем не

просто, смиренно выслушивала поправки Мелиссы Линтрем, вымолила прощение у Андруса и во всём угождала ему... прося взамен у Господа Бога только одно – чтобы он убрал с её дороги Мариса Стронберга ещё раз и теперь уже навсегда. Почти неделю всё шло хорошо.

Но бог опять не вступил в предложенную ему сделку.

Глава 9

– Дай мне пройти, Марис Стронберг! – глаза светловолосой девушки, взятой им в плен, метали молнии. – Чёрт тебя побери, мне нужно работать!

– Не сердись, Лиз, – он едва не мурлыкал от удовольствия, – только скажи правильный ответ и тебе не придётся больше работать – никогда в жизни.

– Ха! – девушка высказала откровенное презрение к его столь щедрому предложению. – Не буду работать? Тогда чем же мне заниматься, Стронберг, скажи на милость?

– Ну, – он пытался вспомнить, чем занимались его светские знакомые в другой жизни – до встречи с Лиз. – Ты можешь принимать торговцев...

– Перестань! – Элиза решительно толкала его в грудь, награждая всё более сильными ударами. – Я крестьянка, Стронберг, не королева! Я приучена работать... работать... Да я загнусь в предложенном тобой раю на второй день от безделья!

Пронзающие насквозь глаза Мариса Стронберга сузились и искры в них сверкали подобно алмазам, голос звучал низко, протяжно и хрипло:

– А кто говорил, что у тебя будет время скучать? В медовый месяц я собираюсь заставить тебя трудиться побольше рабов на плантации.

– Что-что, а трудиться я умею, – мрачно подтвердила Лиз. – Вести дом, готовить, стирать, убираться...

– Тебе некогда будет заниматься этим, – прервал её Марис. – Собственно говоря, и на еду отвлекаться я бы не хотел.

Лиз изменилась в лице. Понимание сказанного окрасило её кожу сначала бледностью, а затем ярчайшей краской.

– А, ты всё об этом, – скучающе обронила она.

Глаза её наречённого потемнели, и уже одно это должно было предупредить её о небезопасности дальнейших выходов.

– Такой уж я примитивный, – процедил Стронберг сквозь стиснутые зубы.

– Я не то хотела сказать, – всё так же монотонно продолжила Элиза. – Ты каждый день красуешься передо мной своими мужскими способностями, как будто других талантов у тебя нет. И называешь это ухаживанием, – она печально разглядывала его своими чёрными, экзотически приподнятыми к вискам глазами. – Ухаживание – это приглашение к браку. А твоё – нет, твоё призывает быстренько спариться где-нибудь за сараем и разбежаться.

За свою дерзкую выходку она могла ожидать сокрушительной ярости Стронберга, но никак не его задумчивости. Пальцы Мариса легонько сжали её плечо:

– Я учту твоё замечание и поработаю над стратегией. Спасибо.

Почему-то именно в этот момент Лиз показалось, что она

сотворила нечто непоправимое, то, что погубит её совсем скоро. И она поспешила добавить:

– Но вообще-то я не понимаю, что ты нашёл во мне. Лучше тебе отказаться от этой глупой затеи и подыскать себе другую женщину. Есть и умнее меня, и красивее, и прекрасно воспитанные...

– Конечно. Но не могу, – словно бы извиняясь, Марис пожал плечами. – Чем-то ты зацепила меня. Своим недоверием, ненавистью, своим хорошеньким личиком – не знаю. Хотел бы я, чтобы ты оказалась прелестной пустышкой, которой для счастья достаточно бриллиантов, мехов, дома в Париже. Но ты сопротивляешься так яростно... Ты вся – сплошной клубок противоречий. А малышкой была такой покладистой... пока я не научил тебя ненавидеть.

– Я не долго мучилась этим, – опустив глаза, солгала Элиза. – Мне было достаточно, что ты уехал.

– Ты не ждала, не мечтала? – с недоверием переспросил Марис. – Не мечтала, что публично унизишь меня, когда я приеду, а потом милостиво согласишься и войдёшь в мой дом королевой, которой будут завидовать все подружки?

– Это принадлежит тому времени, когда я была рассерженной маленькой девочкой, Стронберг, – она мягко коснулась его рукава, а потом глаза Лиз подёрнулись дымкой мечтательности. – Я перестала вспоминать о тебе, когда полюбила Андреса. Ты больше не был мне нужен для самоутверждения. Если бы ты приехал немного позже, я уже была бы

самой счастливой на свете женщиной.

– Или самой несчастной, – цинично хохотнул Марис. – Подумай только, какой поднялся бы шум, когда тебя, замужнюю женщину, обнаружили бы в моей постели.

– В чьей постели? – тупо переспросила Лиз.

– В моей, милая, в моей, – Стронберг покрепче прижал её к себе, – я позаботился бы об этом. Даже если муж смог бы тебе потом простить измену, я не оставил бы тебя в покое и претендовал на отцовство каждого рождённого тобой ребёнка. Какой брак это выдержит, моя кошечка? Ну что, Элизабетта Линтрем, ты всё ещё хочешь выйти замуж за Андреса Ресья?

– Ага, – слабо пробормотала Лиз. – Ты не посмеешь.

Хищный оскал раздвинул губы Мариса:

– Приступим к эксперименту? Моя репутация уже ничего не стоит, и я с удовольствием займусь твоей. Для начала я заберу твою девственность. Во многом по практическим соображениям – я сделаю это, в отличие от Ресья, нежно.

– Откуда тебе знать о том, какой Андрес? Может быть, ты подглядывал, когда он заигрывал с какой-нибудь простушкой на сене? – несмотря на насмешливый тон, при одной мысли о возможности этого чёрная змея ревности грызла сердце Элизы.

У Стронберга хватило совести смутиться:

– М-м, я, наверно, преувеличил...

– Это уж точно, – сухо подтвердила Лиз.

– Но я не останавливаюсь на пути к цели, та there. Лучше откажи мальчику сразу, не заставляя его страдать.

– Ничего, – губы Лиз растянулись в пародии на улыбку. – Немножко страдания научит его ещё больше ценить то соковище, которое ему принадлежит.

– Ай-ай, моя сладкая, – Марис привольно опёрся о стену спиной, – когда дразнишь хищника вкусным кусочком, смотри, чтобы тебе заодно не откусили пальчики.

– Отвяжись, – Лиз в ярости затопала ногами, возвысила голос, ничего уже не видя, кроме красного тумана, перед собой. – Отвяжись, отвяжись, отвяжись!!!

Её ультразвуковой визг заставил взлетевшую на ограду курицу тяжело свалиться вниз. Самозванный жених среагировал хладнокровно.

– Вот бы ребята из обществ защиты на тебя взъелись за издевательство над животными, – пробормотал он себе под нос.

Не чувствуя в себе больше сил выносить это, Лиз отбежала назад и бросилась, раскинув руки, лицом в сено, надеясь, что он поймёт намёк и исчезнет. Но, когда ему это было нужно, Марис Стронберг умел быть тупее давно не точенного ножа. Он подошёл, постоял сзади.

– Ты не будешь со мной разговаривать?

Лиз отрицательно замычала в ответ.

– А если я буду настаивать? Я умею быть очень настойчивым, знаешь ли, – в следующую секунду он доказал ей это.

Первой мыслью было, что её спина вот-вот сломается под тяжестью его тела; потом весь мир Элизы замкнулся на ощущении давления твёрдой выпуклости на мягкость её ягодиц. Она испугалась. Страх и отвращение были так велики, что она почувствовала горечь в горле. Прошептала:

– Не надо...

Марис начал двигаться, словно желая стереть их обоих в одинаковую массу. Он был тяжёлым, Лиз слышала его затруднённое дыхание над ухом, а руки мужчины, пробравшись под их тела, мяли её груди, оставляя на них болезненные следы. Элиза не представляла, как ей выбраться из этого положения. Но инстинкт подсказал ей – Марис едва не задохнулся от удара крепкого локотка под рёбра. Лиз воспользовалась нечаянной паузой, чтобы выбраться из-под него. Она была в такой ярости, что собиралась убить его. Марис ещё успел увернуться от нескольких ударов деревянной рукояти для вил, которую работники оставили на полу, чтобы потом соединить с железной частью; но стоило ему попытаться встать, как Лиз с особенным удовольствием поставила его на колени ударом именно по той части, которой он пробовал соблазнять ее чуть раньше. Второго удара не потребовалось – Стронберг свалился на пол без чувств. Лиз этого даже не заметила, продолжая добивать уже безразличного к этому человека.

Умом она понимала, что будет наказана стократно за каждый удар, нанесённый ею Марису Стронбергу, но не хотела

этого знать. Едва ярость её утихла и сменилась тупой усталостью, она покинула помещение для просушки, даже не кинув последнего взгляда на дело рук своих.

Глава 10

Нога полностью онемела, и наступать на неё было уже не так больно, зато вновь жгла огнём рваная рана между рёбрами – он заработал её уже позже, когда споткнулся, выбираясь из сарая, и зацепил круг для заточки инструментов. В левом плече что-то похрустывало при каждом шаге, а лицо своё он старался не увидеть случайно в какой-нибудь луже. Судя по тому, как слёзы наворачивались на глаза при самом мелком вздохе, и трещина во втором или третьем ребре была ему обеспечена. Но кто же знал, что в этой женщине столько силы!.. Можно считать, что первая серьёзная ссора у них состоялась. Марис засмеялся сквозь слёзы. Он ощущал себя настоящим мужем, не поделившим что-то со сварливой женой.

Последним усилием надавив на дверь, он ввалился внутрь дома и упал на колени, не услышав испуганного вскрика Лаймен, которая в тот же момент собиралась выйти.

– Марис? – Лаймен с сомнением оглядела не контролирующего себя мужчину на полу. И сморщила носик. – Ты, что, пьян? Не рановато ли?

Глухой стон боли, вырвавшийся сквозь стиснутые зубы, заставил её отнестись к сыну внимательнее. Она глянула на его лицо и окаменела.

– Господи Иисусе! Ты подрался? С Ресья? – её лицо по-

краснело от негодования. – Сколько раз я говорила тебе...

– Мама, – сын неглубоко и часто дышал, – прости... что прерываю, но не могла бы ты... помочь мне... или позови Рея...

Лаймен только вздохнула.

– Лида!!! Посылай скорее за лекарем в лечебницу!

– Нет... – Марис держался из последних сил. – Не надо, я сам. Только помогите мне добраться до постели... я лучше знаю, что чем лечить.

– Да? – Лаймен с сомнением посмотрела на застывшую в ожидании служанку.

– Что ты стоишь, как пенёк, Лида? Позови Раймонда или моего мужа.

Спустя достаточно неприятных десять минут Марис наконец с облегчением растянулся на собственной постели, а Лаймен захлопнула дверь за искрящимся остроумием по такому весёлому поводу Реем. И склонилась над сыном:

– Что мне сделать для тебя, Маак?

С самым большим удовольствием Марис потерял бы сейчас сознание, но человек, значивший для него больше, чем отец, научил его ничего не оставлять на потом. «То, что ты сделал после, ты не сделал», – говорил он.

– Быть моими глазами, мама, – Марис немного напрягся, когда Лаймен стала снимать с него одежду. – Сейчас я не очень хорошо себя вижу.

– Я, – Лаймен явно чувствовала себя героиней военного

времени. – Командуй.

– Хорошо. Нога. Правая. Медленно прощупывай кость... Ага, – он дёрнулся и зашипел почти сразу. – Понятно, откуда онемение – растянул связки. На синяки можешь даже не обращать внимания – они не смертельны.

– Ты хочешь сказать, что всё остальное – смертельно? – глаза Лаймен округлились от ужаса. – Марис, здесь сбоку совсем не симпатичная ссадина – даже, скорее, рана.

– Кровь идёт?

– Уже нет.

– Тогда просто антисептиком. Доверить зашивать свои раны я могу только одному человеку и это не местный лекарь.

– Как скажешь, – ужас Лаймен перешёл в новое состояние – хлопотливую растерянность. – Мой мальчик, ты так избит. Скажи мне, кто это сделал, и я уничтожу этого человека.

– Нет, спасибо, я оставлю его себе – на десерт. Чёрт! больно. Как будто я попал в тайфун «Элиза»...

Лаймен поняла эти слова по-своему:

– Я просила тебя не соперничать с Ресья из-за неё. Неужели мы тебе не найдём во всей Швеции красивой жены?

Марис упрямо фыркнул:

– Мне нужна эта. И разговор кончен, мать. С покушением на меня я сам разберусь. А теперь оставь меня зализывать мои раны.

Глава 11

– Лиза, – распахнув дверь, подружка замерла на пороге её комнаты в театральной позе, – случилось кое-что страшное и вообще нехорошее.

– Да? – в тусклых глазах Элизы было умеренное любопытство. – Страхное редко бывает хорошим. И что?

– Лиза, какой ужас, что с тобой? – забыв об избранной роли, Лида бросилась к подруге. – Что ты сделала с собой?

– Ничего, – вяло отозвалась Элиза. – Просто лежу. Ничего что-то не хочется.

– А ты не...? – сделав страшные глаза, Лида многозначительно замолчала.

– Нет. Разве что святым духом. Андрес говорит – сначала поженимся. Мне всё равно.

– Давно ли это тебе стало всё равно то, что касается Андреса?! – Лида шлёпнулась на кровать рядом, снова взглянула на бледное лицо подруги, её свалывшиеся волосы и усталые глаза. – Тогда я зря торопилась рассказать тебе первой.

– Что?

– Два дня назад, – осмотревшись, Лида склонилась ближе к уху подруги и конспиративным шёпотом засипела, – Мариса Стронберга крепко поколотили.

– Правда? Наверное, были причины.

– А это ты у Андреса и спроси.

– При чём здесь Андрес? О, нет... – Лиз приподнялась на постели.

– Вот именно. Лаймен Стронберг трясла и трясла сыночка, пока тот не рассказал, что на него напал в одном из сараев Андрес Ресья. В общем, Андреса схватят, наверное, и продадут в солдаты.

– Лида, – Элиза села посреди постели, – этой свинье сильно досталось?

Та, как зачарованная, смотрела в горящие яростью чёрные глаза подруги. Она как-то сразу поняла, о ком идёт речь.

– Он не встаёт и не выходит из своей комнаты. Я его видела только в тот день, так он даже идти не мог.

– О Господи! – Элиза закрыла лицо руками. – Что я наделала... что я... Лида! Что можно сделать?

– Ты о чём? – не поняла маленькая служанка из дома Стронбергов.

– Что мы можем сделать, чтобы спасти Андреса? Он не виновен, и я готова на всё, чтобы его защитить.

– Ты смелая.

– Ты ради Валя сделала бы то же самое. Не будем терять времени.

– От меня в таком деле пользы немного, Лиз. Я просто не знаю. А почему ты считаешь, что Андрес не виноват? Ты так веришь в него? – подруга смотрела на Лизу Линтрем с уважением.

Но та лишь сухо ей улыбнулась.

– Всё проще: я это сделала с Марисом Стронбергом – и отвечать мне.

Бросив дела, Лиз следующие два дня бродила вокруг господского дома. Ей надо было увидеть Стронберга. Пасть ему в ноги, вымаливая прощение, предлагать себя... На свадьбе с Андресом можно поставить крест. Её вина, не её, а только порченных невест не бывает. Станут вместе с Линетой прятаться от деревенских ребятишек. Вот так и рождаются истории о ведьмах в чаще леса...

Господский дом стоял неприступный и запертый, никто не выходил на балконы, любуясь солнцем, не прогуливался у фонтана под зонтиком. Что происходит? Похоже на траур. Ох нет, если Стронберг помер, Андресу не будет пощады! В огромную, в два человеческих роста, из благородного дерева дверь Элиза не решилась постучаться. Только представила себе, как величественный эконоом открывает её, смотрит с презрением на букашку и цедит:

– Пошла вон, холопка.

Ужас какой! Слуги при виде её спешили скрыться, ни один не задержался на умоляющий взгляд. Ей так надо было узнать, что происходит! Лиза решилась на преступление. Ночью она заберётся в господский дом и подслушает разговоры.

Чёрную юбку матери пришлось быстро перекроить на штаны, остатки ткани пошли на рубашку без рукавов. По-

следним куском Лиз укрывала светлые волосы на манер платка, с собой захватила верёвку, пригодится, чтобы залезть на балкон.

Она тронулась в путь, как только зашло солнце, в лесу переждала возвращения слуг из поместья в деревню и ступила на запретную территорию. Собаки Эмиля Стронберга, которых она два дня до этого подкармливала по вечерам, встретили её, как родную. Они тёрлись о её ноги, отталкивая друг друга, обнюхивали Элизу и носами тыкались в её одежду в поисках карманов с едой. А получив желанные кусочки, спокойно разошлись по двору – охранять от чужих поместье. Лиз опасности для них не представляла. Вечерняя перекличка господских собак с деревенскими, наоборот, заглушила шум от штурма Элизой второго этажа. По карнизу шириной в пятнадцать сантиметров она, стараясь не смотреть вниз, добралась до окна покоев Стронберга и начала обдумывать стратегию проникновения внутрь как раз в тот момент, когда чьи-то невидимые руки очень услужливо распахнули окно ей навстречу. Терять Лиз было нечего, а увидеть, как прислуга падает от её неожиданного появления в обморок, было бы, наоборот, забавно. Лиз поставила правую ногу на подоконник.

– Я ждал тебя, – улыбаясь одними глазами, Марис подал ей руку. – Здравствуй, любовь моя.

– Не могу пожелать тебе того же, – буркнула Лиз в ответ, не отказываясь, впрочем, от помощи.

Опершись задом о подоконник, она лениво сложила руки на груди, продолжая следить за Марисом острым взглядом.

– Почему ты никому ничего не сказал? Отчего не велел притащить меня на судилище?

– Какое судилище, моя милая? – Стронберг лишь фыркнул. – Ну, вышла девушка из себя, эка невидаль. Не убила же.

– Я старалась, – рывком Лиз освободилась от своей опоры, прошла по комнате, трогая привлекающие её предметы.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила словно бы невзначай.

Марис по-прежнему улыбался:

– Спасибо, хорошо.

– Жаль, – Лиз обернулась, стремясь поразить его своим гневом на месте. – Клянусь, я готова была убить тебя тогда, Стронберг!..

– Я почувствовал это на своей шкуре, – губы Мариса оставались расслабленными, но глаза закрылись на миг и открылись уже блестящими холодом. – И тем не менее ты пришла ко мне.

Лиз отмахнулась от его слов:

– Ты знаешь, зачем я пришла – просить не снисхождения, а справедливости. Андрес ни в чём не виноват.

– Я хочу, чтобы он уехал, – чётко проговорил Марис. – Или ты – но со мной.

Лиз не поверила своим ушам.

– Уехал? Он или я? А что, если мы поедем все трое, – едко предложила она. – Как чудесно путешествовать в компании!

– В компании двух мужей? – своим уточнением Марис в момент вызвал в ней страх. – Ты могла бы путешествовать с двумя мужчинами, не зная, в постели которого ты окажешься в эту ночь? Если тебя устраивает групповой брак, я не имею ничего против.

– Дурак, – Элиза прижала ладонь к панически заходящему сердцу. Он нарисовал перед ней совсем не сладкую картинку. Они оба это понимали. Но Лиз все-таки уточнила. – Ты дурак. А Андрес – замечательный. И попробуй разубеди меня в этом, не хвастаясь... не пользуясь своими пещерными методами.

– Едва ли у меня это получится, – сквозь зубы процедил Стронберг. – Я имею в виду «пещерные методы». Я даже не уверен, что вообще способен на что-то такое после твоего замечательного удара. В том числе и иметь детей.

Лиз почувствовала лёгкие угрызения совести.

– Ты пытался меня изнасиловать, – напомнила она.

– Больше не буду, – сухо отрезал Марис.

– Ну ладно, чего ты хочешь?! – гневным шёпотом взорвалась Лиз. – Чтобы я помогла тебе доказать, что как мужчина ты ещё что-то можешь? Ну так давай приступим, чего зря терять время! – она начала срывать с себя одежду.

Марис остановил её руки.

– Не так быстро. Вся эта ночь моя. И я растяну её до неве-

роятных пределов.

– Звучит как угроза, – Лиз в замешательстве нахмурилась. Нерешительно коснулась его плеча. – Ты... тебе действительно было больно тогда, Марис?

– Не то слово. Ты знала, куда ударить мужчину. Какой из твоих любовников научил тебя этому?

– Никакой. Никто, кроме тебя, не вызывает во мне такого стремления к разрушению. Ты это знаешь, и тебе нравится.

– Да, нравится, – подтвердил Марис. – Со мной ты живёшь как нормальная женщина, а с Ресья вынуждена притворяться. Мне нравится, когда ты честна с собой, *mon angel*. Кричи, танцуй, пойд, занимайся любовью – делай, что хочешь. Я всё равно буду любить тебя. И никому не будет позволено судить мою жену. Я дам тебе свободу, гарантированное прощение и денег – три вещи, которые ты никогда не будешь иметь с Ресья.

Лиз немного подумала, в глазах её, чёрных, как ночь, мелькали отблески тайных желаний. Но голос был спокоен:

– Свобода и безнаказанность развращают любую женщину, даже монашку. А что, если я захочу потратить твоё состояние на красивых молодых любовников?

– Я убью тебя, – Марис нежно ей улыбался.

Лиз беззаботно фыркнула, пожимая плечами:

– Видишь, не такой уж ты великодушный, как говоришь.

– Ну, с Ресья у тебя не будет и этого.

– А может, рядом с Андресом у меня не будет даже жела-

ния сходиться с ума, – резонно возразила Элиза.

– Будет, – уверенно заявил Стронберг. – Ты слишком молодая, чтобы желать покоя. В тебе кровь так и бурлит, моя малышка. И я с удовольствием буду помогать тебе выплёскивать эту энергию.

Девушка сурово глянула на него:

– Я говорю не о постели.

– И я, – с ослепительной белозубой улыбкой подтвердил Марис. – По правде говоря, один разговор с тобой заводит меня больше хорошего секса с другой женщиной.

Элиза поморщилась:

– Я никогда не пойму, чего все вокруг так носятся с этой постелью. Чего приятного в этом: сунул, вынул – ребёнок готов?

Марис искушающим движением эдемского змея обвил её плечи рукой.

– А твоей матери вроде бы нравилось, – доверительно прошептал он. – Сколько вас в семье – десять?

– Восемь, – мрачно поправила Элиза. – И как по-твоему, мою мать до сих пор можно считать идеалом женской красоты?

Марис открыл было рот, чтобы уверить её в этом, но потом вспомнил увядшее тело Мелиссы. Все свои соки эта женщина самоотверженно отдала детям, но едва ли её отвисшие груди и живот разбудили бы вождение в каком-то мужчине. Нет, он не хотел бы видеть Элизу в старости такой.

– Разве что символом плодородия? – после длительной паузы неуверенно предположил он.

Лиз откинула голову назад и хрипло захохотала; а Марис, словно замороженный, смотрел на жемчужные волосы, рассыпавшиеся по грубой ткани одежды.

– Ты прекрасна, – вырвалось у него; не давая Лиз времени ответить на это каким-нибудь саркастическим замечанием, он захватил в кулак на затылке её роскошные волосы и прижался к её губам. Он нежно покусывал их, пока они не раскрылись, и ворвался завоевателем в её сладкий рот.

Девушка гневно дёргалась, возмущённо мычала, пытаясь высвободить руки, которые он предусмотрительно прижал к подоконнику её собственным телом.

– Сука, – нежно пробормотал Марис, всё ещё почти касаясь её губ. Лиз с трудом сдерживала желание языком проверить, какой ущерб нанесло им это чудовище. – Ты холодна, как труп, для тебя в мире нет ничего, кроме твоего чёртова самолюбия. Но, клянусь, больше врасплох ты меня не поймаешь. Я знаю теперь, на что ты способна, но ты и не догадываешься, на что способен я...

Крепко сжимая руками её кисти и повернувшись так, чтобы не стать вновь жертвой её коленей, Стронберг неумолимо подталкивал её к постели, пока, наконец, Лиз не коснулась мягкого покрывала спиной. Одним рывком Марис подтянул её повыше.

– Не двигаться! – повелительно рявкнул он; однако Лиз и

не чувствовала себя на это способной, настолько невероятное зрелище предстало её глазам.

Склонившись к задвинутой за шкаф большой сумке, Марис одну за другой достал несколько коробочек, в каждой из которых не поместилась бы и коричневая булочка, какими славилась во всём лене её мать.

– Что там? – прошептала она, от любопытства едва дыша.

Марис не обернулся.

– Увидишь.

И она увидела. Из-под его рук из коробочек выползали невероятных расцветок шёлковые платки, и всё это происходило настолько быстро, что она не смогла бы сказать, где заканчивался один платок и где начинался другой. Когда пол у его ног был усеян слоем тончайшего шёлка, Марис решил, что достаточно.

– Больше всего мне нравятся беззащитные женщины, – доверительно сообщил он, связывая вместе руки Элизы и закрепляя получившийся узел на одном из колышков в изголовье кровати.

Не встречавшаяся даже в книгах ни с чем подобным, Лиз только смотрела на него изумлёнными глазами.

– А что будет дальше, чёрт подери? – мелодично разнесся по комнате её нежный голос.

– Будем играть, – Марис сияюще ей улыбнулся.

– И только? – девушка облегчённо перевела дух. И тут же насторожённо уточнила. – Во что?

Марио сделал вид, что задумался:

– В инквизицию? – предложил он. – Нет, это потом, когда определим, какие извращения мы предпочитаем. Лучше... да, в «Наложницу и султана».

Лиз скривилась:

– Лучше бы наоборот.

Опираясь на кровать коленями, Марис старательно освобождал из заплетённых туго косичек её светлые волосы.

– Потом, – терпеливо повторил он. – Для того, чтобы быть султаншей – хотя бы временно, прежде тебе следует осознать свою эротическую власть над мужчиной – как абстрактным понятием – и надо мной. И в этом познании твоим проводником буду я. Я научу тебя, как можно причинять боль и как творить наслаждение, близкое к боли, что можно сделать при помощи перьев или капель вина, и покажу грань соединения мужского и женского начала. Расскажу о женщинах, подчинивших себе весь мир... – его шёпот замер, растворившись в красоте звёздной ночи. Лиз заворожённо смотрела на своего бывшего жениха. Как жаль, право же, что она не может в него влюбиться! Этот мужчина будил странные потаённые чувства в ней, упрятанные столь глубоко, что Лиз даже не подозревала об их существовании в себе. Андрес... Господи, сделай так, чтобы он не догадался, что она – всего один миг – хотела испытать что-то иное!

– Забудь, – прошипела тень с яростно сверкающими глазами, – забудь его.

– Не могу! – в ужасе, что едва не изменила своему избраннику, Лиз попыталась освободиться. Беспорядочные рывки привели только к тому, что узлы затянулись ещё крепче.

– Не позволю, – Стронберг прижал её всем телом к кровати. – Этой ночью ты от меня не уйдёшь. Я поделюсь с тобой своим опытом, Лиз Линтрем, и заберу взамен долю твоей невинности. Я забыл, что это такое... – его руки скользнули под рубашку, чтобы легчайшими касаниями пальцев изучить её грудь.

Выгибаясь всем телом, Лиз сдалась ещё до того, как жаркий рот Мариса завладел одним из её сосков. А у него не потребовалось на это много времени. Больше сил уходило на то, чтобы удерживать бьющуюся в возбуждении девушку. Она запылала под его ртом и руками так быстро, что могла стореть раньше времени. Следовало сбавить темп. Оставив припухшую грудь в покое, Марис просто припал щекой к шелковистости её втянувшегося животика.

– Спокойнее, спокойнее, *ma petite*, – шёпотом уговаривал он.

Но Лиз продолжала цепляться за него обеими руками. Чтобы утихомирить её, Марис прибег к жестокости, отрезвляющей разум: подтянувшись немного вверх на руках, он посмотрел на неё с неподдельным мужским удовлетворением.

– Ты даже не знаешь, что такое поцелуй, подлинный поцелуй, моя самочка, и собиралась прожить с этим незнанием жизнь. С такой абсолютной девственностью я ещё не встре-

чался...

Элиза почувствовала, как щёки её начинают пылать от стыда. Господи, она предлагала себя ему ничуть не сдержаннее дешёвой шлюхи!

– Забудь, – пробормотала девушка, отводя глаза. – Со мной что-то случилось...

– И я даже знаю что, – ладонь Мариса неторопливо накрыла обнажённую беззащитную грудь. – Всё идёт замечательно, просто ты слишком торопишься. Познание друг друга не терпит суеты, его следует смаковать, словно хорошее вино, а не проглатывать сразу. Мы не станем спешить, Лиз Линтрем.

– Я не хочу этого, – неуверенно заявила Лиз.

– Отлично, я тоже, – завораживающе рокотал голос Мариса, – я тоже призываю не торопиться. Узнай меня, моя будущая жена, моя возлюбленная...

Элиза вздохнула:

– Ты так скоро забыл, что случилось два дня назад?

Марис был само всепрощение:

– Это была моя вина. Я поторопился и прибег к грубости. К непростительной грубости, – подчеркнул он.

– Действительно, – Элиза оживилась. – Так, может быть, я обижусь, и мы расстанемся навсегда?

– Только никчемный дипломат оставляет врагов на своём пути, – опираясь коленями на постель, Марис ей улыбнулся. – Хороший вернётся и загладит нанесённые обиды.

Лиз беззвучно застонала, изобразив соответствующее вы-

ражение лица. Марис негромко и сочно хмыкнул:

– Трусиха, – упрекнул он её. – Где же в тебе знаменитая авантюрная жилка твоей сестры? «Испытать всё» – вот девиз Линеты Линтрем.

– Вы с ней составили бы хорошую парочку, – гневно произнесла Лиз. Ей совершенно не понравилось испытанное при этом – на крошечную долю секунды – странное собственническое чувство по отношению к Марису Стронбергу. Она ведь никогда не была «собакой на сене».

– Я знал таких женщин, – Марис чуть криво улыбался, – и устал от них. Куда стремиться, когда достигнута цель? Такую любовницу ничем не шокируешь и не удивишь, а предсказуемая женщина не интересна.

– Значит, тебя потянуло на молодую дичь, Стронберг, – тон Лиз не предвещал ничего хорошего.

– Да, – легко согласился Марис. – И, будь уверена, я превращу её в изысканнейшее гастрономическое блюдо.

Лиз вскрикнула, почувствовав руки мужчины между своих бёдер и под собой. Он крепко сжимал её ягодицы, гладил пальцами расщелину между ними – жар его рук прожигал её штаны насквозь.

– Ты хотела знать, насколько может быть больно человеческому существу, моё сокровище? Я обеспечу тебе это знание, – несколькими взмахами короткого кривого ножа он распорол рубашку и штаны прямо на извивающемся женском теле пополам.

– Тебе это больше не понадобится. Если повезёт и нас застанут здесь вместе, завтра с утра ты сразу оденешься в подвенечное платье, – рывком Марис стащил с неё всю нижнюю часть одежды.

Элиза открыла рот, чтобы закричать, но эти слова «если повезёт» всплыли в её памяти совсем некстати. С лёгким звуком её зубы сомкнулись намертво – она будет молчать, пока хватит сил. А их должно хватить, чтобы не опозорить Андреса. В конце концов, она сама вляпалась в это дерьмо – сама и должна выбираться.

Первое прикосновение едва не застало её врасплох. Рукоять плети, инкрустированная каким-то металлом, холодила чувствительную кожу между ног, вызывая противную дрожь во всём теле.

– Ну, кричи! – резко приказал Марис.

Лиз яростно блеснула глазами:

– С чего это? Ты же не кричал, когда я расправлялась с тобой.

– Мне это не было нужно.

– А мне не нужно сейчас. И если это всё, на что ты способен... – не договорив, она со всхлипыванием втянула в себя воздух – боль от удара была ошеломляющей и неправдоподобной. Инстинктивно её колени попытались сомкнуться – но ласковые шёлковые путы не позволили сделать это. Новый удар был ещё сильнее.

– Сдавайся, признай своё поражение, цыплёнок. Тебе не

справиться со мной. Ты не можешь убить человека, даже ненавидя, а я делал это не раз. Я знаком с сотнями разновидностей пыток и умею причинять боль, – методично, с равными промежутками кончик плети жалил внутреннюю сторону бёдер, ягодицы, промежность. Лиз молилась о спасительном обмороке, но темнота не торопилась спрятать её от боли.

– Не надо, умоляю, не надо, – всхлипывала она.

– Боль – странная вещь, – тем временем философствовал Марис. – Она сопровождает нас всю жизнь, но мало кто умеет обратить её на пользу, укротить её. Боль делает человека уязвимым, – отшвырнув плеть, он поднял вверх руки, чтобы снять с себя через голову рубашку.

Стон замер в горле Элизы, когда она увидела, что скрывается вместо прежнего безупречного тела Стронберга под этой одеждой.

– Это сделала я? – прошептала она недоверчиво, стараясь не видеть особенно глубокую длинную рану, окружённую кровоподтёками. И обречённо расслабилась. – Ты прав, я заслужила своё наказание. Я не знала... ты двигаешься так легко...

– Я не чувствую боли, – Марис снисходительно ей улыбнулся. – Первое, чему научил меня *wahīd gadīm 'insān* – это договариваться со своей болью и побеждать её.

– Кто научил? – Лиз вздрогнула. – Я не поняла...

– Один старый и мудрый человек, – с отсутствующим взглядом пояснил Марис. – Великий человек, который оза-

рил светом своей мудрости часть моей жизни. И он же меня научил, как укротить строптивую женщину – лаской и твёрдостью, подарками и плетью.

– А он знал, о чём говорил, не только в теории? – Лиз вызывающе улыбнулась.

Марис, казалось, удивился:

– Конечно. Все его жёны до сих пор без ума от него.

– Все? – переспросила Лиз, и получила в ответ подтверждение.

– Да, все трое.

– Мне нелегко будет справиться с уроками такого специалиста, – сжав зубы, проговорила Лиз. Между ног кожа пылала огнём. – Но когда есть высшая цель... Я не позволю себе ничего, что может обернуться позором для Андреса. Если бы ты был моим женихом, я поступала бы точно так же.

– Я и есть твой жених, Лиз, – резко, с яростью возразил Марис. – Я первым был обручен с тобой. Ты нарушаешь договор, заключённый между нашими семьями.

– Нет...

– Да. И если уже ничего нельзя изменить, я постараюсь, по крайней мере, предельно усложнить стоящую перед тобой работу.

– А? – Элиза тревожно вскинулась, почувствовав холод металла на своих бёдрах и между ног. Она смотрела, не веря своим глазам, как плотно охватывает её тело отлитый мелкими кольцами из чистого золота средневековый «пояс вер-

ности», как, соединив две цепочки пониже живота, Марис Стронберг защёлкивает всё это хитрое сооружение на миниатюрный замочек и прячет ключ от него в коробку из-под платков.

– Боже милосердный, что это? – шёпотом спросила она.

Марис самодовольно ухмыльнулся:

– Попробуй-ка, справишься с этим, моя бесстрашная валькирия Элизабетта. И тогда мы узнаем, что ты предпочтёшь – придти накануне свадьбы ко мне, чтобы я освободил тебя от твоей «клятвы верности», или показаться в таком виде мужу и неизбежно ответить на кое-какие вопросы. Например, как гнусному Стронбергу удалось надеть на тебя это?

Подумав о стоящем перед нею выборе, Лиз испытала абсолютно оправданный приступ ужаса – действительно, что же ей делать?

– Я могу распилить это... – неуверенно предположила она.

– Золото высочайшей пробы? – презрительно фыркнул Марис. – Интересно, чем?

– А ещё я могу убежать, Стронберг. Скрыться. От тебя и от Андреса. Хотя я никогда тебе этого не прощу.

– А дальше? – с иронией поинтересовался Марис.

Лиз пожала плечами:

– Придумаю что-нибудь. Или встречу того, кто сможет принять и полюбить меня даже с этим.

– Я найду тебя, – безо всякого выражения проговорил Ма-

рис. – Ты всё равно будешь спать в моей постели. И научишься любить меня – со временем. Ты моя – и я не дам тебе вырваться, Элизабетта.

– Ты ещё меня не подчинил своей воле, – с трудом управляя онемевшими губами, Лиз вызывающе улыбнулась. – Тебе не по силам сделать так, чтобы я без всякого принуждения произнесла слова любви.

– Ты скажешь их, – в беспощадной борьбе Марис скрестился с ней взглядом.

Лиз лишь ухмыльнулась в ответ:

– Ты можешь сломать меня, не спорю. Побить или унижить – тоже. А любовь – это не из твоего арсенала.

Пока Стронберг осмысливал это весьма смелое заявление, Лиз соскочила с кровати – в первый раз великолепная реакция Марису изменила. Девушка выхватила из коробочки крохотный ключик и стащила с себя «пояс верности» прежде, чем Марис смог вымолвить хотя бы слово. Она помахала спянными цепочками перед его лицом.

– Отдать тебе эту гадость или оставить себе? – сделала вид, что размышляет вслух.

– Оставь, – Марис небрежно развалился на кровати, и только потемневшее лицо выдавало владеющий им гнев. – Побалуешь как-нибудь мужа.

– Да, но Андрес может заинтересоваться, где я это взяла, – она притворно застенчиво взглянула из-под ресниц на Мариса. – А нам подобные осложнения совсем не нужны, прав-

да ведь?

Она со смехом ускользнула от его протянутой руки и улыбнулась ещё прелестнее, когда Стронберг яростно зарычал.

– Всё-всё, мой красавчик, ухажу! – Лиз в мгновение ока завернулась в лежащий на кресле плед. – Это окупит мою испорченную одежду, – она вспорхнула на подоконник, и, когда обернулась, готовая уже спрыгнуть вниз, лицо её было искажено неподдельной яростью. – Только посмей ещё раз приблизиться ко мне, ублюдок, кастрирую, – нежным, невинным голоском хорошо воспитанной барышни заверила Лиз своего недавнего противника. Потом с сомнением посмотрела вниз, попыталась нащупать босой ногой скользкий от неизвестно откуда взявшегося дождика узкий карниз.

– Прошу тебя, не глуми, – устало проговорил Марис с постели. – Ты сорвёшься, и некому будет выполнить эту ужасную угрозу в отношении меня.

Он не спеша встал, чтобы зажечь позади себя свечи, и, не одеваясь, подошёл к раскрытому окну, протянул к Лиз руки.

– Что ты делаешь? – яростно зашипела спасаемая, впрочем, тут же вцепившись в него в поисках опоры. Темнота подчёркивала их практически обнажённые тела на фоне искусственного света.

– Пытаюсь испортить твою репутацию, дорогая, – весело ухмыльнулся Марис. – Это не слишком трудно, ведь от девушки из семьи Линтрем ждут, как правило, распутства. И

если ты здесь погибнешь совсем голая, у людей будет возможность скорбно качать головой и, поджав губы, утверждать, что они, в общем-то, этого ожидали.

– Будь ты проклят! – зашипела Элиза. – Вместе с Линетой и своим братцем, которые создали нашей семье такую репутацию... И что мне прикажешь теперь делать?

– Держись за меня, – предложил Марис, прежде чем одним махом перенести ее назад в комнату. И закрыл окно.

– Я выведу тебя утром, – сухо проговорил он, отворачиваясь, пока Лиз переодевалась в его халат, – так, что никто не увидит. А своим ты сможешь сказать, что заблудилась в лесу или заночевала у подруги. Если хочешь, я даже организую экспедицию по твоему спасению, – предложил он. – Но всё же я должен спросить ещё раз, – Марис сдержанно осмотрел маленькую женщину, утонувшую в синем бархате, и волочащиеся за ней полы халата. – Может быть, ты захочешь не возвращаться в деревню? Тогда я увезу тебя в другой мир.

– Нет, – твёрдо проговорила Элиза, пытаясь справиться с растрепавшимися волосами.

– Ты уверена?

– Уверена, – неожиданно девушка криво усмехнулась. – Меня так и так ждёт скандал, тогда почему я должна позволить ему состояться без моего участия?

– Чудесно, – Марис кивнул ей одобрительно, но безо всякой улыбки. – И это заставляет меня лишний раз повторить, что я люблю тебя, Элизабетта. И с удовольствием поучаст-

вую в этом скандале вместе с тобой. Но должен предупредить – мои возможности этим отнюдь не исчерпаны. Я буду и дальше бороться за тебя. А теперь ложись, у нас есть немного времени, чтобы поспать.

– Спать с тобой? – Лиз уставилась на него, как на ненормального. – Да ты с ума сошёл!

– Ничуть, – Марис спокойно прошёл к кровати, откинул покрывало и лёг. – Можешь вздремнуть на полу, если захочешь.

Он, казалось, почти сразу уснул. А Лиз ещё долго стояла у окна, в растерянности глядя на неподвижную фигуру в постели и нервно то заплетая, то расплетая вновь длинные светлые волосы. Стояла, всё чаще сравнивая удобства пола, хотя и покрытого небольшим ковром, и мягкой тёплой постели, пока не сообразила, что продолжающий гореть свет даёт любому в деревне возможность разглядывать её и узнать по фигуре – дом-то стоял на холме. Вполне возможно, что там уже готовят для нее смолу и перья. Или мелкие, но чрезвычайно остро жалящие камешки, какими забросали однажды деревенские женщины Линету, и тоненькие шрамы на лице навсегда заклеямили её как шлюху Раймонда Стронберга. В тот день семнадцатилетняя Линета потеряла ребёнка Раймонда, а спустя неделю, когда её несчастная сестра всё ещё лежала в постели, переживая случившееся с ней, её любовник привёл в свой дом молодую жену – Аделаиду Стронберг. Мелисса долго боялась, что дочь не вынесет такого позора

и горя, попытается покончить с собой, но потом поняла – Линета избрала другой путь. Она слишком любила Раймонда – распутного, несдержанного и безвольного повесу, чтобы уйти от него. Линета стала Рею Стронбергу второй, тайной супругой и, когда, поскандалив в очередной раз с женой, он искал утешения, с радостью принимала его в свои объятия. Жизнь Рея Стронберга была сладка, будто сахарное облако, а что до детей, отсутствием которых его время от времени начинала попрекать Лаймен, то он их и не хотел. Наблюдая за мучениями сестры, когда у той один за другим случились три выкидыша, Элиза ловила себя на мысли, что почти ненавидит этого парня с ледяной рыбьей кровью, который так равнодушно произносил одни и те же ничего не значащие слова утешения. А влюблённая, глупая Линета жадно ловила и впитывала их, обещая, что следующее дитя обязательно будет жить. Элиза и не пыталась ей ничего объяснить, зная, что Линета просто не сможет существовать без своей веры в исключительность и благородство Рея Стронберга...

– О чём ты думаешь? – донёсся до неё голос.

Лиз вздрогнула, поморгала и обнаружила, что Марис давно уже не притворяется спящим, а с интересом разглядывает её лицо.

– О сестре, – недовольно проворчала она. – О моей сестре и о твоём брате. И о том, почему именно женщина всегда оказывается в дураках. Линета больше себя самой любит Раймонда, а что она получает в ответ? Вот-вот, – кивнула

она на выразительный жест Мариса.

– Я знаю, что Рей – свинья, – неторопливо, глубоким голосом заговорил Марис. – Он избалован женской любовью, считает, что всё так и должно быть. Если ты дашь повод, я с удовольствием набью ему морду.

– Как это – повод? – не поняла Лиз.

– Ну, скажи, что он приставал к тебе, пока меня не было...

Лиз коротко хохотнула:

– А как же! Рей Стронберг – и пропустит хоть одну юбку мимо себя? Только ему что-то быстро расхотелось, – наклоняясь вперёд, доверительно прошептала она. – И вот беда – теперь мой хозяин обходит меня за полдеревни.

Младший из Стронбергов сочно хмыкнул:

– Верю. Твой удар мужчина просто не имеет права быстро забыть.

– Ты мне льстишь, – теряя интерес к разговору, Лиз огляделась вокруг себя, ища местечко поуютней.

– Ну, сколько можно, детка моя, иди ко мне! – Марис откинул покрывало и приглашающим жестом похлопал по постели рядом с собой. – Если ты опасаясь, что я нападу на тебя и вмиг отниму твою невинность...

Лиз густо покраснела.

– Ничего я не опасуюсь! – выпалила она прежде, чем поняла, что сама себя загнала в ловушку.

А Марис не упустил полученной возможности.

– Чудесно, – одобрил он. – Ну так иди сюда скорее.

Лиз промычала что-то неразборчивое, затравленно огляделась по сторонам, но выбора у неё особого не было. Да и чего страшного в том, что она проведёт остаток ночи в безопасности на мягкой постели? Она, конечно, знала, что главная опасность – в ней самой, опасность в том, что она может снова увидеть вместо Мариса Стронберга, гнусного врага, его же – но в роли обычного человека. Весьма привлекательного мужчины, может быть, даже посимпатичнее Андреаса. Мысленно ужаснувшись своей измене, Элиза молча прошла к постели и легла на неё, стараясь даже кончиком пальца не дотронуться случайно до Мариса. А тот вовсе не помогал ей в её нелегкой задаче и, как только Лиз напряжённо, будто застыв, вытянулась на своей стороне кровати, приподнялся над ней, бережно укрыл её покрывалом и резким собственническим движением притянул к себе, впечатав мягкие женские изгибы в твёрдые очертания своего тела.

– Ты обещал! – чуть слышно возмутилась Лиз. – Обещал не распускать руки...

– Нет, – Марис неторопливо прошёлся губами по её шее и продолжил лишь после этого. – Ты просто не дала мне закончить фразу. А хотел я сказать следующее: если ты опасешься, что я стану покушаться на твою невинность... то тебе есть чего опасаться!

Лиз только судорожно вздохнула, когда обнажённое мужское тело весом, наверное, с целый дом, вдавило её в кровать. Горячие губы, нежно пощипывая, пробежались вниз по

груди... и внезапно остановились. Марис приподнял голову:

– Лиз, я не хочу, чтобы всё было так – тайком, украдкой. Это неправильно. Хочу, чтобы ты стала моей после свадьбы, чтобы женщины провожали тебя в спальню, а ты краснела от их намёков, хочу, чтобы все мужчины знали, что ты принадлежишь мне! – с яростью, направленной не на неё, закончил Марис.

– Тогда слезь с меня, – весьма прозаично посоветовала Элиза. – Если, конечно, тебе не трудно.

– Трудно, – проворчал Марис, садясь на кровати и взъерошивая пальцами свои волосы, – но я постараюсь. Всё равно все дороги отныне будут вести тебя к моей цели, – загадочно проговорил он.

Лиз не успела поинтересоваться, что он имеет в виду. Дверь спальни неожиданно приоткрылась.

– Марис, ну наконец-то все легли спать. Мне нужно поговорить... – Лаймен вытаращила глаза, увидев почти голую девушку в постели сына, и машинально закончила слабым голосом, – с тобой... Марис!!

– Сейчас, мама, – сын неторопливо натягивал штаны.

Похолодев от ужаса, Лиз спряталась под одеяло. А Марис вёл себя всё так же немного расслабленно и спокойно.

– По правде говоря, ты выбрала не лучшее время, мама. Ты уверена, что разговор со мной нельзя перенести на утро?

Лаймен судорожно вздохнула, хватая ртом воздух, а рукой держась за сердце.

– Я сейчас упаду в обморок, Марис, – на удивление хладнокровным тоном предупредила она. – Пока я буду лежать без чувств, изволь вывести... это создание прочь из дома и дай ей денег, чтобы не возвращалась никогда. А потом мы поговорим с тобой.

– Я уже взрослый мальчик, мама, – лениво растягивая слова, напомнил ей Марис. – Может быть, я и нетерпелив слегка, но я уложил в постель свою невесту, а не чужую жену.

Лиз протестующе запищала под одеялом.

– Что ты говоришь, дорогая? – Марис прислушался. – А, пока ещё... Да, ты права, я тебя компрометирую. А теперь, пожалуй, позову-ка я Рея и Аделаиду, чтобы окончательно закрепить свою победу. Тогда уж ты от свадьбы не отвертишься...

Голос его постепенно затих в коридоре. Лаймен, позабыв про недавнее намерение лишиться чувств, твёрдыми шагами прошла к постели, откинула одеяло и выразительно указала Лиз на окно. Глаза её, холодные и безжалостные, как обсидиан, не мигая смотрели в лицо девушки. Лиз задрожала от мертвенного спокойствия этого взгляда. Опустив голову, она кивнула, подбежала к окну и через минуту уже спускалась по маленькой лестнице. Она не заметила ни скользкости перекладин, ни мокрой земли и камней, впивающихся в её босые ноги, ни собак, бросившихся к ней со всех сторон, ни даже забора – холодные глаза Лаймен Стронберг не отпускали её, следили на протяжении всего пути до леса. Лиз спряталась

среди деревьев, боясь вернуться и страшась идти домой. Почти полумёртвую от голода и страха, Георг нашёл её там два дня спустя.

А ещё через неделю Лаймен прислала за ней слугу. Мать Мариса была готова к решающему разговору.

Глава 12

Она сидела на изящном диванчике у окна, вся облитая солнечным светом, играющим изумрудной материей её шёлкового платья. Красиво уложенные волосы, скромно лежащие на коленях тонкие руки, не знавшие никакой работы, милое приветливое лицо без единой морщинки на ровной, матово блестящей коже. И дикая, непримиримая ненависть в кротких пустых глазах Аде, пристроившейся с вышиванием у ног свекрови; в отличие от невестки, Лаймен Стронберг не позволяла себе роскошь показывать открыто своих чувств – кто знает, как может повернуться колесо Судьбы?

Остановившись у порога, Элиза поклонилась госпоже, делая вид, что не замечает протянутую для поцелуя руку. Лаймен лишь тонко улыбнулась, плавно продлила это движение, чтобы поправить причёску. Вспылила Аде:

– Эй ты, девчонка, думаешь, если спишь с Марисом, ты нам ровня?! Быстро поцелуй руку маменьке!

– Аделаида, – в мягком голосе безошибочно угадывался упрёк, – следи за своими манерами. А ты, Элиза Линтрем, будь моей гостьей. Проходи.

Пытаясь скрыть своё замешательство, Лиз надменно выпятила вперёд подбородок и шагнула в гостиную, едва не споткнувшись о ковёр. Аде тоненько захихикала, но, наткнувшись на взгляд Лаймен, сочла за лучшее промолчать.

– Садись, Элиза Линтрем, – едва уловимым жестом тонкой руки, затянутой в белую кружевную перчатку, мать Мариса указала ей на стул.

– Хорошо, – продолжила она, – что мужчин нет дома и никто не помешает нам поговорить. Итак, Элиза, сын сказал мне, что твёрдо решил на тебе жениться. Он уехал в Стокгольм после... девять дней назад и предложил сделать оглашение сразу, как только он вернётся.

Лиз в ужасе охнула и закрыла лицо руками.

– Господи, только не это! – убрав ладони, она умоляюще посмотрела на Лаймен. – Моя госпожа, пожалуйста, отговорите его! Вы же можете...

Аде вновь зловредно хихикнула:

– А девчонка-то хочет чего-то большего, чем просто Марис!

Лаймен Стронберг помолчала.

– Видит Бог, я не хотела в это вмешиваться. У Мариса было столько возможностей поступить разумно! Но он не воспользовался ими. Он ничего не хотел, кроме тебя, Элиза. А этого я допустить не могу... Ты понимаешь, что я ничего не имею лично против тебя, но твоё происхождение... Тебе не стоит даже пытаться стать Стронберг.

– Я и не хочу! – почти закричала Элиза.

Лаймен поморщилась от громкого звука.

– Я слышу, моя дорогая, и это прекрасно. Я никому не хочу разбивать сердце своими действиями, но я должна посту-

пать так, как будет лучше для всех Стронбергов. Марис сказал, что проблемы с потомством пока не возникнет, поскольку он... не дал для этого повода. И не даст теперь уже никогда. Он просто тебя не найдёт, Элиза Линтрем. Ты уедешь отсюда прежде, чем сможешь кому-нибудь сообщить о своём новом месте жительства.

Свои хитроумные планы Лаймен Стронберг излагала с застывшей любезной улыбкой на устах, будто бы обсуждая погоду.

– Уеду, госпожа? – Лиз всё ещё не понимала. – Как это? Куда?

– Я продала тебя. Тебя и твою сестру, кажется, её зовут Рената. В нескольких часах пути от нас появился новый сосед, от него приезжал управитель, ему нужны были слуги. Работа там только в доме, хозяйства держать не собираются. Собери, что надо, завтра утром за вами будет телега.

Лиза молчала, не двигалась от охватившего её ужаса. Продала. Да, такое было возможно, и Лаймен Стронберг была в своём праве, сделав это. Но как же мама и сёстры выживут без неё?

– Госпожа Лаймен...

Та сделала нетерпеливый жест.

– Не благодари меня! Я защищаю будущее сына.

– А как... я осенью должна была выйти замуж... Андрес тоже поедет туда?

– Нет, – произнесла, словно отрезала, госпожа Строн-

берг. – Он останется здесь. Не хочу даже думать, что случится с Марисом, если он обнаружит, что вы оба исчезли одновременно.

– Но я же люблю его – Андреса...

– Разлюбишь. Если тебя это утешит, обещаю найти ему подходящую жену с хорошим приданым.

– Жену?! – Лиз стиснула кулаки и задрожала от ярости.

Лаймен испуганно отшатнулась, схватилась за шнур звонка. Вбежал слуга, крепкий и сильный. Лаймен указала ему на Элизу:

– Отведи девчонку в её дом, пусть собирает вещи. И проследи, чтобы не сбежала, не спряталась. Завтра ей уезжать.

Когда слуга увёл, практически волоча, ошеломлённую Элизу, Аде повернулась к хозяйке дома.

– Суровы вы, маменька. Но справедливы, да и ловко устранили эту тварь. Надо было с ней и сестричку отправить – ту, что считает своим моего Раймонда.

– Не могу же я всю семью переселить, – буркнула Лаймен. – Я ведь с Эмилем этого не обсуждала. А как недоволен окажется? Пожалуется ему Марис, что мать у него игрушку отняла, и муж меня не поймёт. Но я ни за что не признаюсь, куда дела девку! Пусть даже пытаются меня.

– А когда Марис вернётся?

Лаймен печально посмотрела на неё.

– Не знаю. Он сказал, что будет путешествовать, пока не забудет её. Не вышло у меня задержать его здесь навсегда,

Адела. Что же, Господь милостив, может быть, женится Марис в своих странствиях да успокоится, и вернётся в родной дом, – голос дрожал, и Лаймен сама в свои слова не верила.

Часть 2. Чары Востока

Глава 13

Поддёрнув эту не слишком удобную для работы одежду, Элиза поднялась на цыпочки, потянувшись за паутиной в самом углу высокого окна. Она чувствовала – ещё немного, и струна, в которую превратилось её тело, лопнет; какой безумец мог выстроить в доме такие окна – до самого потолка? А ведь Рейхан наказала, чтобы всё здесь блестело чистотой... интересно, сама-то холёная в неге Рейхан бен Сина когда-нибудь брала в руки тряпку? Элиза сразу же устыдилась своих мыслей. Рейхан – единственная, кто была добра в новом доме к ним, она позаботилась о жилье и еде для них, узнавала несколько раз, удобно ли они устроились. Наверное, это её воспитание заставляло её брать на себя так много в распоряжении новыми слугами. Она вынудила их переодеться в эти наряды варваров – кусок ткани, обмотанный вокруг тела, существенно затруднял движения... все они казались в этой непривычной одежде просто коровами по сравнению с плавными движениями Рейхан и походкой, напоминающей накатывающиеся на берег волны озера Эльмарен. Женщины пытались протестовать, не представляя себе, как можно убрать большой захламленный дом в «этом», но Рейхан бы-

ла непреклонна: господин привык видеть вокруг себя даже прислугу в приятных глазу женских одеждах. Элиза и сама убедилась в этом два дня назад, когда из экипажа нового хозяина дома выпархивали одна за другой миниатюрные, прелестные, как птички с ярким оперением, женщины в облаках переливающегося шёлка. Она не разглядела, правда, их лица, скрываемые в плотных коконах чёрных накидок, но всё равно они были похожи на ангелов из детских снов. Переговариваясь между собой и нежно смеясь – будто колокольчики позванивали в отдалении, женщины господина рассыпались по двору и исчезли во внутренних помещениях дома под наблюдением мрачного араба в чёрном. Сначала Лиз думала, что это и есть их новый хозяин, но промелькнувшая рядом Рейхан объяснила ей в большой спешке, что этот человек прислуживает женщинам; а настоящий господин с сыном прибудут чуть позже, не желая устраивать события из своего приезда. По румянцу на щеках красивой арабки Лиз поняла, что та неравнодушна к одному из ожидаемых мужчин. Желая – из чистого женского любопытства – увериться в этом, Лиз до позднего вечера не ложилась, ожидая приезда хозяев, но так ничего и не произошло. А утром из разговоров она поняла, что господин действительно приехал ближе к рассвету и встречаться с прислугой хозяева не собираются до тех пор, пока выполняются все их пожелания в точности. И вот, понукаемые Рейхан, шведские женщины неумолимо драят огромный дом-дворец до блеска.

Услышав лёгкие шаги позади, Элиза вздохнула с облегчением:

– Эдере, ну где ты была? Я уже начала волноваться...

Молчание вместо сыплющего оправданиями голоса другой бывшей холопки Стронбергов заставило её обернуться. Незнакомый молодой мужчина небольшого, как ей показалось с высоты подоконника, роста заинтересованно разглядывал её стройные ноги, абсолютно открытые любому взору – перед началом работы Лиз машинально, как она это делала дома со слишком длинными юбками, обвязала путающийся подол вокруг бёдер. Охнув от ужаса, Лиз вцепилась дрожащими пальчиками в узел, пытаясь поскорее его распутать и придать одежде должное положение; но не успела она и вздохнуть, как пальцы мужчины, очень красивые, длинные, хорошо ухоженные, легли на её руки, останавливая их. Ещё некоторое время он смотрел на неё очень чёрными, почти без белка, глазами, потом рассмеялся и произнёс несколько гортанных отрывистых слов, словно невзначай поглаживая девушку по бедру. Увидев, что она не понимает, он напрягся, с усилием выговорил:

– Йа... тар... дэ... хэр, – и вновь обезоруживающе рассмеялся, показывая, что на большее он пока не способен.

Лиз почувствовала мгновенное облегчение. Подтекст его слов, которые можно было услышать в любой лавке, поначалу смутил её, но сейчас она предпочла решить, что это просто была первая фраза, заученная арабом в Швеции без

особого вникания в смысл. Она уже догадалась, что это должен быть один из хозяев дома, но, поскольку она слышала, что Хусейн Лалие стар, её собеседником мог оказаться только его сын Омар. Лиз улыбнулась ему, мучительно стараясь припомнить, что велела им делать при встрече с хозяевами Рейхан.

– Вроде бы мне полагается встать на колени, – с сомнением пробормотала она по-шведски. – Но будь я проклята, если соглашусь навернуться с окна, приветствуя своего господина!..

Ей показалось, что в тёмных глазах араба, до боли напоминающих ей кого-то, промелькнула смешинка. Мужчина раскинул руки, явно готовясь принять её в прыжке:

– Фор йа?

Лиз посмотрела на него с сомнением: а он не так уж и прост, как ей показалось с первого взгляда.

– Nej, – она замотала головой, присела на корточки, опустила вниз одну ногу. Мужчина не обратил на её отказ никакого внимания, блеснул в очередной улыбке белейшими зубами. Тело Элизы скользнуло вдоль его собственного; Лалие прижал на мгновение девушку к себе, и обнажёнными ногами Лиз почувствовала мягкость его одежды.

– Феризат, ты закончила? – голос Рейхан в коридоре прозвучал строго; но стоило ей попасть под пристальный холодный взгляд господина, как дочь Маржан склонилась в низком поклоне.

– Sabahu Alkhair, – приветствовала она Лалие. И тут же обратила внимание на голые ноги служанки. – Феризат, что случилось с твоей одеждой? – тон её был холодно осуждающим, но позволял объяснить ситуацию самой Лиз: Рейхан не было выгоды ссориться с единственной переводчицей её распоряжений с французского на местное наречие для всех остальных шведских слуг.

Лиз, внезапно почувствовав озноб, повела плечами, виновато понурилась:

– Госпожа Рейхан, вы знаете, мы привыкли совсем по-другому одеваться. Мне неудобно.

– Очень плохо, – констатировала дочь Маржан. – Ты понесёшь наказание. Но не за то, что посмела неуважительно обращаться с одеждой. Руками рабыни ты касаешься нашего господина и не чувствуешь за собой вины. Это непозволительно. Вопрос о наказании будет решён позже; а сейчас ты можешь лишь преклонить колени и удалиться к себе.

Молодой Лалие уже некоторое время изумлённо вглядывался в Элизу.

– Parlez-vous... qui, qui, – перебил он себя, не закончив предыдущую фразу. Он осмотрел девушку с головы до ног тяжёлым повелительным взглядом, потрогал её волосы белого цвета, нежные и мягкие, как размолотая мука, провёл пальцами по щеке и обернулся к Рейхан.

– Подготовь её, – он произнёс потом ещё целый монолог по-арабски, но эта первая французская фраза разожгла лю-

бопытство Лиз. Подготовить её – к чему? Не собирается же этот красивый молодой господин принести её в жертву богу солнца или огня? Полушутливые размышления Лиз приняли несколько иное направление, стоило ей заметить бледность, наползающую на щёки Рейхан по мере произнесения Омаром Лалие его долгой речи.

Закончив с инструкциями, мужчины отрывисто кивнул и удалился по коридору, не обратив на Элизу никакого внимания. Рейхан взяла её за руку.

– Пойдём, – мрачно проворчала она. – Нам в женское крыло.

Элиза заволновалась:

– Госпожа Рейхан, господин очень сердится, да? Я буду сильно наказана?

Женщина кинула на неё недоверчивый взгляд:

– Не говори глупостей. Наоборот, такая удача выпадает девушке только раз в жизни.

Едва ли подобные слова были способны утихомирить Элизу Линтрем. Она остановилась, как упрямый конь, посреди дороги, вынудив Рейхан оглянуться назад с удивлением.

– Ну, что ещё произошло, Феризат?

– Что вы имеете в виду под «удачей», госпожа Рейхан?

Дочь домоправительницы устало вздохнула:

– Ты или чересчур умна, Феризат, или совсем глупая. Но зачем тогда ты вела себя с господином так вызывающе? Ты

знаешь мужчин. Господин возжелал тебя и освободил от всякой работы.

Элиза недоверчиво усмехнулась:

– Что значит «освободил»? Он купил меня, чтобы я прислуживала в доме. Что же я буду делать теперь?

Рейхан смотрела на неё, как на слабоумную, с жалостью:

– Прислуживать господину, разумеется. Он забирает тебя в свои покои. Ты будешь улаживать его музыкой, танцами и беседой, угождать всем желаниям, согревать, когда он пожелает, в постели...

Пронзительный вопль протеста заставил её испуганно замолчать. Глаза Лиз Линтрем сверкали молнией:

– Ещё чего! Этот человек рехнулся? Отчего это он вдруг решил, что я буду рада оказаться в его постели? Спасибо за предложение, но я уж как-нибудь проживу и без таких «милостей»!

Лиз развернулась, намереваясь вернуться к своему окну; но пальцы Рейхан больно вцепились в нежную руку, голос звучал вкрадчиво:

– Позволь открыть тебе, Феризат, одну маленькую тайну: никто не спрашивал твоего мнения. У нас, если мужчина хочет, женщина подчиняется с радостью.

Девушка дёрнулась:

– Это не относится ко мне. Я воспитана по-другому.

– Очень, очень нехорошо воспитана. Твоя жизнь принадлежит нашему господину, а ты не хочешь доставить ему ма-

ленького удовольствия. Но я-то служу господину Омару преданно; пусть даже это поручение не вызывает во мне особого восторга, я выполню его. Пойдём. Иначе я позову мужчин, и они будут держать тебя, пока женщины господина Хусейна станут готовить тебя к новой роли. Пойдём же со мной, Феризат, – добавила Рейхан куда мягче. – Каждая женщина должна быть красивой. Наложницы господина помогут тебе осознать твою красоту... и твоё предназначение в этом мире.

Омар Лалие лениво пошевелился среди подушек, несколько раз напряг и расслабил уставшие мышцы бёдер, полузакрыв глаза. Медный мундштук кальяна дымился между его пальцев, смесь экзотических трав с добавлением небольшой доли опиума рождала фантастические видения и мечты. О беленькой девушке... Наверное, он поторопился ознакомить её с традициями восточного мира, вполне возможно, что она не готова к этому. Но даже у него, воспитанного философом, есть свои пределы терпения. Он хотел видеть её в своей постели, покорную и податливую, слышать слова любви, срывающиеся с её губ, и видеть в томных глазах желание, которое лишь он мог удовлетворить в ней. Восхитительные грёзы наполнили пелену, окутавшую его мозг; лицо женщины таяло в золотистой дымке и возникало вновь, она протягивала к нему руки, бесстыдно предлагая себя, складывала губы для поцелуя... и уходила, не поцеловав.

Гневный крик у дверей его комнаты грубо вернул Омара вниз из заоблачных далей; он нахмурился, собираясь устроить разнос слугам, всегда таким незаметным и вышколенным.

– Снимите с меня это!

Твёрдые руки Рейхан втолкнули в комнату сопротивляющуюся Лиз Линтрем; девушка размахивала руками, пытаясь избавиться от полупрозрачного покрывала, укрывшего её с головы до ног.

– Как только можно носить эту гадость – я ничего не вижу через неё! – яростно протестовала Лиз по-шведски, по-видимому, не намереваясь быть понятой Рейхан.

Омар Лалие улыбнулся, лениво пошевелил кистью руки с зажатым между пальцами мундштуком, коротко уронил в сторону дочери экономки:

– Уходи.

Рейхан молча поклонилась, задом попятилась к двери, не поднимая на Омара глаз, и исчезла за нею. Лиз Линтрем в лёгкой растерянности застыла среди спальни хозяина, сохраняя в тщательно подведённых чёрной краской глазах так безумно волнующее его бунтарское выражение.

Омар повелительно поднял руку:

– Подойди сюда, Феризат, – скомандовал он по-французски. Шведская девушка в ответ лишь презрительно фыркнула. – Подойди и сядь, – повторил Лалие. – Я хочу рассмотреть тебя повнимательнее.

– А вы видите здесь меня?! – запальчиво возразила Лиз Линтрем. – Эти чёртовы женщины с ног до головы покрыли меня разной краской, обмазали какими-то мазями, обрядили в одежду, в которой я не умею и шага-то ступить... Где вы видите здесь меня, повелитель?

Омар откинулся на подушки, тяжёлые веки слегка пригасили пронизательность его взора.

– В твоём голосе слышится недовольство оказанной тебе честью...

– Стать вашей женщиной – для меня не честь, а бесчестье, – отрезала она, словно остро заточенной бритвой полоснув по его самомнению.

– Отчего же? – мягко поинтересовался он. – Ведь у тебя есть все шансы стать женой социально значимого человека, пусть даже чужой тебе культуры. И это при том, что ты уже не молода – возможно, даже более двадцати лет...

– Не исполнилось и девятнадцати! – гневно отреагировала Лиз в полном соответствии с его надеждой.

– Я не нравлюсь тебе?

– Не то... не знаю... не имеет значения. Меня пугает именно то, что вы называете «чужой культурой». Для меня противоестественно оказаться всего лишь одной из двадцати, тридцати жён обеспеченного мужчины.

– На самом деле их не может быть больше четырёх, – тихо поправил её Лалие. – Остальные – наложницы.

– Разве есть особая разница? – Лиз выглядела удивлён-

ной. – Они все ваши женщины, вы спите по очереди с каждой.

Мужчина чуть приподнялся с подушек, мягко взял её за руку и подтянул к себе. Голос его звучал тихо и завораживающе:

– Это правда, любовь моя. Но когда ты станешь моей женой, я буду принадлежать тебе безраздельно... а ты – мне.

Элиза коротко хохотнула:

– Замуж? Нет уж, спасибо. Я дважды была замужем – по любви и по обязанности...

– Была замужем? – залитые чернотой глаза Лалие сузились, женщину полоснул холодный взгляд волка. Она вздрогнула, поднесла руку к горлу, торопливо исправилась:

– Ну, почти была...

– Так не бывает, любовь моя, – лицо Лалие вновь расцвело в улыбке. – Невозможно быть женщиной и невинной девушкой одновременно, невозможно сразу быть и не быть женой мужчине.

– Ещё как возможно, – угрюмо возразила ему Лиз. – Во всяком случае, я была обручена – это значит, что мой жених может прохладиться, где ему вздумается; но, вернувшись, он сможет найти меня, никем не тронутую, ни в кого не влюблённую, на прежнем месте.

– Думаю, что он пожалел о своём отсутствии, увидев тебя, Феризат, – усмешка светилась в глазах араба. – Наверное, он подумал, что, по меньшей мере, уже три года мог бы владеть

этим прекрасным телом, если бы не покинул тебя.

– Это его проблемы, – к Лиз снова вернулось угрюмое настроение.

А Лалие обратился опять к интересующей его теме:

– Так ты невинна, моя красавица, или уже успела познать мужчину – до возвращения своего жениха?

– Какого чёрта... – Лиз пробормотала по-шведски проклятие и осеклась. – Вас это не должно волновать, повелитель, – с очаровательным хладнокровием улыбнулась она.

В глазах мужчины понемногу распускал лепестки алый цветок ярости:

– Феризат, ответь мне... или я узнаю это самостоятельно.

Она посмотрела сквозь плотную ткань на него с плохо скрываемой неприязнью:

– Попробуйте.

– Merci beaucoup, – с изысканной вежливостью поблагодарил он. – Хотя я и не нуждался в твоём разрешении.

Его рука протянулась к мягкому кокону, окутавшему её, легонько потянула за край, и покрывало упало на пол, открыв всю женщину его взору – от кончиков изукрашенных ручной вышивкой туфель до поднятых вверх белых волос, втиснутых в головной убор незамужней девушки, из-под которого на свет вырывались только несколько крохотных завитков. У Омара Лалие вырвался лишь потрясённый вздох, когда он рассмотрел повнимательнее неподвижную маску, сменившую очаровательное, полное жизни лицо. Женщины

Хусейна придали Элизе привлекательности в соответствии со своими собственными понятиями о таковой – тяжёлые украшения оттягивали ей уши, оставляли следы на нежной шее и заставляли склоняться вниз заносчиво выпяченный подбородок; веки были полузакрыты под гнётом пронзительно-голубой краски, толстым слоем нанесённой на них руками Голе-Мохтар, старшей жены Хусейна, относившейся к Омару, словно к собственному ребёнку, которого она не имела, но хотела безумно. Эта же женщина, миниатюрная и невесомая, будто изящная статуэтка, раскрасила щёки Лиз розовой краской, а губы – яркой помадой, сильно пахнущей миндалём; ресницы Элизы стали вдвое длиннее и торчали острыми ярко-синими стрелочками в разные стороны.

– *Minois de rouree*. Куколка, – пробормотал Омар, испытывая почти что благоговейный ужас перед размахом Голе-Мохтар: начав закрашивать природную красоту Элизы Линтрем, та не пропустила ни единого фрагмента, где могла оставить свой след. Мягкая, чуть ироничная улыбка согрела его лицо. – Первое, что я хотел бы сделать – это умыть тебя, дитя моё.

– Я не ваше дитя, – угрюмо отозвалась Лиз.

– И это великолепно, – подхватил Лалие. – Иначе я вряд ли бы смог любить тебя... как свою женщину.

– *Mon Dieu*, как же мне убедить вас, что я не хочу этого! – закричала она в отчаянии.

Омар продолжал улыбаться.

– Красавица моя, зачем тратить напрасно силы? Решение уже принято.

– Вот ещё! – сразу же оцетинилась Элиза. – Моему жениху не принесли никаких результатов пять месяцев ухаживания, а вы надеетесь, повелитель, овладеть мною в эту же ночь? Я с вами не лягу.

– Феризат, – мягкий упрёк прозвучал в его голосе, – как ты могла подумать, что я прикоснусь к тебе без твоего на то согласия? Возможно, подобные нравы господствуют в твоей дикой, холодной стране... но на Востоке, прежде чем взять женщину, мужчина должен покорить её сердце. Наша брачная ночь не наступит ни сегодня, ни завтра – ты молода и испугана, а я не хочу иметь такую жену на своём ложе, – он проигнорировал её отчётливо громкий, полный облегчения вздох. – Тебе ещё многое предстоит узнать, Феризат, перед тем, как мулла произнесёт над нашими головами священное слово «иншаллах».

– Это означает заключение брака? – тревожно вспорхнули ресницы Элизабетты.

– Это означает благословение Аллаха на то, чтобы ты принадлежала мне.

– Я и так вам принадлежу, – пожала плечами Элиза, – вы купили меня.

– Почему же ты мне не подчиняешься? – веки Лалие полузакрылись, словно его не очень-то интересовал ответ на этот вопрос.

– Вы требуете от меня невозможного, – просто отозвалась Элиза. – Есть человек, за которого я собираюсь замуж... в первый раз я должна принадлежать только ему.

В полумраке огромной спальни глаза мужчины, напоминающие два агата, ярко блестели.

– Похвально, – сухо обронил он. – Только, по-моему, у тебя проблемы с французской грамматикой – здесь следовало употребить прошедшее время. Ты собиралась замуж и должна была хранить целомудрие. Сейчас я намереваюсь стать твоим мужем.

– Мечтайте, если так хочется, – равнодушное пожатие плеча и ледяная улыбка имели целью смутить его. Омар Лалие улыбался.

– Ты красавица, Феризат. Ты мне напоминаешь дикий цветок среди полыни. Пока что твоего шарма хватает на то лишь, чтобы разбивать сердца слугам. Твой ум – ум пятилетней девочки, *femme fatale*... ты неиспорченна и прекрасна, – уложив, не без некоторого сопротивления, её на подушки рядом с собой, восточный вельможа смочил платок в воде, пахнущей травами, и нежными ласкающими движениями начал стирать с совсем юного личика старящую его краску. Элиза Линтрем ощущала лишь божественную истому, погрузившись в невероятную мягкость ложа, как в птичий пух; она даже не обратила внимания, как осторожно отцепили впивающийся в голову жемчужный венец и Омар Лалие со сжигающей страстью во взоре выкладывает белые пряди длинных

волос нимбом вокруг её головы; смочив слюной указательный палец, он медленно обводил контуры нежных губ, когда неожиданно для Элизы, но ещё больше – для него самого, женский рот приоткрылся, зубки слегка прихватили кончик пальца и розовый язычок облизал его. Приглушённый стон Лалие привёл Лиз в чувство; ужасаясь своему поступку, она покраснела, попыталась вскочить, неловко бормоча:

– Боже, простите, простите! Не знаю, что на меня нашло...

Мужчина пытался её успокоить:

– Перестань, Феризат, всё хорошо, всё правильно. Здесь только моя вина, я не сдержался. Я слишком сильно желал тебя, так, что едва не выплеснулся от твоей крохотной инициативы.

– Едва не – что?

Брови Лалие озадаченно сомкнулись на переносице:

– Возможно, я начинаю этот разговор чересчур рано, Феризат, но ты хотя бы знаешь, чем отличается мужчина от женщины?

– Я не ребёнок, – гневно фыркнула Лиз, – у нас в семье восемь детей, старший – брат. Конечно, я знаю, как выглядят парни... наверное, эта штука причиняет им много неудобств.

В темноте над ухом она услышала нечто, напоминающее мягкий смех.

– Это точно. Особенно сейчас, – отыскав руку Лиз, Омар

Лалие приложил её к нижней части своей одежды, заставив обхватить пальцами твёрдый пульсирующий столбик. – И так в самые неподходящие минуты. Сама понимаешь, скрыть своё возбуждение мужчине трудно, когда все мысли только о сладком, влажном входе в рай.

Элиза нахмурилась:

– Вы говорите загадками. Я вас не понимаю. Если речь идёт о совокуплении, то разве оно приятно? Однажды, – она покраснела, – я застала, когда была маленькой, на берегу озера парня с его невестой. Она так стонала, что мне хотелось убить его, чтобы он перестал её мучить... – голос её затих, потом шёпот снова прорезался – еле слышный. – Это жестоко – так поступать с женщиной во имя продолжения рода.

Длинные пальцы мужчины перебирали её волосы, он придвинулся к ней совсем близко:

– Ты маленькая дурочка, Феризат. Когда-нибудь ты продолжишь мой род и поймёшь, как это сладко – создавать себе подобное существо.

Лиз полоснула его неприязненным взглядом:

– Похоже, вы убеждены, повелитель, что мир вращается вокруг вас. Жаль, но в ближайшее время ваш ребёнок не входит в мои планы.

– Какие шипы! – нежные пальцы погладили её рот. – Я настаиваю на рождении сына уже через девять месяцев. Чем больше попыток потребуется для этого, тем лучше.

– Прощайте, мой господин, – ошущая, как полыхают в

темноте её щёки, Элиза сделала попытку встать с подушек, затягивающих в свою умиротворяющую мягкость, словно обманчивые пески. Ей уже удалось перенести неподатливую тяжесть тела на четвереньки – не самая изысканная поза для одалиски, потом сесть на колени, когда рука господина обвилась вокруг её левой лодыжки, мягко, уверенно потянула к себе, с усилием, впрочем, не достаточным, чтобы сдвинуть Лиз с места. Пытаясь сохранить равновесие, девушка приняла вертикальное положение.

– Я снова допустила в чём-то ошибку? – смиренно выдохнула она. И скорее почувствовала, чем увидела, утвердительный кивок Лалие.

– Это мне решать, милая, – пояснил он. – Мне решать, когда ты уйдёшь и когда вернёшься. Ты принадлежишь мне. Моё желание для тебя – закон. Слышала когда-нибудь выражение господина по отношению к верному слуге? «Я говорю «прыгай» – он спрашивает, как высоко, я говорю «убей» – он спросит лишь, кого именно...» Отныне это твоя жизнь, соблазнительница, – он ласкал длинными пальцами её ногу так, словно в его руке была, по меньшей мере, женская грудь.

Рывок последовал для Лиз неожиданно; он был таким сильным, что девушка не удержалась на ногах и рухнула на лениво развалившегося на подушках мужчину, почувствовав это падение всеми частями своего тела. Встать снова ей не удалось: даже ослеплённый прохладным водопадом укрывших его лицо волос, господин безошибочно охватил

руками тонкую талию, колени намертво стиснули податливые женские бёдра. Надёжнее этих уз Лиз не встречала в своей жизни.

– Чёрт побери, что вы делаете? – пробормотала она.

Ответ был для неё неприятен:

– Учю покорности свою женщину. Думаю, придётся немало с тобой повозиться, чтобы ты поняла, кто твой хозяин, милая...

– У меня уже был хозяин! – выкрикнула она. – Он точно так же, как и вы, хотел моё тело, он заставлял меня слушать рассказы о тех вещах, которые мечтал со мной сделать. Возможно, он будет меня искать... – голос её затих, как ручеёк, теряющийся среди песка.

Омар Лалие некоторое время ждал продолжения, но безуспешно.

– И кого бы ты предпочла, появишься здесь твой прежний хозяин?

– Андреса!

– Его, значит, – мягко констатировал повелитель.

– Нет, – Лиз покраснела. – Его звали Марис Стронберг. Андрес же – мой жених, человек, которого я люблю.

– Ничего, – житель песков отнёсся к возникшей неожиданно конкуренции совершенно спокойно, – я помогу такой неприятности. Я люблю, когда женщины меняют свои решения, их прелесть – в непостоянстве. Ты поможешь мне скрасить ночи и дни здесь до возвращения на Восток, прекрас-

ный ангел. Я буду твоей Шахерезадой...

– Чем будете? – сдавленным шёпотом переспросила девушка.

Он обратил на неё мечтательный взор своих тёмных глаз, блестящих, как драгоценные камни редкой породы.

– Твоим рабом, о прекраснейшая! Я расскажу тебе тысячу и одну сказку о влюблённых, и ты вознаградишь меня своей нежностью.

Элиза яростно замотала головой, и пряди белых волос снова упали ему, лежащему под девушкой, на лицо:

– Даже и не мечтайте! Если уж я буду вынуждена испытать боль, так пусть это сделает человек, которому я доверяю...

– Так всё и произойдёт, богиня. Ты научишься мне доверять прежде, чем взойдёшь со мною на ложе, – холодный самоконтроль этого человека, его уверенность в будущем начинали смущать её. А он продолжал говорить ужасные по своей сути, непристойные вещи. – Я научу тебя любовному искусству моей страны, расскажу, как женщины ласкают мужчину руками и ртом, благодаря за оставленное в них семя...

Сдавленно пискнув, Элиза рывком вскочила, выбежала из спальни до того, как он успел среагировать. Услышанное превышало меру её возможностей. Господин не собирался догонять строптивую, напуганную рабыню; он рассмеялся, закрыл глаза, взялся вновь пальцами за мундштук кальяна. Надо дать ей время привыкнуть. Никто никогда не упрекнул

бы Омара Лалие за принуждение женщины. В ожидании тоже есть своя прелесть...

Глава 14

Запыхавшись, Лиз Линтрем ворвалась в «Покои малой жемчужины», отведённые ей для жилья Рейхан бен Сина на время её пребывания в доме в качестве развлечения господина. Ей не было даже позволено вернуться в маленький дом к остальным женщинам или поговорить с Эдере или Ренатой наедине. «Отныне ты не такая, как они, Феризат, – сказала ей дочь домоправительницы. – Ты другая. Тебя выделил господин». Даже помочь ей переодеться ко сну прислали Полетту, личную горничную французской жены Хусейна Низель. Как свободная женщина могла мириться с положением одной из трёх, даже не старшей жены, казалось Лиз неразрешимой загадкой; Низель Лалие, тем не менее, обожала своего мужа, не желая никаких перемен, и жила с остальными женщинами – холодно-элегантной арабкой Голе-Мохтар и добродушной гречанкой Федой – в спокойствии и в мире. Свою нехитрую философию Низель изложила Элизе месяц спустя во время прогулки по саду, разбитому перед домом расторопными слугами: «Он любит их, но и меня тоже. Хусейн – крепкий мужчина, его любви хватает на всех нас. Отчего же мне испытывать к ним неприязнь?»

Лиз Линтрем удивлялась её рассказам, но ещё более её ставило в затруднение поведение собственного господина. Омар Лалие был непредсказуем. В общении с ним Лиз с са-

мого начала избрала не самую подходящую тактику поддрознивания и бегства в критический момент. Менее выдержанный человек давно бы уже преступил черту и удавил бы её на месте, но не очаровательный тёмноглазый молодой араб. Не раз ей казалось, что он готов нарушить своё обещание и ночью прийти к ней; однако Омар Лалие никогда не догонял свою рабыню, не упрекал и не наказывал её, а в его глазах привычно стояла смесь любопытства и лёгкой иронии, отчего Элиза ощущала себя порой несмышлёным ребёнком или ручной зверушкой, выходки которой лишь веселят хозяина. И он был прав в тот, первый вечер: с каждым днём она избегала общения с ним всё меньше, наслаждаясь его великим даром рассказчика восточных преданий, сказок; он умел играть на самых необыкновенных, причудливых инструментах, названия которых Лиз не могла даже повторить. В зависимости от настроения, менявшегося у него, как погода на озере, он пел на разных языках – французском, английском, на языке своей родины, а Лиз в свою очередь учила его некоторым шведским словам и выражениям. Он схватывал знания на лету, словно родился в Швеции, не забывая ни на секунду при этом, где его настоящая родина. Его описания шумных и красочных восточных базаров заставляли широко раскрываться глаза Лиз, а Улугбек, древний правитель великого Самарканда, король-учёный, которым восхищался Омар, завоевал и сердце Феризат по его рассказам. Она говорила ему о Нордах, валькириях и Валхалле, а он

смеялся над предрассудками, объединяющими все религии мира: в мусульманский рай женщины тоже не допускались, для преисподней исключения не были так строги. Омар Лалие наполнял её жизнь каким-то потайным смыслом, он был очарователен, искрился весельем и остроумием... больше не покушался на её тело; Лиз всё чаще ловила себя на пугающей мысли, что молодой господин стал более для неё реален, чем Андрес Ресья, он заслонил собой лицо Андреса, и почему-то облик её возлюбленного, приходивший к ней по ночам, уже имел густые тёмные волосы, смуглое тело, насмешливо кривящийся красивый рот. Не замечая того, Лиз отдавала Омару своё сердце... Ну разве мог сравниться с великолепным космополитом провинциально-ограниченный Андрес, никуда не выезжавший за всю свою жизнь дальше Стокгольма! Успокаивая совесть, поначалу Лиз представляла себе, что Омар Лалие – это огонь, звезда, которая вскоре исчезнет за горизонтом и никогда не вернется вновь, а Андрес... Андрес был верным и тёплым светом костра, без обмана зовущим к себе во мгле. Он был надёжен, чего так не хватало красивому господину Востока! Но Омар не переставал её удивлять, обнаруживая день за днём всё новые черты характера, каких Лиз у него и не подозревала. Он страстно любил детей, умел обращаться с ними – Элизабетта своими глазами видела, как ловко однажды он перепелёнывал грудного ребёнка одной из служанок, не обращая внимания на расплзающиеся по его парадной одежде слюни. Он хотел иметь много де-

тей. Упоминание о малышах являлось единственной критической точкой в их отношениях – не было никакой возможности убедить Омара Лалие в том, что матерью его сыновей может стать всякая женщина, а не только Лиз Линтрем. По счастью, тема эта в их разговорах появлялась не часто. Больше всего он хотел знать о её бывшем хозяине, их взаимоотношениях, собираясь, наверное, учиться на чужом опыте, чтобы не допускать промашек Стронберга, которыми тот отпугнул от себя Лиз.

– Не понимаю, – расположившись, как и в первый раз, на подушках, он прижимал к себе упругое тело девушки так, что её волосы покрывали его сильные бёдра. – Почему ты обиделась на его слова? Он сделал тебе комплимент, сказав, что хочет тебя.

– В этой стране так себя не ведут. Шведские девушки воспитаны по-другому. То, что говорил мне Стронберг, чаще всего было пошлостями.

– Вот как? – задумчиво повторил араб. – А если я скажу, что твои волосы похожи на жидкий жемчуг и сияют так, словно в них запуталось солнце, а твои глаза, – он потянулся к её лицу и запечатлел лёгкий поцелуй на губах, – такие загадочные и тёмные, говорят об ожидающих нас ночах наслаждений – это тоже окажется пошлостью или дерзостью?

– Нет, наверное, – Элизабетта растерянно пожалала плечами.

– Тебе приятно это слышать?

– Каждой женщине приятно услышать о том, что она красива.

– А о том, что она соблазнительна – разве нет?

– Опять то же самое! – Лиз покраснела. Ему очень хотелось знать, от ярости или стыда. Он предпочёл бы ярость.

– Ради Аллаха, перестань смущаться своего тела! – он поднялся рывком, усадил её к себе на колени. – Такое прекрасное тело, как у тебя, не так часто встречается...

– Уж не думает ли мой господин, что я – просто неодухотворённый кусок плоти? – с раздражением осведомилась Лиз, делая попытку вырваться.

– Думает, – так же сердито подтвердил Лалие. – Потому что единственное, что в тебе настоящее – вот, вот, вот! – он провёл пальцами по её губам, грубо потискал грудь и, несмотря на сопротивление, просунул руку между крепко стиснутых девичьих бёдер. – И это всё, что от тебя будет нужно мужчине, а вовсе не разговоры, – он не удержался от искушения пошевелить пальцами в своём уютном горячем убежище.

Лиз застонала чуть слышно, вцепилась ногтями в его руку:

– Лалие...

– Да, милая? – насквозь фальшивым невинным голосом переспросил он. – Может быть, ты желаешь, чтобы я закончил то, что сейчас делаю? Хочешь сгореть в единственном огне, который возрождает из пепла, а не превращает

в него? – он продолжал её ласкать обеими руками, потом наклонился и поцеловал виднеющуюся под полупрозрачной тканью грудь, с давно забытым волнением ощутив, как мгновенно напрягся в ответ под его ладонью нежный сосок.

Ругательство, вырвавшееся сквозь стиснутые зубы Лиз, отвлекло его.

– Новое слово. Это по-шведски?

– Нет, по-гречески!

– Ты и греческий язык знаешь?

– Перестань, Лалие, – она с отвращением уставилась на его руки – ухоженная смуглая кожа, длинные пальцы с серебряным лаком на ногтях, гармонирующим с сиянием аквамарин в браслетах на запястьях. Лиз отодвинулась. – Не знаю, каких демонов ты вызываешь, чтобы сотворить такое со мной, да и не хочу знать. Я не хочу, чтобы ты делал это!

– Не хочешь? Ха-ха, – так же жёстко отозвался её хозяин, не сводя глаз с напряжённой женской груди. – Я купил тебя не для того, чтобы показывать гостям или держать за стеклом, как величайшую драгоценность. Ты здесь для моего удовольствия и доставишь его мне сполна, – быстрым движением – Лиз даже не сообразила, что происходит – он прижал её своим телом к постели, закинул наверх руки... и, даже не поцеловав, отпрянул. С саркастичной улыбкой на губах он любовался ею. Лиз разозлилась, рванулась вперёд, чтобы ударить его, но осталась на месте. Испытывая чувство, близкое к ужасу, она кинула взгляд на свои руки – запястья на-

крепко были привязаны к столбикам кровати – произведениям ювелирного искусства из золота и драгоценных камней разного цвета.

– Лалие? – замирающим голосом прошептала она, и вопрос повис в воздухе.

– Такой ты мне больше нравишься, – наконец улыбнулся её мучитель. – Хорошо бы ещё заткнуть и твой очаровательный грязный ротик, умеющий извергать такие непристойности. Но тогда я не услышу твоих стонов, чего не хотелось бы пропустить.

– Ты собираешься меня пытаться? – Лиз побледнела.

– Пытать? – Омар задумался. – Да, в некотором роде.

Он опустился перед ней на колени, нежно погладил напрягшийся от его прикосновения живот, накрыл его раскрытой ладонью, словно бы измеряя пространство для будущего ребёнка. Лиз вздрогнула, поймав себя на этой мысли. Его блажь, похоже, сказалась и на её умственных способностях. А следующее действие господина и вовсе отняло у неё всякое желание размышлять. Неторопливо развязав на её широких штанах из прозрачной зелёной ткани, лёгкой, как дым, плетённый пояс, он потянул их вниз. Газовая ткань лужицей растеклась у её ног. Когда он взялся за крохотные панталончики из хлопка, Лиз закричала.

– Чёрт тебя побери, merdè, что ты делаешь?!

– Ах, ах, как грубо, любовь моя, – Лалие покачал головой. – Подожди и узнаешь.

– Не хочу! – девушка завизжала.

Плавным движением, словно перетекая из одной формы в другую, Лалие встал, запечатал ей рот горячим и жадным поцелуем. Лиз дрожала, пока его язык по-хозяйски исследовал нежный рот, а груди словно таяли от жарких ласк. В тёмных глазах её стоял туман, когда мужчина отодвинулся со стоном. Она даже не пошевелилась, снова и снова переживая поцелуй и едва ли заметив, что нижнего белья на ней уже нет, а мужская суть господина тверда, как гранит. Араб опустился на колени, пытаясь скрыть реакцию своего тела.

– Нам будет хорошо вместе, Феризат, – хрипловато произнёс он. – Держу пари, он никогда не целовал тебя так, как могу я. Твой рот, мёд и перец, это ещё не всё, – уверенными ладонями он раздвинул ей ноги.

Дыхание Лиз прервалось, из головы выскочили последние мысли, когда она ощутила его губы ТАМ. Она слабо задёргалась, и смуглые пальцы вцепились в пушок, прикрывающий её женственность, прижимая жертву к постели. Лалие пошевелился, обнял её за бёдра, и Лиз ощутила, как захлёстывают её горячие волны, густые и тяжёлые, как любимый Аде ликёр, и такие же расслабляющие. Она бы непременно упала, если бы не лежала уже поверх мягкой, как пух, постели. К губам Лалие присоединились его пальцы, не менее ловкие, лишённые всякого стыда. Лиз дрожала всем телом, металась на подушках, сжимала бёдра, дыхание короткими всхлипами вырывалось из её рта.

– Тебе нравится, да? Нравится, – так же горячечно шептал её любовник. – А теперь твоя очередь поласкать меня, – почти незаметное движение, и узлы, стягивающие её руки, распались, стекли вниз струйками эфира. Мужчина вытянулся с ней рядом, совершенно нагой, и его горячая твёрдая плоть легла на её бедро. Омар схватил её руки, одну положил себе на грудь, совершенно лишённую волос, а пальцы другой сомкнув именно там, где он хотел ощущать её. Шокированная Лиз, осознав, как далеко завёл её угар страсти, забилась.

– Я не хочу, не хочу! Пожалуйста, не надо...

Мужчина пытался ещё изменить что-то, целуя её грудь, но ужас неопытной одалиски лишь возрастал. Она сопротивлялась, скидывая господина с себя.

– Отпустите меня, прошу вас! Господи, помоги мне... не хочу этого...

Омар отпустил её. Она сорвалась с постели, торопливо натянула штаны, боясь, что он будет преследовать её.

– Элизабетта.

– Да? – она остановилась у самой двери, нерешительно оглянулась, увидев лишь упругие ягодицы своего повелителя, так как Лалие продолжал лежать без движения, уткнувшись лицом в подушку, отчего голос его звучал глухо.

– Я поторопился. Прости меня, Элизабетта. Прости меня.

Испытав необъяснимое волнение от этих слов, Лиз коротко и неловко кивнула, чего он не заметил, и побежала к себе. Что-то неувлимо странное было во всём этом...

Догадка пришла к ней только глубокой ночью, когда, мучаясь от бессонницы, она плескалась в небольшой ванне, наслаждаясь экзотическим ароматом трав, щедрой рукой насыпанных туда Полеттой. И заставила её похолодеть от испуга: свои последние слова извинения Омар Лалие произнёс на великолепнейшем шведском языке.

Глава 15

В ту ночь беспокойство не давало ей уснуть очень долго, и потому был уже час, как минул полдень, когда Элиза Линтрем открыла глаза, реагируя на взволнованный голос стоящего над нею хозяина. Он звучал, по-видимому, уже давно:

– ...чёрт знает что. Феризат, ты заставила меня поволноваться. Я едва не сошёл с ума от беспокойства, подумав даже, что ты решила одна, назло мне, отправиться в сады Аллаха.

– Куда? – Лиз сладко зевнула, потягиваясь.

Заворожённо уставившись на её розовый рот, Лалие потерял нить разговора.

– Э-э... неважно. Ты позволишь мне поцеловать тебя?

– Может быть, позже? – Лиз без стеснения выбралась из своей постели, босой прошлёпала к одеянию, приготовленному ей Полеттой на этот день. – После завтрака, например. Я ужасно проголодалась.

– А... да, прости, пожалуйста. Я сейчас уйду. Однако прежде я собирался сообщить тебе, что сегодня у нас будут гости.

– Кто будет? – забыв про сон, не веря своим ушам, переспросила Лиз. – Гости? И ты решишься показать им меня? Кто они?

– Семья из местной аристократии, – Лалие зловредно улыбнулся. – Мои добрые соседи и твои бывшие хозяева,

Стонберэ. Камил и Лайма.

– Лаймен и Эмиль, – автоматически поправила его Лиз.

– И их старший сын с супругой.

– Вот уж Аде порадуется моему унижению!

– А, может быть, ты – её? – мягко предположил Лалие.

– Как это? – не поняла Лиз.

– Для этого тебе всего лишь стоит исполнить роль моей жены. Я стою выше Стонберэ на социальной лестнице и я богаче их. Ты можешь стать частью этого.

– Это только игра...

– Прости, – он пожал плечами. – По-настоящему я женюсь на тебе только после того, как ты понесёшь моего сына.

Лиз даже не обратила на всегда раздражавшую её фразу внимания, с головой уйдя в припоминание всех оскорблений и обид, перенесённых ими с сестрой от Аде за последние годы. Теперь она может унижить её – пусть ненадолго, на время, изменив своим принципам.

– Да, я хочу этого! – она встала с кресла. – Подожди. А... а Марис?

– Младший? – уточнил её господин. – Тот, который хотел тебя столь страстно?

– Да. Он попытается вернуть меня.

– Его не будет. Госпожа Стонберэ прислала письменное извинение – её сын в отъезде.

– Слава Господу! – Лиз обворожительно улыбнулась. – У тебя будет достойная жена в этот вечер, мой господин Омар.

Но... – она помедлила и продолжала, ободренная еле заметной улыбкой, скользнувшей по его губам, – ты не рассердишься, если я буду с ней жестока?..

Совсем скоро она раскаивалась в своём опрометчивом согласии: после лёгкого завтрака, состоявшего из экзотических фруктов, её не оставили одну, как обычно, размышлять о сладостной мести Аделаиде Стронберг. Полетта Пратен и чернокожая эфиопка Хосефа, обычно прислуживавшие жёнам Хусейна, обрядили новоявленную госпожу в богато вышитое золотой нитью платье и препроводили её в самые просторные покои северного поместья, которые занимали в согласии и мире первая, вторая и третья мадам Лалие. Там царило вечное лето и восточная роскошь – невиданные украшения из кости, золота, драгоценных камней, росли в резных кадках две финиковые пальмы, между которыми в позолоченной клетке на жёрдочке покачивался попугай.

Лиз озиралась вокруг с благоговейным восхищением – здесь оживало всё, что до сих пор она видела лишь на страницах книжек.

– Садись, юная госпожа, – холодный голос, обжигающий одной своей интонацией, прозвучал, как показалось сначала Лиз, ниоткуда. Затем прямо в стене раздвинулись две половинки ковра, расшитого шёлком и бисером, и в залу вступила средних лет женщина ростом не выше Лиз, но такая стройная в талии, что северянка сама себе показалась неук-

люжей коровой. Незаметно перебирая ногами, женщина с пронзительным взором, казалось, плыла по воздуху вместо того, чтобы идти. Её длинные тёмные волосы, уложенные короной, прикрывала прозрачная ткань, а платье было сшито из настоящего китайского шёлка и не требовало никаких дополнительных украшений. Лицо хозяйки было худым и властным, нос – крупным, с горбинкой, губы – узкими, а кожа – желтоватой. Но всё это отходило на задний план, когда внимание обращалось на её глаза – огромные, похожие на чёрный жемчуг, глубокие и гипнотизирующие.

Лиз Линтрем встряхнула головой, возвращая себе ясность мыслей, и с радостью разглядела за спиной первой жены Лалие вошедшую следом в залу француженку Низель, единственную, кто удостоил её в этом незавидном положении своей дружбы.

– Мадам Низель! – она бросилась к ней. – Как я счастлива видеть вас...

К её удивлению, Низель Лалие нахмурилась:

– Мы здесь не одни, Феризат. И я не та, кого ты должна приветствовать первой. Преклони поначалу колени перед старшей госпожой, перед Голе-Мохтар бен-Шаккум, ибо она – повелительница этого дома.

Лиз охотно поверила ей, заглянув ещё раз в мёртвые глаза первой супруги. И склонилась в низком поклоне:

– Моя госпожа.

С минуту заставив её понервничать, Голе-Мохтар надмен-

но кивнула:

– Садись, девушка.

Сама она устроилась поудобнее на мягких подушках, разбросанных по полу поверх роскошного ковра, движением головы разрешила садиться своим наперсницам и приняла из рук подлетевшей Хосефы неизменный кальян, прежде чем продолжить:

– Итак, ты – Феризат, заставившая трепетать сердце наследника моего господина. Я не удивлена, – она придиричливо осмотрела шведку, – на Востоке беловолосые женщины – редкость, и даже мой господин не устоял в городе развлечений перед сиянием волос Низель, – Голе-Мохтар холодно улыбнулась француженке. – Наследник моего господина желает сделать тебя своей первой, старшей женой.

– Первой? – вырвалось у Элизы.

Голе-Мохтар взглянула на неё с неодобрением:

– Разумеется, и это честь для тебя, северянка. Со временем твой господин возьмёт себе ещё три жены, и ты сможешь удержаться от падения лишь в трёх случаях: если станешь для господина вернейшим другом, останешься всё равно красивее и забавнее всех жён либо – единственно верный способ – родишь господину первого сына-наследника.

– Значит ли это, почтенная госпожа, что вы – матушка господина Омара?

– Нет! – рявкнула арабка, вконец раздражённая любопытством Элизы. – И перестань перебивать меня, северянка. Мы

– все трое – не родили нашему господину детей, хотя у Низель и Феды есть дочери от предыдущих браков. Но господин может взять себе ещё одну, последнюю жену. А пока наследник – приёмьш.

– Приёмьш? – тупо переспросила Лиз.

Голе-Мохтар только фыркнула.

– Феризат, Омар – не родной сын нашего мужа. Хусейн, к сожалению, бесплоден, – мягко пояснила Элизе Низель. – Но об этом не следует никому знать. Вот почему Омар почитается как сын повелителя в этом доме. Как любимый сын.

– Достаточно бесполезной болтовни, северянка, – прервала её откровения Голе-Мохтар. – Наследник желает, чтобы мы сделали за два часа из этой, – с красноречивой презрительной паузой она ткнула в Элизу пальцем, – девочки воспитанную восточную женщину, правильную жену. Мы можем только повиноваться, а ты, Феризат, лишь слушать и подчиняться нам...

Она провела с этими женщинами три с половиной часа, пока за окнами солнце не начало склоняться к линии горизонта, а Низель с Федой не устали показывать и говорить. Глядя в насмешливые глаза арабки, Лиз упорно молчала, в глубине души рыдая над своей загубленной жизнью. Что принесёт ей этот вечер, кроме новых мучений, о какой мести Аделаиде может идти речь, если по этикету она не может сделать и шагу вперёд мужа, не может и рта раскрыть без его разрешения. Упаси её Аллах хотя бы на сантиметр при-

поднять краешек чадры при постороннем мужчине, и скандал будет немислимый, если она решится заговорить с даже представленным ей гостем. В присутствии мужа она не должна садиться, даже если он разрешает ей, иначе всем станет понятно, что она его не уважает; а угадывать его желания супруге полагается за полминуты до того, как они будут высказаны вслух или сделан соответствующий жест, и она должна опередить служанку с исполнением этого пожелания. Гость – вообще особа священная в восточном доме, и хозяин ни в коем случае не может отказать его просьбе, даже когда тот желает, чтобы ему прислуживала хозяйка дома. В целом, как поняла Элиза, женщина на Востоке ценится гораздо ниже хорошей лошади или старинного оружия, и арабское подобное положение дел несколько не возмущает, а скорее наоборот. Впрочем, чему тут удивляться, горько думала Лиз, если вспомнить, как легко избавилась от неё в её собственной стране Лаймен Стронберг. Она продала её! Продала этим надменным, противным Лалие, для которых рабство ещё живо во всех его проявлениях.

Двери на женскую половину распахнулись от удара по ним ногой. Темнокожие служанки отчаянно завизжали, разбегаясь, Низель и Феда тоже поспешили, укрыв лицо краем накидки, скрыться во внутренних покоях. Голе-Мохтар только удобнее оперлась о подушку, сонными тёмными глазами глядя на непрошеного посетителя. Голос её был холодно-равнодушен:

– Когда ты собираешься начать учиться достойному наследника поведению, Омар?

– Вас только вот не спросил, матушка, – огрызнулось приёмное дитя.

– Женщина ещё не готова. Уходи, я скоро пришлю её к тебе.

– Зато гости готовы, госпожа. Когда дым затуманивает тебе разум, ты забываешь следить за временем, – вцепившись в тонкие руки, он развернул Элизу лицом к себе, бесцеремонно откинул чадру, разглядывая её. – Ты говоришь, она не готова? Не думаю. Аллах велик, и он не позволил тебе измазать её лицо красками, которые требуются тебе, но не должны губить нежную свежесть моей наречённой. И так, я полагаю, ты успела немало яда излить в её чистую душу. Займись собой, женщина, мой господин Хусейн пришлёт за тобой служанку через четверть часа. Феризат, пойдём, гости ждут нас!

Омар Лалие, не оглядываясь, быстро направился к выходу. Элиза мелко засеменила, туго спеленатая метрами ткани, за ним следом.

– Мой господин, я... я хотела бы изменить своё решение...

Слабый плаксивый голосок так не вязался в его сознании с привычной этой женщине решительностью и силой, что он резко остановился, и Лиз почти уткнулась лицом в его спину.

– Что? – тупо переспросил он.

– Я передумала, – уже с некоторым раздражением в голосе

повторила Лиз.

– Насчёт чего?

– Я не хочу идти на этот вечер.

– Поздно, – словно отрезал Омар Лалие. – Ты обещала выполнить роль хозяйки.

– Но там же будет присутствовать госпожа бен-Шаккум, – робко напомнила ему Элиза.

– Голе-Мохтар не то, – смуглолицый мужчина досадливо сморщился, а затем ослепительно ей улыбнулся. – Я не могу ею похвастаться перед гостями, она – собственность моего отца.

– Приёмного отца, – почти прошептала Элиза.

– Откуда ты знаешь? – ухватив девушку за белую прядь волос, Омар Лалие заставил её смотреть ему прямо в лицо. – Но, в общем, это ерунда, всё равно тебя рано или поздно кто-нибудь просветил бы на этот счёт. А если тебя волнует моё право наследования, – он лишь улыбнулся в ответ на возмущённый возглас Элизы, – то оно бесспорно. Кроме того, моё личное достояние весьма велико, чтобы купать свою жену в роскоши. Единственную жену, – подчеркнул араб голосом. – На тебе я готов жениться по европейским обычаям.

– Значит, если у господина Хусейна будет ребёнок, – Лиз ловко уклонилась от поцелуя, – ты многое потеряешь?

– Наверное, – Омар вмиг стал серьёзен. – Только это не имеет значения для меня: я привязан к Хусейну Лалие, я знаю, как он страдает из-за отсутствия у него детей, и я очень

хочу, чтобы одна из его супруг родила ему сына. Но пока у него есть только я, – он красноречиво развёл ладонями и вернулся к облюбованной им теме. – Мою жену он назовёт своей дочерью и осыплет её дорогими подарками, она сможет добиться от него всего, чего захочет.

– Объявите об этом на площади, – огрызнулась Элиза, – и недостатка в супругах у вас не будет. А я не желаю ради каких-то блестящих камешков изображать из себя то, чем я не являюсь! – она в ярости сдернула с себя полупрозрачную чадру. – Я не могу соблюдать все эти дурацкие правила, которыми пичкали меня его жены! Ладно бы одна, но они напали по трое! Я не хочу заниматься детьми, я хочу встречаться с подругами, я собираюсь каждый раз спорить со своим мужем, когда мне не понравится то, что он говорит! – её крик далеко разносился по пустой галерее.

Словно смиряясь с условиями ультиматума, Омар Лалие на секунду закрыл глаза.

– Феризат, Феризат, успокойся. Ты не должна следовать этим правилам, во всяком случае, не всегда. Я понимаю прекрасно, в какой стране ты выросла и насколько ты отличаешься от восточных женщин. Это знают и жёны господина. Ты будешь совершенно другой женой, первой и единственной. Я дал им понять это, но они до конца не поверили в серьёзность моих намерений, а в отместку наполнили твою замечательную головку, – он нежно поцеловал Лиз в затылок, – разной чепухой. Конечно, хорошо будет, если, напри-

мер, при Хусейне ты станешь вести себя традиционно. Но мой отец – человек гораздо более широких взглядов, чем полагают его уважаемые супруги Голе-Мохтар, Низель и Феда. А главное, он желает мне счастья.

– Но не мне, – сердито буркнула девушка. Мальчишеская усмешка озарила лицо Омара.

– Вот тут-то в дело и вступают привычные образы: разве женщина может мыслить такими философскими категориями, как счастье?

– О! Пошёл к чёрту, – Лиз оттолкнула его. – Не хочу никаких гостей и никакой немой роли хорошо воспитанной жены. В подобных условиях я даже не смогу поквитаться, как следует, с Аде Стронберг. А знаешь, как сильно я её ненавижу? Она мерзкая, скользкая, высокомерная и надменная дрянь, всегда унижала мою семью. А её муж? Сопляк и рохля. Моя сестра Линета любит его, он спит с ней, награждает её детьми, которые не способны жить, и после этого даже не может за неё заступиться, чтобы эта змея подколотная, его Адела, держала при себе свой язык.

– А его мать? – Омар Лалие слушал её очень внимательно.

– Лаймен? – Лиз пожала плечами. – Она сильная и холодная. Ей ни до чего нет дела. Она не занимается воспитанием своих детей, но имеет на них огромное влияние. Это с её подачи мне удалось уехать от Мариса, и за такое я должна благодарить её, а не вынашивать планы мести. Да и с Аде я не собиралась всерьёз связываться, она и без того наказана,

потому что она злая, завистливая, её никто не любит. Что изменится от того, что я потопчусь немного на её чувствах? Разрешите мне не появляться им на глаза, мой господин.

– Ты слишком застенчива, Феризат, – араб оторвал от себя её руки, – и напрасно испортила свой наряд. Отправляйся в «Покои жемчужины», пусть служанка поможет тебе привести одежду в порядок. Я жду тебя через десять минут в гостиной. Если после этого срока часы успеют начать новый круг, я приду, чтобы забрать твою благоуханную свежесть, и даже присутствие гостей в доме не остановит меня.

Он собирался уйти, но Лиз Линтрем в ужасе вцепилась в его одежду:

– Проще говоря, ты меня изнасилуешь?

– Никогда ещё я не поступал так с женщиной и в этот раз не придётся. Период ухаживания слишком уж затянулся, пора нам узнать, способна ли ты родить мне сына.

– Нет! Я бесплодна, словно высохшая пустыня, не хочу и не смогу иметь никаких детей...

Омар ласково ей улыбался:

– Мы всё же попробуем. Говорят, семя мужчины порой творит чудеса даже с пустынями.

Девушка только застонала, закрыв уши руками, и, весело ухмыляясь, темноволосый красавец отправился развлекать своих гостей.

Эти люди были скучны. Едва сдерживая себя, чтоб не на-

чать зевать посреди стоящего в воздухе жужжащего гула – разговор вёлся одновременно на трёх языках для удобства присутствующих, Омар Лалие всё чаще поглядывал на часы, мысленно поторапливая стрелки. Не прошло и десяти минут, как они расстались, а он уже истосковался по прекрасной Лизе. Гости – рослые, как на подбор, светловолосые шведы – тактично обходили его стороной, понимая тревожное ожидание в глазах Омара как неизбежный синдром медового месяца; экзотический хозяин в традиционной восточной одежде, шемахе и кибре, вскоре после приезда гостей объявил им, что последний представитель семьи – его молодая жена – присоединится к ним вскоре. Кое-кто заметил мгновенную вспышку недоумения и гнева в тёмных глазах старшего араба, Хусейна Лалие, но не выдержал светского тона только Раймонд, поинтересовавшийся громким шёпотом:

– Что, вам не нравится ваша невестка, мсье?

Ответ Хусейна мало что прояснил для него, тем более что высокий худой и бесконечно величественный старик вновь натянул на лицо равнодушную маску и только пожал плечами, хрипло прокаркав:

– Insh'allah.

– Всё в руках Господа, – вежливо перевёл для гостей его сын, изгибая уголки рта в безучастной улыбке, которая не коснулась его глаз. – И мой отец не имеет в виду, что моя жена ему неприятна. Просто мы женаты всего четыре дня, и он не успел познакомиться с Феризат как следует.

Визитёры одновременно понимающе закивали, похожие друг на друга, как две капли воды. Аделаида Стронберг бесстыдно начала флиртовать с присутствующими мужчинами, игнорируя лишь своего мужа да свёкра после того, как Эмиль довольно грубо ткнул её в бок, велел утихомириться на единственном известном ему языке, которого, к счастью, хозяева дома не понимали. А младший из них, Омар Лалие, и вовсе выглядел так рассеянно, что наверняка даже не слышал слов Эмиля, не отводя ожидающего взгляда от дверей, и попыткам Аде как бы случайно прижаться к нему не уделял внимания.

А он был так колоритен, так хорош! Высок, точно Раймонд, но крупнее мужа Аде и с широкими плечами, целиком скрытый своими королевскими ниспадающими одеждами песочного цвета. Пальцы, такие тёмные, словно их выкрасили соком дикого ореха, все в драгоценностях на миллионы крон – в этом Аде знала толк. Из-под головного убора – покрывала, прижатого к голове кольцом (будто древний монарх!), видны впалые смуглые щёки и горящие глаза. Аде чувствовала, как одна только близость такого мужчины заставляет её истекать внутренними соками. А она ведь красива! И соблазнительна. Только этому всё равно. Он смотрит на дверь.

Красноволосая шведка в ярости вцепилась в неизвестные ей цветы, украшающие огромную, словно поле, гостиную, и начала обрывать яркие лепестки. Вскоре мягчайший ковер

под ней из приятного глазу нежно-кремового переменял тон на разноцветный; со злобной улыбкой Аде любовалась новым узором, когда удивлённый возглас Раймонда заставил её поднять голову. У входа стояла очень прямо молодая женщина, может быть, девочка – определить её возраст было просто из-за десятков метров самой разнообразной ткани, в которую она была упакована от кончиков пальцев ног до самого верхнего волоска на голове так, что сквозь плотный материал виднелись лишь огромные испуганные глаза. Маленькие ладошки сошлись в восточном приветствии.

– Masa'u Al-Khair! – прошептал срывающийся от волнения голос.

– Феризат, наши гости не говорят по-арабски, – строго произнес Омар Лалие, хотя губы его непроизвольно подёргивались, а в тёмных глазах скакали смешинки. Надо же, какая неподражаемая актриса пряталась в малышке до сих пор!

Девушка вздрогнула, словно её ударили по лицу.

– Да, мой господин, – склонилась она ещё ниже. – Простите меня. Надо было сказать bonsoir. Comment ça va?

Лаймен взяла инициативу в свои руки, пожалев юную новобрачную от всей души:

– Благодарю вас, милая, вы очень любезны, – отозвалась она по-французски. – Мсье Лалие, вы представите нам вашу жену?

– Безусловно, мадам, – Омар заторопился. – Заранее попрошу извинения, если неточно произнесу имена. Пожалуй-

ста, поправляйте меня в этом случае. Феризат, наши гости: господин Эмил Стонберэ, госпожа Лайма, его супруга, его сын с женой – Раймон и Ада.

– Вашу фамилию мы тоже невольно произносим на свой манер, так что в акценте нет ничего страшного, – утешила гостеприимного хозяина Лаймен Стронберг. – Но ваша жена молчит, мсье Лалие. Она неразговорчива?

– Она воспитана правильно и никогда не решится заговорить без моего разрешения. Ты можешь сесть, Феризат, – махнул он рукой в сторону юной супруги. Та торопливо поклонилась ещё раз и опустилась очень изящно на крохотную банкетку, стоящую у его ног, так что голова девушки оказалась на уровне колен её господина.

– Вы, наверное, очень молоды? – участливо склонилась к ней Лаймен.

Восточная пери вздрогнула, испуганно посмотрела на своего повелителя. Омар Лалие погладил её ладонью по закутанной голове, словно лаская собаку:

– Нет, скорее можно сказать, что моя жена засиделась. Но я путешествовал, а она ждала. Нити судьбы предназначили её для меня, – рука его ощутила, как дрогнула и напряглась женская плоть. – Ах да, ваш вопрос! Феризат – восемнадцать.

– Восемнадцать? – удивилась рыжеволосая Аделаида. – И вы это называете «засиделась»?

– Я говорю про обычаи моей страны, мадам, – вежливо

осадила её Лалие.

Лаймен едва подавила в себе желание заплодировать. Она хотела добавить пару-другую фраз специально для «обожаемой» невестки, но в этот момент внимание гостей было отвлечено появлением в широких дверях гостиной двух слуг, катящих перед собой сервированные для чая столики с обилием закусок.

Воспользовавшись суматохой, вызванной их прибытием, Омар Лалие стиснул стальными пальцами плечо своей наречённой, прошипел по-французски, склонившись к её ушку:

– Ты что, больше не хочешь мстить этой маленькой задавке, которая так довольна собой и занимается только тем, что расправляет да чистит свои пёрышки? Она уже совершенно недвусмысленно предложила мне стать её любовником.

Полные ужаса глаза снова взглянули в его лицо, и внезапно Лалие понял, что её страх не был наигранным. Девушку, похоже, парализовало воспоминаниями.

– Она всегда выигрывает. Я так боюсь... – сдавленно прохрипела она. – Можно, я... уйду?

– Ну уж нет, милая моя, ты этого хотела. Ты же мечтала ткнуть её мордой в грязь, не так ли?

– Не хочу... больше...

– Трусиха! Ладно, я сделаю всё за тебя, – он приподнялся, вновь превращаясь в изысканного и чуть утомлённого светского хозяина. – Я вижу, мои слуги достаточно расторопны.

Пусть не оскорбит вас моя жалкая еда, дорогие гости. Возвращаясь к нашему разговору, мадам Ада, хочу сказать, что в возрасте Феризат большинство наших девушек давно уже являются матерями больших семей и лишь этому их учат в зенане.

– Это какая-то школа? – заинтересовалась Аде.

Омар Лалие позволил себе слегка улыбнуться:

– Нет, *chere madame*, зенан – это женская половина дома, куда нет хода мужчинам и где восточные женщины проводят всю свою жизнь. Там воспитывают детей до определённого возраста, затем их разделяют – мальчиков отправляют к отцу, а девочки остаются с матерью. Они выходят замуж в тринадцать-четырнадцать лет и создают свои семьи.

– Значит, вы говорите, юная Феризат – залежавшийся товар? – зло усмехнулась Аделаида.

Даже Раймонд едва не поперхнулся от грубости своей жены, но Омар Лалие встретил её слова невозмутимо:

– Едва ли моя жена согласится с этим. Говоря откровенно, она в зенане не воспитывалась.

– Отчего же? – поспешно перехватила нить разговора Лаймен. – Мне казалось, вы говорили, что это повсеместное явление.

– Да, верно, – Омар не отводил от лица Аде Стронберг внимательного взгляда. – Повсеместное для арабских девушек. Но Феризат, хотя и моя жена, принадлежала к другой культуре. По правде говоря, она ваша соотечественница.

Двадцать секунд потрясённого молчания взорвались обилием вопросов гостей.

– Как это – наша соотечественница? Это перепуганное создание, – Раймонд указал на закрытую покрывалами девушку пальцем, – шведка? Самая настоящая шведка?

– Самая настоящая, – вежливо уверил его Омар.

– God dag, – сильным и чистым голосом приветствовала Раймонда молодая мадам Лалие.

– Нет, нет, не может быть, – качал головой старший брат Мариса. – Я не поверю в это, пока не увижу скандинавских черт её лица. И даже тогда не поверю, – сознался Раймонд.

– Если позволит мой господин... – взявшись за край покрывала, пери Востока вопросительно посмотрела на своего мужа.

Тот только пожал плечами:

– Раз тебе хочется...

Белые волосы беспорядочными завитками рассыпались из-под сапфировой диадемы на лбу супруги восточного господина. Своими удивительными глазами она по очереди оглядела со снисходительным презрением всех присутствующих Стронбергов:

– Думаю, вы узнали меня. Простите, что немного подурачила вас. Мой муж убеждает меня, что я должна вести себя по-другому.

– Элиза Линтрем! – ошарашенно охнула Аделаида. – Боже, что будет с Марисом!..

Немного придя в себя, Лаймен попробовала скоординировать бестолковую семейку:

– Эмиль, Рей, Адела, Марис ничего не должен узнать об этом. Если она действительно замужем... Вы не обманываете нас? – подозрительно посмотрела она на Элизу.

Та позволила себе рассмеяться:

– Что вы, мадам Стронберг, как можно! Разве следует сравнивать то, что мог бы мне дать ваш тупоголовый сыночек и Омар Лалие, у которого денег больше, чем песка в пустыне? Нет, я вышла за него замуж, и должна благодарить именно вас за это.

– Потом поблагодаришь, – отрывисто рявкнула Лаймен. – Если Марис вернётся из своего нового путешествия до того, как ты нарожаешь этому человеку пару дюжин детей и постареешь, если мой сын узнает о том, куда делся его прекрасный цветок изо льда, по которому он тосковал так долго, он примчится сюда и увезёт тебя, а потом будет трахать, пока не помрёт от истощения.

– Это омерзительно, мадам Стронберг, – ровным голосом произнесла, поднимаясь, Элизабетта Линтрем. – Прошу вас покинуть мой дом.

– Успеется, – махнула рукой Лаймен. – Да, я не отрицаю, что ты исключительно удачно вышла замуж, Элиза. Но ты причинила боль Марису.

Лицо молодой женщины посуровело:

– Значит, мы квиты с ним. И я надеюсь, он умрёт от этой

боли. Помните Андреса Ресья, госпожа? Он был бы мне сейчас мужем, если бы не вмешался ваш сын. Я любила Андреса больше жизни...

Они обе одновременно услышали тяжёлый вздох со стороны Омара Лалие. Брови Лаймен удивлённо вздёрнулись:

– Твой муж понимает на нашем языке?

Элиза встревоженно оглянулась.

– Не знаю. Не думаю. Скорее всего, он просто устал слышать чужую речь, которая ему непонятна. Омар скучает, – в голосе её прозвучала не упущенная никем из присутствующих нежность. – Надеюсь, что я смогу когда-нибудь полюбить его. Он очень милый, заботливый...

– Он совсем из другого мира, холопка! – язвительно фыркнула Аделаида. – Возможно, благородная женщина и смогла бы привязать его к себе навеки, но ты-то – шлюшка самого низкого пошиба. Вот увидишь, как быстро он тебя выкинет и свяжет судьбу с достойной его дамой, – её прозрачные зеленоватые глаза с нежностью оглядели почти идеальное тело высокого араба.

Сохраняя прохладное выражение на красивом лице, Лаймен веером легонько шлёпнула по губам невестку:

– Адела права, Элиза. Возможно, она изложила всё чересчур примитивно, но она права. Такой человек, как твой муж, видит место женщины не там, где наши мужчины.

– Ну и что же? – светловолосая северянка в наряде жарких пустынь пренебрежительно пожала плечами. – Значит, я

буду следовать желаниям моего мужа. Раздельное проживание тоже имеет свои преимущества. Уже сейчас у меня есть огромный дом, слуги и возможность ничего не делать круглый день. Мне преподносят роскошные драгоценности просто за то, что я есть... и мне не составит труда подарить Омару наследника, тем более что в этом деле он просто великолепен. Не знаю, есть ли у вашего мужа хотя бы десятая доля его способностей, госпожа Лаймен, не говоря уже об Аделаиде – все знают, кто проводит больше времени в постели Раймонда Стронберга.

– Я удавлю тебя, сучка! – выставив вперёд ногти, Аде вскочила. – Чтобы ты сдохла вместе со своей поганой сестричкой! Я изуродую эту суку Линету, я отравлю её, я... я...

Омар Лалие, наконец, казалось, сообразивший, что любимой супруге грозит нешуточная опасность, встрепнулся. Но даже он не справился бы с разъярённой Аделаидой, если бы с другой стороны в рыжеволосую мегеру не вцепился её муж. Некоторое время вся троица исполняла забавный ритуальный танец «Кто кого от кого оторвёт первым»; Элиза, пряча ярость в глазах, стояла поодаль. Неизвестно, чем могла бы закончиться эта попытка укрепления добрососедских отношений, если бы не ледяной голос Лаймен:

– Аде, Раймонд, достаточно! Мсье Лалие, *grand merci*, теперь мой сын справится с женой самостоятельно.

Темноволосый араб коротко кивнул и в один миг оказался на другом конце комнаты. Обменявшись с Хусейном Лалие

несколькими отрывистыми гортанными фразами, он вышел из комнаты, увлекая за собой жену-северянку, причину всех бед. Лиз не сопротивлялась – ей самой не терпелось покинуть этих мерзких и мелких людишек, навевающих ей томительные воспоминания о Марисе Стронберге. Она не нуждалась в них, в полузабытых, словно из сна о другой жизни, образах: лицо Линеты, Мариса, Андреса Ресья...

Господин и повелитель резко остановился у входа в её покои.

– Tu pleurs? – спросил он по-французски. – Ты плачешь? Почему? Я не хотел, чтобы ты плакала. Прости меня.

– Ты здесь не при чём, Омар Лалие, – привстав на носки, она мягко поцеловала смуглую щеку.

– Это та женщина, да? – допытывался араб. – Canaille! Хочешь, я на твоих глазах вышвырну её из дома?

Лиз удержала его за руку:

– Ты слишком великодушен, мой господин. Но не стоит. Аде Стронберг наказана уже тем, что в её душе хозяйничают злые силы.

– Она мне не понравилась, – сдаваясь, проворчал хозяин поместья. – Но вот старшая женщина – она необыкновенна. Она сильная.

– Да, – Элизабетта, соглашаясь, кивнула, – Лаймен очень уверена в себе. И по пустякам свою силу она не тратит.

– Я не знаю, о чём ты рассказывала им, Феризат, но имена на всех языках звучат одинаково. Они напомнили тебе о

твоём мужчине. Эти жемчужины на твоих щеках, – он нежно коснулся сверкающих капель слёз, – умывают прошлое.

– В моём прошлом было много хорошего, – возразила Элиза. – Там я была счастлива и любима, и любила сама.

– На романтике первой страсти не проживёшь целую жизнь, Феризат. Ты сохранишь тёплое чувство в душе к тому человеку, но твоё сердце будет принадлежать мне, особенно после того, как у нас появятся дети.

– Для этого мне надо будет лечь с тобой в постель, правда ведь? – девушка криво усмехнулась. – Одна мысль о том, что я сделаю это с кем-то, кроме Андреса, приводит меня в ужас.

– Ты забываешь, любовь моя, – нежно коснулся рукой её губ мусульманин, – что в кое-какие укромные уголки свои ты меня уже допускала.

– Разве такое забудешь? – на лице Лиз отражалось мучение. – Ты собираешься стать моим мужем, а Андрес даже меня не ищет и не волнуется обо мне. Я знаю, пора сделать выбор. Пока ещё я люблю его, но будущее непредсказуемо. Может быть, именно тебе я отдам до конца своё сердце. Вот и всё, Омар Лалие, решение принято: если ты всё ещё хочешь женщину с израненной душой, я выйду за тебя замуж.

Араб пробормотал что-то, оставшееся неперевердённым, на своём родном языке.

– Аллах велик, о моя Феризат, он помог тебе произнести именно те слова, о которых я умолял его пять раз в день в каждом намазе! Да, я хочу тебя, цветок изо льда...

Элиза вздрогнула от неприятной ассоциации – не понимая их недавней беседы, Омар случайно назвал её тем же эпитетом, что и Лаймен Стронберг. Новый жених, казалось, ничего не заметил.

– Моя драгоценная любовь, – с почтением, которого он ещё никогда не проявлял по отношению к ней, Омар поцеловал кончики пальцев Элизы, холодной и неподвижной, как статуя, – позволь мне отдать распоряжения женщинам начать подготовку к свадьбе...

Элиза вцепилась в него, не давая сделать и шагу в сторону. Её глаза были испуганными:

– Как, ты покидаешь меня? Прошу тебя, Омар, оставайся. Пойдём, – преодолевая неожиданное сопротивление, она ввела его в свою комнату. – Я хочу, чтобы этой ночью ты был со мной.

Теперь уже каменное изваяние напоминал её избранник. Глаза его бесстрастно блеснули.

– Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе о дальних странах и уложил спать? – осторожно поинтересовался он.

Щёки Лиз Линтрем были пунцовыми, но отступить она не собиралась:

– На рассказы у нас будет достаточно времени после. Сегодня ночью я хочу, чтобы ты поведал мне всё о плотской любви, которую могут разделить мужчина и женщина.

– Дорогая моя, всё о любви не знают даже боги... – слегка снисходительный тон его рассеялся без следа, стоило Лиз

повернуться к нему спиной и начать скидывать с себя один за другим покровы из восхитительных тканей чужеземной страны. Омар Лалие, онемев, следил за разоблачением. Не знакомая с восточными традициями обольщения, девушка очень быстро осталась только в прозрачной нижней рубашке и, мило смущаясь, подошла к своему избраннику, чтобы помочь ему раздеться.

Отливающий серебром шёлк с интимным шуршанием соскользнул на пол. Элизабетта вцепилась нежными ноготками в смуглую крепкую грудь, потом провела по ней руками и сомкнула их в кольцо на шее мужчины.

– Вы очень похожи, – неразборчиво пробормотала она. – Только твоя кожа темнее, а вкус приводит меня в восторг... – горячий язычок Лиз скользнул по плечу Лалие.

– Не дразни меня, женщина! – простонал её любовник вслух, и очевидная мука в его голосе озадачила шведку.

– Ты действительно этого не хочешь?

В тёмных глазах араба скакали сумасшедшие чёртики.

– Хочу, хочу... я хочу тебя, – он подтолкнул девушку на постель и упал на неё сверху, смягчив удар ладонями.

Нетерпеливо отодвинувшись, Элиза Линтрем торопилась впустить изменения в свою жизнь: ловкие пальчики исследовали непростую охранную систему мужских штанов.

– Не спеши так, волшебная пери, – пытался он остановить её, но Лиз будто спешила покончить с опостылевшей обязанностью. Словно охваченная лихорадкой, она вся горела,

порывисто целовала его горячими губами, ласкала резко и нетерпеливо, разжигая его.

– Принцесса, я не хочу, чтобы ты возненавидела потом эту ночь...

Элиза отпрянула:

– Я не нравлюсь тебе? Я перестала быть для тебя желанной? – дрожащими руками она растормошила свою причёску, и белые пряди окутали её тело лунным облаком.

– А теперь? Ты говорил, что тебе нравится, когда я одета только в свои волосы... Ах да, я забыла, – ухватившись за низкий ворот рубашки, она изо всех сил рванула её, и лёгкая кисея расползлась, словно туман, под её пальцами. Беспольный отныне кусок материи полетел на пол, а женщина, стоя посреди постели на коленях, горделиво выпрямилась, сознавая свою привлекательность. Она была удовлетворена. – Да, я вижу в твоих глазах безумие, Омар Лалие, ты желаешь меня. Ну так бери свою рабыню, ты заслужил это!..

Но даже её удивила скорость его реакции: спустя долю секунды Омар Лалие уже целовал и покусывал горячим ртом её груди. Постанывая, Элиза вцепилась в тёмные волосы:

– Да, да... Du varm, smaklig... Roligh att... Just nu... – лихорадочно шептала она на единственном языке, который могла в этот момент вспомнить.

На мгновение остановившись, любовник нежно переместил её руки себе на грудь.

– Тебе не нравится, когда я трогаю волосы? Как скажешь.

Но, умоляю, поторопись... Nu! – выкрикнула она. Неугомонные пальцы Элизы метнулись к его штанам, извлекли на свободу и обхватили твёрдый и готовый уже к извержению, словно вулкан, предмет его мужской гордости.

– Боже, как он прекрасен! – нежно сжимая и глядя его, благоговейно шепнула Элиза. – Я помню, как ты ласкал меня ртом... а женщина может это делать? Я так хочу узнать тебя на вкус... – не дождавшись ответа, она почти слилась с постелью, потянувшись к нему.

– Не надо, Элизабетта, – неестественно хриплый, сорванный голос над нею не мог принадлежать спокойному и обходительному Омару Лалие. Он вздрогнул, словно сражённый молнией, почувствовав прикосновение её губ. – Я сказал, не надо... jag inte det, ursäkta... Nej!²

Женщина дёрнулась, выпрямилась, ужаленная его резкими, нечаянно вырвавшимися словами. Омар явно не контролировал себя, но... не мог же он в эту минуту учитывать лингвистические сложности между ними? Ещё боясь поверить себе, она протянула вперёд руку:

– У тебя на лбу белая прядь. Как странно, я раньше не замечала... Твои волосы не настоящие?! Почему? Твои прекрасные волосы... О, чёрт побери! – застыв на мгновение в позе скорбящей статуи, она втянула глубоко в себя воздух, прикрыла грудь обрывками своей нижней рубашки. Устало scomандовала. – Снимай маску, бастард. Больше для ряже-

---

² – Я не могу, прости... Нет! (шведск.)

нья нет причин. Как же я была слепа, я узнала тебя, а должна была сделать это с самого начала. Давай, Марис Стронберг, поторапливайся! У меня мало времени, до рассвета я ещё могу успеть добраться домой...

Она не следила за выполнением своих распоряжений, а уже ходила по комнате, собирая разбросанную одежду и искушая недавнего возлюбленного ровными полушариями ягодич. Обнажённый мужчина всё так же стоял, опираясь коленями о растерзанную постель.

– Ты никуда не едешь, – голос его звучал не холодно, но отрёшенно. – Почему ты не впала в истерику, узнав обо всём?

– А что изменится от моих слёз? – ожесточённо возразила Лиз. – Ты думаешь, жизнь меня недостаточно била? Ты не увидишь, как я плачу, гнусная тварь...

– Ты сильная, – в тоне Мариса Стронберга слышалось одобрение. – Сильная, как Лаймен, моя мать. Я искал именно такую. Она тоже не зарыдала бы, если б узнала, что человек, за которого она выйдет замуж, пытался обмануть её.

– Выйдет замуж? В этом ты ошибаешься. Я дала обещание Омару Лалие, но его больше нет. Прощай, Стронберг! Я испытываю только досаду, но твоя игра была безупречна: «у нас на Востоке», «на всё воля Аллаха», «намаз»... Своими словечками ты мог обмануть не только такую дуру, как я! Ты великий актёр, Стронберг.

– Нет, – придя в движение, мужчина перепрыгнул вслед за нею через кровать. – Я не актёрствовал, я просто вернулся

в шкуру Омара Лалие, в которой существовал на Востоке столько лет. Мы с ним – не разные люди, но две стороны медали... Мы оба станем твоим мужем, Лиз, – он встал перед дверью, загораживая ей путь.

Презрительный взгляд Элизы обежал ещё недавно казавшееся безупречным его тёмное тело с головы до ног. В лицо Мариса полетели его штаны:

– Прикройся, свинья!

– Зачем? – насмешка звучала в его тоне. – В брачную ночь ты всё равно исследуешь все мои размеры и формы. Какая разница, когда это произойдёт?

– Ты одержимый, – Элиза толкнула его, решив действовать силой. – Но я не собираюсь сходить с ума вместе с тобой. Так что давай, двигай отсюда. Было ужасно неприятно повидать тебя вновь.

– Ну, я думаю, ты это переживёшь...

– Конечно. Неужели ты полагаешь, что я буду расстраиваться из-за того, что кто-то, не имеющий ко мне отношения, оказался ещё большим негодяем, чем обычно? – она наслаждалась звучанием родной речи и тщательно отмеренным ядом слов, и это чувство было написано на её лице столь откровенно, что в ответ на него в глазах Мариса сгустился непонятного выражения мрак.

– Что ты делаешь?! – завопила Элиза, вырываясь, когда он легко, словно цветок, поднял её за талию, пронёс через комнату и уложил – не бросил, а именно уложил – на по-

стель. Стоило Лиз шевельнуться в попытке встать, и загорелое, закалённое, как у средневекового шотландца, колёно вновь придавило её к поверхности. Впрочем, это не помешало ей смотреть с отвращением на возвышающееся над нею нагое крепкое тело, которое она готова была принять как приложение к Омару Лалие, но категорически отказывалась от Стронберга; она всем внешним видом выражала ему презрение, но только до той поры, как смуглые руки Мариса легли на её светлую кожу, нежно, но сильно сжав груди, а его белокурые волосы коснулись её плеча. Элиза возобновила сопротивление с новой силой, полученная относительная свобода позволила ей расчётливо вонзить острые ногти в его привлекательное лицо. Марис отшатнулся с проклятием.

– Ах ты, ведьма, – процедил он, разглядывая непокорённую женщину на постели. – Ну что ж, придётся действовать методами Омара...

Он словно распял её, нагую и беззащитную, привязав руки к разным сторонам кровати. Задумчиво потрогал тут же попытавшийся его укусить рот:

– Нет, моя драгоценная самочка, не время шалить. Будешь кричать только от наслаждения, других звуков мне слышать не хочется, а тебе лучше прислушиваться к моим пожеланиям.

Лиз что-то неразборчиво прошипела, но Марис только смеялся:

– Нет, нет, эта часть тела мне ещё пригодится, да и тебе

тоже. Если бы Аллах намеревался использовать её так, как ты предлагаешь, он не создавал бы её там, правильно? – затем его руки скользнули ниже, на лице отразился всплеск ностальгических воспоминаний. Пальцами Стронберг гладил жёсткие волоски у развилки бёдер. – Ты пускала меня туда раньше – с любовью и охотой и отвечала на мои поцелуи. Я искренне сожалею, что настолько лишился сегодня контроля над собой – тебе полагалось узнать о моей двойной жизни лишь после свадьбы, значительно позже. Ну, не сжимайся так, позволь мне сделать тебя своей женщиной... – громкий стук в дверь прервал его уговоры, и, преобразившись в один момент, Марис прокричал по-французски. – Убирайтесь ко всем чертям!

– Сын, – твёрдо откликнулся голос Хусейна Лалие, – покинь свою женщину. Я жду тебя в кабинете через пять минут, – звук удаляющихся шагов лишил Мариса Стронберга возможности ответить.

Некоторое время он тяжело дышал, разглядывая замершую в безмолвной молитве с закрытыми глазами Лиз; но долг перед отцом превыше всего, и он потянулся к своей одежде.

– Я покидаю тебя, милая. Не по доброй воле, но думаю, ты всё равно это оценишь. Развязать мне тебя или оставить так для усмирения гордыни? – размышлял он вслух.

Элиза гневно задёргалась.

– Ладно уж, – избавив её от пут, руки мужчины нежно

огладили её шелковистые бёдра. – Когда-нибудь я вернусь, и рядом уже не будет отца, желающего обсудить со мной моё неблагоприятное поведение. Тогда ты и узнаешь всё о страсти.

Дверь за ним с мягким звуком закрылась, и Лиз наконец-то решилась выдохнуть, открывая глаза. Сегодня, хвала богам, с ней не произошло ничего такого, что невозможно было бы исправить. Но стоит остаться ей в этом доме, и никакие высшие силы не сумеют удержать от новой попытки безрассудного, непредсказуемого Мариса Стронберга...

Глава 16

Омар остановился перед неплотно закрытой дверью, постучал и словно бы наяву увидел перед собой картину, свидетелем которой он был столько раз: от лёгкого звука Хусейн Лалие замирает за своим рабочим столом, зажав в высоко поднятой руке перо – он использовал любую свободную минутку, чтобы продолжить написание истории своей семьи. Омар знал, что и его имя уже не единожды запечатлено на этих страницах. Хусейн отчаянно нуждался в нём, хотя никогда не унижил бы себя разговорами на эту тему.

– Аллах повелел недостойному сыну припасть к твоим ногам, высокочтимый отец, – произнёс он вполголоса.

Дверь распахнулась без промедления:

– Я ждал тебя. Входи, Омар, 'udhul, tafaddal, 'iglis. Садись.

– Shukraan, – со словами благодарности на устах, приёмный сын Хусейна отступал назад до тех пор, пока не нащупал ногой подушку, на которую смог опуститься у ног своего отца и повелителя. К его величайшему удивлению, Хусейн занял такую же позу на полу.

– Воздух хамады больше не согревает нас, сын. Мы в Европе. Будем же вести себя, как европейцы. Это значит, что прежде всего я должен перед тобой извиниться. Я не хотел отрывать тебя от твоей женщины, но книга судеб слишком настойчиво взывала перелистать её назад.

– Вы действовали по воле Аллаха, отец, а Аллах велик. Если б не ваш приход, я мог свершить что-то ужасное, такое, за что эта женщина возненавидела бы меня навеки. При том, что уже сейчас ей становится плохо от одного моего вида.

– Сын? – Хусейн очевидно изумился.

– Она не знала, кто я, – небрежно пояснил Марис. – Она могла догадаться, но проще ей было думать, что я – тот, кем себя называю. Ваш сын, отец. Она даже согласилась выйти за меня замуж.

– Иншаллах, – Хусейн воспринял известие с покорностью воле Аллаха. – У моего сына будет великая свадьба.

– Возможно, что и не будет, – вздохнул Марис. – Моя госпожа сорвала с меня личину Омара Лалие, – он медленно потянул с головы тёмный парик, второй раз за этот безумный вечер.

Хусейн сдержал себя, только глаза его ярко вспыхнули, когда на плечи приёмного сына упали достаточно длинные светлые волосы. Он поднял руку, коснулся лба Мариса:

– Я буду любить тебя в любом обличье, ты же знаешь.

– Да, отец, – сын с почтением поцеловал его руку. – Я всегда могу доверять вам. Сама моя жизнь принадлежит вам. Но вот Элиза Линтрем любить Мариса Стронберга не собирается.

– Ты – сын этих людей, – глаза старого араба сверкнули догадкой. – Да, разумеется, ведь есть соседи и ближе, но ты пригласил в гости именно этих. Ты испытывал себя.

– Это было забавно, – Марис пожал плечами. – Мать не узнала меня и разговаривала о том, чего никогда не сказала бы в моём присутствии. Она говорила о моей женщине, считая её потерянной для меня...

– Но ты потерял её, сын, – мягко напомнил Лалие. – Как же ты мог так забыть, что позволил ей снять с тебя маску?

Лицо Мариса омрачилось:

– Она вся была как нежный, свежий плод. Она умоляла меня сорвать цветок её девственности... но Марису Стронбергу она этого не позволила. Я могу представить, как сейчас она мучается, вспоминая о том, где я касался её. Одиннадцать лет назад мы расстались с ней в ненависти. Но я сумел забыть, а она копила в себе эту ненависть, чтобы выплеснуть её на меня.

– Она была совсем ребёнком, Омар.

– В этом-то вся и беда, отец. У детей отличная память.

– Ты плохо с ней обращался тогда, – догадался Хусейн.

И Омар поделился с ним сокровенным:

– Я пытался её убить. Понимаете, отец, именно физически уничтожить. Иначе она, такая крохотная, могла бы сломать мне жизнь. И, в конечном счете, сделала это. Я бежал из родного дома, из Швеции. Мир опьянил и увлёк меня, а вы излечили мою душу. Вы помогли мне стать другим. Но кровные узы так просто не рвутся. Элиза привязывает меня к этой земле. Я люблю её, но она скорее предпочтёт умереть, чем выйти за меня замуж.

– Мы исправим это, Омар, – почти нежным жестом старик коснулся опущенной головы сына. – Если ты постарайся, женщина станет твоей. Но мне так горько терять тебя, 'ibn! – вырвалось у него против воли.

Сын хрипло рассмеялся:

– Вы меня не потеряете. Воистину, она лишает меня сна и разума, но если бы мне пришлось выбирать...

Пронзительный крик во дворе заставил его вскочить на ноги. Боль и отчаяние такой нечеловеческой силы звучали в нём, что даже невозмутимый Хусейн почувствовал, как вздрогнуло всё его тело.

– Кто-то из слуг пытался сбежать, – вполголоса пробормотал он. – Ну что же, ему не повезло... Сиди, сын, охрана всё сделает.

Но ужас, сковавший Мариса ледяным панцирем, не проходил.

– Нет, что-то неправильно, отец, я чувствую это, – внезапно без сил он опёрся о покрытую ковром стену. – Господи, нет, только не эта ненормальная!

Во дворе, будто бы отзываясь на его стон, тоскливо завывала собака, под окнами замелькали фонари и послышались сдавленные возгласы. Хусейн пристально посмотрел на смертельно бледное лицо сына:

– Все мы в воле Аллаха, Омар. Аллах акбар, запомни это. А теперь иди, узнай, в чём дело – ты же хозяин дома.

Омару не требовалось повторять дважды. Спустия полто-

ры минуты он уже стоял на коленях перед лежащей на песке двора женщиной, чьи белые волосы были залиты кровью. Её собственной, сочащейся из многочисленных ран на теле. Торопясь покинуть его, она даже не оделась, как следует – под изорванным сторожевыми собаками тонким нижним бельем темнели следы клыков, его возлюбленная лежала в неестественной позе, как будто сломанная и выброшенная за ненадобностью на помойку кукла. Марис чувствовал, как умирает внутри его душа. Но мужчины не плачут. Осторожно разгладив задравшийся высоко на бёдра Элизы подол, хозяин поднялся с колен. Не отрывая глаз от неподвижного тела, протянул охраннику обронённое кем-то ружьё:

– Убей всех собак, Акмеди. Немедленно, – безжизненным голосом приказал он.

– Но, господин... – попробовал возразить тот, ошеломлённый таким распоряжением, самым бессмысленным из всех, что отдавал когда-либо Омар Лалие.

– Ты слышал. Я больше не хочу видеть ни одну из них, – пальцы хозяина стиснули гладко отполированный приклад, он вскинул ружьё и прицелился в скулящую, пятившуюся задом и мотающую мордой собаку, которую Акмеди с величайшим трудом удерживал на цепи в своих руках.

– Нет, пожалуйста... что вы делаете...

До Омара не сразу дошло, что замирающий слабый голос принадлежал совсем не охраннику, который уже подчинился воле хозяина. Ружьё упало на землю, так и не выстрелив,

мужчина медленно обернулся. Чуть приподнявшись на локтях, Элиза смотрела на него, и в глазах её блестели слёзы.

– Аллах акбар! – с отчаянным криком Омар упал на колени возле неё, но не успел среагировать, когда неожиданно глаза Элизы закрылись, и она ударилась головой о землю.

– Нет, чёрт побери! – тряся её, гневно вопил её любовник. – Ты не посмеешь умереть сейчас, поманив меня надеждой! Слышишь, Элиза, не смей...

– Вы убиваете её, господин, – Акмеди нерешительно топтался за плечом обезумевшего от горя хозяина. – Госпожу лучше перенести в дом. Женщины исцелят её... если это возможно.

– Я люблю её, а значит, она выздоровеет, – лихорадочная активность Омара наконец-то была направлена в верное русло.

Весь дом окончательно пробудился и пришёл в движение. Залитое кровью тело было опущено на кровать Омара, третья жена, Феда, принесла свои секретные бальзамы из трав, Низель принялась обмывать раны. Руки Омара тряслись, но он отошёл в угол комнаты, закрыл глаза, вознёс коротенькую молитву всем известным ему богам и, усилием воли успокоив себя, взялся за хирургические инструменты. После пятнадцатого наложенного шва он окончательно абстрагировался от личности женщины, лежащей перед ним, лишь на грани сознания мелькнула мысль, что отныне едва ли Элиза Линтрем решится надевать платья с низкими вырезами или от-

крытыми плечами. Шрамы останутся и будут всегда напоминать ей эту ночь. И его, который довёл любимую женщину до такого состояния, что она решила бежать неизвестно куда, только бы от него скрыться. А ведь он не раз предупредил её о собаках, она сама виновата и должна осознать, что в упрямстве нет ничего хорошего. Вот почему он решительно оттолкнул руку Голе-Мохтар, подносящую к побелевшим губам Элизы сосуд с опиумом.

– Нет, госпожа, не надо. Я благодарю вас за помощь, а сейчас возвращайтесь к себе – уже очень поздно.

Распоряжению мужчины они не подчиниться не могли и, словно уточки, одна за другой покорно покинули его спальню.

Элиза пришла в сознание только спустя несколько часов. Боль владела её непослушным телом, она распоряжалась каждой его клеточкой и всё росла и росла. Невольный стон вырвался сквозь её зубы.

– Ну что, оклемалась? – грубо осведомился невидимый голос.

Чуть-чуть повернув вправо голову – и израсходовав на это все свои силы, она разглядела в проёме окна силуэт, небрежно расположившийся на подоконнике. Даже во мраке два тёмных глаза пронизывали её насквозь. Марис спрыгнул с окна и подошел к её ложу.

– Что же ты не кричишь от боли, Лиз Линтрем? – продолжал допытываться он клокочущим от гнева голосом. – Давай

же, стони, плачь – я хочу знать, могла бы ты вновь заплатить такую цену за призрак свободы?

– Это... того стоило, – обессиленно откинувшись на подушку, Элиза закрыла глаза.

– Какого чёрта, – грубо выругался Марис. – Ты хоть знаешь, что я пережил, увидев тебя там – вот такую?

– Извини, – прошептала Лиз.

На несколько секунд обвинитель растерялся – так не соответствовали её слова тому, что он ожидал от неё услышать.

– Извини – и всё? Так просто?

– Может быть, это ты, Марис, страдаешь сейчас от невыносимой боли? – в голосе её понемногу начинал звучать гнев. – Собственно говоря, я не должна и извиняться – я ни в чём не провинилась перед тобой, – она приподнялась и попыталась сползти с кровати.

С Мариса Стронберга тут же слетела маска сурового, но справедливого господина, и безнадежное выражение влюблённого мелькнуло в его глазах:

– Что ты делаешь, ненормальная? Ты же не просто перебежала двор, а потеряла уйму крови. Лежи спокойно. И кстати... спасибо, что защитила от меня чертовски хорошую собаку.

Лиз помолчала минуту: она не собиралась отвечать любезностью на любезность.

– Где я? – наконец хрипло пробормотала она, оглядываясь. – Это не моя комната. Это...

– Да, моя спальня. Сюда было гораздо ближе тебя доставить.

– Но я испачкала кровью постель, – шепнула Лиз.

Марис лишь криво усмехнулся:

– Это, конечно, не та кровь, которую я хотел бы увидеть, но всё же я сохраню эти простыни, пока у меня не будет чего-то иного. Или, может, закончим их пачкать прямо сейчас? – выразительным жестом он положил руку на неподвижное тело Элизы и ощутил, как напряглись под его ладонью мышцы упругого женского живота.

– Не стоит, – прошипела сквозь зубы Лиз.

– Ты так считаешь? – скаля белые зубы в ухмылке, Марис проник пальцами под край тонкой рубашки.

Девушка задёргалась, сопротивляясь, затем двинула в ход тяжёлую артиллерию:

– Пожалуйста, не сейчас... мне больно.

– Я знаю. Очень жаль, – лёгкими касаниями он поглаживал её грудь. – Но ты не так уж сильно и пострадала.

– Нет? – с сомнением переспросила Элиза.

Он отрицательно качнул головой:

– Я видел намного хуже. Всё заживёт через пару месяцев, но останутся следы.

– Шрамы? – в голосе девушки звучал лишь лёгкий интерес, а не ужас. – И сколько?

– Я наложил больше сорока. От плеча и до... – он нежно потрогал женскую щиколотку, – до ноги. Тебе повезло, что

собаки не откусили твои чудесные розовые пальчики.

Элиза поднесла незабинтованную руку к лицу, разглядывая её:

– Все с левой стороны?

– Да. Наверное, услышав лай, ты инстинктивно повернулась этим боком, прикрывая лицо.

– Может быть, – равнодушно проговорила девушка. – Наверное, я была неосторожна и не подумала о собаках. Я только хотела уйти. Подальше от твоих унижений.

– Я был свиньёй, Лиз, прости меня, – глаза Мариса были серьёзны и полны раскаяния.

Здоровой рукой жертва агрессии почесала повязку на левом плече:

– Что-то не хочется.

– Лиз!

– Я говорю совершенную истину, – жарко вскинулась она. – Стоит мне что-то простить тебе, как твоя совесть успокаивается, и ты увлекаешься подготовкой новой аферы. Теперь тебе не вредно будет и пострадать... Чёрт, мои рёбра! – она осторожно пощупала толстый марлевый панцирь на боку.

– Ну, Стронберг, ты проклянёшь тот день, когда познакомился со мной! Я буду стонать от боли так громко все эти два месяца, чтобы тебя совесть съела до самых интересных мест... Я изведу тебя своим нытьём насмерть.

Марис лишь хмыкнул:

– Ну, думаю, что неделю я это переживу, милая.

– Неделю? – встревожилась Элиза. – Ты обещал мне два месяца как минимум.

– Для окончательного выздоровления, – уточнил Марис. – А швы снимем гораздо раньше, укусы к тому времени подживут. Так вот, раз ты говоришь, что совесть должна будет подзакусить моими интересными местами, придется за ещё оставшееся время поработать на износ. Непосредственно этими местами, я имею в виду. Тогда, может быть, к концу второго месяца ты будешь озабочена не планами мести, а утренней тошнотой и подбором имён для малыша.

– Свинья! – Элиза с негодованием дёрнулась, попыталась отвернуть от него лицо.

– Да, да, – с раздражающим её весельем продолжал настаивать Марис. – Можешь врать себе сколько угодно, но ты хочешь этого так же сильно, как кошка в марте. А я могу тебе в этом помочь.

– Не сомневаюсь, – фыркнула Элиза.

– И правильно делаешь, – серьёзно уверил её господин. – Но если всё же возникнут какие-то сомнения, зови – я только буду рад доказать тебе свои возможности.

– Убирайся, – Элиза закрыла глаза.

– Из моей спальни? – Марис неискренне удивился. – Ты знаешь, обычно я провожу ночи здесь.

– Ну а сейчас пойди к Рейхан или ещё кому-нибудь из твоих любовниц! – длинные женские ресницы нехотя припод-

нялись. – Может быть, уйти мне? – она сделала соответствующее движение и сразу была вознаграждена пригвоздившими её к постели руками Мариса.

– Как же, уже ушла. Достаточно капли дождя, чтобы сбить тебя сейчас с ног.

– Тогда попроси дождь не капать, – нашла в себе силы для насмешки женщина. И застонала, когда огненный поцелуй боли обжег её.

Марис злорадно ухмылялся.

– Болит? Это тебе за то, что ты пыталась сбежать от меня, – его губы остановились в сантиметре от плотно сжатого рта Элизы, дыхание щекотало её лицо. – Отныне я буду внимательнее. У тебя даже возможности не появится снова пойти на авантюру.

Девушка сморщилась:

– Какое у тебя право...

– Ну, прав жениха ты, по-видимому, за мною не признаёшь. Но этой ночью, несколько часов назад, я помог тебе родиться заново. Этими руками я сшивал кусочки Лиз Линтрем... а ведь, ты знаешь, обычно те, кто побывал в объятиях смерти и вернулся, получают новое имя. Я предлагаю назвать тебя Алис Лалие.

– Спасибо за то, что хоть не Стронберг, – пробормотала девушка. И уже громче добавила. – Прости, но Линтрем мне нравится куда больше.

– Ну, как пожелаешь, – с лёгким разочарованием на лице

Марис сдался. – Но запомни: все наши дети будут носить только мою фамилию, даже если ты предпочтёшь жить со мною как любовница, не вступая в брак.

– Любовница?! – неведомая энергия стремительно подбросила её вверх. – Ещё чего не хватало!

– Тебе этого не хватало? – с привычной лёгкостью Марис перевернул смысл её фразы наоборот. Он вытянулся во весь рост на просторной кровати рядом, бережно обнимая Элизу за талию. – Что же ты мучалась, дорогая? Могла бы сказать мне об этом и...

Здоровой рукой Лиз закрыла его рот, чувствуя, как ласкает её ладонь кончик горячего языка.

– Лучше молчи, Стронберг. Для тебя нет ничего святого! Я не выдерживаю твоего темперамента и пяти минут, не говоря уже обо всей жизни. Тебе нужна в жёны совсем другая женщина – дерзкая, раскованная, остроумная...

– Может, порекомендуешь кого-нибудь? – невнятно пробормотал он из-под её руки. – Но только условие: чтобы она раздвигала перед мной ножки так же охотно, как и ты.

Элиза побагровела:

– Я не раздвигаю... охотно...

– В этом-то вся и проблема, – жених вздохнул. – Точнее, удовольствие, – попытался спасти он свою гордость. – Не знаю, каким будет наш брак, но, по крайней мере, ухаживать за тобой забавно.

– Ты это так называешь? – рука её демонстративно по-

ползла к повязке на левом плече.

– Не дразни дикого зверя, – возвращая руку на место, Марис поцеловал её пальцы. – Это относится и к собакам, и ко мне.

– Да уж, по характеру вы похожи, – Лиз усмехнулась. – Пожалуйста, уходи. Я устала.

– Спи, дорогая, я не стану тебе мешать, – он обнял её покрепче, поцелуем прижавшись к изгибу плеча.

– И это ты называешь «не мешать»? – устраиваясь поудобнее, сонно пробормотала Лиз – усталость брала своё.

– Я буду вести себя, как котёнок, – подтвердил его вкрадчивый голос из белого моря женских волос, – до поры до времени...

Глава 17

Низель Лалие присела на край постели больной, участливо взяла её за руку.

– Не плачь, девушка. Довольно плакать. Если боль так сильна, позволь мне дать тебе опиум. Омар, правда, запретил облегчать твои страдания, но сейчас он не узнает.

Элиза судорожно икнула, высморкалась в мокрый платок и им же потёрла покрасневшие от непрекращающихся слёз глаза.

– Не надо опиума, Низель. Я почти уже не чувствую боли. Только шрамы чешутся.

– Почему же ты плачешь? – лицо Низель выразило искреннее недоумение.

– От жалости к себе! – простонала Элиза. – О, Низель, если бы ты знала, как мне себя жаль... Я не хочу быть красивой.

– Но... – француженка с усилием подбирала слова потактичнее, – как бы это сказать... ты уже сделала всё, что могла, для этого...

– Да, но он меня всё равно не отпускает!

– Ну и порадуйся этому, – разумно посоветовала ей Низель. – Милая, ты вся в шрамах и теперь тебе будет просто подыскать себе достойного мужчину. А есть ли партия лучше, чем Омар Лалие? Так что будь счастлива, что Омар

ощущает свою ответственность за то, что случилось с тобой, и хочет на тебе жениться.

Лицо Лиз странно сморщилось, а рот её приоткрылся совсем по-детски.

– Он хочет на мне жениться из чувства долга? – недоверчиво уточнила она.

– Конечно, – Низель выглядела удивлённой. – Почему же ещё?

– Я... он думал... я думала, что он влюблён в меня.

Низель снисходительно усмехнулась.

– Милая, не будь наивной! Кто может любить покрытую шрамами женщину?.. Что ты делаешь? – вскрикнула она.

Лиз решительно откинула край одеяла, поставила ноги на пол. Сморщилась, глядя на левую – ярко-розовые шрамы отчётливо выделялись на светлой коже. До сих пор она думала, что это её путь к свободе...

– Так вот почему он не появляется уже вторую неделю после того, как сняли швы, и исчез сразу после операции! Ему противно смотреть на меня, но он собирается выполнить свой долг! Ну, я не допущу такой жертвы. Я сама поговорю с ним – и немедленно! – она ринулась в коридор, как была, в ночной рубашке. Элизу слегка пошатывало, но ярость была лучшей подпиткой для её сил.

Сзади раздавались слабые крики Низель:

– Лиза! Что ты делаешь, Лиза? К нему сейчас нельзя!

– А мне плевать, – злобно и очень тихо, лишь для себя,

пробормотала Лиз.

Низель была настроена очень серьёзно; нет сомнения, если бы она успела настигнуть Лиз, она бы её остановила. Но Низель Лалие осталась далеко позади к тому моменту, когда Лиз ворвалась в комнату Мариса на самом верху дома. Она изрыгала громы и молнии, несмотря на физическую слабость.

– Где ты, скотина?! Немедленно покажись! Я хочу...

Слова внезапно застряли в её горле при виде странной фигуры в самой середине комнаты. Да и комната, куда Лиз не входила раньше, выглядела необычной. Благодаря стеклянному потолку в виде сферы, она вся купалась в солнечном свете. А в самой сердцевине лучей на крохотном коврик сидел Марис. Нет, пожалуй, не Марис... Омар Лалие. Весь в белом, с покрытой головой, ногами, скрещёнными так, как не смогла бы и достаточно гибкая Элиза, он смотрел на разрушительницу его покоя и одновременно сквозь неё. Смуглое лицо было мрачным и замкнутым.

– Удались, женщина, – глухо прозвучал его голос, почти неузнаваемый. – Нечистому существу запрещён вход в обитель Аллаха.

– Какому существу? – Лиз растерялась и даже забыла, что собиралась топтать ногами, ругаться и визжать. – Повтори-ка ещё раз, кем ты меня считаешь?

Она угрожающе подступила поближе к Марису. Его лицо не дрогнуло, зато сзади раздался испуганный писк.

– Лиза! Я тебя умоляю... Простите меня, о сын моего господина!

Низель низко склонилась перед бесстрастной фигурой, словно заключённой в стеклянный футляр.

– Я не уследила за ней, это моя вина. Вы должны наказать меня.

– Уведи язычницу, женщина, – холодно приказал Омар. – Запри её и поставь двух сильных мужчин, пусть её охраняют. Через четыре луны твой господин решит вопрос о твоём наказании.

– Иншаллах, – пряча лицо, Низель вытащила непокорную северянку из комнаты, освящённой присутствием Аллаха.

Лишь в коридоре Лиз заметила, что старшая подруга плачет.

– Низель... – она остановилась в нерешительности. – Это он серьёзно – насчёт наказания? За что? И почему он назвал меня «нечистой»? Что случится через четыре луны, Низель?

– Возможно, меня выпорют, – безжизненным голосом отозвалась мадам Лалие. – Я должна была приглядывать за тобой, но не уследила.

– Да какое они имеют право!.. – взорвалась Лиз.

– Хусейн – мой муж, – неожиданно твёрдо возразила Низель. – Он может наказать меня.

– Но почему Омар сам не приглядывает за мной...

– Рамадан, – коротко ответила женщина, как будто одно

это незнакомое слово объясняло всё. И повернулась спиной к Лиз, собираясь уйти.

– Низель! – отчаяние прозвучало в голосе Лиз, когда она схватила мадам Лалие за руку. – Я не знаю, что это означает!

– Ничего не знаешь о священном месяце Уразы? – Низель удивлённо взглянула на неё подкрашенными глазами. – Не знаешь о празднике, когда Аллах говорит с каждым арабским мужчиной, который ведёт правоверный и благочестивый образ жизни?

– Низель!

– О, дорогая... Я думала, ты сознательно ворвалась к Омару в минуты, которые посвящены раздумьям о Пророке, чтению сур из Корана. А ты просто не знаешь...

Она взяла Лиз под руку, ненавязчиво поддерживая её, вывела в сад и усадила в беседке, прячась от холодного ветра, напоминающего о зиме.

– Как холодно здесь, – Низель поёжилась. – Говорят, у вас здесь бывает снег.

– И очень часто, – удивлённо подтвердила Лиз. – Но какое это имеет отношение...

– Рамадан – это время, когда всё живое мертво, и каждое существо должно помогать своим собратям выжить. Ты знаешь, что Рейхан два раза в неделю кормит всех слуг едой, которую готовят для господина, и раздаёт им подарки?

– Нет... но что же тогда едят Хусейн и Омар?

– Почти ничего. В месяц Уразы правоверные мусульмане

соблюдают пост. Собственно говоря, слово «Ураза» и означает по-арабски «пост». Для мусульман – это время духовного очищения и бесед с Аллахом.

– И... – Элиза запнулась, – Омар действительно верит во всё это?

– Конечно, – Низель выглядела изумлённой. – Он же мусульманин, такой же, как и Хусейн.

– Но по рождению он... – не унималась Элиза.

Низель движением руки и мягкой улыбкой остановила её.

– Моя милая девочка, Аллах принимает всех, даже самых последних грешников, когда они приходят к нему с открытым сердцем. И не имеет значения, где и кем ты был рождён. Я приняла мусульманство, когда вышла замуж за Хусейна. Было бы неплохо, если бы ты тоже сделала это.

Лиз усмехнулась.

– Я замуж за Хусейна не собираюсь! – дерзко заявила она.

– И не надо, – серьёзно взглянула на собеседницу Низель. – Ты – наречённая Омара.

Лиз огляделась по сторонам, нагнулась поближе и жестом попросила Низель сделать то же самое. Их головы почти соприкасались, когда Лиз зашептала.

– Низель, я открою вам тайну. Большую тайну, и только вам. Я его ненавижу.

– Омара? – испуганно переспросила Низель. – Но... почему? – понять чувство ненависти, испытываемое вместо положенной благодарности, она была не в состоянии. Лиз от-

вернулась с ожесточенным видом.

– Он меня обманул, – и больше она не отвечала ни на какие расспросы.

При помощи Низель она поднялась в свою комнату, сняла с плеч мех, укрывавший её на улице от порывов холодного ветра, и в мрачном молчании забралась в постель. Сочувствие второй супруги Хусейна к больной девушке не помешало Низель выполнить распоряжение сына своего господина и выставить у дверей спальни Элизы двух крепких мужчин. Она предпочитала называть их по европейской привычке телохранителями. Им надлежало хранить тело Элизы Линтрем от последствий её безумных выходок.

Глава 18

Молодая женщина с распущенными волосами, сияющими, как у богини любви, одетая в вышитый халат из настоящего китайского шёлка, сидела в кресле и покачивала ногой, на пальцах которой опасно повисла туфля той же расцветки.

– Ты напрасно считаешь, Стронберг, что мне это не под силу. Нет ничего проще, чем справиться с тобой.

Мужчина, опершись на каминную полку, снисходительно ей улыбался.

– Да, ты быстро учишься быть ведьмой, любовь моя. Но своей цели ты не добьёшься – я тебя не отпущу.

– Почему? – негодуя взметнулась Элиза. – Объясни, зачем я тебе – бесполезное, ничего не умеющее существо, покрытое шрамами?

– А чем тебе не понравились мои швы? – Марис обиделся. – Ну да, работа не филигранная, но и условия были какие, вспомни сама!

Элиза нетерпеливо взмахнула рукой.

– Я говорю не о том, красиво или уродливо ты меня заштопал, а о том, что я стала непривлекательной...

– Для кого как, – склонив голову набок, Марис искренне развлекался. – Только вот я понять не могу: это страх искалеченной женщины перед будущим или снова попытка прогнать меня? Так я не уйду, Элизабетта. Не трать силы на-

прасно.

– Я знаю! – Лиз зарычала от ярости. – Но что мне сделать, чтобы...

– Я не уйду, Элизабетта.

– Мне не нужна твоя жалость!

– Моё что? – Марис нахмурился. – Жалость? Глупая женщина, если бы я испытывал к тебе жалость, ты провела бы на опиуме весь период выздоровления.

Он пересёк комнату, опустился перед сидящей девушкой на колени, ухватил пальцами за подбородок, заставляя смотреть прямо себе в глаза.

– Ты и тогда думала, что это была жалость, когда вопила от боли, проклиная меня?

Лиз попыталась вырваться.

– Ты не мог этого слышать!

– Мог, мог, – теперь Марис не сжимал больно, а нежно ласкал её подбородок. – Мог, потому что я настроен с тобой на одну волну. Я даже чувствовал твою боль, как свою. А это уже не жалость, это любовь.

Лиз Линтрем снова раскрыла рот.

– Я не...

– О да! – Марис грубо расхохотался, прервав её. – Это твоя любимая игра – «я не хочу, я запрещаю». Притворство. Посмотри в свою душу и увидь это. Помнишь ли ты ещё, что такое бедность дома Мелиссы, Лиз? Помнишь, как вы носили вёдрами воду из родника и кое-как питались? Помнишь

работу в поле с рассвета до темноты, под палящим солнцем? Помнишь...

– Уходи, – лицо Лиз казалось вмиг постаревшим. – Тебе всё ещё кажется, что материальным благополучием можно купить любую женщину. Да, в моей прежней жизни было мало удобств. Но если сейчас ты положишь передо мной мою старую одежду, я отдам тебе весь этот шёлк и не заплачу. Не веришь мне? Сделай это, и мы посмотрим, кто победит.

В тёмных глазах Мариса отражалась задумчивость, он тщательно взвешивал все «за» и «против». Был ли он уверен в своей правоте настолько, чтобы поступить так, как просила она?

– Хорошо, – он согласился. – Рейхан подберёт что-нибудь для тебя. Возможно, грубая ткань будет неприятна твоей коже, но такую одежду носят все твои сёстры и мать, и женщины из деревни. Тебе придётся идти пешком, хотя это далеко, но у твоих сородичей нет лошадей. И погода, конечно, холодная. Однако крестьяне не в состоянии покупать меха или шубы.

Лиз ослепительно улыбнулась ему, встала и вышла из комнаты, ни слова не сказав. Уже тогда Марис почувствовал, что проиграл спор. Ощущение превратилось в знание через час, когда Рейхан бен-Сина подтвердила ему, что Феризат ушла – в одежде из грубой дешёвой ткани, открытой всем ветрам, пешком, без запаса еды и какого-либо имущества.

Он раздумывал ещё почти час, прежде чем отправиться

вслед за нею. И нагнал Лиз через двадцать минут – она успела пройти всего несколько километров из более чем сорока, отделяющих её от родного дома. А потом, устав, села на кучу пожухших листьев и просто смотрела в небольшую лужу воды у дороги.

Марис остановил коня рядом с ней.

– Любимая... пожалуйста, поедем домой. Я признаю, ты победила. Ты ушла, отказавшись от всех благ. А теперь, прошу тебя, вернись домой.

Лиз тяжело вздохнула.

– Я шла домой. Шла, а меня одолевали глупые, гадкие мысли – а зачем я всё это затеяла? Что я этим добилась или доказала?

– Любимая...

– Замолчи! – с яростью закричала на него, вскакивая, Лиз. – Что ты понимаешь?! Я же предательница, дрянь! Я струсила... испугалась вернуться к прежней себе. Я не могу управлять своей собственной жизнью, а пыталась учить Низель, и Рейхан, и тебя.

– Дорогая...

– Я всё равно убегу, Марис. Убегу, когда решу для себя, куда мне бежать.

– Скажи мне главное, Лиз. Зачем тебе бежать?

– Я живу, словно птица, в клетке...

– Дорогая, – он усмехнулся, – иные птицы так привыкают к своим оковам, что не могут жить без них. Они влюбляются

в свои клетки. И едят из рук человека, поймавшего их.

– Ну уж нет...

– Разве ты не ощущала любви к Омару Лалие?

– Он – это не ты...

– Он – это я. Точнее, я – это он. Сколько бы ты ни искала во мне потомка викингов, его уже нет. Я – Омар Лалие, и я – сын Востока. Я могу заставить тебя забыть о том, что случилось когда-то давно между Марисом Стронбергом и Элизой Линтрем. Давай попробуем? Ты можешь выиграть больше, чем предполагаешь.

Лиз колебалась, и Марис с кривой улыбкой, искажившей его лицо, сделал последний шаг.

– Я предлагаю пари, любовь моя. Если за один год ты не выйдешь за меня замуж – добровольно, без всякого принуждения, я не только позволю тебе уйти, я дам тебе денег. Много денег – столько, чтобы хватило на дом и обеспеченную жизнь, и возможность никогда не работать и для тебя, и для Андреса Ресья. А ваши дети станут моими наследниками, потому что других детей, если не от тебя, у меня не будет.

Глаза Лиз выражали безграничное изумление.

– Да ты с ума сошёл! – выдохнула она.

– Я так хочу, – Марис только пожал плечами. – Деньги-то мои, и ставка моя. Играем?

– Конечно, – Лиз выпрямилась. – В такой игре я не могу проиграть.

– Ну вот и славно, – мужчина с улыбкой в глазах смотрел

на неё с высоты своей лошади. А потом протянул руку. –
Прошу тебя, поедem домой.

И Лиз, зачарованная силой его чувства, на этот раз не отказала.

Глава 19

– Ну как, ты готова? – Марис просунул голову с галереи в окно столовой, где Элиза сидела за ранним завтраком, всё ещё зевая.

– Конечно, нет, – девушка потянулась всем телом и обреченно закрыла глаза. – Почему уроки верховой езды должны начинаться в шесть утра? Кто это придумал?

– Ленивица, – Марис с сожалением смотрел на неё. – Ты же совсем не умеешь ездить на лошади и вчера едва не свалилась вниз, как только я посадил тебя.

– Мне такое развлечение ни к чему. Крестьяне работают на лошадях, если они могут себе их позволить, а не катаются для своего удовольствия. Особенно это касается девочек.

– Забудь о том времени, когда ты полола грядки, моя красавица. Тебя ждёт Париж, а женщины из высшего общества умеют ездить верхом. Так что давай, поднимай свою прелестную попку! Лошади уже заждались.

– Ты тоже сядешь на лошадь? – Элиза послушно выполнила его команду.

Марис помог ей покинуть столовую через окно – дверь открывалась в глубину дома, и выход через неё отнял бы пять или десять минут драгоценного времени. А также предоставил бы Элизе замечательную возможность спрятаться у себя в комнате, избегая урока верховой езды.

Спускаясь с галереи по лестнице, девушка отчаянно зевала.

– Может быть, позже, а? – стонала она.

Омар Лалие был неумолим.

– Нет, не может. Позднее двор понадобится прислуге для выполнения домашних работ. Люди будут бегать и мешаться. А ехать с тобой в лес небезопасно. Тебе может прийти в голову отправиться в путешествие, болтаясь на спине лошади, словно плохо привязанное седло.

– Хочешь сказать, что я вообще ни на что не гожусь? Хочешь, да?! – Элиза вырвала у него свою руку и побежала к распахнутым дверям конюшни.

– Эй, Лиз, поаккуратнее там! Ты меня слышишь?

Сделав один-единственный шаг в глубь конюшни, Элиза остановилась. Как обычно, её моментально начало тошнить от страха и запахов.

– Ты их боишься! – догадался Марис по выражению её лица. Сам он выглядел счастливым и довольным, и даже несколько не запыхался. – Боишься этих маленьких милых лошадок!

– Да уж, – язвительным, хотя и дрожащим голосом отозвалась Лиз, – и милые, и маленькие...

Но прогресс, тем не менее, был. Они занимались каждое утро в течение двух недель. Когда Марис увидел, что Элиза уже освоилась на лошади, а смиренная серая лошадка, чья

любовь ежеутренне подпитывалась яблоками и морковью из рук Лиз, не сопротивляется её иногда противоречивым командам, он перестал ходить по двору пешком и тоже сел на лошадь. Его конь был сильнее и агрессивнее, открыто проявлял симпатию к кобылке Лиз, у которой вскоре должна была начаться течка, и поэтому управлять им было непросто.

В это утро Малик опять укусил Дирху за ляжку, слегка сжав зубы. По счастью, Элиза не успела сесть в седло, зато нелегко пришлось самому Марису, когда он пытался усмирить разыгравшегося претендента.

– С завтрашнего дня нам придётся прервать занятия. Я бы сменил лошадь для одного из нас, но ты не справишься с жеребцом, а я не привык ездить на кобылах.

– Не понимаю, что случилось, – Элиза тревожным взглядом наблюдала за поведением своей любимицы и рыжеватого Малика. – Они ведь так дружили...

Марис громко захохотал, запрокинув голову и напугав лошадей снова.

– Не понимаешь? – губы его подёргивались в улыбке, когда тыльной стороной ладони он вытирал слёзы с глаз.

Лиз растерянно пожала плечами.

– О, Аллах! – Марис слегка задыхался. – С беднягой Маликом происходит то же самое, что и со мной, когда я подхожу к тебе слишком близко, глупышка. Я тоже порой готов рыть копытами землю и выпускать из ноздрей огонь.

– Это лишь доказывает твою ненормальность, – Лиз по-

краснела и нахмурилась, но Марис подозревал, что она так ничего и не поняла.

– Ладно, поехали, – взяв за повод, он подвел Дирху к большому камню, с которого обычно садилась Элиза. Малик потянулся за подругой вслед, но он был привязан к забору, и далеко не ушёл.

– Сегодня мы поедem покататься, – Марис открыл ворота и медленно направился к своему коню.

Это была возможность обрести свободу. Свободу от мыслей, хочет она или не хочет искушения и ласк, сражаться год с этим человеком или остаться с ним навсегда. Элиза ударила Дирху по бокам обеими ногами.

– Давай, моя девочка! – горячо прошептала она.

Поняв, чего от неё хотят, Дирха дала. Миновав раскрытые ворота, она сразу взяла в галоп. Крик Мариса позади растаял в свисте ветра в ушах Элизы. И она, и Дирха под нею обе бежали от ненавистной тирании мужчин, и вкладывали в эту попытку все силы.

Омар Лалие не без восхищения проводил глазами тоненькую фигурку, прижавшуюся почти горизонтально к серой гриве кобылы. Он не любил смирения в женщинах, оно означало или зреющий бунт, или тупость и апатию. Он даст ей фору в пять минут. Пусть Лиз покажется, что она свободна.

Рука Мариса погладила жёсткую, выцветшую на солнце гриву Малика. Жеребец волновался.

– Что, малыш, ты тоже равнодушен к одной из этих кра-

соток? – пробормотал Марис.

Малик поднял голову, прислушиваясь к звукам его голоса, и тихонько заржал.

– Ничего, – всадник ухмыльнулся, – девчонки будут нашими. Пошёл! – он сильно хлопнул рукой по боку Малика, и, выкатив глаза, жеребец помчался быстрее ветра.

Всё-таки навыков верховой езды у Элизы Линтрем было прискорбно мало. Ее двухнедельный опыт не подсказал, как быстро от мерных толчков онемееет место, соприкасающееся с седлом, и заболит спина. Да так, что слёзы наворачивались на глаза. Элиза давно уже полностью доверилась Дирхе, совершенно не различая дороги, и больше всего на свете боялась обернуться и увидеть догоняющего её Мариса. Тогда она точно упадёт с седла, и больше уже никакой чудо-лекарь не соберёт вместе её косточки.

Этого же опасался и Марис, с каждой секундой нагонявший беглянку, видя, как отчаянно цепляются её руки за гриву лошади. Поводья давно были ею упущены и волочились по земле. Если Дирха наступит на них мелькающими копытами, упадут они обе. И неизвестно, кто ещё останется жив после этого. У него есть в запасе один приём... Марис поднёс пальцы ко рту, но тут же опустил руку, благодаря Аллаха, что не успел свистнуть. Услышав заложенный в подсознание сигнал, Дирха-то, конечно, остановится. А Элиза перелетит через её голову и продолжит путь туда, куда повлечут её все-

мирные законы инерции. Риск сломать шею слишком велик при такого рода полётах.

И вместо прежнего решения Марис слегка потрепал своего жеребца по шее:

– А знаешь что, малыш? Тебе ведь нравится Дирха, правда? Ты бы позвал свою красавицу – и понежнее...

Марис был уверен, что конь понял его. Малик слегка повернул голову к руке хозяина. И издал такой печальный звук, которому позавидовали бы многие трубадуры. В его ржании была и страсть, и одиночество, и соблазнительный призыв.

Дирха сбавила темп. Она уже позабыла об опасности, оставшейся позади, и сильно устала, а всадница, вяло покачивающаяся на спине, не подавала никаких сигналов. Элиза даже не поняла, что они останавливаются. В её памяти она снова оказалась в том летнем дне, когда деревенские мальчишки с хохотом усадили её на огромную старую лошадь и напугали несчастное животное так, что оно помчалось через всю деревню, не замечая ничего вокруг себя. Маленькая Лиз приземлилась в наполненной сточной водой канаве и только благодаря этому не погибла. В тот день она навсегда невзлюбила лошадей, хотя следовало, наоборот, возненавидеть мальчишек.

Дирха скакала всё медленнее, подчиняясь своим инстинктам, перешла на шаг и остановилась. Преследователь поторопился спешиться, чтобы оказаться у лошади вовремя – как раз в тот момент, когда Элиза начала медленно сползать с

седла. Глаза её были закрыты, а изо рта вырывалось жалобное поскуливание.

– Понятно, – освободив из стремени вторую ногу девушки, Марис отнес её в сторонку, положил на траву. Очаровательная беглянка явно переоценила свои силы.

Жидкий огонь коньяка из запасов Мариса пролился на её губы. Даже в полуобморочном состоянии лицо её исказилось в гримасе. Элиза закашлялась и...

– О, чёрт! – отдельно проговорила она.

С беззаботным видом Марис присел рядом на траву. Находясь в облике Омара Лалие, он настолько хорошо контролировал себя, что никогда не прибегал к поддержке спиртного. Но сейчас он не без сожаления взглянул на фляжку с коньяком, закупоривая и убирая её в нашитый на попоне чехол.

Лиз снова начала кашлять.

– Что, – Марис взял её за руку, – понравилась прогулка? Что же ты у меня такая дикая?

Но голос его звучал не раздражённо, и Лиз осмелилась открыть глаза, хотя голова у неё всё ещё кружилась.

– Мы уже позанимались? – пробормотала она.

Омар Лалие засмеялся:

– Смотри что ты имеешь в виду, – ответил он по-французски. Протянул руку по-прежнему лежащей на траве Элизе. – Итак, чем займёмся теперь? Поиграем в прятки или... сразу начнём отдавать долги?

Ответом ему стал весьма прохладный взгляд.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

– Правда? – Марис приподнял брови. – А вот Дирха, я уверен, уже понимает.

Из-за деревьев неслось пронзительное ржание кобылы. Оно резко оборвалось и сменилось топотом и визгом.

– Дирха! – Элиза вскочила. – Ей угрожает опасность, а я здесь...

Марис попытался остановить её, взяв за плечо.

– Не ходи туда. Ты... не готова.

– Что?! – Элиза в бешенстве оглянулась на него. – Мою лошадь обижают, а ты раздаёшь мне советы...

Подобрав свою длинную, с разрезами, юбку, приспособленную для верховой езды, Лиз бросилась через прозрачный перелесок, к соседней поляне, откуда и доносился голос Дирхи. Марис последовал за ней, хмуря брови. Он не собирался скрещивать породистую кобылку в этом году.

Увиденное потрясло неопытную Элизу. Проклятый, мерзкий, рыжий конь Стронберга молотил копытами по спине и безжалостно кусал огромными зубами её Дирху. Кобыла переступала копытами, опустив голову, и в её влажных глазах было страдание. И боль, которую причинял ей толчками своего крупа гадкий насильник.

Раскрыв рот в беззвучном крике, Элиза повернулась, собираясь бежать. И уткнулась прямо в грудь Мариса. Мужчина обхватил её сильными руками.

– Я же предупреджал, – с лёгким укором проговорил он, – ты не готова.

Сам он не отрывал глаз от сцены на поляне, и Лиз чувствовала, как всё быстрее стучит его сердце.

– Если бы у тебя был любовный опыт, ты бы сейчас озвела от возбуждения, а не...

– Как ты? – Лиз подняла голову, чтобы взглянуть ему в глаза. И убедилась, что Марис не лгал насчёт возбуждения. Его зрачки расширились настолько, что белок перестал быть виден совсем; Марис дышал часто и неглубоко.

– Да, – хрипло выдохнул он. – Это же прекрасно. Посмотри!

Элиза сопротивлялась, но Марис развернул её, вынуждая смотреть на сцену совокупления лошадей. Ну, тут он ей не хозяин, она всегда может закрыть глаза; но собственное состояние Мариса беспокоило её куда больше. С него станется попытаться напасть на неё, как этот мерзкий Малик напал на бедняжку Дирху.

– Неужели тебя это не волнует? – пробормотал над её ухом Стронберг, откровенно удивлённый, что она ещё не содрогается в любовном экстазе у него в руках.

– Волнует! – Элиза повернулась, но в глазах её мерцали искры не страсти, а ярости. – Волнует, что ты позволяешь этому буйволу калечить мою лошадь!

– Твоей лошадке хорошо, – Марис криво ухмыльнулся. – Только ты её глазам, похоже, не доверишь. Ладно, дождёмся

твоих впечатлений от собственного опыта.

– Я получу его не с тобой!

– Жаль, у меня любое дело хорошо получается. Впрочем, это будут твои впечатления, и тебе с ними жить, – он взял Элизу за локоть. – Дадим лошадям немного отдохнуть, и поедем обратно. Поедем вместе на Малике, Дирха пойдёт в поводу. Пусть привыкает к мысли о будущем материнстве.

Элиза вздрогнула и глубоко вздохнула.

– Это обязательно?

– Потомство? У животных, как правило, да. Люди уже научились обходиться без последствий. Когда ты придёшь ко мне в первый раз, я буду осторожен.

Лиз мрачно посмотрела на него:

– Если, а не когда.

Марис кивнул:

– Это моя забота.

Глава 20

Старик в роскошном халате, подбитом песцом, переменил позу, всем своим видом показывая, как ему неприятен этот разговор.

– Мой сын выбрал тебя, девушка. Я не хочу это обсуждать. Здесь не о чем говорить. Я уважаю выбор Омара.

– Вы уважаете его право выбирать, но не меня! – закричала Элиза, не в силах смотреть, как ещё один путь к свободе стремительно закрывается для неё.

Хусейн Лалие улыбнулся уголком рта. А может, Элизе это почудилось, и по его губам всего лишь пробежала нервная судорога...

– Мне нет дела до тебя. Ты – только инструмент, вещь, способная доставить удовольствие моему сыну. Сосуд, внутри которого вырастет мой внук.

– Разбежался, старый пень, – пробормотала по-шведски Элиза. Потеряв последнюю надежду, она отвернулась от Хусейна.

Старик задержал её, взяв за плечо. По смеху, блестящему в его глазах, было ясно, что об общем смысле ответа Лиз Линтрем он догадался.

– Почему? – проговорил своим хриплым каркающим голосом Хусейн Лалие. – Почему ты хочешь покинуть Омара? Мой сын плохо относится к тебе?

– Слишком хорошо, – искренне ответила Элиза. – Я боюсь его.

Хусейн удовлетворённо кивнул, будто бы уяснив что-то для себя.

– Чувство любви ты должна взрастить в себе, словно хрупкий цветок белого лотоса...

– Вы не поняли меня, – прервала его Элиза. – Я ничего не собираюсь растить для Мариса... Омара. Я не хочу его любви, и мне не нужны его деньги. Только свобода.

– Свобода от чего? – мягко переспросил Хусейн. – От самой себя? От страсти, которая тебя пугает?

– Да. Ответ на все ваши вопросы – да. Мне просто необходимо вырваться из этого дома, чтобы ещё раз всё хорошенько обдумать. Я буду управлять своей жизнью сама, как захочу; а сейчас Марис всё время вырывает у меня вожжи.

– Я понимаю, – Хусейн снова кивнул, машинально поглаживая седую, коротко подстриженную бороду. – Омар нетерпелив, как вся молодость. Ему невдомёк, что бабочка может улететь раньше, чем он успеет схватить её. Ты – красивая бабочка, девушка Феризат.

– Спасибо, – дрогнувшим голосом отозвалась Элиза, не совсем уверенная, стоит ли это считать за комплимент.

Хусейн пронзительно глянул на неё:

– Это похвала не тебе, а Аллаху, великому создателю всего сущего на земле. Твоё тело создано по Его воле, и твоя судьба вложена Им в твои уста.

– Вы меня отпускаете? Ваш бог одобрил бы это, я уверена. Он кажется славным парнем. . .

– Женщина! – Хусейн резко поднял руку с раздвинутыми пальцами. – За такие речи на моей родине ты сразу лишишься головы. Или будешь забита камнями.

Лиз ничуть не смутилась.

– Ваши обычаи для меня – тёмный лес. Теперь вы понимаете, почему я не подхожу Марису? – ей хотелось добавить «а он – мне», но Лиз благоразумно сдержалась, понимая, что этот аргумент не будет иметь никакого значения для Хусейна Лалие.

– Отпустите меня! – настойчиво повторила она.

Хусейн невозмутимо расставлял шахматные фигуры, вырезанные с редким мастерством из дорогих пород дерева, на поверхности столь же уникальной доски.

– Ты на этих же струнах сыграла несколько месяцев назад с его матерью, не правда ли?

Старик усмехнулся, поймав полный изумления взгляд Элизы.

– О да, Омар мне рассказал, что его мать помогла тебе бежать из его шведского дома. Но насколько хорошо эта женщина понимала, что это не она управляет тобой, а ты – ею?

Элиза прямо взглянула ему в глаза:

– Лаймен придумала прекрасный план. Я не стала говорить, что он созрел у меня первой.

Хусейн прикрыл глаза в молчаливом одобрении.

– За день до этого Маржан, смотрительница моих домов, заключила договор о покупке слуг у Лаймен Сторон... Сторон...

– Стронберг, – машинально поправила Элиза.

Хусейн Лалие кивком выразил свою благодарность.

– Да, верно. Маржан располагала чёткими указаниями, каких слуг ей приобрести.

– Иными словами, Марис шёл на шаг впереди каждой из нас.

– Мой сын знает, когда следует поменять наживку и декорации. Он – великий охотник, мой Омар, – ни один отец так не гордился своим родным сыном, как Хусейн Лалие – Марисом Стронбергом.

– Такой дичи, как я, ему ещё не попадалось, – со злобой проговорила Лиз. – Я выверну его шкуру наизнанку...

Старый араб смотрел на неё со странным выражением в глазах. Лиз могла бы поклясться, что это восхищение, если бы не знала, что подобного чувства к женщине Лалие не испытает никогда.

– Ты не покинешь сердца Омара, северный цветок Феризат. Я хочу, чтобы ты родила ему сына.

– А! – язвительно откликнулась Лиз. – Так я уже нечто большее, чем просто сосуд, в котором растёт ребёнок, неизвестно как туда попавший?

– Прости меня, – смиренно проговорил Хусейн, повергнув девушку в новый шок. Старик Лалие извиняется? Тот,

кто мог бы приказать горам прийти к нему на поклон – и горы бы зашевелились, просят прощения у простой смертной? От чудовищного ощущения неловкости она побледнела.

– Ну, Стронберг, ты мне ответишь и за это, – пробормотала шведка.

– Я прошу вашего позволения вернуться в мой лен последний раз, – Элиза не смотрела на Лалие, и речь её звучала отрывисто. – Я хочу домой.

– Ты не можешь уехать. Никто не может покинуть дом, пока не покажет стражникам моего кольца, – Хусейн погладил свои униженные драгоценностями пальцы, – дающего разрешение на выезд.

– Любое из них? – не отрывая глаз от колец, уточнила Элиза.

Араб еле заметно кивнул:

– Любое, – его пальцы снова обняли головку белой шахматной королевы, играя с ней. – Лучше отдохни, дитя моё. Омар недавно уснул, пойду и я последую его примеру. Мальчик, наверное, проспит до полудня...

Сохраняя всю свою величавость, Хусейн Лалие выплыл из комнаты, всё с той же белой королевой в руке. Лиз проводила его взглядом. Всё, ушёл. Теперь, когда он перестал контролировать каждое её движение, можно вести себя, как ей хочется. Поставив локти на шахматный столик, Лиз оперлась подбородком о ладони, сложенные чашечкой, и долго тупо смотрела на скопление фигур – Хусейн составил их все

вместе. Так, с собаками встречаться ей больше не хотелось, а вот снова увидеть знакомое милое лицо Андреса... За это Лиз готова была отдать многое. Эту порочную игру Стронберга пора было прекращать. Но для начала она должна выбраться отсюда. Кого просить о помощи, если оба хозяина дома – и старый, и молодой – отказали ей? Рейхан скорее отрубит себе правую руку, чем поможет ей в деле побега. С жёнами Хусейна Элиза практически перестала общаться, да и какая польза от таких же узниц дома, как и она?

В этих фигурках было что-то странное. То ли чего-то не хватало, то ли, наоборот, появилось лишнее. Лиз не играла в шахматы, но всё же подозревала, что массивный золотой перстень с рубином не являлся обязательной частью резной фигурки с острием наверху. Хусейн забыл одно из своих колец! Схватив перстень, Лиз зачарованно уставилась на пылающий внутри красного камня густой огонь. Вот он, пропуск к её свободе! Лиз вскочила.

Нет, подожди, не радуй охотников, не беги так резво в расставленную тебе ловушку. Хусейн Лалие отнюдь не глупец и не оставил бы здесь случайно перстня сразу после их разговора о волшебных свойствах колец. Он не мог открыто позволить ей уехать, но хотел этого и тайком намекнул...

Лиз в сомнении покусала нижнюю губу. А что, если это ловушка?

Ловушка? Ну и подумаешь! Неужели Марис, если поймает на очередной попытке к бегству, убьёт её? Выпавшим

шансом следует воспользоваться.

Два часа спустя Элиза Линтрём, позволив служанке доложить о себе, входила в гостиную, где её ожидала Лаймен Стронберг. По приглашающему жесту хозяйки дома гостья присела. Обе молчали, не испытывая в словах нужды. Они были похожи на двух молодых хищниц, обнюхивающих друг друга и ещё не знающих, будут они дружить или станут смертельными врагами.

– Госпожа Лаймен, – Элиза Линтрём почти не моргала, глядя на строгое лицо хозяйки, – я приехала, чтобы рассказать вам одну вещь. И даже не одну. Просто правду. Я не жду, что вы поверите мне с первого раза. Но проверить мои слова будет легко: если ваш младший сын появится в этом доме до вечера...

Марис и Хусейн встретились на галерее около трёх часов дня.

– О, это вы, отец! – Марис вздрогнул от неожиданности, когда Хусейн Лалие дотронулся до его плеча.

– Простите мою неблагодарную невнимательность. Мои мысли далеко унесли меня.

– Ты хорошо отдохнул, 'ibn? – Хусейн смотрел на него ласково, более снисходительно, чем Марис, как он считал, того заслуживал.

Сын еле заметно улыбнулся.

– Мне больше понравился бы дневной отдых, если бы рядом была моя жена. Но она ускользнула, и теперь...

– Она ещё не жена тебе, Омар, и имеет право выбора.

Губы Омара Лалие немедленно упрямо сжались.

– Я всего лишь дал ей время, чтобы привыкнуть.

Хусейн рассматривал его своими печальными тёмными глазами.

– Как выбирать птице, дверца клетки которой всегда закрыта?

– Так, – Омар устало провёл по лицу рукой. – Похоже, «птичка» успела напеть вам свою райскую песенку.

– Она мне понравилась.

– Естественно. Лиз ничего не делает просто так. Что она получила от вас, отец?

Хусейн не стал упрекать сына за грубый тон вопроса.

– Я забыл запереть дверцу, – просто сказал он. Марис с шумом выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

– Понимаю. И в направлении какой стороны света вы забыли её закрыть, отец?

– Девушка вернулась в свою деревню.

Кончиками пальцев Марис потёр лоб:

– Да, конечно, куда ещё она могла отправиться... Но с её стороны глупо искать помощи у Лаймен Стронберг.

– Ты не слушаешь свою мать?

– Не в этом вопросе. Лиз мне необходима, я намерен жениться на ней. У вас будут замечательные внуки, отец: упря-

мые, как викинги, но столь же доблестные.

– Берсерки, – тихо проговорил Хусейн, вспомнив слово, обозначающее безумных и свирепых скандинавских воинов-волков.

Марис встал.

– Возможно. Собственный брат с семи лет называл меня хёвдингом – предводителем разбойничьей шайки, – он крииво усмехнулся. – Боюсь, я был шумным ребенком, отец...

– Раймонд первый дал ему прозвище «хёвдинг», – со слабой ностальгической улыбкой на губах рассказывала Лаймен. – Целыми днями они пропадали где-то в округе, играя в разбойников и понарошку грабя проезжающих. Им нравилось быть хозяевами лена...

– Потом Раймонд перестал играть, – добавила сидевшая рядом Элиза. – Он начал грабить и насиловать совсем не ради игры.

Лицо старшей блондинки помрачнело.

– Ты не должна так говорить о Раймонде. Он – мой сын.

– И тот, второй, тоже.

– У «второго» есть имя. Как бы ты ни относилась к нему, его зовут Марис, Марис Стронберг.

– Может быть, – Элиза пожала плечами. – Или Омар Лалие.

В тишине отчётливо скрипнули зубы Лаймен – белые, крепкие, похожие на жемчужины.

– Я не знаю, почему боги позволили, чтобы это произошло. Никто из нас не гнал Мариса из родного дома...

– Наверное, это сделала я.

– Ты? – Лаймен Стронберг недоверчиво уставилась на Элизу. – Но как? Ты была сорняком под его ногами, глупой маленькой девчонкой!

– Я была его будущим. Тем самым, которого он не хотел. Каждый день, видя меня, он вспоминал, что через несколько лет ему придётся на мне жениться. А что, если он полюбит кого-нибудь?

– Я помогла бы ему! – Лаймен в волнении привстала с дивана.

– Расправившись со мной? – Лиз в упор уставилась на неё. Лаймен выглядела так, будто её окатили из ведра ледяной водой.

– Не знаю, – она посмотрела себе под ноги. – Наверное, если не нашла бы другого выхода.

– У вас был выход, госпожа Стронберг, – мягко проговорила Лиз, жалея её. – Ускорить мою свадьбу с Андресом. Даже ваш сын не осмелился бы нарушить святость брачных уз...

– В Париже ты будешь выглядеть настоящей деревенщиной, если не победишь свою наивность.

Обе женщины одновременно посмотрели на дверь. Снова привстав, Лаймен умоляюще протянула правую руку:

– Марис! О, Марис, скажи мне поскорее, что всё это...

– Неправда? – холодно закончил её сын. – К сожалению, не могу. Отец учил меня всегда быть искренним.

Оттолкнувшись плечом от двери, Марис прошёл к тихо сидящей на диване Элизе – она была воплощением кротости: скромно опущенные глаза, руки, зажатые между коленями. Марис плюхнулся на диван рядом, заставив её подпрыгнуть.

– Любовь моя, – вкрадчиво пробормотал он. – Разлука всего лишь на четыре часа с тобой показалась мне вечностью.

Не смущаясь присутствием матери, он схватил Элизу за волосы и жадно поцеловал её. Марис выкладывался полностью, надеясь, что она хотя бы посмотрит на него. Но вместо этого Лиз закрыла глаза вообще.

– Стерва! – разъярился Марис. – В моих объятиях ты не будешь спать.

– Ты обманывал меня всё это время! – жалобный голос Лаймен сменился гневом.

Марис повернул голову к матери, дрожа, как потревоженный вампир у тела своей жертвы.

– Тебе нужна правда? Да, обманывал. Причем с согласия отца.

– Эмиль знал про это?! – голос Лаймен взлетел до не выносимых человеческим слухом высот.

Сын удивлённо посмотрел на неё:

– Не этот, нет. Эмиля я давно уже не зову отцом. Мой приёмный отец – Хусейн Лалие. Он умён, благороден, мудр.

– А ты – лжец! – крикнула Лаймен. – Ты обманывал меня, свою мать, когда тебе стоило лишь попросить о помощи...

– И ты тут же кинулась бы за свадебным платьем для Элизы, – со злостью закончил сын.

Лаймен закрыла лицо руками.

– Я не думала, что у тебя это серьёзно. Я и сейчас отдала бы всё за возможность уснуть, а проснувшись, обнаружить, что ты женат на милой девушке из своего круга.

– Милой девушке из моего круга? – медленно повторил Марис. – Такой, как Аделаида?

Лаймен только вздохнула, признавая своё поражение. Но теперь Марису этого было мало, он вошёл в раж.

– И что значит «девушка моего круга»? Что ты знаешь о моём круге, мама?! Во всём мире едва ли наберётся двадцать человек, столь же богатых, как я. Привилегия такого высокого положения – именно в том, чтобы выбрать себе спутницу по душе.

– Мне наплевать, сколько у тебя миллионов, миллиардов, всё равно! – закричала Лаймен. Впервые Элиза видела ледяную хозяйку поместья столь несдержанной. Может, Лаймен Стронберг и смеялась, и плакала, но никогда не делала ничего подобного на глазах своих слуг.

– Ты – мой сын, и всё, чего я хочу – чтобы ты был счастлив...

– Я счастлив, мама. Только не надо вмешиваться в мою жизнь. Пойдём, дорогая, – он взял Элизу за руку. – Попытка

была смелой, но глупой. Тебе придётся убить меня, чтобы освободиться.

– В следующий раз я так и поступлю! – пригрозила Элиза. Марис только усмехнулся.

– Увидим.

Он помогал Элизе подняться, намотав на сжатый кулак её волосы:

– Я думаю, что у тебя было достаточно времени, чтобы поплакать у матери на плече. Я почему-то был уверен, что ты побежишь к Ресья за защитой или к своей собственной матери.

– Ты видел Андреса? – Элиза разволновалась. – О боже! Он... он здоров?

Трепетные нотки в её голосе довершили дело, начатое Лаймен. Марис окончательно озверел:

– Ах ты, блудливая кошка! Я выкопал тебя из помойной ямы, я дал тебе любовь, уважение, всё...

– Ты называешь это уважением? – стараясь не морщиться от боли, Лиз прямо смотрела ему в глаза. – И мне не нужна твоя любовь, оставь меня в покое!

– Не будет этого, Линтрем. Да, кстати: наше соглашение не предусматривало подобных выходов с твоей стороны.

– А ты стыдишься признаться, кто ты? Или сам этого не знаешь? – съязвила Лиз.

– Перестань, дорогая, – рука Мариса погладила её по животу. – В твоём положении вредно так волноваться.

Взгляд Лаймен Стронберг скользнул по втянутому животу Элизы, потом – по лицам двух спорщиков.

– Ты не сказала мне, Элиза, что вынашиваешь дитя. Иначе я сразу бы отправила тебя обратно к Марису.

– Поэтому и не сказала, – мрачно пробормотала Элиза. Но тут же опомнилась. – Боже, что я несу! Не вынашиваю я никаких детей, что за бред! Я вообще ещё девушка!

– Чисто технически, дорогая, уверяю тебя, – замурлыкал Марис у неё над ухом. – И это недоразумение мы исправим сегодня же.

Лиз громко застонала. Лаймен с сердитым видом махнула рукой:

– Убирайтесь отсюда, вы оба! У меня утром было такое хорошее настроение...

– Я хочу навестить мать! – протестовала Элиза, подталкиваемая к выходу. – Ты свою увидел, а я?

– Сожалею, что визит был таким коротким, мама. В следующий раз мы заглянем, когда живот у Элизы будет заметен всем. А ты, пожалуйста, позаботься пока, чтобы пристроить Андреса Ресья в надёжные руки. Тогда он два раза подумает перед тем, как совершить какую-нибудь глупость.

– Договорились, – Лаймен коротко кивнула на прощание. Во дворе поместья Элиза отбивалась от Мариса, пытаясь оцарапать его длинными ногтями.

– Как ты посмел сказать такое про Андреса?!

– Посмел – и сказал, – связав колючей верёвкой её руки,

Стронберг романтично перекинул возлюбленную через круп Малика.

– Ты отобьёшь мне все внутренности, – визжала Элиза, – если повезёшь так!

– Ну, – Марис ловко затолкал ей в рот чистый носовой платок как подобие кляпа, – поскольку ты не беременна, бояться нечего. К тому же и бедуины, и викинги возили своих похищенных пленниц именно так. Тебя не привлекает овеянная веками романтика?

В ответ на гневные звуки, издаваемые Элизой, он, усмехаясь, провел вдоль её спины рукой, задержался на округлости зада и перешёл на ноги. Дождавшись, пока вопли сменит жалобное поскуливание, он наклонился к уху пленницы.

– А чтобы тебе было интереснее ехать, сообщу, что сразу после приезда домой ты будешь наказана. Но вот способ наказания оставляю твоему воображению. У тебя впереди два часа сладких грёз, любимая, – он пришпорил коня.

Богатая фантазия – страшная вещь. Когда сто двадцать минут быстрой скачки были почти на исходе, Элиза Линтрем свисала поперёк крупа Малика совершенно без сил. В своём воображении она уже десять раз была изнасилована, выпорота, распята и колесована. В тот момент, когда Малик остановился, её четверговали. Физическое и моральное напряжение истощило её силы до конца, и она начала падать, как только ноги её коснулись песка.

– Бедняжка, ты совершенно измучена, – ласково прогово-

рил Марис, беря её на руки.

Слуги в поместье Лалие так и не поняли, что произошло с хозяином в тот день, когда волосы его из тёмных раз и навсегда стали белыми, но повиновались столь же безропотно, как и всегда. Малик моментально был уведён на прогулку – конь должен остыть, а перед Омаром Лалие бежала служанка, открывая хозяину двери. Через минуту в «Покоях малой жемчужины» появилась Рейхан.

– Омар, что случилось? – от беспокойства она позабыла установленные обожаемым господином правила. Любовь дочери экономки преследовала Омара с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать.

– Закрой двери, Рейхан. Не случилось ничего особенного. Мы катались верхом с Феризат, и ей стало плохо от солнца.

– Думаешь, я не вижу, что её руки связаны? – Рейхан бен-Сина кивнула в сторону неподвижной фигуры на кровати. – Она сводит тебя с ума, а ты позволяешь это. Почему?

– Кому действительно позволено слишком много, так это тебе, Рейхан, – сердито проговорил Лалие. – Ты везде подглядываешь, шпионишь...

Дочь Маржан заплакала от ревности и от обиды:

– Но я люблю тебя! Люблю так, как она никогда не полюбит! Почему она, а не я, почему?

– Я люблю её, Рейхан. Давно люблю. Это она приходила в мои сны, это её, а не тебя, я видел, когда ты делила со мной ложе...

Рейхан дико вскрикнула, накинула петлю из шарфа на шею, пытаясь задушить себя. Омар не дал ей этого сделать, но не из-за любви. Ему не хотелось объяснять Маржан, что случилось с её дочерью.

– Пусти, я убью себя! – кричала Рейхан. – Мне не нужна жизнь, если ты отвергаешь меня ради чужеземки!

Марис не стал тратить время на объяснения, какая из женщин ближе ему по культуре и крови. Честно говоря, он сам этого не знал. Но только доступность Рейхан больше его не привлекала.

– Ты с самого начала знала, Рейхан, что наши отношения не вечны. Я не обещал сделать тебя женой. У меня будет только одна жена, и выбор уже сделан.

Дочь Маржан зарычала от разочарования:

– Я вырву сердце у этой белой суки и приготовлю его тебе на ужин!

Пройдя к двери, Омар Лалие распахнул её:

– Уходи из этого дома, Рейхан, и не возвращайся. Мы с отцом больше не нуждаемся в твоих услугах.

Рейхан бен-Сина недоверчиво уставилась на него.

– Что ты говоришь, Омар...

– Ты забыла свое место, служанка, – голос хозяина звучал раскатами грома. – Ты чуть подняла голову из пыли и возомнила себя равной своему господину. Ты знаешь, как мы поступаем с плохими слугами.

– Мой господин, не прогоняй меня! – рыдая в голос, Рей-

хан рухнула перед ним на колени. – Я умоляю, я клянусь, я стану хорошей рабыней – слепой, глухой. Я откажусь от всего, только чтобы служить тебе, мой господин Омар...

Лалие ещё колебался, но пересилило, как обычно, воспоминание о Маржан. Она обязательно пожалуется отцу, если с Рейхан что-то случится. А Хусейн заслужил спокойную старость.

– Оставайся, – буркнул он. И брезгливо освободил руку из-под страстных поцелуев, которыми покрывала её Рейхан. – Но сейчас уходи. И забудь о том, что ты видела.

После исчезновения дочери экономки Марис всего лишь вынул платок и распутал верёвку на руках Элизы. Желание предпринимать что-то ещё начисто отбила история с влюблённой идиоткой Рейхан. Интересно, какими аргументами руководствовался Аллах, совершенно лишая женщин здравого смысла?

Глава 21

Во всём огромном, ведомом лишь Аллаху подлунном мире не было у Хусейна Лалие слуги преданнее Керима ибн-Баррадеха. Все достоинства редким образом соединились в одном человеке: и острый слух, и проворный разум, и быстрые ноги. От неприметной своей внешности – не красавец и не урод – Керим только выигрывал. В любом обществе он умел так слиться с обстановкой, что его и не замечали; а Керим ибн-Баррадех слушал и нёс всю добычу, иногда ценную, а когда и не очень, своему господину. А уж потом враги Хусейна Лалие не уставали дивиться его осведомлённости. Пока не приступали к счёту собственных потерь. И лишь ради хотя бы частичной компенсации все старательно распространяли слухи, что Хусейн Лалие – не правоверный мусульманин, что у него на службе находится целый легион тёмных демонов, умеющих проникать в любую щель. Ещё ни один из них не догадался связать демонов с тем так похожим на них самих загадочным незнакомцем, с которым они неосмотрительно откровенничали. Умению Керима превращать своё тело в пустой сосуд завидовал и Хусейн. Каждый человек считает себя самым достойным созданием на земле, даже нищий, выпрашивающий сантим у парижской церкви, каждый хотел бы сутками говорить о себе. Да мало находится желающих слушать, все норовят перевести разговор на собствен-

ную персону. А Керим умел – наверное, оттого, что был он в младенчестве брошен гулящей матерью на улицах Тегерана, а никакого Баррадеха, сыном которого он именовал себя, и в природе не существовало. Но эту тайну знал лишь Хусейн Лалие, а болтать попусту араб никогда не любил. Не рассказывал Хусейн своим домашним о том, как проснулась в его сердце жалость при виде пятнадцатилетнего тощего паренька, приговорённого к отсечению рук за воровство кошельков из карманов богатых тегеранцев. В глазах парня светились ум, злость и никакого отчаяния, только поиск пути, по которому можно было бы уйти подальше от кары Аллаха. Хусейн выкупил руки парня вместе с ним самим за несколько золотых монет и клятвенное обещание увезти его навсегда из центрального остана. В Тегеране всяких преступников хватало, и пять минут спустя, когда Хусейн Лалие, придерживая новое приобретение за плечо, уходил с площади, на суд шариата выводили уже следующего – бородатого мужика огромного роста. Уж он-то точно позабавит толпу видом падающих конечностей...

Мальчишка попытался от него сбежать скорее, чем этого ожидал Хусейн, не без выдумки отвлекая внимание навязанного ему сопровождающего. Малолетний вор долго не мог прийти в себя от изумления, поняв, что длинный хлыст потомка погонщиков быстрее его ног. Хусейн не торопясь подошёл к валявшемуся на мостовой парню, сматывая хлыст, перехвативший лодыжки беглеца, и поставил ногу на бритую

голову, вжимая разбитый нос в раскалённые солнцем камни.

– Скажи твоё имя, – потребовал человек со сноровистым хлыстом и диковинным выговором, какого раньше не слышивал юный вор.

– Керим, – пробормотал мальчишка. – Керим ибн-Баррадех, эфенди, лучший чистильщик богатеев во всём Тегеране. Человек будто и не расслышал его похвальбы.

– Я спас твои руки, Керим, теперь за тобой выбор. Можешь уйти на все четыре стороны и подохнуть, как собака, в канаве, когда тебя снова поймают стражники. А можешь служить мне, Хусейну Лалие, далеко от этих краёв. Ты никогда не вернёшься в Персию, зато увидишь весь остальной мир. Согласен?

Потрясённый Керим задёргал головой, тогда Хусейн Лалие перевернул его на спину и протянул руку как равному:

– Ты отныне мой слуга, Керим ибн-Баррадех, а я – господин тебе. Ослушание принесёт тебе немедленную смерть, верная служба – невиданную награду.

Жизнь на улицах приучает лишь к одному авторитету – закону силы. Керим не поверил бы чужаку, вздумай тот обещать ему ласку и заботу, даже если это впоследствии оказалось бы правдой. А вот побои и смерть – это реальность. С того дня Керим ибн-Баррадех опасался лишь одного – оказаться недостойным своего хозяина.

Срок службы Керима исчислялся уже годами, когда в доме Хусейна во Франции появился худосочный смазливый маль-

чишка, которого Хусейн назвал своим сыном, хотя все в доме знали, что это не правда. Но то была ложь, угодная Аллаху, и Керим первый перерезал бы глотку тому, кто начал болтать лишнее об Омаре. Все трое они вернулись в великую пустыню – туда, где сотни лет, трепеща на ветру, стояли шатры предков Хусейна. Теперь их сменили дворец и слуги-берберы, готовые исполнять любые желания повелителя. Но набивать живот сладостями да почивать на мягких подушках не было мечтаниями Хусейна, Керима и Омара. Керим научил мальчишку драться палкой, голыми руками и даже зубами, Хусейн передал сыну редкостное владение хлыстом; Керим заставлял зубрить арабские диалекты, а Хусейн ввёл обычай каждый день говорить на другом языке. Дней было шесть, в субботу, день поклонения Аллаху, Омар выписывал суры на пергаменте арабской вязью. В семнадцать лет Керим отвёл молодого господина к опытной женщине, щедро заплатив ей из денег Хусейна, а следующим утром Хусейн обучал Омара на французском языке умению обольщать красавиц с положением в обществе. Омар часто покидал отчий дом, чтобы попробовать свои силы, но всегда возвращался к бесконечным, как время, пескам; и с каждым таким возвращением Керим с удовольствием наблюдал, как мальчик всё более превращается в мужчину. А пять месяцев назад господин приказал Кериму приготовиться к путешествию – Омар Лалие хотел, чтобы они присоединились к нему в далёкой варварской стране. Но даже у дикарей Керим не ожидал уви-

деть снега.

– Разожги жарче огонь, Керим, – Хусейн Лалие мельком глянул на скорчившегося у дверей слугу. – День сегодня холодный, наверное, будет снег.

Худощавый, невысокого роста Керим опрометью бросился к брускам дерева, сложенным у решётки камина.

– Опять холодно, эфенди, – ворчливо пожаловался он. – В этой стране всегда холодно, всегда белый снег. Зачем только господину Омару потребовалось...

– Замолчи, Керим, – без всякой злости остановил его хозяин. Слуга и сам был готов уже провалиться сквозь землю: как только он, рождённый вором, осмелился обсуждать побуждения своего господина? Лишь более двадцати лет службы Лалие оправдывали его.

– А что, Керим, – снова заговорил Хусейн, поворачивая расстроенное лицо к окну, – Омар снова грустит? Не пристало воину так тосковать из-за женщины.

Омар Лалие действительно уже третий день не выходил из своих покоев, отказывался от еды и пребывал в раздражительном состоянии духа.

– Господину жениться надо бы, – Керим ибн-Баррадех старательно разжигал одно полено от другого.

Хусейн не стал сердиться на поучительный тон слуги. По правде говоря, советника лучше Керима у него не было, а всё потому, что паренёк отождествлял свою выгоду с выгодой своего хозяина. Без Хусейна Лалие Керим перестал бы

существовать.

– Я ждал, что так оно и случится сразу после месяца Уразы. Да девушка, видно, попалась норовистая. А может, дело не в ней, Керим? Может, отыщешь Омару другую гурию, и перестанет он тосковать, оскорбляя своим видом взор Аллаха?

– Я бы нашёл, эфенди, – слуга проворно повернулся к господину на кончиках пальцев ног, – но уж красивее госпожи Рейхан сыскать трудно. А вчера Омар прогнал её из своих покоев и назвал блудницей... – Керим умолк.

Хусейн посмотрел на преданного слугу с огоньком понимания в глазах.

– Что, не оставили тебя косы Рейхан равнодушным, Керим? Уж гурия из гурий дочка Маржан, а и она Омару не угодна. Странное происходит с нашим мальчиком, Керим. Приворожила его северная колдунья.

Во взаимном уважении к мощным чарам Элизы Линтрем двое мужчин помолчали. И снова разговор начал Хусейн:

– А ты как считаешь, Керим, хороша ли светловолосая?

– Чудо как хороша, эфенди, – с искренней убеждённостью откликнулся слуга. – Только сердце у неё холодное, и нет покоя в душе.

– Она, Керим, несчастная, а не холодная, – Хусейн задумчиво гладил левой рукой свою небольшую бороду. – Не было в её жизни мужчины, который разбудил бы её, не познала она мужской ласки, хотя давно настала подходящая пора, –

сам Хусейн взял свою первую жену Голе-Мохтар бен-Шаккум, когда невесте исполнилось тринадцать. Жениху же было около сорока.

– Дева не знает своих желаний, а Омар надеется дожить до того дня, когда она поймёт. Если всё оставить идти естественным ходом, мы с тобой, Керим, замёрзнем в этих снегах.

Кинув взгляд за окно, сын пустыни невольно содрогнулся.

– Настала пора предложить Аллаху свои услуги. Послушай, Керим, что я решил...

Двадцать пятый день рождения господина отмечать слугам в поместье было строго запрещено, чему немало способствовало унылое настроение самого Омара Лалие. Одетый в белый восточный бурнус, он появился из своих комнат утром на час, чтобы раздать традиционное денежное вознаграждение слугам, а те, в свою очередь, поднесли столь же традиционный брусок козьего сыра и кувшин молока. Муэдзин, живущий в поместье, прочёл пять молитв, прося Аллаха благословить жизненный путь Омара Лалие. Но роскошных пиршеств не было, вместо трапезы, разделённой с друзьями, Омар отправился в «Покои малой жемчужины», где обитала его женщина. Через пять минут все явственно услышали крики и звон бьющейся посуды.

Наклонив голову, Марис проворно отступил с траектории летящего в него серебряного блюда. Такого озлобления в

Элизе, как за последнюю неделю, с тех пор, как они вернулись от Лаймен, он не ожидал встретить никогда. Лиз Линтрем мгновенно вспыхивала, но и быстро остывала, и начинала раскаиваться в совершённых под влиянием злости поступках. Но в этот раз... Уже восемь дней, как она сердито шипела, стоило ему сделать шаг в её сторону, и всё время планировала новый побег. Марис уже отобрал у неё связанную из простыней верёвку, по которой она пыталась вылезти из окна. На следующий день она попробовала оглушить кувшином стражника, охраняющего её покои, а через два часа уже перепиливала столовым ножом железные прутья только что установленной на окне решётки.

– Лиз, – вскинув руку, Марис поймал направленный в него флакон с французскими духами – к счастью, закупорен он был хорошо, – может, ты успокоишься хоть на день, а?

– Ни за что! – отрезала неукротимая амазонка.

– Сегодня у меня день рождения, – продолжил уговоры Марис. – Сделай мне подарок, угомонись.

– День рождения? – девушка замерла с зажатой в руке маленькой жёсткой подушкой, уже приготовленной для метания. – Я не знала. Похоже, ты и вправду заслуживаешь подарка, Марис Стронберг...

Она отбросила подушку в сторону, направилась к нему, и Марис в который раз купился на блеск увлажнённых языком губ и сияние чёрных, словно лунная ночь, нежных глаз. За что и был спустя четверть минуты вознаграждён сильным

ударом в солнечное сплетение.

Марис согнулся пополам, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха в трепещущий от боли организм. Элиза наблюдала за его судорогами со спокойным удовлетворением.

– Достаточно одного подарка или добавить ещё?

– Добавить... – прохрипел Марис. Морщась больше для усыпления её бдительности, он неожиданным стремительным рывком толкнул скандинавскую воительницу, вжимая её в угол.

– Ой... – Лиз Линтрем затравленно огляделась поверх его правого плеча. Но лицо Мариса сразу же заслонило весь мир.

– Прикидываешь, как тебе вывернуться и убежать, да, красавица? Или просто боишься? Я бы на твоём месте боялся, клянусь могилой пророка.

– Поменяемся местами? – бодро предложила ему Лиз.

Марис только вздохнул – эта девчонка двумя-тремя словами ухитрилась испортить весь антураж. Не бить же её кнутом, в самом деле!

Однако управу можно было найти и на неё.

– Давай поменяемся, – отпустив руки Элизы, Марис прошёл в глубь комнаты и лёг на спину на кровать. Лиз растерянно смотрела на него. А лицо Мариса приняло выражение пресыщенное и скучающее, даже капризное. – Давай представим, что это не я, а ты меня хочешь и пытаешься завоевать. Что бы ты предприняла на моём месте?

– Я не буду играть в такие игры, – Лиз насупилась.

Марис равнодушно пожал плечами.

– Это ты предложила. Не любишь держать своего слова, сразу в канаву – и в кусты?

– Неправда! – Лиз разозлилась. – Пусть я не барских кровей, а только данного слова не нарушаю!

– Тогда играй.

Элиза закусила губу, понимая, что по причине собственной вспыльчивости попала в ловушку и теперь уже нет возможности с достоинством отступить.

– Чёрт, – подняв руки, Лиз в замешательстве взлохматила волосы, – и с чего обычно начинают обольщать?

– Попробуй распустить пёрышки, – лёжа на боку, Марис наблюдал за нею без всякого интереса. – Видела, как это делают петухи?

– У меня нет хвоста! – огрызнулась Элиза.

– Очень жаль, – Марис закрыл глаза. Всем видом он говорил, что помогать ей не собирается. Глубоко внутри себя, где-то в области желудка, Лиз почувствовала тёплое мерцание огонька азарта. Если она сумеет растормошить его, доказать, что она способна на страсть – в объятиях более подходящего мужчины, Стронберг отпустит её к Андресу. Или... к чёрту сомнения, конечно, отпустит!

Лиз несколько раз потянулась, разминая застывшие спину и плечи, присела на табурет перед зеркалом. И приступила к нехитрому, но действительно женскому ритуалу – расчёсыванию волос. Очень к месту была бы сейчас отдалённая му-

зыка, и Лиз начала тихонько мурлыкать французскую балладу о несчастной любви, поклявшись как можно скорее выучить песенки рискованного содержания. Белые волосы искрящимся облаком окутали её плечи, спускаясь до самой талии. Нет, не напрасно она не решилась отрезать косы, подумала Лиз, с удовлетворением слыша учатившееся дыхание Мариса. В левом зеркале было заметно, что Стронберг более не притворяется равнодушным, а хищно смотрит на её волосы. Руки Лиз коснулись шнуровки платья. Марис немного приподнялся на кровати, и тут Лиз резко встала, одновременно поворачиваясь к нему. Волосы описали полукруг и упали спереди на её плечи, платье удерживалось уже не шнуровкой, а только подъёмом груди.

– Нравится курочка, петушок? – ласково пропела Элиза. Словно сжигаемая страстью, она провела ладонями по бёдрам, прижимая к ним тонкую шерстяную ткань, а потом потянула край юбки кверху.

Лиз видела, что терпение Стронберга на исходе, и успела ловко отпрыгнуть долей секунды раньше, чем он набросился на неё. Но край платья всё же оказался в его руках, и Марис медленно надвигался на Лиз, подтягивая юбку к себе. Глаза его были так выразительны... Лиз на секунду захотелось скинуть всю одежду и оказаться в его объятиях. Принадлежать ему... Боже, о чём она только думает!

Стронберг стоял уже близко.

– Ты прекрасна, – глазами, взглядом он искушал и соблаз-

нял Лиз, пока руки стягивали вниз развязанное платье. – Отдайся мне, и мы оба выиграем в нашем договоре.

Упоминание о договоре стало его стратегической ошибкой. Вспомнив об Андресе Ресья, Лиз сразу пришла в себя.

– Похоже, тебе понравилось моё представление, – сухо проговорила она. – Видишь, я-то способна испытывать страсть, да только ты – не тот, кто во мне её разбудит.

Стронберг с безумным видом сжал руки на её плечах.

– Со страстью или без страсти, но ты будешь моей. А потом можешь возвращаться к своему крестьянину униженной и опозоренной! Ты ещё пожалеешь, что с презрением отнеслась к моим ласкам... – он начал осыпать её губы грубыми поцелуями, не пытаясь щадить нежной кожи. Во рту Элиза почувствовала металлический привкус крови.

– Животное, ты хуже своего омерзительного коня! – завопила, вырываясь, девушка.

– Глупая маленькая сучка! – Марис ударил её по щеке. Голова Лиз мотнулась в сторону, и в комнате стало тихо. Девушка присела на корточки, собирая рассыпавшиеся заколки. Но в её позе не чувствовалось ожидания извинений. Похоже, такое обращение шведская крестьянка понимала.

– Элиза... – Марис сделал движение в её сторону.

Девушка не поднимала глаз, стоя на коленях.

– Уходи, – очень тихо проговорила она. – Пожалуйста, уходи. Я не могу тебя видеть.

– Тебе придётся, – так же тихо и напряжённо отозвался

Марис, – ты сама понимаешь. Сегодня самый подходящий день, чтобы смириться со своей судьбой.

– Чтобы сделать тебе приятное?

– Мне приятно и твоё наивное сопротивление тоже. Но однажды я преодолею его...

– Нет, – Лиз помотала головой. – Ради Андреса я смогу быть стойкой.

Она не получила ответа на свои бунтарские слова, а подняв голову, обнаружила, что находится в комнате одна. Марис ушёл. И неожиданно ей захотелось заплакать.

Глава 22

Похоже, о любви люди начали думать почти сразу после зарождения человеческого рода. На самом деле в этом нет ничего удивительного, ведь без взаимного притяжения человечество так и закончилось бы на первом мужчине и первой женщине. Совокупление – естественный процесс, удивляло другое: зачем поэты всего мира так стремятся нагромоздить вокруг этого романтический ореол? Закрыв тонкий томик четырехстиший Омара Хайяма, два дня назад таинственно появившийся на её кровати, Лиз Линтрём задумалась. Всё это приятно и интересно, но неужели сотни лет назад живший поэт такие же чувства испытывал и к живым женщинам, а не только к эфемерным созданиям, сотворённым его воображением?..

– Masa'u Al-Khair, 'ibna.

Элиза вскрикнула, заметив в шаге от себя опустившуюся в поклоне странную фигуру. И тут же устыдилась своей реакции – это был всего лишь старый Хусейн Лалие в своих пышных одежках, которых на нём было надето, наверное, с десяток слоёв. К тому же, похоже, своим поклоном он выражал ей ничем не заслуженное почтение. Лиз начала выбираться из кресла, чтобы поклониться в ответ.

– Добрый вечер, мсье Лалие, – пробормотала она.

Коснувшись плеча девушки – Лиз показалось, будто её

вдавило в кресло ураганным ветром, бьющим прямо в лицо, Хусейн попросил её не вставать.

– Я, кажется, напугал вас, милое дитя. Так пусть моё поведение покажет всю глубину раскаяния, испытываемого мною...

Лиз слегка наморщила лоб, не поспевая за цветистостью его оборотов. Настолько хорошо она французский не знала. А вот старик, похоже, владел языком в совершенстве.

– Не то чтобы напугали... – Лиз в замешательстве потёрла пальцами лоб и призналась. – Да, немножко. Вы появились так неожиданно...

Хусейн Лалие ласково улыбнулся ей, и Лиз пронзила странная мысль: а с чего она решила, что старик нелюдим и жесток? Помог же он ей сбежать неделю назад, хотя потом без всяких колебаний направил по её следам Мариса. Может, он просто легко поддаётся давлению? Тогда хорошо бы склонить его на свою сторону. И Элиза подарила Хусейну улыбку, которая помогала ей творить с мужчинами, словно с мягкой гончарной глиной, что угодно.

– Вы тоже чувствуете себя одиноким в такие вечера, да, мсье Лалие? – жестом хозяйки Лиз указала на кресло напротив себя. – Прошу вас, присядьте, побеседуйте со мной. Время течёт так медленно...

Хусейн Лалие сел, подобрав края всех своих одеяний, и стал похож на яркую летнюю бабочку в сердцевине цветка.

– Медленно для одного, но оно незаметно, если влюблён-

ные сидят рука об руку и смотрят в глаза...

– Опять о том же! – Лиз в раздражении вскочила, но араб невозмутимо смотрел на неё снизу вверх своими тёмными глазами. – Да вы поймите, мсье Лалие, ваш Омар вовсе не собирается сидеть, держа меня за ручку! Он...

– Откуда ты знаешь настоящие желания Омара, дитя?

– Как это откуда? – Лиз с досадой глянула на Лалие. – Драгоценный алмаз вашей души не упускает ни одного случая рассказать мне об этих желаниях!

Хусейн скупно улыбнулся.

– О, ibna, то, что у мужа на устах и что у него на сердце, порой различается, как небо и земля...

– Не думаю, что Омар Лалие настолько сложно устроен! – сердито отрезала Лиз. Улыбка на смуглом лице Хусейна тут же увяла.

– Ты говоришь о моём сыне, женщина! – подчёркнуто спокойным тоном произнёс он. Даже взбалмошная рыжеволосая Низель отчётливо видела сопровождающий этот тон знак "Опасность". Но возлюбленная Омара перещеголяла и её.

– Я буду говорить то, что думаю, даже о вашем ненаглядном пророке Мухаммеде, а не только о ничтожном Омаре Лалие, этом поддельном арабе...

– И добьёшься этим того, что – в лучшем случае – муж скажет тебе "талак". Разведётся, – пояснил Хусейн на непонимающий взгляд северянки. – Или отведёт к кади. Кади – это судья. Если он постановит забить тебя камнями в назн-

дание всем болтливым и непокорным жёнам, то камни возьмёт всё поселение и...

– Не надо, – хриплым голосом остановила его Лиз. – Я знаю, что такое быть забитой почти до смерти камнями...

– Правда? – немного удивился Хусейн Лалие. Незаметно он оглядел девушку с головы до ног, пытаясь понять – она ли сама была подвергнута этому наказанию или кто-то другой на её глазах. Если северянка лично прошла через кару, на которую обрекают гулящих женщин, она никак не подходит в жёны его сыну. А если нет? В любом случае это оставило в её душе глубокие шрамы. Следует разузнать поподробнее.

Сознание плавало словно в тумане, и перед внутренним взором снова вставала ужасная картина трёхлетней давности: Линета, привязанная к стволу дерева. Толпа обезумевших женщин с выставленными вперёд когтями, готовыми разорвать её на куски. Перекошенные лица, беззвучно раскрывающиеся рты, пена, стекающая на подбородки. Камни, множество разных камней, летящих в потерявшую сознание жертву – Лиз могла различить траекторию полёта каждого камешка, но не могла остановить их. Кровь, стекающая по лицу сестры и по её ногам – из тела Линеты выходил ребёнок Раймонда Стронберга. Ценой этой потери жизнь Линеты была спасена, и она даже не потеряла зрения, хотя долго не могла потом открывать опухшие глаза. А четырнадцатилетняя Элиза Линтрем навсегда запомнила слово "потаскуха", каким обзывали женщины лена её старшую сестру. Сама ещё

ребёнок, она не смогла защитить Линету; а та сокрушалась лишь об одном – о гибели дитя от любимого мужчины. Раймонд Стронберг – сокровище Линеты, её Бог...

Девушка задрожала всем телом и начала стонать. Хусейн Лалие, вспорхнув с дивана, взял её за руку.

– Ты чувствуешь боль и горечь, дитя. Доверься мне, ибна, и я умерю твои печали.

– Правда? – северянка затравленно посмотрела на него. А потом перехватила руку Хусейна обеими руками. – Вы можете это, мсье Лалие, верно? Конечно, можете! Все знают, что великие волшебники живут во дворцах на Востоке. Они могут приказывать ветрам, и в небе над их дворцами всегда с одной стороны светит солнце, а с другой – месяц со звёздами...

Губы Хусейна Лалие, прикрытые усами и бородой, странно задрожали, а тяжёлые веки почти полностью скрыли глаза. Но голос оставался таким же ласковым:

– Ты готова довериться мне, дитя?

Элиза судорожно закивала – говорить она не могла.

Старый араб соединил перед собой ладони, полностью спрятав руки в рукавах, пробормотал какое-то заклинание над образованным пальцами шаром, а после опять разделил его пополам. В пустых до того ладонях сиял необыкновенной красоты голубой камень. Девушка хрипло ахнула – такого зрелища она не видела никогда.

– Слеза Фрейи...

– Да, – согласился араб, мысленно перебрав пантеон древних скандинавских богов. – Когда богиня любви плакала, на землю падали прекрасные драгоценные камни аметисты. Вглядись в него, івна, и ты увидишь в его сиянии своё будущее...

Лиз потянулась всем телом к камню, голубое пламя внутри которого завораживало её. Руками она не осмелилась бы коснуться дара богини Фрейи, но камень был так прекрасен, он манил и обещал невероятной силы наслаждение. Лалие раскачивал его вправо и влево перед её глазами, видя, что девушка уже не сможет выйти из состояния транса. Голос араба изменился, стал более низким и певучим:

– Глаза твои так устали, Феризат, веки так тяжелы... сон – вот что излечивает любое горе... спи, Феризат, усни, я буду охранять твой сон и повелевать им... Спи, но слух твой пусть останется так же остр. Слушай меня, Феризат, слушай...

Голова северянки с закрытыми глазами коснулась спинки кресла, и Хусейн Лалие убрал аметист в складки бурнуса. Никакой магической силы, по правде говоря, кристалл не имел, он служил только способом концентрации внимания; и в этом качестве его время от времени использовали уже четыре поколения его, Лалие, предков. А он передаст камень Омару, когда мальчик достаточно повзрослеет, чтобы мудро распорядиться им.

– Ты спишь, Феризат? Ответь мне.

Губы девушки неуверенно шевельнулись. Вторая попытка

была успешнее.

– Да, господин, – монотонно проговорила она.

– Я освобождаю твой дух, Феризат. Пусть он летит вперёд и увидит будущее. Тебе, Феризат, суждено стать наречённой супругой Омара Лалие?

Хусейн шёл на риск, задавая вопросы, ведомые лишь умющему прочесть Книгу Судеб. Но ему необходимо было знать волю Аллаха, чтобы случайно не пойти поперёк неё. Хусейн Лалие был верующим человеком до кончиков ногтей.

Девушка беспокойно зашевелилась. Голос её прозвучал грубо:

– Ответ, которого ты ищешь – "да", господин.

Закрыв глаза, Хусейн вознёс короткую молитву во славу Аллаха. Голос его окреп:

– Слушай меня, Феризат, и сделай так, как я скажу тебе. У тебя не появится даже мысли не подчиниться моей воле, ибо Я буду наблюдать за тобой. Ты готова?

– Да, господин, – прежним тусклым тоном повторила Элиза.

– Как только часы пробьют одиннадцать, ты не сможешь спать. Ты оденешься так, чтобы свести с ума мужчину, ты умастишь благовониями своё тело и пойдёшь в спальню покои Омара. И ты предложишь ему себя. Он не сможет отказать от моего подарка. Этой ночью ты станешь рабыней желаний Омара. Ты поняла, Феризат?

Равнодушное "да, господин" прозвучало в четвёртый раз. Удовлетворённый, Хусейн Лалие поднялся.

– Хорошо. У нас есть ещё время. Спи, Феризат. Я уйду, а ты спустя половину часа проснёшься и не познаешь ночного покоя до тех пор, пока не исполнишь мою волю.

Открыв глаза, Элиза Линтрем обнаружила себя лежащей в кресле. Книга стихов Хайяма упала на ковёр, а часы на стене и непроглядный мрак за окнами показывали, что наступает ночь. В деревне люди всегда ложились рано, и Лиз следовала укоренившейся привычке, хотя сейчас в этом особой необходимости не было. Никто не помешал бы ей спать и до полудня, если она этого захотела бы. Но Лиз Линтрем, прожившая восемнадцать лет – целую жизнь – крестьянкой, считала, что нет ничего прекраснее вечно юного, дышащего свежестью розового рассвета над Эльмареном, нет слаще вкуса росы на зелёных листьях, нет ничего белее и чище снега в полях её северной страны. Сейчас следует пойти в свою комнату и уснуть, чтобы завтра провести ещё один бессмысленный и бесполезный день в темнице.

В комнате проворные горничные всё уже подготовили для сна – раскрыли постель, спрятав под одеялом две грелки с горячей водой. Элиза со смехом выложила эти грелки – шведке не пристало бояться холодов. Зато она с удовольствием погладила мягчайшую шерсть покрывала, снова полюбовалась на мебель, на то, как красиво была обставлена её комната.

За два месяца она так и не привыкла к роскошному образу жизни Омара Лалие. Подумать только, подобные вещи могут окружать её всю жизнь! Жизнь, проведённую с ненавистным врагом – с Марисом Стронбергом...

Почему она начала думать о нём, зачем? Как только ей удастся совершить из этой раззолоченной клетки побег, она не пойдёт больше к Лаймен Стронберг. Мать всегда будет на стороне своего сына. Нет, Лиз отправится сразу к Андресу и попросит его, не дожидаясь свадьбы или погони, сделать то, что окончательно превратит её в его женщину. И тогда Марис Стронберг наконец потеряет к ней интерес...

Сон не шёл в "Покои малой жемчужины", серые тени плясали на потолке. Сдаваясь, Лиз снова зажгла лампу. Чем же заняться – снова читать стихи про любовь? О нет, подобной чуши с неё достаточно! Взгляд Элизы задумчиво скользнул по комнате и остановился на дверце шкафа. А ведь у нее так много красивой одежды! Горничная Низель, француженка Полетта Пратен оказалась искусной швеёй. По указу Омара Лалие Полетта сняла выкройки и сшила много одежды для Элизы, почему-то используя всё больше прозрачные ткани, совершенно не практичные в холодном климате. Отдельные наряды были так откровенны, что Лиз не решалась их носить. Но сейчас вдруг ей захотелось почувствовать себя красивой, пусть даже никто другой, кроме неё, этого не увидит.

Кружевная зеленоватая ткань цвета застоявшейся воды окутала золотисто-розовое тело, ноги Лиз вдела в вышитые

домашние туфли на высоком каблуке и повернула зеркало так, чтобы видеть себя целиком. Ухоженная женщина, скрывавшаяся за волшебным стеклом, была привлекательной... но чего-то недоставало. Лиз потянулась к баночкам с косметикой. Чёрная краска для ресниц и бровей, зелёная – для век. Чуть-чуть добавить румян на щёки...

Лиз осталась очень довольной своей внешностью. Жаль, что Андрес не может увидеть её сейчас! Неужели теперь остаётся только умыться, снять роскошное одеяние и лечь спать? Но ведь столько усилий потрачено для того, чтобы стать такой красивой...

Элиза встала, приняв решение: если её не может увидеть любимый мужчина, пусть хотя бы посмотрит Марис Стронберг и позавидует Андресу.

Когда девушка выходила из комнаты, стрелки часов на стене подрагивали около цифры XI.

Марис ещё не спал – во всяком случае, слабый свет пробивался из-под двери его комнаты в прихожую. И запах ванили или корицы – так пахли свежее испеченные булочки её матери, только сейчас аромат был гуще, сильнее. Стронберг опять пребывал в образе Омара Лалие, догадалась Лиз. Жжёт свечи, читает вслух странные книги с закорючками и молится чужим богам. Элиза неожиданно разозлилась на такое пренебрежение культурой родной для обеих страны. Ну подожди, сейчас она его отвлечёт от идолопоклонничества!

Омар Лалие сидел на полу, поджав ноги, и медитировал, сосредоточившись на подрагивающих огоньках свечей. Нирвана была совсем близко, манила, но никак не окутывала блаженным беспмятным теплом. Какое-то странное стеснение в груди не давало Омару отвлечься. Весь воздух вокруг него, казалось, чего-то ждал...

Дверь за его спиной приоткрылась почти неслышно, но Омар почувствовал движение воздуха и нежный запах духов. Женщина...

Женщина стояла на пороге его спальни, глядя перед собой сосредоточенными глазами так, словно не понимала, зачем она сюда пришла. Роскошные волосы осыпали её спину и плечи жемчужными нитями, тело так и выпрыгивало навстречу ошеломлённому мужскому взгляду из-под чего-то совершенно не прикрывающего его.

Омар Лалие несколько раз открыл и закрыл рот, не находя слов. Это была не Элиза Линтрем, а...

– Феризат! – хрипло выдохнул он.

Светловолосое привидение подняло голову, и взгляд девушки прояснился. Она вспомнила наконец, что должна была сделать здесь.

– Добрый вечер, Омар. Почему ты грустишь здесь в одиночестве в такой особенный день?

– Но...

Опустившись на колени перед ним, девушка протянула руки и обняла Мариса:

– Больше ты не будешь одинок. Мы встретим рассвет вместе.

Стон, вырвавшийся из груди Мариса, был признанием его поражения. И победы. Слова были лишними, говорили только глаза – прекрасные, снившиеся ему месяцами, чёрные глаза Элизы. Марис привлёк любимую к себе.

Глава 23

Она почувствовала дискомфорт, ещё не открыв глаза – сразу, как только проснулась. Тело придавливало к кровати неизмеримое ощущение тяжести – будто, пока она спала, её успели замуровать по самые плечи, накрыли гранитной плитой и бросили в одиночестве. Лиз не могла пошевелить и пальцем, впрочем, ей было тепло, а под правой щекой находилось что-то удивительно мягкое, словно шерстка котёнка или щенка. Что, если... Господи, она всегда так боялась потерять возможность двигаться и впасть в зависимость! В отчаянии Лиз покрутила головой и сделала попытку смотреть влево, хотя предательские глаза слипались от невероятной усталости и закрывались сами собой.

На ней лежало тело. Обнажённое. Тело совершенно голого мужчины, прикрытое лишь по бёдра тоненьким покрывалом. Он растянулся в глубоком сне, слившись с ней воедино – нога на ноге, мягкие груди Лиз смяты его мощной грудью, загоревшие мускулистые руки вытянуты вдоль её собственных рук и пальцы накрепко сплетены с её пальцами. Он лежал абсолютно неподвижно и крепко спал, уткнувшись лицом в её шею. Господи, что происходит? Это... Андрес? Но ведь они ещё не женаты! Может быть, она позволила ему...

– Не пинайся, любовь моя, – сонно пробормотал мужчина. – Смилуйся, дай поспать. Ночью ты выжала из меня все

соки...

Элиза послушно застыла, почувствовав дурноту, близкую к обмороку. Это не был Андрес, с которым близкие отношения до свадьбы ещё можно было хоть как-то оправдать. Но... Мать Божья, она проснулась в постели Стронберга! И ещё одна незначительная деталь – она никак не могла припомнить, как здесь оказалась и что ночью между ними произошло...

По-видимому, она застонала уж очень громко, потому что мужчина снова приподнял голову и оставил обжигающий след поцелуя на её шее.

– Похоже, ты уже не уснёшь, та chere. Никогда не подумал бы, что в тебе столько сил. Другие девственницы только и хнычут после этого, а ты... Тебе не больно? – он скатился с Элизы набок и озабоченно рассматривал её лицо. Увидев, что девушка не шевелится, сделал попытку встать.

– Подожди, сейчас я немного облегчу твои страдания. Ночью ты проявляла такую ненасытность, что у тебя, наверное, сейчас всё болит внутри. Что такое? – он нахмурился, заметив её застывший взгляд.

Лиз медленно пошевелилась – и резкая боль действительно пронзила низ её живота. Она со всхлипом глубоко втянула в себя воздух и почувствовала, как глаза наполняются обжигающими слезами. Марис рассматривал её с редким вниманием, словно какое-то загадочное подопытное животное. Затем изогнулся, поскрёб себе шею – это движение при-

влекло взгляд Элизы к его голой груди, весьма привлекательной, если забыть, кому она принадлежала. Контроль, как показалось Лиз, на миг был ослаблен; она вскочила – и откуда только силы взялись? – и, рыдая, бросилась к двери. Но вот о чём она позабыла, так это о любимой игрушке Мариса. Просвистел хлыст и нагнал её почти у порога. Лиз истерически вскрикнула, когда его тонкое жало обвило её талию, прикрытую лишь остатками изорванного пеньюара; лёгкое, почти незаметное движение руки Мариса – и она упала к его ногам на постель, подобно перезревшему фрукту.

В устремлённом на неё тёмном взгляде был только цинизм и лёд, и совсем чуть-чуть научного любопытства:

– Ты могла бы выбрать способ потише, чтобы сообщить мне о том, что сожалеешь о проведённой со мной ночи, Линтрем.

– Ночи? – Лиз охнула, прикрыв рот ладонью. – Ты... ты изнасиловал меня! – другой рукой она судорожно пыталась прикрыть грудь обрывками пеньюара.

Марис тоже смотрел туда:

– Нет, я просто был немного нетерпелив. А какой бы мужчина повёл себя по-другому на моём месте? Я собирался мирно уснуть в день моего рождения, когда на пороге вдруг появилась женщина из моих грёз и предложила любить её, если я имею на то желание. А я имел его, уж не сомневайся, – он усмехнулся немного хищно, но под маской рокового соблазнителя Лиз разглядела охватившую его растерянность.

Сложившееся впечатление ещё более подтвердилось его следующими словами.

– Ты, что, была пьяна? Нет, не похоже... – он помотал головой. – Ну, говори же!

Элиза беспомощно захлопала глазами:

– А что говорить? Я ничего не помню.

– Совсем ничего? – Марис уставился на неё с откровенным недоверием, потом расхохотался, откинув голову назад. – Чёрт побери, неужели я изощрялся, ублажая тебя всю ночь, для того, чтобы утром, открыв глаза, ты заявила, что ничего не помнишь?

– Не говори так! – женщина застонала, терзая на себе обрывки ткани. Марис не выдержал.

– О, чёрт побери! – вспыхнул он и, прижимая её к постели одной рукой, другой начал срывать с её плеч ни к чему уже не пригодное одеяние.

Лиз застыла в его руках:

– Ты опять собираешься меня изнасиловать?

– Тебе стоило бы вместо этого надрать голую задницу кнутом! Не знаю, что за игру ты ведёшь со мной, но пока я всё не пойму, из этой комнаты ты не выйдешь. А когда я с тобой закончу, у тебя пропадёт всякое желание играть в обманку с мужчинами, – нагнувшись, он закрыл поцелуем её приоткрывшийся в изумлении рот. И встал с постели, пока невинность в её глазах вновь не подвигла его на неразумные действия.

Пройдясь по комнате, Марис рассеянно взял в руки халат из роскошного синего бархата, вышитый для него Рейхан. Кинул его Элизе:

– На, оденься. Не дразни меня своими округлостями, если не хочешь, чтобы я к ним прикасался.

– Я? Дразню? – возмутилась Лиз, но Марис счёл это добрым знаком – она возвращалась к реальности. Родившаяся этой ночью в его объятиях женщина повернулась к нему спиной, чтобы одеться, но и этот фрагмент Марис рассматривал с удовольствием – с первых же встреч он считал её прекраснее всех земных красавиц вместе взятых. Аллах свидетель, если она притворяется, ей придётся ему отработать эту маленькую, но так напугавшую его ложь!

Легко вживаясь в роль жестокого, равнодушного инквизитора, Марис присел на подоконник, словно бы невзначай поигрывая хлыстом, пропуская тугую змейку через сплетение пальцев.

– Ну-с, госпожа, я готов выслушать ваши объяснения по поводу случившегося.

Лиз отчаянно захлопала ресницами, попыталась снова пустить слезу, но запасы соли и жидкости в организме были уже исчерпаны. Тогда она обратилась к гневу:

– Чёрт побери, не знаю! Не знаю я, как это произошло, не знаю, как очутилась в твоей постели! – она подозрительно прищурилась. – Может быть, ты сам приволок меня сюда, откуда я знаю...

– Не забывайся, малышка, – вежливо предупредил её Марис. – Если бы я приложил руку к твоему столь **щедрому**, – голосом он подчеркнул владеющее им негодование, выразил насмешку и недоверие одновременно, – появлению здесь, ты бы это запомнила. А так... а что ты, собственно говоря, помнишь?

– Ничего, – мрачно буркнула Элиза. – Провал в памяти, пустота, вакуум. Что за чёрт меня дёрнул? Последнее, что осталось у меня в голове – я сижу в кресле с книгой стихов в руке... Свет, голубой, очень яркий... Душно... В голове так тяжело, я почти сплю... нет, я разговариваю, – её тщательно выщипанные брови озабоченно сдвинулись, – но с кем? Я говорю по-французски, – с немалым удивлением продолжала вспоминать она. – Значит, это не Рената, не люди из нашего лена. Может быть, ты? – Лиз с подозрением воззрилась на Мариса.

– Нет, – коротким ответом он не позволил развиваться неправильной версии. Затем внёс рациональное предложение. – Если не можешь вспомнить, с кем говоришь, вспомни о чём.

– О Линете, – радостная улыбка осветила её лицо, – обо мне, – улыбка медленно угасла. – И о тебе. Станный треугольник. С кем это я так откровенна? Может, Рейхан...

– Ты пила только чай? – прервал её Марис. – Или, может быть, что-то покрепче?

– Другими словами, была ли я пьяна? – Лиз наморщила

люб, вспоминая. – Вряд ли. Если только кто-то не хватил меня по голове дубинкой, а потом влил внутрь спиртное.

– От тебя так не пахло, – мрачно отверг и эту гипотезу Марис.

– Я вспомнила! – испуганно пискнула Лиз. – Твой отец! Я говорила с Хусейном Лалие.

– Хорошая девочка, – похвалил Марис. – Теперь вспомни – о чём.

– О том, как он тебя любит. Подумать только, дар богов! – презрительное фырканье. – Ты – и дар богов! У старика ум за разум заехал, если он...

– Можешь поблагодарить его за то, что с тобой случилось. Отец сделал мне тот подарок, о котором, по его мнению, я больше всего мечтал. Высшая справедливость, иншаллах! – он тонко улыбнулся. – Полагаю, теперь тебе всё-таки придётся стать моей женой.

– Из-за незначительного инцидента? – Элиза фыркнула. – Я лучше...

Марис больно схватил её за руку.

– Это не было "незначительным инцидентом". Мы занимались любовью. И уже в эту ночь ты могла понести моего ребёнка.

Элиза смогла в ответ только охнуть: такого она не предусмотрела.

– Что же мне делать? – растерянно пробормотала она.

Марис Стронберг этого дожидался – момента, когда она,

вольно или невольно, перепоручит ему решение своей судьбы.

– Останешься со мной, – безапелляционно сообщил он. – Я не стану прикасаться к тебе, если ты этого не захочешь, но выждать необходимо. Если выяснится, что ты носишь моего ребёнка, путь один – замужество и материнство; если нет – ты свободна.

– Что значит "свободна"? – Лиз с подозрением уставилась в лицо Мариса, но глаза его были искренни и очень грустны.

– То и значит. Я своими руками открою перед тобой двери дома и навсегда исчезну из твоей жизни.

– У меня, похоже, нет выбора, Стронберг, – напряжённо выпрямившаяся маленькая женщина выглядела так одиноко посреди постели в халате, который был ей велик, что Марис с трудом подавил желание броситься к ней и утешить в своих объятиях. Он знал – это последнее место, где она могла бы успокоиться. И ограничился тем, что только, нежно касаясь её кожи пальцами, подвернул повыше рукава бархатного халата.

Лиз Линтрем помотала головой, то ли отказываясь от любой его помощи, то ли пытаясь справиться с комком в горле.

– Я не закончила. Возможно, ты предложил самый лучший из одинаково ужасных выходов. Я тоже не могу гарантировать, что не в тягости в результате этого кошмарного происшествия, поэтому пробуду с тобой месяц. Но даже если потом я смогу уйти к Андресу, слухи меня погубят. Все всё

узнают очень скоро...

– Я понимаю это, – расхаживающий по комнате взад и вперёд Марис резко остановился, расставив ноги, перед постелью. На лице его была изображена непреклонная решимость. – И я слишком люблю тебя, чтобы подвергнуть такому испытанию. Мы уезжаем, – он нетерпеливо махнул рукой. – Иди и распорядись собрать все твои вещи. Ты уже не вернёшься сюда. Дом выполнил своё дело, и он продаётся. На все остальные вопросы я отвечу уже в дороге...

Она одиноко стояла посреди двора, похожая на угрожающе-прекрасную хищную птицу в своих развевающихся мехах. Из-под прозрачной голубой кисеи, укутавшей её лицо, были видны только сверкающие отчаянной решимостью чёрные глаза; руки растягивали и сжимали кожаную плеть для верховой езды. Она приехала сюда на лошади, в дамском седле, опасно свесив обе изящные ножки на одну сторону. Приехала в сопровождении мужчины, который был занят своими мыслями настолько, что почти не замечал красоты спутницы. Он был, к тому же, предупреждён заранее о запрете на телесные контакты: на левой его руке виднелся розовый след удара плетью – он заработал его, пытаясь доказать своё восхищение формой колен женщины.

Въехав во двор, они оба соскользнули с коней, и мужчина отправился в дом за нужным им человеком. К своему несчастью, Андрес Ресья ещё не успел уйти. Подчиняясь приказу

новоприбывшего, он вышел за ним во двор и подошёл к экзотической гостье. Та пронзила его своим взглядом, потом обернулась к компаньону в этой странной сделке:

– Вы будете переводить.

– Как договорились, госпожа, – насмешливо поклонился Раймонд. Андрес всё ещё ничего не понимал.

– Что вы хотите, господин Стронберг? Кто эта женщина?

– Я тут не при чём, красавчик, – зло улыбнулся старший из Стронбергов. – Дама сделала мне предложение, перед которым я не устоял: отомстить моему дерьмовому братцу. И его шлюхе.

– А при чём я тут? – Андрес был недоволен. С утра всё шло наперекосяк, и ему даже не дали поесть перед уходом на работу. А теперь ещё ненормальная баба смотрит на него, как на жаркое...

– Мадемуазель не владеет, видишь ли, шведским. Я вызвался только лишь довести до тебя её информацию.

Женщина быстро заговорила, сверкая глазами. От нервной жестикуляции платки и меха, которыми она была вся обмотана, развевались, словно цветной туман, не позволяя догадаться об истинных очертаниях её фигуры.

От двух-трёх знакомых слов её рассказ не стал Андресу интереснее. Он отчаянно зевнул, сплюнул рядом с собой на землю:

– Что это бабёнке надо, господин Раймонд? Тарахтит, как наседка...

– Да вот рассказывает она о моем братике... Ты только не думай, Ресья, я лично против тебя ничего не имею – в конце концов, кто ты и кто я... Но вот мадемуазель – она, кстати, работает кем-то вроде домоправительницы в поместье, где твоя Элиза жила до вчерашнего дня...

– Что значит "жила"? – Андрес подскочил, словно собака, огретая под интересное место кнутом. – Где Элиза? С ней что-то произошло?

– Уехала твоя Элиза. Сбежала с моим братцем в далёкие страны.

– Будет дамочке врать-то! – категорично отверг Андрес такую возможность. – Лиза не из таких. И с чего эта куколка приехала мне рассказывать о Лиз?

– Баба, она и есть баба, – философски пожал плечами Раймонд Стронберг. – Она говорит, что собиралась замуж за моего брата, а тот, как унюхал твою Лизу, последний ум потерял. Она, эта красотка, хочет не многого – только чтобы Лиз Линтрем было так же тошно, как ей сейчас. Говорит, что тебе следовало убить свою невесту сразу же, как застал её с Марисом в первый раз...

– Не надо меня учить, что делать, – левая сторона лица Андреса чуть заметно подёргивалась. – Короче, Лиза не вернётся?

– Пока не оберёт моего брата до последней нитки, – с удовольствием подтвердил Раймонд.

– Тогда и говорить больше не о чем. Adjo, – бывший жених

Лиз повернулся и ушёл в дом.

Рейхан некоторое время смотрела на место, где только что стоял человек, которому она отомстила за предательство этой северянки. Становилось холодно, дул ветер. Завернувшись плотнее в длинную шубу, она знаком показала Раймонду, что уезжает. Рейхан бен-Сина сделала здесь всё, что смогла.

Часть 3. Весна в Париже

Глава 24

В путь к франкским берегам отправились господа всей семьёй в трёх дорожных каретах, сопровождаемые самой необходимой прислугой и отрядом вооружённой охраны верхом на лошадях. Головную карету занимали отец и сын Лалие, следом за ними – на мягчайших рессорах, оборудованная маленькой печкой, вся в мехах и подушках, драгоценная клетка для жён Хусейна Лалие. Лиз Линтрем тряслась в последней карете, куда менее комфортно устроенной, и позади всех, словно обуза – бросить жаль и везти надо лишь по необходимости. Несмотря на такое пренебрежение, двери Стронберг за пленницей тщательно запирал и охране велел следить бдительно, как бы северянка не исхитрилась выскользнуть через окно. Ну, насчёт последнего Элиза себе, конечно, придумала – она вообще накручивала себя, поддерживая ярость в кипящем состоянии с первых минут пути. Её сестра ехала в карете жён с горничными – у каждой *la maîtresse* была своя *femme de chambre*. В один из дней путешествия Марис позволил Ренате ехать в карете старшей сестры, но Лиз быстро устала от чирикания малолетки, её бесхитростного и незащепленного любопытства. Выйдет ли Лиз замуж за Мариса? А

на ком же тогда женится Андрес? А почему Лиз не рассказывала, что у них с Марисом любовь? А когда ждать bebis? И так шесть часов без остановки, без пощады, без роздыху. Откуда Лиз-то могла знать ответы на эти вопросы? В дневной перерыв уже не Рената, а она взмолилась удалить от неё сестру. Стронберг только пожал плечами, приказывая Ренате пересесть. Ему было всё равно. И вообще в каждом жесте, взгляде, выражении сквозило – Лиз ему в тягость. Он спешил как можно быстрее вернуться в карету к отцу. Просто отлично. Развлёкся – и в кусты? Жажда мести клокотала уже не внутри северянки, но и в самой атмосфере кареты, если судить по тому, что ехать с ней вместе больше никто не захотел. А дорога предстояла долгая... скучная и ухабистая...

Пять дней спустя они пересекали земли Германского союза, и только к вечеру девятого дня прибыли в Париж. Город, само название которого звучало хрустальным звоном, и казалось, будто его не существует, с первого взгляда в окно кареты не впечатлял. Окраины бедноты с полуразвалившимися лачугами шокировали даже Лиз, выросшую в нищете, а уж супруги Хусейна и вовсе задёрнули занавеску, приложив к лицам платки, смоченные благовониями. Элиза смотрела. В такой же город рвалась её сестра; но если там, в сельской глуши, отвага Селены и магическое слово «город» вызывали трепет, то глядя на эту нищету... Селена, одумайся! Только сестры не было рядом.

Бойкие, ужасно тощие мальчишки бежали за их процесси-

ей, редкое зрелище вызвало переполох. Была бы у Элизы еда или деньги, она могла бы что-то бросить этим детям через окно. Ах, если бы... ничего у неё своего не было. Даже девичья честь, и та осталась на дальних берегах. Стронбергу принадлежала одежда на теле Лиз, одеяло, которым она укрывалась, еда и вода внутри неё. Может, и что-то большее... Ответ будет не скоро, до месячных истечений Лиз около трёх недель.

Девушка задумчиво ощупала свою грудь, живот. Да вроде бы всё как обычно. Мать при каждой беременности жаловалась, что у неё грудь наливается, ноет с первых же дней.

– Что ты делаешь? – в этот день Стронберг ехал верхом, и именно теперь надумал заглянуть к ней в окно. Смотрел с интересом. Лиз Линтрем вся залилась жаром с ног до головы, даже подумала, что её волосы запылают. Как объяснить, что она гладит себя?

– Пытаюсь представить, каково это, быть в тягости, – буркнула она. Стронберг заинтересовался пуще прежнего, подлец, аж глазёнки засветились.

– А что, есть основания представлять?

Лиз зашипела.

– Появятся – первому скажу!

Марис встревожился.

– Ты только, слышишь, не вздумай ничего сделать с ребёнком или с собой! Слышишь? – вновь крикнул в окошко он. – Погибнешь ни за что, дура!

– Не ори, – Лиз поморщилась, отодвинулась от окна. Она больше не собиралась разговаривать с Марисом – но это не значило, что не собирался разговаривать ОН. Хозяин криком потребовал остановить карету, слез с лошади, забрался внутрь шаткого сооружения на колёсах. Повод его коня перехватил кто-то из охраны. Не в силах воспрепятствовать хозяину, Лиз забилась в самый дальний угол сидения и злобным зверьком пофыркивала оттуда.

– Элиза, иди ко мне, – бесконечно терпеливым тоном позвал её Стронберг.

– Gå åt skogen!

Идти подальше Марис не захотел. Вместо движения в указанном направлении он сгрёб дерзкую девицу в объятия и стиснул так, что почти вышиб из неё дух.

– Однажды, – сухо предупредил он, – моё терпение лопнет. Тогда я вытащу наружу твой гадкий розовый язычок и заставлю – смогу заставить – делать то, для чего он предназначен. Например, облизать мой...

Лиз с усилием глотала сжатой грудью воздух, а от услышанного слова и подключившегося воображения и вовсе закатила глаза. Стронберг сильно похлопал её по щекам.

– Достаточно, приходи в себя. Мы уже почти приехали. Вандом-Пляс, Иль-де-Франс. Это место станет тебе домом на какое-то время.

Забыв про смущение, Лиз потянулась через его колени к окну. Ахнула от представшего взору вида. Таких огром-

ных пространств, да ещё вымощенных камнями, ей видеть не приходилось. Площадь была поистине безгранична. Дворцы, выстроенные по восьмиугольному контуру, не запирали её внутри, а лишь изысканно обрамляли, как локоны – лицо красавицы. Посередине торчала какая-то толстая несуразная палка.

– Это колонна императора, – Марис поймал её взгляд. – Память о победе Наполеона.

– Он управляет Францией?

– Уже нет. Два года назад был коронован Луи Филипп Первый. Впрочем, – Марис помолчал, – до их политики нам с отцом дела нет. Беспорядки на улицах стихли, и ладно, можно жить. Наши деньги мы делаем на внешнеторговых сделках.

Последнюю фразу Лиз не поняла, и не стремилась, поглощённая великолепием дворца, перед которым они остановились. Длиннющее здание – каменное! в три этажа, да ещё и с какими-то закруглёнными окошками там, где полагалось быть крыше. Палки фонарей со стёклами – Лиз зачарованно уставилась на них.

– Как туда ставят свечи?

Марис снисходительно усмехнулся.

– Глупышка, они газовые. Это новое слово в освещении, до шведской деревни, поверь мне, доберётся ещё не скоро. Но мы-то теперь в столице огромного государства. Дамы здесь тоже одеваются по-другому. Тебе придётся сменить

гардероб, хотя бы по минимуму, с учётом того, что гостям я тебя представлять не собираюсь. И выпустить в город не могу. Портниха приедет на дом.

– В каком качестве я буду здесь жить? – Элиза слегка нахмурилась. Её, разумеется, в этой стране никто не знал, никто и не вспомнит после её отъезда, но как-то... неудобно.

По лицу Мариса было понятно – легендой он не озаботился.

– Ох ты, Господи... ну, представим тебя дальней родственницей Низель, младшей жены отца.

– А почему не твоей?

– Как ты представляешь себе развитие событий, если ты окажешься в положении и мы поженимся? Я к разговорам об инцесте не готов.

– Это что?

По таким вопросам паршивец Стронберг с готовностью восполнял пробелы её образования:

– Это когда вместе спят брат с сестрой или другие близкие родственники.

– Мерзость какая! – карета остановилась, и Лиз уже приготавливалась выбираться из неё.

– Погоди, – остановил её Марис. – Сейчас принесут плащи, надо накинуть. На площади много зевак, мы же с тобой неподобающе одеты.

Лиз удивлённо оглядела своё серое шерстяное платье. Ну да, скучновато, но качеством в разы лучше тех, что она но-

сила на родине. Плащи, переданные слугой в окно, оказались тоже не простыми, невзрачно-чёрные снаружи, но изнутри подбитые самым мягчайшим мехом, какой трогала Лиз в своей жизни. Мягче даже кошачьего... Элиза позволила Марису укутать себя в потрясающий плащ с ног до головы. Скромно прошествовала в дом. Она опасалась, что Стронберг надумает официально представлять её прислуге, но нет, её тихо передали на руки экономке, и та почти молча отвела молодую женщину в комнаты, отведённые ей. Да-да, комната была не одна, целых четыре роскошно обставленных помещения. Спальня в цветах золота и малахита, комната для музицирования и вышивания – ни того, ни другого Лиз делать не умела, собственная гостиная. И купальная комната размером с конюшню в Стронберггард. При виде кранов, торчащих из стены над ванной, в которую следовало заходить по ступенькам, кремового унитаза вместо привычной ночной вазы Лиз ощутила острую необходимость остаться тут одной. В противном случае даже слуги будут считать её невежей. Она ведь не знает, как всё это работает! Сметливый крестьянский ум вмиг подсказал решение. Коли сама не разберётся, отправит Ренату на освоение удобств в крыло прислуги. А после сестра покажет ей.

– Мадам, – после колебания Элиза взглянула на экономку, имени которой пока не запомнила, – вместе с нами приехала девочка тринадцати лет. Её имя Рената, она ехала со слугами.

Экономка почтительно, хотя и несколько напряжённо прислушивалась. Её поза наводила на мысль, что французское произношение Элизы далеко от идеального.

– Она будет жить здесь, – чтобы экономка поняла, Лиз ткнула пальцем в сторону спальни, – со мной.

Женщина еле заметно качнула головой.

– Excusez-moi, madame, le patron уже дал указания по размещению мадемуазель Рене. Не в ваших покоях. Недалеко.

Неужто Стронберг намеревается навещать её тут, рассчитывает на пикантные развлечения и не желает иметь свидетеля оных? Элиза отчаянно покраснела. Ещё бы вспомнить, а понравилось ли ей... в ту ночь. Приказ Хусейна Лалие стёр память в её голове. Но не просить же Стронберга всё повторить сначала...

– Bien, – буркнула Лиз, решив до поры смириться. – Но Рене будет прислуживать мне! Пришлите её как можно скорей с моими вещами.

Быстро присев в каком-то чудном неглубоком движении, экономка вышла.

Рената примчалась через полчаса. Ничего не видевшая, кроме огорода, в своей тринадцатилетней крестьянской жизни, она задыхалась от восторга.

– Мне дадут новое платье! И туфельки – только мои! Ой, Лиза, я и ходить-то в них не умею! А жить в комнате мы будем вдвоём с Жеан, а спать, представляешь, я буду совсем одна! Даже жуть берёт, – неугомонно тархтя, Рената обежа-

ла комнаты Лиз, сунула во все углы любопытный носик и вернулась, окончательно потрясённая.

– Это что, только твои комнаты? Ты одна здесь жить будешь? Немедленно выходи за него замуж, Лиза! – с крестьянским прагматизмом приказала Рената старшей сестре. Любовь – она есть, потом нет, а недвижимость переоценить трудно.

Лиз с улыбкой наблюдала за суеотящейся младшей, думая, что не зря она вроде как в шутку обучала Ренату языку богачей. Последняя фраза заставила её поморщиться.

– Отстань, бога ради! Мне Стронберга хватает с этой темой. Я уже скоро с ума сойду.

– Слушай, Лиза, – Рената без приглашения села, – а ведь он красивый, наш *le patron*, – так, модное словечко от парижских слуг Рената уже перехватила. – Можно, если тебе не надо, я его себе возьму?

Лиз так и остолбенела.

– Чего?

– Ну, ты, конечно, красивее и постарше, но и я симпатичная. Годика через три могу уже...

Закончить проговаривать свои матримониальные планы Рената Линтрем не успела. Не уточняя, собирается ли сестра в жёны или в любовницы, Лиз огрела её, по примеру матери, тряпкой по спине.

– Ещё чего выдумала! Бегом отсюда!

Рената потёрла спину.

– Ну вот, – пробурчала она, – а говоришь – не нужен...

Глава 25

Занимаясь своими парижскими делами, другой нужной суетой, в частности, организовав переезд названного отца с супругами на родину Хусейна Лалие, Марис Стронберг находил в себе выдержку не думать об Элизабетте, не заходить к ней и вообще не строить особых планов. От болтушки Ренаты, крутящейся постоянно возле неё, он волей-неволей узнавал о настроениях Лиз. По реакции на простодушные провокации сестры было понятно, ночное приключение она Марису и Хусейну так и не простила. Ясности в её состоянии время тоже пока не внесло. Лиз сидела в своих апартаментах одна, не выходя даже в сад, не разговаривая и с прислугой, и зверела.

– Лиза, послушай, – сестра снова пыталась расшевелить её, – так нельзя. Марис тебе не враг, чтобы ты его так мучила.

– О, уже просто Марис? – лениво удивилась блондинка, лежащая на кровати, со взглядом, устремлённым в потолок.

Рената покраснела, однако взгляд её пояснял – не от смущения, от злости.

– Ты валяешься здесь, как издохшая корова! – закричала сестра. – Мухи ещё не садятся на царицу тухлятины?!

Лиз неприятно хлестнули такие слова. Что, неужели она мылась уже с неделю назад? К ненужному расходу горячей воды, на подогрев которой уходили дорогие дрова, в их де-

ревне относились неодобрительно, но купаться в озере Лиз предпочитала каждый день.

– Ну что тебе надо от меня, ведьма? Ты же знаешь, что мы здесь совсем ненадолго, и нужно только подождать...

Сестра ухитрилась безмерно удивить её в очередной раз. Рената выпятила губки.

– А я не хочу возвращаться домой. Я Мариса попросила, чтобы тут остаться.

– И он? – Лиз приподнялась в ужасе. Страх потерять сестру незнакомой чёрной змеёй куснул в сердце. – Что он ответил?

Рената самодовольно улыбнулась.

– Сказал «да».

Она всего немного слукавила. На самом деле Марис ответил, что ему всё равно.

– Пошла прочь! – Элиза слетела с кровати – огромной, мягкой, упругой, какой у неё не было на родине. Испуганная Рената убежала.

Нетерпеливо дёргая за сонетку, доселе тихая обитательница комнат подняла целую бучу среди слуг. Она потребовала горячей воды, глаженных платьев, помощи с волосами – и была в полной боевой готовности, когда на улицу спустился вечер, мягкими сумерками окутывая дома.

Омар Лалие отдыхал после дневных трудов в своём кабинете. Его он несколько лет назад, после покупки дома, отделал по своему вкусу деревянными панелями и привёз ве-

ликолепный ковёр. Три огромных арочных окна украсили мягкие серые портьеры, а подоконники переделали, чтобы на них можно было сидеть, подложив подушки под спину и разглядывая движение экипажей на Вандомской площади. Этим прямо сейчас Омар Лалие и занимался. На площади уже зажгли газовые фонари, и такие же, но куда меньшие, фонарики мерцали на козлах проезжающих экипажей. Красиво... Счастливые люди, довольные своей ограниченностью, торопились наносить визиты – а буржуа спешили домой. Париж возрождался после военных тягот. Уже десять лет прошло, как император Наполеон скончался в ссылке на острове Святой Елены, а город только начал оживать от последствий его сражений. Франция всё ещё в ледяном перемирии с монархиями Европы, деловые связи еле теплятся – а ему здесь хорошо. Город как будто помолодел, скинув груз лет, и пахнет не страхом войны, а свободой. Впрочем – Омар усмехнулся – его деньги и репутация экзотического принца позволяют ему быть свободным везде. А заодно и интриговать своей персоной французский двор. Как только начнётся светский сезон, его вновь атакуют приглашениями в Тюильри и Пале-Руаяль. Вновь разговоры не о чём, расшаркивания с придворными, настырные матери, подсовывающие своих юных дочерей...

Бутыль с араком из фиников на столе манила. Хотя бы недолго не думать о столь же юной строптивнице в спальне на втором этаже. Вот отец удружил даром... надо думать, Ху-

сейну просто осточертела холодная Швеция, вот он и поторопил события, как смог. Чем кончится ожидание? Элизе ребёнок сейчас совсем ни к чему. Сама ещё дитя, не успела стать женщиной, получить удовольствие от плотской любви...

– Марис.

Тоненький силуэт в юбке «колокольчиком» замер в проёме двери. Редкий гость, как по заказу! Элиза явно не ожидала, что в кабинете не будет гореть свет, и растерялась. Она не находила хозяина кабинета, а вот он преотлично видел её благодаря свету газовых рожков в коридоре.

– Я здесь, – слезать с подоконника Марис не собирался. Она пришла к нему вряд ли со светским визитом, вот и пусть терпит отсутствие манер. Если крестьянка Лиз вообще знает об их существовании.

Элиза двинулась на голос. Пять неуверенных шагов, и вновь замерла в растерянности.

– Ну где ты? Хотя бы говори, чтобы я знала направление!

– Что тебя привело? Неужели поделишься новостью?

Лиз покраснела в темноте, догадавшись, о чём он спрашивает.

– Мне пока нечего сказать.

Марис зевнул – и погромче, чтобы она поняла, насколько ему неинтересна и раздражительна данная тема.

– Ну тогда возвращайся к себе и жди дальше.

Лиз напряглась.

– Нет.

– Нет? – Марис предельно удивился. Давненько ему никто не противоречил. Соскочив с подоконника, он в три шага оказался прижатым к тоненькой, упрямой, отчаянно одинокой фигурке в бальном платье. Ей, видимо, горничная не сказала, что так парижские дамы одеваются только на выезд. А может, одевалась с помощью Ренаты...

– Я буду рад, если ты передумала насчёт платонического характера нашего ожидания.

Злое сопение в темноте – и неожиданное:

– Я пришла поговорить о сестре!

– О малютке Рене? Что о ней говорить? – он чувствовал – Элиза злилась. Вот только отчего?

– Зачем ты даёшь Ренате надежду? Зачем обещаешь оставить её при себе? – девушка гневно шипела. – Неужели не понимаешь того, что глупышка уже влюблена в тебя?

Бесконечное удивление Мариса вылилось в циничный смех:

– Вот как! Приятно.

– Чего тебе приятно, дурак?! – вскрикнула Элиза. – Как ты не понимаешь, Рената – ребёнок ещё, юная девочка...

– Две юные девочки лучше, чем одна... Ай! – ощущение ногтей, впивающихся в щёку, Марису не понравилось. Но и сбежать Лиз Линтрем он не позволил. Их отношения пора было двигать с мёртвой точки. Только куда, если ласку она не ценит, на заботу шипит дикой кошкой, и только хамство

будит её.

– Ты. Не прикоснёшься. К моей. Сестре.

– А и ничего подобного, – Марис не стал объяснять, что не видит в малолетней Ренате ничего завлекательного. – Я здесь хозяин. Захочу – прикоснусь. Но лучше бы я прикоснулся к тебе.

С этим Марис тянуть не стал. Задрав сзади пышные юбки, он сжал округлые ягодицы ладонями и усадил Элизу на подоконник. Курс на упрощение дамских нарядов в парижской моде последних лет оказался весьма кстати. Руки нащупали край чулок... и всё. Панталон Элиза не носила.

К такому Марис оказался не готов. Оба замерли истуканами, тяжело дыша. Неужели сейчас это случится, и она узнает... Стронберг отступил назад, выпуская стиснутые в пальцах оборки, Лиз с трудом удержалась от проклятия, которое этот мог понять неверно.

Марис не поднимал взгляда выше разглаживаемой им юбки. Голос его звучал напряжённо:

– Так что, Лиз, принесёшь себя в жертву вместо Ренаты?

Женщина в отчаянии закрыла глаза. Попросить его, что ли? А может, просто убить, чтобы не мучился?

– Стронберг! – она не на шутку вспылила. Спрыгнула с подоконника, вызываяще качая бёдрами, прошла к двери. И обернулась, чтобы нанести *coup de grâce* оттуда. – Ты... идиот!

Глядя на исчезающую в коридоре девушку, Марис не смог

с ней не согласиться.

Глава 26

В доме царил переполох. Бегали слуги, домоправительница, охрана – и было этих людей так много, что глава дома никак не мог понять, где же они все были ночью, когда требовалось их внимание? В гневе он был страшен.

– Виновных уволю! – рычал Омар Лалие. – И половину невиновных – тоже! Какой от вас прок, если не можете устеречь девчонку?! Все вон, с глаз моих!

Прошла беспокойная ночь, а серым сумрачным утром обнаружилось, что дальняя, хотя и не кровная, родственница господина сбежала. Ну, или была украдена прямо из опочивальни. Хотя в это Омар Лалие не верил. Разумеется, маленькая стерва сбежала сама. С ней уже могло произойти что угодно, она же города не знает, пойдёт с первым встречным, пообещавшим ей убежище. Ни денег, ни драгоценностей, ни даже смены одежды Элиза не взяла. Куда там, чтобы думать, ведь нужен мозг!

Один он никак не обшарит за короткое время трущобы, а с каждым часом всё растёт вероятность обнаружить в каком-то разрушенном доме, попросту на помойке её истерзанное, многократно изнасилованное тело. Что за дура... Жаль, что бесценный Керим уехал вместе с Хусейном. Придётся подключать полицию.

Префект I округа Парижа примчался к именитому горо-

жанину, едва не опередив курьера, доставившего ему записку от Омара Лалие. Андре Тейлан действовал умно и оперативно, так что уже к вечеру все жандармы города были оповещены о розысках и необходимости смотреть во все глаза и слушать всеми ушами, которые у них оставались после лет доблестной службы на благо Франции.

Бригадный генерал Тейлан заверил Лалие, что для обнаружения его родственницы делается всё возможное; однако сердце Мариса требовало и невозможного. Переодевшись и загримировав лицо, молодой человек отправлялся, вооружённый кинжалами, в трущобы, рыскал там сутками, расспрашивал, угрожал, подкупал. Светловолосую девушку не видели. За розыск Алис Линтрэ, так он окрестил Элизу, была обещана награда, вызвавшая с десяток ложных опознаний. Последнюю – ободранную, слегка безумную блондинку – привели её же родители, отлично знающие, что потерянной девушкой их дочь не была. Жажда золота оказалась сильнее здравого смысла. Мать девушки ещё с час ругалась на площади перед дворцом, когда их выставили из него, и проклинала Омара Лалие, пока жандармы не подхватили её ласково под локотки и не унесли в направлении глухой чёрной кареты.

А спустя восемь дней один из полицейских информаторов наконец заслужил свою награду.

Как только, двигаясь черепашьям шагом по иерархиче-

ской лестнице, в результате ловкачества и подсилок, полицейский достигал звания капитана, ему выделялся отдельный кабинет, по размерам не превышающий собачью конуру, в здании участка. Но даже собственный кабинет с окном не радовал сегодня капитана Дени Филиппа. Ведь это же шило в заднице, а не работа! Своих дел по расследованию убийств невпроворот, а комиссар Тейлан как будто озверел, свалив на его отдел ещё и бродяг-опиумистов, несколько краж и один то ли несчастный случай, то ли покушение на убийство. Объяснение одно – с наступлением весны преступники активизируются, а полицейские, напротив, торопятся разбежаться по отгулам. По этой причине и приходится перегонять дела из одного подразделения в другое или переводить сотрудников, но ни одного из своих ребят капитан Филипп не отдал, пригрозив в противном случае столичному городу Парижу всеми десятью бедствиями египетскими. Они там, наверху, похоже, полагают, что убийцы сжалятся над бедственным положением полицейских и перестанут убивать на то время, пока защитники закона носятся, словно борзые, в поисках воров и насильников, и негодяев, оскорбивших ругательствами слух невинных старушек. Нельзя же так просто растащить отдел убийств и требовать, чтобы показатель раскрываемости оставался прежним!

Дени Филипп заворчал, перебирая стопку картонных папок, за ночь объявившуюся на его столе. Потом крикнул в раскрытую щель двери:

– Патрисия, зайди ко мне!

Девчонка-сирота, разносящая по отделу бумаги и время от времени моющая полы, влетела быстрее мухи, словно ждала зова. И затрещала прямо с порога:

– Вы уже знаете, да, да, мсье капитан? Я знаю, что такое всегда происходит в книжках, но чтобы в жизни – никогда! Правда, мсье капитан, как вы думаете?

Ответа Дени Филиппа, к счастью, не требовалось, Патрисия только перевела дыхание и застрекотала снова. Она строила гипотезы, искала им подтверждения и отказывалась от них, а сбитый с толку потоком шума капитан никак не мог уяснить, из-за чего стоит такой крик.

– Патрисия! – наконец рывкнул он.

Помощница замолчала и посмотрела на начальника, ангельски хлопая ресницами.

– Да, мсье капитан?

– Что-слу-чи-лось? – отдельно, по слогам, чтобы вопрос осел в её пустую голову, поинтересовался Филипп.

Патрисия даже задохнулась от удивления:

– Как, вы не знаете, мсье капитан? Вас же с утра разыскивает комиссар Тейлан, а вчера сюда приходили детективы и...

– Сделай глубокий вдох, Патрисия, – скомандовал Дени Филипп, опираясь обеими ладонями о стол. Девчонка послушно выполнила его распоряжение. Она выглядела такой прелестной и юной, и даже чуточку умной – пока не откры-

вала рот.

– Хорошо. А теперь рассказывай по порядку, медленно и подробно. Но без комментариев! – поспешно добавил шеф.

Девушка помолчала, собираясь с мыслями. Лицо её сделалось очень сосредоточенным.

– Она – его подружка, капитан! – наконец изложила, как ей казалось, самую суть Патрисия.

На минуту Дени Филипп засомневался в целесообразности дальнейших вопросов. Скорее всего, Патрисия опять целый вечер фантазировала о принцах.

– Кто «она»? – стараясь говорить как можно мягче, уточнил он.

– Девушка, – на редкость понятно ответила Патрисия, – которая потеряла память.

– Подожди. Ты говоришь о девице, которую нашли на окраине Булонского леса без малейшего представления, кто она такая?

– Ну да. Её дело поступило к нам позавчера, помните?

– Угу, – сердито буркнул капитан. – Ничего там не понятно. То ли наезд, то ли не наезд, а может, несчастный случай. Свидетелей нет, девчонка ни черта не помнит. Шишка на голове, синяки по всему телу – и совершенно пустая голова. Так, говоришь, отыскались её родственники?

– Опекун, – делая огромные глаза, зашипела Патрисия.

– Перестань на меня шипеть, – Дени Филипп вытер капельки слюны, попавшие на его лицо, и брезгливо отодви-

нулся. – Что в нём такого особенного, в этом опекуне?

– Вы же не знаете, кто он!

– Ну?

– Омар Лалие, – трагически закатила глаза Патрисия, прижимая руки к груди. Капитан Филипп с интересом посмотрел в этом направлении, пока информация достигала его сознания.

– Лалие! – Дени Филипп невольно подскочил. – Тот самый бедуин в чалме, который несколько лет назад купил принадлежавший герцогине N. дворец на Вандомской площади и не показывает носа из него? Говорят, у него там хрустальные потолки, а вся мебель из золота, и посуда из коллекции русских царей...

– А по дому ходят павлины и бегают ручные леопарды, – с мечтательным видом подхватила Патрисия. – В стены вставлены драгоценные камни...

Шеф опомнился первым. Он стукнул кулаком по столу:

– Хватит пороть чушь, Патрисия! Драгоценные камни в стенах, надо же... Нам не должно быть никакого дела до мсье Лалие, за исключением того, что он заберёт свою подопечную домой, и городу не придётся больше платить за её пребывание в лечебнице.

– Она ведь совсем не красивая, – продолжала вслух размышлять Патрисия, дёргая куцый хвостик волос. – Так, ничего особенного. К тому же, говорят, она иностранка...

В дверь без стука вошёл полицейский сержант, таща за

собой грязный мешок и стопку бумаг.

– Шеф, док прислал свои выводы насчёт парнишки, выловленного в Сене. Говорит, что это утопление. А ещё вас разыскивает комиссар Тейлан. Он был просто в бешенстве, что вы не доложили о найденной девушке...

Патрисия ойкнула.

– ...и уже на пути сюда сам. Должен скоро приехать.

Под окнами участка кучер прикрикнул на лошадей.

– Ага, приехал, – с удовлетворением констатировал сержант. – Ну, так что с отчётом дока? Может, мне...

– Положи сюда, – двумя движениями Дени Филипп расчистил место для отчёта на углу своего стола самым простым способом – скинув другие папки на пол.

За дверью кабинета грохотали шаги, тяжёлые, словно поступь Господа Бога в Судный день. Андре Тейлан, префект округа, ни с кем из присутствовавших в кабинете здороваться не стал, а только рывкнул, глядя в упор на капитана:

– Дело государственной важности, Филипп. Поедете со мной, в моей коляске. И соберите все бумаги по делу Алис Линтрэ. Даже черновики, чтобы и следа не осталось.

Капитан моргнул только два раза, усваивая незнакомое имя, а потом повернулся к подчинённым и сам начал командовать. В результате документы были собраны в рекордные сроки – десять минут. А на двенадцатой минуте отборная четвёрка коней вылетела за ограду полицейского участка.

Перед старинным зданием госпиталя стояла роскошная

коляска с открытым верхом. Высокие обода колёс говорили об отличных рессорах, делающих движение по булыжным мостовым почти неощутимым. Сидения широкие, все покрыты мехами, дверцы коляски украшены позолотой, лессенка из блестящего чёрного дерева. Вокруг коляски – четверо верховых, их тела целиком и даже лица закрыты плотной тканью, блестят только решительные глаза да сталь изогнутых клинков за поясами. Кучер на высоком облучке одет лишь в ливрею и плащ с опушкой, но вышколен не хуже этих бравых ребят. Взгляд цепкий, внимательный, губы сжаты, и по всему видно – в случае опасности за хозяина жизнь отдаст.

Единственный пассажир коляски – о чудо! – совсем не похож на своё сопровождение. Блондин, длинные волосы сзади собраны в косу, тёмные глаза, суровые не улыбочивые губы. На пальцах рук переливается каскад драгоценных камней – ну точно берберский принц! А сам одет в светлый европейский костюм – узкие панталоны, глянцевые сапоги, сюртук с еле заметной вышивкой. Шейный платок цвета голубинового яйца повязан так туго, что мужчина даже не двигает головой. Рядом на сидении валяется цилиндр, а ветер силён, но волосы пассажира коляски в полном порядке, лицо бесстрастно, взгляд устремлён перед собой.

Когда коляска Тейлана влетает на площадь перед госпиталем, декорации, частью которых является и ожидающий экипаж, приходят в движение. Спешиваются двое верховых

из охраны – они пойдут с господином внутрь, соскакивает с приступка кучер, согнувшись в поклоне пополам, открывает дверь.

Дени Филипп никак не мог вырваться из ощущения околдованности. Перед его глазами разворачивалась сказка из жизни принцев и королей. Некоторую претензию вызывало отсутствие джинна. И язык общения – французский. А разговор начался сразу, как комиссар Тейлан и господин Лалие сблизилась.

– Нет ошибки? – восточный вельможа прожёт парижанина тёмным взглядом. Тейлан занервничал, скрыл это чувство за сжатыми губами.

– Вероятность небольшая. Мы искали по описанию, портрета ведь нет.

Лалие неожиданно ухмыльнулся.

– Если всё кончится благополучно – по воле Аллаха, сразу же посажу Алис позировать. Кто сейчас из рисовальщиков в чести?

Тейлан был светским человеком, и подобным вопросом его не смутить.

– Эжен Делакура? – немного подумал. – Он в моде нынче, но, пожалуй, нет. Рисует он странно и больше склоняется к батальным сценам. О, знаю! – щелчок пальцами. – Орас Верне! Говорят, он сейчас заканчивает портрет дочери – и будет премилое зрелище. Но деньгами, как и все слуги искусства, не богат.

Омар Лалие поднял вверх указательный палец, кучер порылся в своём плаще и, пока Андре Тейлан пялился на это зрелище – грамотный слуга! – написал на извлечённой бумажке «Орас Верне». Почтительный наклон головы не позволял сомневаться, что памятка будет непременно передана секретарю господина, как только они вернутся во дворец.

– Пойдём, Тейлан.

– Не боишься?

Дени Филипп невольно позавидовал комиссару, обращаящему к великому человеку на «ты». Хотя... каждому петуху – свой шесток.

Чуть двинув голову, Омар Лалие немигающе уставился на Тейлана.

– Чего?

– Ну... а вдруг это не она?

Лалие удивлённо моргнул. Его явно обескуражил этот вопрос.

– А что изменится от промедления? Не она – так не она, продолжим поиски.

Voilà, массовая расправа в случае полицейской ошибки откладывалась! Капитан Филипп приободрился. И даже придержал высокому начальству дверь.

У девушки, потерявшей память в результате столкновения с экипажем на окраине Булонского леса, ещё не окультуренного для прогулок, хотя шаги в этом направлении предпринимались, он уже был. На второй день после того, как

сердобольные парижане, обнаружившие девушку на дороге, доставили её в госпиталь, отделу Дени Филиппа пришлось начать расследование. Оно, впрочем, не дало результатов – свидетелей происшествия не было, девушка не помнила ничего, и единственной её возможной судьбой было остаться после выздоровления при госпитале в качестве санитарки. Ну да, хорошенькая, хоть и тощая, в синяках и бинтах, но таких красоток возле кафе и на бульварах Парижа пруд пруди. Выглядела девчонка довольно свеженькой, а вот девственницей, по словам эскулапа, не была. Значит, совсем недавно приставлена к работе... И тут такая новость, подопечная самого Омара Лалие! Филипп цинично хмыкнул: где подопечная, там и любовница. Сбежала от него, небось. Да какой самоубийца задаст этот вопрос восточному принцу?

Мрачноватая компания миновала приёмный покой, но никто их не остановил – то ли вид телохранителей был достаточно угрожающим, то ли посыльный комиссара полиции заранее обеспечил им «почётный коридор».

– Палата на третьем этаже, – ни к кому конкретно не обращаясь, обронил Тейлан у подножия лестницы.

Они вошли в палату гуртом, за исключением телохранителей, которым Лалие взмахом руки приказал оставаться за дверью. Такой визит без предупреждения и даже без стука, конечно, нарушал все установленные правила приличия; но молодая женщина, лежавшая на постели поверх серого одеяла, только лениво повернула голову, рассматривая их. Её

волосы были коротко острижены, на голове красовалась толстая марлевая повязка.

– Bon jour, mademoiselle, – вежливо поздоровался капитан.

Андре Тейлан удивлённо, но без раздражения глянул на подчинённого и последовал его примеру. Однако он назвал пациентку полным именем, не сомневаясь в значении утвердительного кивка Омара.

– Это Алис, – проговорил одновременно тот. На загорелом лице мелькнула сложная смесь выражений: гнев, страсть, облегчение. Омар Лалие шагнул вперёд, девушка сползла с кровати и сделала то же самое. Оба замерли, рассматривая друг друга.

А потом восточный господин открыл рот и заговорил на языке, которого Дени Филипп отродясь не слышал.

– God dag, Eliza. Jag beklagar det inträffade. Hur känner du er?³

Девушка слушала его, не перебивая, но поза её при этом была такой напряжённой, словно её парализовало. Омар Лалие смотрел на красивую блондинку, ожидая ответа. Девушка неловко кашлянула, с мольбой огляделась вокруг и наконец заговорила. По-французски.

– Э... прошу извинить меня, господа, но кто-нибудь из вас понял, что сказал этот человек?

---

³ – Доброе утро, Элиза. Я очень сожалею о случившемся. Как ты себя чувствуешь? (шведск.)

Неизвестно, кто испытал больший шок при этом её вопросе – Омар Лалие или прочие посетители. Уверенность в том, что женщина является подопечной Лалие, была так велика, и вот...

– Элиза, – тихо спросил загорелый блондин, – ты не понимаешь по-шведски?

Девушка смущённо глянула на него:

– А я должна понимать? Прошу прощения. Мне сказали, что я выгляжу как француженка, только говорю необычно. Я не француженка?

Не многие люди могли похвастаться, что видели Омара Лалие в растерянности, однако участникам нынешнего спектакля это удалось. Андре Тейлан осторожно постучал своего спутника по плечу.

– Ммм... Омар, я говорил тебе, что у найденной девушки есть проблемы...

Тот вздохнул.

– Я не обратил внимания. Слова – это одно, а когда видишь такое...

Девушка гневно нахмурилась.

– Я вам, господа, не ТАКОЕ. Так что спасибо за милый визит, было очень приятно и так далее...

Лалие вновь повернулся к пациентке госпиталя, и внезапно Дени Филипп понял – комиссар Тейлан говорил господину Лалие, да только тот не поверил. Он был уверен, что девушка притворяется. Ведь кто её знает, эту память – если и

вправду потеряла, вернётся же когда-нибудь? Так почему не от грозного вида опекуна? А так девушка миленькая, помнит, как есть, как ходить и вести себя. Неизвестно, грамотная ли, книг и газет ей пока не приносили. Не та персона была, чтобы заботиться. И в отдельную палату перевели вот только сейчас, дабы не шокировать высокого гостя видом и запахами общей, на двенадцать женских коек.

Девушка продолжала вопросительно разглядывать посетителей, однако Марис заметил, что она морщится всё чаще, подносит руку ко лбу. Похоже, обостряется головная боль. Не было больше времени на раздумья.

– Да, господа, это моя жена.

Тейлан и Филипп, а следом за ними и пациентка, лишились дара речи.

– Как жена?! – возопил Тейлан. – Ты говорил, что...

– Той информации, что я дал, было достаточно для поисков, – отрезал восточный вельможа. – Тем не менее, Алис Линтрэ Лалие – моя жена.

Девушка легла на койку. Опершись подбородком на валик подушки, с интересом смотрела на темнокожего блондина.

– Что вы думаете об этом, мадам? – не без вызова обратился к ней прямо Марис.

Та выпятила губки.

– А мне почём знать? Если вы – злой человек, то плохо, нет – хорошо. А почему вы узнали меня не сразу?

Омар Лалие оторопел.

– Что значит «не сразу»?

– Если вы долго искали меня и счастливы видеть, где слёзы умиления?

Мужчина поднял ладони вверх.

– Со слезами это не ко мне. Слезами вас обольёт сестра, она очень переживала, – он продолжал пристально наблюдать за пострадавшей девушкой. Был уверен – вот-вот она выдаст себя.

– У меня сестра есть? – Алис просияла. – Маленькая?

– Подросток. Вы помните, как её зовут?

Девушка посмотрела на посетителя с жалостью, словно бы он, не она, был пациентом богоугодного учреждения.

– Я только сейчас узнала о её существовании. Почему вы меня допрашиваете? Не рады, что вообще нашлась? Так я не прошу ничего... муж.

Остальные посетители, было заметно, ощущают только неловкость. Смягчая её, в палату вошла сестра милосердия, собираясь сменить повязки. Тейлан, Филипп и Лалие вышли в коридор. Пробормотав о необходимости поговорить с доктором, Омар Лалие отправился в ординаторскую. Дени Филипп повернулся к комиссару.

– Что теперь будет с ней?

Начальник дёрнул плечом. И не стал указывать на нарушение подчинённым субординации.

– Да ничего. Омар её увезёт. Я лично рад, что всё закончилось.

– Но как мы можем позволить просто забрать девушку? У него нет никаких доказательств, и она его не узнаёт...

Тейлан уставился на капитана выпученными глазами.

– Совсем ума лишился, юнец? Ты про кого это говоришь?! Составляй доклад про опознание и все бумаги лично привезёшь мне! Если хоть одна живая душа узнает, что здесь было, отправлю улицы патрулировать!!!

Сестра милосердия из числа монахинь кротким, хотя и железным голосом указала комиссару на недопустимость повышения тона; а когда тот отделался от неё, Дени Филиппа и след простыл. Помявшись, Тейлан направился на розыски Омара и лечащего врача Алис Лалие. Когда он несмело постучался в дверь ординаторской, врач как раз заканчивал благодарить посетителя за щедрое жертвование на нужды больницы. Восточный гость глянул в сторону Тейлана, но, видимо, посчитал его не опаснее стен и мебели.

– Какие повреждения Алис получила при столкновении? Вы считаете, это не было нападением? Мне сказали, она лежала в луже крови.

Доктор пожал плечами.

– Булонский лес – не слишком посещаемое место. Если наезд имел целью погубить мадам, то почему карета не остановилась и её не... простите, – он глянул на лицо расспрашивающего. – Профессиональная чёрствость. И в луже крови мадам лежала, скорее всего, в воображении людей. Небольшой раной на виске всё ограничилось. Сотрясение мозгово-

го вещества – разумеется, следствием которого и стало отсутствие воспоминаний о собственной личности и предшествовавших событиях.

– А ребёнок? – тихо уточнил Лалие. – Она потеряла его? Доктор безмерно удивился.

– Ребёнок? Но мадам не была в положении. Её тело отреагировало на потрясение... приходом дамских недомоганий, это так. Но дитя не было.

Мужчина закрыл на миг глаза, он испытал облегчение. Однако доктор и Тейлан забеспокоились.

– Омар, с тобой всё в порядке?

– Мсье Лалие, может, нюхательную соль?

Омар грубо оттолкнул их обоих:

– С ума сошли? Я не баба. Мсье, мы можем забирать мадам?

– Если обещаете показать её врачу при появлении тревожащих признаков – головного кружения, странных движений, тошноты, то почему нет? Она сейчас здесь под наблюдением, но в лечении уже нет нужды.

Тейлан и Лалие вернулись в палату пациентки. Точнее, комиссара новоиспечённый супруг попросил задержаться в коридоре.

Девушка в марлевом тюрбане лежала на койке и грустно наблюдала за его возвращением.

– Что будет теперь?

Обрётённый ею муж нерешительно остановился возле

кровати. Он бы и сел, но не было приглашения со стороны Элизы.

– *Vebis*, я не желаю тебе горя или зла...

– Что значит это слово? – заинтересовалась девушка. Под глазами у неё ещё не прошли заметные синяки, и лицо осунулось, но она всё-таки выглядела жизнерадостной и восхищённой каждой минутой открытия мира.

Марис не удержался. Лёгким касанием провёл по её щеке. И Элиза не отшатнулась.

– Моя маленькая девочка. Моя... любимая.

Возражений не последовало. Девушка даже закрыла глаза. Слабая улыбка изогнула её губы.

– А может, – мечтательно проговорила она, – не такое уж оно и плохое, моё будущее?

Глава 27

Возвращение девушки-иностранки домой вызвало всплеск надежд парижской прислуги, что их увольнение состоится не сейчас. Хозяин дома не стал их разочаровывать, распоряжения были уже отданы управляющему. Зато искренне радовалась длинноногая девочка, похожая на жеребёнка. Она говорила без умолку на иностранном языке и всё пыталась повиснуть на шеях приехавших. Марис решительно отодвинул её.

– Рене, с этого момента ты говоришь только по-французски. Следи за своими манерами. Помнится, ты хотела остаться в Париже навсегда.

Мощный намёк дошёл в конце концов и до Ренаты. Та сникла, отошла в сторону. Сестра не бросилась на её защиту, она смиренно стояла в кольце рук Мариса и с благожелательным любопытством оглядывалась по сторонам. Повязка на голове, из-под которой торчали коротко остриженные волосы, делала её похожей на мальчика из трущоб. Лиз выглядела странно – и вела себя странно. Она без страха улыбалась Марису – Марису Стронбергу! – и постоянно поглядывала на него.

Хозяин дома пощёлкал пальцами:

– Прошу внимания, месье и медам! Я намерен сделать важное сообщение.

Прислуга переглянулась, шум стих.

– Вы знаете, что мадемуазель Алис, – Лалие крепче обнял девушку перед собой за плечи, – жила в этом доме некоторое время, но её положение оставалось загадкой для вас. Мы... ожидали важного известия, прежде чем сделать оглашение. Ныне же настал час. Госпожа Алис – моя супруга, мы обвенчались перед приездом сюда, и она стала вашей госпожой.

Движением руки он умерил вздохи и восклицания.

– Однако случилась беда. Госпожа Алис пострадала от несчастного случая и забыла своих родных и знакомых. Прошу вас учитывать эту сложность, прислуживая ей. Эжени, – он пальцем поманил экономку, та присела в книксене, – я прошу вас сделать маленькие карточки и пришить их к платью слуг. На карточках написать имя каждого. Мадам не должна испытывать неудобства. А теперь все могут возвращаться к работе.

Мельком Марис заметил Ренату, та забилась в угол и взглядом, полным недоверия, возмущения, следила за ним и за сестрой. Элиза прикрыла глаза, она с каждой минутой сильнее опиралась на него, и было заметно, что силы покидают её.

– Эжени, перенесите вещи госпожи в мои комнаты. Подготовьте постель, мадам надо лечь.

Экономка бросилась по лестнице вверх, а Марис подхватил Элизу на руки.

– Сейчас будем отдыхать, дорогая. Ещё минутку терпе-

ния.

– Эй! – настойчиво позвала Рената из своего угла. – Ты хочешь поселить Лизу...

Не поворачивая головы, Стронберг отозвался:

– Подожди меня в кабинете прямо сейчас. Я не бегаю от разговора.

Любимая женщина в свежей рубашке, довольно мурлыкая, свернулась клубком в его постели. Что может быть прекраснее? Купаться в ванне Марис Элизе не позволил, не вполне готовый увидеть её нагой, но влажной тканью горничные тщательно обтёрли её тело, накормили воздушным омлетом и круассаном с чашечкой молока. Потом покинули спальню, возвращая хозяину дома право общения с женой. Время до этого мига он использовал с толком, с сестрой Элизы надо было переговорить.

Рената начала с возмущения.

– Ты сказал неправду, я же знаю! Не было никакого венчания!

Стронберг плотнее закрыл дверь кабинета.

– А вот теперь шведский язык будет уместнее. Значит, так, милое дитя, – он придвинул тяжёлое кресло так, что оно встало напротив дивана, и сел в него, почти уткнувшись носом в нос Ренаты, – ты одна в этом доме знаешь. Венчания действительно не было, но будет, как только я придумаю причину повторного проведения обряда для твоей сест-

ры. Она ударилась головой и не помнит ни тебя, ни меня, ни проклятого Ресья. Я сделаю всё, чтобы она и не вспомнила много-много лет. Пока же я собираюсь жить с Элизой как с женой, надеюсь подарить ей детей и счастье. Препраду в твоём лице, поверь, я преодолею. Ты можешь стать моим союзником, помогать мне и остаться жить здесь – или завтра же отправиться в школу для девочек при монастыре далеко отсюда. Уговаривать и носиться с тобой, Рената, я не буду. Взрослая девушка, думай сама.

Сестра Лиз решала недолго:

– В школу я хочу, но чтобы в Париже и возвращаться домой на праздники. И если Элизу будут звать Алис Лалие, то моё имя пусть будет Рене. И потом ты найдёшь мне мужа.

Девчонка была очаровательна в своей продажности, и Марис лишь улыбался, сдаваясь на все её условия.

Десять минут спустя он появился в дверях спальни, да там и остался надолго, любуясь спящей девушкой. Элиза Линтрем в его постели... исполнение его мечты. И что его так зацепило в этой капризной, не слишком образованной крестьянской девчонке? Его, который укладывал на своё ложе дам высшего света. Грамотно разыгранная карта недоступности. А впрочем, была ли особенная разница между селянкой и герцогиней? Заносчивости Элизы могло хватить на весь высший свет. Герцогиня была бы благодарна за предложение руки и сердца от человека, которым он стал, а вот

крестьянке не угоден, поди же!

Хорошенькая... нет, просто красавица даже с бинтом на голове, из-под которого топорщатся отрастающие белые прядки. Любимая... желанная... Как различить желание и любовь? Нет, свою жизнь за Элизу он бы точно не отдал. А вот за их детей... Совсем скоро придёт время поработать над этим вопросом.

Девушка шевельнулась, с досадой на его медлительность вздохнула во сне. Во сне ли? Ресницы чуть-чуть дрожали, губки старались сдержать лукавую улыбку.

Марис не двигался, ожидая.

– Ну, что смотришь? – рывком откинув покрывало, Элиза села. Консервативная рубашка, в которую её обрядили, скрывала тело надёжнее монашеского обета. Впрочем... Марис помнил. Помнил тело до последнего изгиба, попку, бёдра, грудь, и рассчитывал очень скоро обнажить его. Скрывать подобные прелести – свинство и эгоизм.

– Смотрю на своё.

Элиза ожидаемо взметнулась. Она могла лишиться памяти, но не характера.

– На мне есть твои печати?

– Могу расписаться, где укажешь, – любезно предложил Марис.

– Ах, мой остроумный супруг! – Элиза прищурилась. – Присядь-ка рядом, – она похлопала по кровати, – да расскажи о себе.

– О себе? Не о тебе?

– Себя я потихоньку сама узнаю. Был ли ты добр ко мне?

Любишь ли, заботишься?

– Легче о дикой крапиве позаботиться, чем о тебе!

Лиз удовлетворённо улыбнулась.

– Ну вот, а говорил – ангел и любовь всей жизни.

– Ведьма ты, – совершенно искренне отозвался мужчина. – Однако я послушен воле богов. Раз уж Аллаху было угодно назначить тебя мне в возлюбленные, буду смиренно нести кару и груз.

Любимая женщина выразительно провела ногтями по одежде на его груди. Невольно Марис улыбнулся. Чертовка! Она раздражает его, подобно компрессу с ядом мавританской ехидны, и исцеляет от тоски, сожалений, меланхолии. До сожалений ли, когда не знаешь, на каком шаге и под какой ногой рванёт эта соблазнительная бомба!

– Я люблю тебя.

Женщина услышала лишь сказанное. «Никогда не отпущу» она научится угадывать только потом, сейчас же она довольно улыбалась.

– Твоё состояние позволит доказать свою любовь?

– Моё – позволит, – с расстановкой произнёс Марис. Стёр кошачью улыбку предвкушения строгим, – твоё – нет. Сейчас время набираться сил, выздоравливать, отдыхать. Ложись и спи. Я приду позже.

Глава 28

Утром Алис Лалие проснулась не вполне удовлетворённой. Муж ночью только обнимал её, примостив подбородок в изгибе её плеча – надо признать, обнимал со всей ответственностью, будто сторожевой пёс, охраняющий свою будку. Под утро его хватка расслабилась, Алис откатилась в сторону и теперь из-под ресниц украдкой рассматривала неожиданно обрётённого спутника жизни. Светловолосый, и волосы длинные, заплетённые сзади в косичку. Другие мужчины, с которыми он приходил в госпиталь, носили на головах пышно завитые парики, но Омар Лалие, видимо, этой моды не одобрял. Желая окончательно убедиться, Алис осторожно дёрнула светлую прядку на виске. И заверещала, когда супруг с грозным рычанием подмял её под себя.

– Балуемся, мадам? – сверкающими глазами он уставился ей в лицо. Алис, напротив, сжалась, зажмурилась, кивая мелко дрожащим подбородком. Медведь, как есть медведь, да ещё сумасшедший...

Поцелуи мужа лёгкими прикосновениями осыпали ей лицо.

– Ma petite, я напугал тебя! – в голосе звучало глубочайшее раскаяние. Алис почувствовала себя увереннее.

– Да, да, да, мсье! – она выпятила нижнюю губу. Омар осторожно провёл по ней языком – а секунду спустя они

яростно целовались, перекатываясь по постели и путаясь в простынях. Лиз не успела заметить, как сорочка покинула её тело, лишь вспышками запомнила эпизоды. Вот волоски на щеках Омара процарапывают невидимые дорожки на её шее – вот она видит сверху его светлые волосы, голову у своей груди, пока муж покусывает и играет с её сосками – и вот уже вспышка наполненности внутри. Он раздвигает её, и так тесно, будто впервые, но боли нет, а он всё продолжает раскачиваться, продвигаясь глубже. Алис бессознательно поднимает ноги, обвивает его бёдра, уступая захватчику всё больше территории и не испытывая при этом ничего, кроме щемящей радости. Её мужчина, её... огромный, солёный, влажный, нежный, напористый... Он бормочет какие-то слова на непонятном языке, Алис знает только французский, но понимает – эти слова о любви.

А потом в самом центре её тела начинаются крохотные взрывы, и тело уже не покорно ей, оно кричит, вздрагивает, изгибается. Рычит и Омар, наполняя её влагой и теплом, обессиленно падает головой ей на живот и замирает, только указательный палец вырисовывает загадочные узоры на внутренней стороне её левой ноги.

Алис гладит волосы мужа, пропускает густые светлые пряди через пальцы и с тихим стоном закрывает глаза. Когда Марис готов встать, поухаживать за нею, женщина уже спит, слабо улыбаясь во сне.

Велика мудрость Аллаха. Будь честным, справедливым воином, почтительным сыном – и Аллах вознаградит тебя исполнением твоего желания. Ему Творец преподнёс редкий дар, драгоценную жемчужину. Очистил голову Лиз от мусора прошлого, и теперь девушка принадлежит только ему. Если он окажется настолько глуп, что и теперь потеряет её любовь, её доверие – что ж, поделом ему. Омар Лалие продолжает свои размышления, совершая традиционное омовение перед молитвой. Ему есть за что быть благодарным Аллаху. Сбежав из отчего дома в пятнадцать лет, он несколько месяцев добирался до Европы, научившись и воровать еду, и ловко вскакивать на задки проезжающих почтовых карет, и удирать от разъярённого возницы с кнутом в руке. Первый раз, когда его огрели по спине этим бичом, Марис Стронберг впал в шоковое оцепенение, немедля получив следующий удар. Впервые кнут был не в его руках, а он уже не являлся хозяином земель и людей на них. И этот шок каждый раз переживала маленькая страшилка Лиза, когда он замахивался на неё? А он ведь не только замахивался, но и бил. Она имела основания ненавидеть его.

Впоследствии Марис часто размышлял, что было бы, как сложилась бы его судьба, не заключи Эмиль Стронберг с Вергом Линтремом договор о браке их детей. Основные надежды Эмиль возлагал, разумеется, на старшего сына и наследника, Раймонд был обречён оставаться в поместье. А Марис мог избрать карьеру военного или священника, хотя

ни то, ни другое его не прельщало. Уже много после, проходя обучение у Керима, он думал, что из него получился бы неплохой вор. Может быть, охотник за ворами.

С названным отцом своим, Хусейном Лалие, Марис познакомился, когда сумел остановить извозчика, пытавшегося удрать с вещами приезжих с Востока. Хусейн пригласил ободранного, тощего подростка в свой дом, накормил сытной едой, долго беседовал с ним по-французски. Как-то само собой сложилось, что Марис провёл в этом доме один день, другой, а после остался навсегда. Для него не было дня счастливее, когда Хусейн склонил голову в традиционном приветствии берберов и назвал его «ибн». Сын. Для Эмиля Стронберга Марис всегда был всего лишь вторым – для Хусейна Лалие единственным.

Привычку постоянно поддерживать своё тело в чистоте Омар тоже перенял от Хусейна. В Швеции они с братом иногда удирали купаться на Эльмарен, но в бане мылись раз в месяц. Хусейн Лалие мылся ежедневно. В его богатом доме в сердце песков, на краю оазиса была обустроена купальня, и даже имелся специальный слуга, занимающийся только омовениями. Плюс всем, что к ним прилагалось – умашения маслами, массажи, растягивания мышц и облегчение болей после тренировок. Не сразу Марис смог преодолеть себя и доверить евнуху разминать свои стопы, потягивать и крутить пальцы ног. Но после первой же процедуры настолько проникся целебным наслаждением, что стал поклонником во-

сточного образа жизни навсегда. Он понимал, разумеется, что простые арабы-кочевники так, как Хусейн Лалие, не живут. Дранный шатёр, конь, одна смена одежды, она же подушка и одеяло – всё их имущество. Спустя год после начала тренировок Хусейн отправил Омара в сопровождении одного из своих воинов в становище кочевников пасти овец и верблюдов, и там они прожили три сезона, перемещаясь с одного пастбища на другое, чтобы скот нагулял бока. Омар почти не слезал с жеребца все эти месяцы, научился думать о благе животного вперёд своего и растерял остатки самолюбования и эгоизма. А когда они с Махмудом вернулись в родной оазис, Хусейн поразил приبلудного мальчишку, попросив согласия признать его сыном перед Аллахом и людьми.

Холодная вода обрушилась из медного кувшина на загрибок Мариса, заставив его очнуться от несвоевременных мыслей. Что это он предаётся воспоминаниям, когда в постели его ждёт так трудно доставшаяся желанная женщина? Время к полудню, Лиз надо бы покормить, но... ещё разочек...

В его спальне сидела Рената Линтрем. Беспечно болтала ногами, не достающими с подоконника до пола, и болтала обо всём на свете с сестрой, не замечая или игнорируя растерянное выражение лица Лиз. От немедленной расправы Ренату спасло лишь то, что говорила она всё-таки по-французски и не пыталась пробудить в сестре забытые воспоминания.

– ...семья как семья, в порядке. Отец умер – очень просту-

дился зимой – шесть лет назад, живём без него. Мама добрая...

– Доброе утро, Рене. Тебе совсем нечем заняться?

Один взгляд в ледяные глаза Мариса, и Рената заторопилась.

– Ой, да, у меня же занятия по грамматике! Увидимся позже, Алис!

Старшая сестра ответила неопределённым звуком. Лиз по инерции продолжала укутываться покрывалом, натягивая его почти до глаз.

– Что тебя беспокоит, *ma petite*? – Омар присел рядом, зацепил пальцем край покрывала, легко потянул вниз. Элиза вцепилась ещё сильнее.

– На мне... нет ничего... а тут эта девочка... и говорит, говорит... – она повела головой вправо, уклоняясь от пальцев мужа, ласкающих её подбородок, шею, обводящих нижнюю губу. Хотя они и предавались всю ночь супружеской страсти, всё же она его знала только второй день. Омар оставил её вольность без внимания.

– Пожалуй, я побеседую с Рене ещё раз. Попрошу не досаждать тебе без приглашения.

– Ой, я не знаю! – Алис всплеснула руками, рывком села, и покрывало пало вниз, обнажив её до пояса. – Девочка вроде милая, я не хотела обижать её... Матерь Божья! – она сообразила, в каком виде сидит перед мужем, смутилась отчаянно и сжала кулачки.

Улыбаясь, Марис поднял обе её руки к своему лицу, с нежностью поцеловал каждый пальчик, отгибая по одному.

– Солнце моё, мой сладкий цветок пальмового дерева, самое драгоценное сокровище моей жизни, не бойся меня! Я хочу только единственного – любоваться твоим лицом, целовать твои плечи... шею... сахарные уста... – его губы двигались по обозначенному маршруту, руки ласкали тело Элизы, в любой момент ожидая сопротивления. Нет, новая Элиза, Алис, его не оттолкнула...

Для обновлённой Алис Лалие казалось вполне естественным проснуться утром в постели своего мужа, испытывая удовольствие каждой клеточкой своего тела. Вот это была ночь! Похоже, Омар здорово изголодался за время её отсутствия. Интересно, какого чёрта она делала в лесу, у ограды которого её сбила карета? Только последняя дурочка по своей воле покинет мужчину, который так занимается любовью. При воспоминании о том, каким способом Омар разбудил её на рассвете, Алис слегка покраснела.

– Доброе утро, мадам, – постучав в открытую дверь, горничная прошла к огромным окнам и занялась раздвиганием портьер.

– Доброе утро, – застенчиво ответила Алис. Она села, едва успев перехватить покрывало на обнажённой груди, и озабоченно посмотрела на горничную, брюнетку лет тридцати. – Я... я потеряла память. Постарайтесь не удивляться моему

поведению... я не помню вашего имени.

Горничная присела в книксене.

– Вам не надо ничего объяснять в этом доме, мадам. Слуги знают о несчастье, случившемся с вами. Все вам искренне сочувствуют, поверьте, мадам! А меня зовут Белль Эжен.

– Эжен – это фамилия, да? Рада познакомиться с вами, Белль. Вы давно при мне?

– Нет, мадам, около двух недель. Какое платье подготовить вам для утренней трапезы?

– Как я одеваюсь? – Алис пожала плечами. – Ничего не помню, и даже руки мне не подсказывают...

– В таком случае буду рад предложить свою помощь, топ атоиг, – в дверях стоял её муж, мужчина, с которым она провела эту и предыдущую ночи. В отличие от неё, он был уже одет, выглядел свежим, отдохнувшим и таким красивым, что просто захватывало дух. Алис немедленно испытала желание остаться с ним наедине. Лучше всего, на необитаемом острове.

– Входи, – с улыбкой она откинулась на подушки. – Мне как раз необходим добрый самаритянин.

За спиной Омара горничная Белль незаметно покинула комнату, а Алис продолжала плавать в потоке обожания, изливавшегося из мужских глаз.

– Доброе утро, моя возлюбленная жена, – Омар приблизился к постели Алис, присел на край и спокойно, даже умиротворённо улыбнулся.

Глаза молодой женщины светились любовью:

– Привет. Скажи мне, Омар, как звучит «доброе утро» на твоём языке?

Муж улыбнулся, польщённый её интересом к культуре его страны. За последние полгода Элизе Линтрем и в голову не пришло задать подобный вопрос. За исключением того случая, когда они разыграли Аделаиду.

– Masa'a AlKhair, habibti.

– Масаа хэл хэйр, – старательно повторила жена. – «Хабибти» – тоже часть фразы? Что это означает?

– Любимая, – взяв в обе ладони руку Алис, Омар Лалие поцеловал её. А потом каждый пальчик отдельно. – Я буду счастлив услышать от тебя обращение «habibi» хотя бы раз.

– Хочешь прямо сейчас? – молодая женщина с озорством ему улыбнулась. – Ты заслужил это за свои тяжкие труды прошедшей ночью.

– Ну, не такие уж они были тяжкие, – скромно ответил Омар. – Ради тебя я согласен трудиться и сегодня, и завтра, и ночью, и даже днём.

Алис рассмеялась, сверкнув белыми зубками.

– Я рада. Тогда я хочу назначить тебе свидание, habibi.

– Свидание?

– Да, – Алис лукаво кивнула. – Как только зайдёт солнце, встретимся здесь.

Муж приглушённо застонал.

– Ты доведёшь меня до полного истощения, жена!

– Во всяком случае, постараюсь.

Омар крепко сжал её руку.

– Я так счастлив, дорогая, что ты снова со мной.

– Почему? – поинтересовалась Алис.

– Ты – моя жена, – с лёгкой улыбкой ответил Лалие. – Я люблю тебя.

– А я... то есть, та я, другая, любила тебя?

Омар задумался.

– Мне кажется, я не был тебе неприятен. В конце концов, ты оказала мне честь, позволив стать твоим мужем, – произнеся эту ложь в десятый раз, он даже не покраснел.

Женщина с интересом посмотрела на него, удобнее устроиваясь на подушках.

– А как мы познакомились?

– Ты уверена, что хочешь, чтобы я рассказал об этом?

– Да, конечно, – Алис несколько удивилась. – Разве это неприятно?

Странная ухмылка пробежала по лицу Омара.

– Теперь, когда ты ощущаешь себя француженкой, имеешь полное право оскорбиться. Я купил тебя.

– То есть? – недоумевающе переспросила Алис.

– Ты родилась не во Франции, в другой стране. Там я и купил тебя. Ты мне понравилась, а спустя некоторое время ты вышла за меня замуж.

– Как странно! При всём желании я не могу представить себя рабыней.

– Ты себя ею и не считала, – с усмешкой отозвался Омар. – Другой такой вольной пташки я не встречал.

Женщина лукаво глянула на него.

– Ты поэтому полюбил меня?

– Не только, – муж крепко прижимал её к себе, и Алис с удовольствием вдыхала запах его eau-de-Cologne. – Я полюбил тебя потому, что это Ты – в каждом слове, в каждом вздохе, в каждом поцелуе...

Прервавшись, он подтверждал делом свои слова. Муж с женой целовались долго и упоённо, ощущая всё возрастающую взаимную страсть.

Закрыв глаза, Алис нежно шепнула:

– Если с тобой всегда так, то я люблю тебя... я люблю тебя, Омар... Скажи, как я ласково звала тебя раньше?

– Марис.

– Марис? – Алис склонила голову набок, словно пробуя это имя на вкус. – Мне нравится...

– Тогда скажи ещё раз, что любишь меня.

Алис уткнулась зарумянившимся лицом в его плечо и снова прошептала:

– Я люблю тебя, Марис.

Мужчина сжал её плечи так, что она вскрикнула от боли.

– Элиза, ты не понимаешь, что говоришь. Если бы ты не забыла всё...

– Тогда что? – живо переспросила блондинка.

– Нет, нет, ничего, – Омар продолжал сжимать жену в объ-

тиях. Он был счастлив, но счастье его омрачало одно обстоятельство: он услышал признание в любви, только когда Элиза потеряла память и забыла о своей ненависти к нему.

– Вставай, дорогая. Уже поздно, я с удовольствием помогу тебе одеться, – его пальцы скользнули по белой шёлковой рубашке вдоль стройного тела жены.

Алис покраснела.

– Правильно ли я поступаю, Марис?

– Да, Лиз, правильно. Когда ты всё вспомнишь, ты можешь отвергнуть меня, а я тебя так люблю...

– Я не понимаю, Марис, что происходило между нами тогда, в прошлой жизни?

– Лучше всё забудем, Лиз. Будь мне хорошей женой, и я отвечу тебе взаимностью.

– Ты уверен, что не хочешь рассказывать обо мне прежней?

– Да, не хочу, Лиз. Иначе ты будешь стараться быть прежней. Сейчас твой характер гораздо лучше.

Алис, приложив к себе перед зеркалом платье, обернулась.

– А у нас есть дети?

– Нет, – улыбнулся Омар. – Мы поженились меньше месяца назад.

– Сколько мне лет? – поинтересовалась молодая женщина.

– Недавно исполнилось девятнадцать, – довольно сухо от-

ветил супруг. – Тебя это смущает?

– А ты... ты старше меня?

– Да, конечно. На семь лет.

– О! Но ты не выглядишь на двадцать шесть.

– Старше?

– Серьёзнее.

Муж весело подмигнул ей:

– Ночью я не буду таким серьёзным.

Он сдержал данное слово и в эту ночь, и в следующую...

и в последовавшие за ней...

Глава 29

Чудесно чувствовать себя любимой и обожаемой, быть чьим-то центром вселенной. Но когда этот кто-то не знает меры, может стать утомительным. Омар Лалие, словно заново влюблённый, старался не расставаться с Алис более чем на десять минут. Спал рядом, рядом читал и подписывал какие-то бумаги, ел не на другом конце стола, а рядом, заглядывая в лицо жены с обожанием, от которого у Алис кусок застревал в горле. Ребёнок, и тот выпускает из рук любимую игрушку, когда спит.

Да, он красив, её супруг. И статен, и щедр, только за месяц подарил ей целое состояние в драгоценностях. Его тело переливается золотом в свете камина, страсть сильна – он приходит к ней каждую ночь, ловит и при дневном свете и уводит в кабинет, чтобы там целовать. Взгляд карих глаз всегда светится обожанием. Почему же её гнетёт смутное напряжение, тревога, для какой нет причин? Ощущение, словно она играет роль – и снять бы маску, сойдя со сцены, да завязки ускользают из рук. Алис вздохнула.

– Отчего ты грустишь, любовь моя? – муж нежно коснулся уголков её глаз. – Ночью я был неубедителен?

Алис густо порозовела. Она-то помнила собственные вскрики удовольствия.

– Мне не на что жаловаться. Просто всё странно... Пом-

нишь, ты мне читал книжку про человека, стоящего на утёсе в тумане?

Омар несколько напряжённо кивнул.

– И мы с тобой – как он. Туман вокруг нас, нет ни прошлого, ни будущего...

Она смутилась.

– Ты, наверное, не чувствуешь так, у тебя с памятью порядок. Хотела бы я вспомнить...

– Не позволю! – вырвался у мужа рык. Омар прикрыл рот рукой, будто сам не поверив, что это сказал он.

– Всё так плохо? – Алис смотрела на него серьёзными глазами. Обласканная любовью, вниманием, она стала со временем спокойнее и даже как будто мудрее. Ей бы ребёнка сейчас... Марис вздохнул. Не получается дитя у них отчего-то.

Для отвлечения внимания он принялся перебирать конверты с приглашениями, продолжающие ещё поступать во дворец на Вандом-Пляс, несмотря на то, что высший свет уже уяснил – мсье и мадам Лалие гостей у себя не принимают.

– Нет ли у тебя желания посетить какой-нибудь раут? Бал, пожалуй, тебе не по силам, но пикник, суаре, музыкальный вечер – развлечения на любой вкус.

– *Soirée musicale*? – взвешивая, повторила супруга. – Отчего нет? На стены дома я уже нагляделась, могу передвигаться с закрытыми глазами. Надеюсь, меня не заставят там играть на клавесине или петь? Ни то, ни другое не входит в

число моих талантов.

– В число твоих талантов входит дерзить мужу, – на грани слышимости пробормотал Омар. Споткнулся о вопросительно поднятые брови Лиз и сник. Неожиданно открывшееся в молодой женщине умение установить границы, за которые шагнуть не смей, стало для него трудно осваиваемым сюрпризом.

– Что ж, – муж поднялся, – буду счастлив вечером сопроводить тебя к графине де Лери. Не так давно она ввела в моду «музыкальные среды». Скажи своей горничной, что наряд скромный, будет не более двух десятков гостей.

«Скромный» наряд Алис ошеломлённо разглядывала спустя несколько часов. Он состоял из платья, двух нижних юбок из шёлка и атласа, основательного слоя нательного белья, шляпки, веера, украшений, сумочки, притороченной к верхней юбке. Выезд был запланирован на начало восьмого часа вечера, а одевать и причёсывать мадам заявили три горничные под руководством Белль сразу после дневного отдыха. Попав в безжалостные, энергичные руки, что крутили её, разбирали волосы, пудрили лицо и навешивали драгоценности, Алис невольно думала – а так ли уж она нужна ей, эта светская жизнь?

Надо признаться, восхищённое выражение на лице Омара, встретившего супругу у подножия лестницы, окупало многие муки.

– Богиня, – уверенно вынес вердикт муж. Поцеловал кончики пальцев Алис, проводил до кареты и помог усесться в закрытый экипаж. Открытые хороши лишь для прогулок в светлое время, а возвращаться они будут, без сомнения, затемно.

Дворец графа и графини де Лери, хоть и был высотой всего в два этажа, понравился Алис куда больше, чем их собственный на Вандом-Пляс. Он располагался в глубине парка, все деревья в котором были подстрижены по линеечке, а цветы росли в геометрическом порядке. Как прокомментировал Омар Лалие, среди французской знати такой стиль входит в моду и называется *a la anglais*.

Графиня Анна де Лери приветствовала их в гостиной, оказалась худенькой темноглазой дамой, быстрой в движениях, и с интересом разглядывала мадам Лалие, о коей ходило немало сплетен и легенд. Уже то, как старательно её скрывал от высшего света супруг, вызывало массу предположений: то ли Алис Лалие – абсолютный кошмар в плане происхождения и соответственно манер, то ли она попросту безумна. Смирно себя ведущая платиновая блондинка с необычно яркими чёрными глазами разочаровала графиню, здесь решительно нечего было с приятельницами обсудить. Ну, влюблена она в своего супруга, как кошка, эка невидаль! было известно, что восточный вельможа женился по любви.

Гости графини также не слишком заинтересовали Алис. Дамы в платьях «ампир», господа во фраках и с вычурно по-

вязанными шейными платками. Сплетницы, кокетки, бонвиваны и поэты-непризнанные гении. Они читали стихи, дамы музицировали и посредствомно распевали чувствительные романсы. Один господин попытался приударить за свеженькой дичью, однако не проявил оригинальности. Плоский комплимент, Алис украдкой зевнула в ладошку – а там и муж подоспел. Алис восхитилась его таланту говорить совершенно отталкивающим тоном обыденные вещи. И взгляд был хорош, в пять минут он измельчил нахала в порошок и отправил на удобрения. А больше времени виконт какой-то там их милого общества и не выдержал, бежал, сославшись на потребность поговорить с хозяином.

Неприятное началось после лёгкого ужина, когда мужчины удалились в курительную комнату, а дамы оказались предоставлены сами себе. Светские львицы тесным кружком обступили Алис Лалие, принялись допытываться, как она познакомилась со своим экзотическим супругом, в каких традициях проходило ухаживание, венчание. Алис растерянно признавалась, что не помнит этого.

– А было ли оно вообще, венчание? – вдруг крайне желчно фыркнула голубоглазая статная дама, весь вечер до этого сверлившая Алис недружелюбным взглядом издалека. – Или наш ami mystérieux морочит всем головы, выдавая за законную супругу содержанку?

Смысл слов дошёл до Алис не сразу. Холод окутал сердце и разум, ногти впились в ладони, молодая женщина поблед-

нела.

– Мадам, это оскорбление...

– Оскорбление – ваше присутствие среди нас! – объявила блондинка, вставая под фальшивые выражения фальшивого ужаса остальных дам.

– Да неужели? – презрительная, леденящая реплика, растянутая до издевательства, донеслась от двери. Омар Лалие стоял в дверном проёме, опираясь плечом на косяк. Голубоглазая побелела. Хозяйка салона тоже решила вмешаться:

– Элен-Франсуаз!

Омар Лалие приблизился. Шёл он мягко, тихо, большой хищник на бесшумных лапах.

– Вы надумали, Элен, травить всех дам, которых я удостою своего взора? До меня доходили слухи и два года назад, что вы предпринимали усилия, чтобы сделать меня персоной нон грата...

– Прошу вас о милосердии! – голубоглазая стояла с опущенной головой, но губы были упрямо сжаты, а руки комкали белоснежный платок. Она, без сомнения, осознавала, что некрасивая сцена не идёт на пользу её репутации.

Омар Лалие удивился.

– Вы бессовестно интригуете, а потом просите о милосердии, и всё, *le fin*? Окститесь, Элен! Я не оставляю врагов без воздаяния.

– Два года назад вы не считали меня своим врагом! – в отчаянии закричала женщина. – Вы любили меня... а теперь

любите эту бледную немочь...

– Элен, – отрезал Омар Лалие, – между нами была скучнейшая, банальнейшая интрижка. Кончилась она с вашим вступлением в брак, напомнить?

– Омар, я выбрала бы вас! Но вы так непривычны для наших широт...

– А я и не предлагал вам брака, – мужчина был безжалостен. – Хищниц, подобных вам, хватает. Я же искал истинно любящую женщину.

«Истинно любящая» в этот момент окончательно осознала, что перед нею бывшие любовники, и ответила на нежный взгляд мужа своим, твёрдостью не уступающим алмазу. Омар понял, что музыкальный вечер у графини де Лери был не самой лучшей идеей в его жизни. От Элизы Линтрем, убеждённой в подлинности своих чувств, побрякушками не отделаешься.

– Нам пора распрощаться с вами, графиня, – обернулся он к Анн де Лери. Та молча присела в реверансе, и Алис поняла, что вот-вот останется наедине с этим... тираном. Хуже! Предателем, преступившим свои супружеские клятвы.

Пока она раздумывала, как быстро, в миг, красота мужчины может стать совсем не привлекательной, её уже цепко схватили за локоть, почти волокли по коридорам дворца. Захлопнулись дверцы кареты.

– В связи с Элен-Франсуаз я состоял два года назад, – муж не стал бегать от объяснений. – Тогда ты и понятия не име-

ла, жив ли я, где нахожусь. Ты вообще обо мне не думала, – он поморщился, а Алис, напротив, с ожиданием уставилась на него. Неужели с ещё одного кусочка её прошлого будет сейчас сдёрнута пелена?

Омар махнул рукой.

– Bien, хорошо! Ты была... несколько увлечена другим мужчиной. Приехал я, и мы оба... ощутили молнию притяжения. Это переросло в наш союз.

– Брак был заключён? – Алис вспомнила про слова бывшей, брошенной любовницы, стало не по себе. Она ведь ничего не помнит про полученное благословение церкви.

К её удивлению, муж поморщился.

– Разве так важно...

– Разумеется! – Алис не дослушала его. – Иначе чем я отличаюсь от этой... Элен... да и других, они были, уверена. Это правда, я всего лишь, – она покраснела в необходимости произнести непристойное слово, – любовница?

Омар молчал. Молчал так долго, что Алис поняла истину и без него. Они живут невенчанными.

Мужчина видел, как его женщина съёживается, отодвигается от него, отстраняется телом и душой. Ругал себя отчаянно – такой умный и сильный, мнящий себя господином своей судьбы, неужели не мог отыскать возможности жениться на ней. Знал же, что она единственная. А всё, что смог сейчас – придумать жалкое оправдание.

– Мы принадлежим к разным религиям. Я – мусульманин,

и чтобы наш брак был признан, тебе следует принять ислам.

Алис с горечью смотрела в окно. Не на мужа.

– Ты мне об этом не говорил. Значит, тебе было удобно жить со мной во грехе. Никаких обязательств.

Омар вздохнул, опустил глаза. Ему возразить было нечего.

– А если бы ребёнок? – пустым голосом продолжала размышлять Алис. И вдруг замерла, застыла, дрожа. Ей в голову явно пришла подозрительная мысль. Омар ждал, ничего более ему не оставалось. Взгляд чёрных глаз остановился на его лице.

– Омар, ты... – Алис сглотнула, – ты уже женат?

Губы блондина дёрнулись как-то неуверенно, он будто не мог поверить, что она даже подумала о таком. Потом мужчина замотал головой всё энергичнее.

– Клянусь Аллахом, нет, разумеется! Был бы я женат – жил бы со своей супругой.

– А живёшь со мной, – холодно закончила женщина. Закрывать тему будет нелегко. А надо ли?

Омар бросился вниз головой с обрыва.

– Мы поженимся завтра же.

Вместо щенячьего выражения восторга Алис уставилась на него.

– Es-tu fou? Как может быть завтра? Я перехожу в другую религию? Такое решение надо принимать обдуманно.

– Плевать мне на обдуманность! Церковного венчания не

предложу, уж извини, но запись в парижской мэрии будет. Мои дети не родятся незаконнорожденными, – его взгляд и руки Алис одновременно устремились к её животу.

– Нет, с тобой явно не всё в порядке, – вздохнула женщина. – Детей же пока не ожидается...

– Будут, – уверенности в улыбке Омара Лалие мог позавидовать сам Люцифер. – Будут. Я очень постараюсь.

Их брак был заключён и подтверждён внесением записи в регистрационные книги парижской мэрии тёплым днём поздней весны. Невеста была восхитительна, жених – счастлив. Однажды взяв её ладошку в свои руки, больше он не выпустил её ни на миг. Почтенный мсье, служащий мэрии, скрепивший брак, отметил странное несоответствие взглядов невесты и жениха. В её глазах – безмятежное счастье, в его – напряжение, страх, сменившиеся после церемонии мрачной решимостью. Он вроде бы не был счастлив – или не успевал прочувствовать эту эмоцию среди одолевавших его прочих чувств. Ну что же, он не первый жених, опасющийся, что невеста покинет его у алтаря...

Спустя день супруги покинули дворец и отправились в путешествие по Франции. Самые роскошные постоялые дворы были в их распоряжении, самая редкая пища и лакомства, невиданные никогда чудеса природы. И любовь, любовь...

Когда на исходе первого месяца осени супруги вернулись, по-прежнему обожая друг друга, в Париж, слух о возможном скором появлении у восточного владыки наследника всё ещё

не был подтверждён реальным фактом, а доктора всё так же не гарантировали Алис Лалие скорого возвращения к ней памяти.

Они ошибались. Сказочная идиллия продолжалась ещё ровно двадцать три дня.

Глава 30

Для него, никогда не имевшего ни сестры, ни племянницы, ни дочери, Рената Линтрем была забавной диковинкой. Она же и погубила его нереальное счастье, переливающееся разводами мыльных пузырей. Он позволил себе забыть, насколько хрупки их радужные стенки, позволил поверить.

Прослышав об их приезде, в ближайшие каникулы – во славу поминовения деяний святого Мартина Турского они растянулись на целую неделю – Рената умолила забрать её из католической школы домой. Превращаться из диковатой, дерзкой, озорной девочки в воспитанную барышню с перспективами оказалось труднее, чем она думала. Рене плакала, отсылала ему панические письма – Омар подозревал, что было их куда больше, однако школьная цензура две трети отправила в костёр. Покровитель даже был убеждён, что девчонка сдастся, вернётся домой, поджав хвост. Но, видно, Рене и вправду продумала планы на будущее, и были они столь грандиозны, что она смогла стерпеть придирки монахинь, трудности образования в том возрасте, когда окружающие девочки уже знают проходимые темы, ранние подъёмы на молитвы и богоугодный спорт.

Рене похудела, вытянулась, обликом стала более походить на европейскую барышню – серое платье до колен, грубые вязаные чулки, сдержанный плащ и толстая, просто сплетён-

ная коса светлых волос. На груди, лишь начинающей расцветать, появилось католическое распятие. Девочка не снимала этой одежды и дома, привыкла к ней. «А ведь ей четырнадцать, – подумалось Марису, – можно начинать думать о женихах». Хорошую партию лучше планировать заранее, так и отец учил. Прибавив ссылку на отца автоматически, Марис понял, что не имеет понятия, кто первым преподал ему урок в вопросе ранних помолвок – Эмиль Стронберг или Хусейн. Язвительная усмешка скривила его губы.

Рената же болтала о своём. В окружении часто не дружеских дочек торговцев и чиновников девчонка не унывала, высмеивала смешное, подстраивала пакости подличающим. А дома, чтобы расслабиться, Марис разрешал ей говорить на родном языке. Наедине с ним.

– ...vi gömde och tittade på henne. Och sedan står Genevieve upp...⁴

В драматическую паузу Рене эхом, кончиком хвоста вплелось жалобное «ох!». В дверях кабинета стояла его жена. Была она зеленоватого цвета, в глазах – плывущие облака.

– Я знаю, о чём вы говорили, – шепнула Алис. Великосветский навык по желанию падать в обморок она так и не освоила, потому качнулась к стене, медленно начала оседать по ней.

Марис ужасно на неё рассердился. Алис должна была спать. Но что делать, не позволять же любимой женщине

---

⁴ ...мы спрятались и наблюдали за ней. И вот Женевьева встает... (шведск.)

валяться ковриком у входа в кабинет? Поднял Алис на руки, перепуганная Рената потеснилась на диванчике, даже подушку сестре подоткнула под голову. Алис глаз не закрывала, уставилась в потолок, но взгляд бесцельно блуждал в пространстве.

– Больно... – пробормотал женщина. – Больно... за что...

– Где у тебя болит? – муж взял её за руку, однако это не помогло обратить на него внимание Алис. Неудержимо, стремительно к ней возвращалась личность Элизы Линтрем.

Молодая женщина с минуту послушала себя.

– Не-бо-лит... – растянута, с удивлением проговорила она. – Меня ударило что-то большое, тёмное... я упала... мне надо к лекарю...

Она говорила по-шведски, едва ли отдавая себе в том отчёт.

– Уже не надо, – неожиданно вмешалась Рената. – Всё это случилось девять месяцев назад.

– Девять месяцев... – повторила сестра за ней эхом. – Какие девять месяцев?

– Прошла весна, лето и осень, – девчонка пожала плечами.

– Хочешь пить? – в руке Марис сжимал бокал с холодной водой. Вино ей, пожалуй, рано.

Лиз медленно перевела взгляд к его лицу.

– Опять ты, Стронберг, – без удивления проговорила она. – Ты рядом...

А чего тянуть?

– Я был и буду рядом с тобой, потому что я – твой муж.

Лиз слабо усмехнулась:

– Чего? Я была совершенно безумна, если... – она помедлила, всматриваясь в похоронно-серьёзное личико сестры. Шёпотом уточнила. – Я, правда, была настолько безумна?

Вздыхнула, но мысль её не задержалась на шокирующем известии.

– Было темно... я шла по дороге и видела деревья... куда мне бежать?.. я убежала из дома, как ребёнок, в порыве гнева, не думая ни о чём... как домой возвращаться?

– Ты дома, Лиз, – не выдержал Марис. Сжал её руку, но лишь причинил боль. Женщина поморщилась, голос звучал монотонно:

– Глупость какая. Дом далеко, дом, где мама...

– Дом там, где твоё сердце, – отрицательно помотал головой муж.

– Мне бы мозги сейчас отыскать, – речь Лиз окончательно становилась невнятной, веки неудержимо закрывали глаза. Марис дал ей заснуть, перенёс спящей в супружескую спальню, где всего несколько часов спустя она закатила ему великолепный, головокружительный скандал.

Закреплять эффект надо, пока женщина сонная, разнеженная, не до конца осознавшая себя. Лиз открыла глаза, когда Марис уже почти полностью раздел её. Целовал, гладил, нежил, не касаясь лица – это ей могло не понравиться в па-

мать о былой вражде. Опять ведь заведёт эту шарманку...

Элиза не разочаровала его. Марис как раз обцеловывал внутренние стороны её раздвинутых ножек, когда женские пальцы пробрались ему в волосы, сжались весьма чувствительно и потянули наверх. На сонном личике Лиз не было возбуждения.

– Интересно, как получилось, что я оказалась твоей женой?

Самое верное время выбрала для разборок! Он-то уже готов... Не скрываясь, Марис застонал в голос.

– Жена и жена, какая разница?

– Почему я согласилась? – настаивала Лиз.

– Ты боялась меня потерять, – буркнул Марис. Подумал и решил обидеться. – А что, у меня нет достоинств, за которые можно полюбить?

Он ожидал грубого хамства, сабельного удара, на какие Лиз Линтрем была горазда всегда. Однако женщина задумалась. Дёрнула голым плечом.

– Почём я знаю... Какое мне дело до твоих достоинств, если есть Андрес!

Муж не сдержался, рывкнул:

– Нет никакого Андреса!

– Ты убил его? – стремительно побледнела Лиз.

– Убил, закопал, потом отрыл и бросил на съедение диким свиньям, – подтвердил Стронберг. – На черта мне марать руки о нищенскую шваль, ты и без этого стала моей. Глупая го-

лова не даёт тебе покоя. Мы были счастливы, пока твоё прошлое спало. Вспомнила, кто ты? А теперь забывай обратно. Ты – Алис Лалие, моя жена. Можешь не поджимать губки. Выбор прост – смиряешься и живёшь полной жизнью, или я запираю тебя в доме под пожизненный домашний арест.

– Ты не посмеешь.

Лёжа по-прежнему между её ног, муж слегка поднял голову с подушечки живота, улыбнулся так кристально-очаровательно, что вопросы отпали сами собой – посмеет. И никакие угрызения совести не встревожат его души. Негодяй ещё и начал ласкать её одним пальцем, добившись того, что от ощущений Лиз прикусила верхнюю губу.

– Мы не договорили, – только святые мученики знают, каких сил от неё потребовалось, чтобы возразить.

Стронберг вздохнул.

– Ну что ещё?

– Я помню последним, как мы едем в Париж, потом я... убегаю. Что с моим ребёнком? Я его родила? – она положила руку на живот.

– Не было ребёнка, – буркнул Марис.

– Тогда почему я вышла за тебя замуж? – она искренне недоумевала. Круг разговора замкнулся в своём начале.

Он был мужчиной и не мог рассказывать про чувства, про любовь, если бы даже допустить, что Лиз испытывала к нему нечто особенное. Взамен этого Марис сделал свой голос неприятным.

– Давай допустим, что я – мерзавец и заставил тебя. Такого объяснения достаточно?

Элиза подумала.

– Нет, пожалуй. Мне нужно время, нужно подумать. Должно быть, я начинаю вспоминать... Отпусти меня! Я думаю, ты добился своего обманом. Не собираюсь лежать тут... – она охнула, захлебнулась своими протестами – Марис с размаху вонзил в её нежный вход два пальца. Ногти на них были коротко острижены, поэтому он не оцарапал чувствительной поверхности. Энергичные движения заставили её кровь закипеть. Пальцы сменились губами, потом Марис всем телом устроился поверх неё... а в момент, когда от блаженства мутился её разум, он произнёс слова, которые и стали поводом вновь развернуть боевые действия.

– Хотя весь мир содрогнётся, но ты – моя, заносчивая стерва...

Два последовавших дня они обменивались злыми взглядами, переругивались, доказывая друг другу, что и он, и она хуже, чем думал партнёр. Элиза лежала в постели, Мариса же тянуло в спальню будто магнитом. И неважно, что огонь раздора бодро вспыхивал вновь, жить без этой энергии он был не в состоянии. И уж конечно, не собирался отпускать её, даже выслушав в сотый раз сентенцию, насколько они не подходят друг другу по чаяниям и положению. Причём выше из них двоих Элиза Линтрем считала себя.

– Ты слишком горда для... – Марис осёкся, но пауза его уже не спасла.

– Для крестьянки, – медленно, с горечью, с расстановкой закончила Лиз.

Острое ощущение досады опалило внутренности Мариса. Да что же это такое?! То она принижает себя, то дерёт свой остренький носик в борьбе за какие-то права... Он силой усадил жену на кровать.

– Слушай меня внимательно, наказание за мои грехи. И молчи, все возражения потом. Факт первый: наши отцы обрुчили нас в детстве, и этого уже не изменишь. Согласен, я плохо обращался с тобой, пытался отыгаться на слабом, и ты имела основания не любить меня, – ладонью он вернул возмущённый вопль назад в рот Элизы.

– Факт второй: мы выросли, я стал умнее – не буду говорить про тебя...

Молнии взгляда женщины опалили его руку.

– Я думаю, что люблю тебя, во всяком случае, испытываю сильные собственнические чувства. Жизнь так повернулась, что теперь ты – моя жена. Никакого тебе развода, любимая, – Марис равнодушно глянул на стиснутые кулачки Лиз.

– Очень жаль, что с детьми у нас пока не заладилось. Тебе бы делом заняться, а не множить забытые обиды. Но такова воля Аллаха. Дозволяю тебе пока занять другие покои, если тебе хочется поиграть. Если же в твою голову взбредут мысли о побеге... Хорошенько обдумай, во-первых, КУДА

ты побежишь, и второе – наказание. У меня нет сомнений, что я тебя найду, но в таком случае твоя жизнь станет куда менее приятной. Отдалённое поместье в глуши, постоянные беременности и роды – пока я в Париже буду наслаждаться обществом более сговорчивых женщин.

В ярости Лиз укусила его за ладонь. С проклятием Марис отдёрнул руку – а жена только фыркнула, раздула ноздри и удалилась в ванную, чеканя шаг. Ласки, похоже, действительно придётся искать на стороне.

Глава 31

Лиз снова проснулась, как заколдованная, в два часа ночи. И не могла сказать, что её разбудило, собственный крик или уже всполошенный топот ног служанки – последние ночи Белль Эжен ночевала при покоех своей госпожи. Кажется, опасалась, как бы мадам, оставленная мужем, не наложила на себя рук. От глаз и слуха прислуги укрыть ничего нельзя. Господин Лалие и не напрягался. Пять дней прошло после возврата к Лиз памяти, четыре – как она распорядилась перенести вещи в свои прежние покои. Выйдя перед полуднем из кабинета, Омар Лалие с бесстрастным выражением на лице минуту понаблюдав, как слуги тащат сундуки и корзины, окинул внимательным, очень внимательным взглядом супругу, мечущую в него стрелы яростных взглядов – и вернулся к себе. Лиз тем более почувствовала себя оскорблённой – она рассчитывала на уговоры. Говоря откровенно, больших унижений от Мариса это бы не потребовало. Но он и не попытался! А что, если – Элиза коснулась живота – она всё-таки понесла от него? Неужто он совсем не учитывает такую возможность? Негодяй!

– Мадам, – Белль чуть не плакала, – опять тот же сон?

– Его-уби-ли, – Лиз смотрела перед собой остановившимся взглядом. – Пронзили его сердце, текла его кровь, а умерла я.

– Мадам, вам надо поговорить с господином. Твёрдость решений хороша, когда она к месту...

– Белль, – молодая хозяйка перевела на служанку страдающий взор чёрных глаз, – его ведь опять нет здесь, верно?

Горничная вздохнула.

– Нет, – правильно поняла хозяйка. – Я только дала ему повод бросить меня.

Она стиснула зубы, вдруг разозлившись. Рывком завернулась в тёплый халат, заходила по комнате.

– И пусть уходит! Я превратилась в ноющую истеричку, меня саму тошнит от себя! Размазня, драная курица... ой-ой-ой, Марис Стронберг не любит Элизу Линтрем...

– Мадам?

– Закончили обсуждение, Белль. Садись!

Горничная не смогла сопротивляться приказанию. Она вообще не могла отвести взгляда от возбуждённо сверкающих глаз госпожи.

– Итак, Белль, поговорим о моих новых свободах. Что может делать разведённая женщина?

В непритворном ужасе Белль Эжен охнула, прижала руки к лицу:

– Ой, мадам... ничего. Оставленная мужем навсегда опозорена. Только уйти в монастырь и до конца дней отмаливать свои грехи.

– Нет у меня грехов! – воспротивилась Элиза. – А за грехи Стронберга расплачиваться не собираюсь, пусть Господь

персонально с него требует.

Она немного подумала.

– Допустим, о еде и месте для ночлега мне пока думать не придётся, Марис меня не выгоняет. Однако хотелось бы иметь средства... Работать я, разумеется, не могу, навыки в сельском хозяйстве не слишком востребованы в Париже. Учить никого ничему не могу, меня бы кто подучил. Кстати, это надо обдумать... изучить то, что может потребоваться в самостоятельной жизни. Конечно, не вышивание и не клавишин! – Лиз расхохоталась.

– Шитьё – крайне полезный навык, – спокойно возразила ей Белль, с интересом отслеживающая полёт мысли хозяйки.

– Пожалуй. Что ещё?

– Приготовление кушаний. Чтение и письмо. Как понимать карты дорог. Что сколько стоит и как посчитать доходы и расходы. Это должна уметь мать в семье среднего достатка. Ну, и уход за скотиной, растениями. И ещё как лечить простые болезни.

– Хороший список, – молодая женщина улыбалась. – Так мы сделаем из меня отличную экономку.

– Я бы тоже хотела учиться, – грустно проговорила Белль. – Вдруг мне кто-то предложит брак... – она осеклась, но Лиз уже догадалась, что с ней ненароком поделились заветнейшей мечтой.

Она не стала глупыми заверениями утешать умную девушку.

– Будущее покажет. Зато мы знаем, для чего будем учиться и становиться умнее – для самих себя! Ну, и немножко отомстить Марису Стронбергу. Ненавижу его! Я так любила... а он бросил меня, ушёл к другой девке, даже не попрощавшись... – Элиза закрыла лицо руками, давя слёзы в зародыше.

– Решено – я заведу себе любовника! Пусть Марис знает! Ненавижу его... И ещё я бы хотела путешествовать... Белль, а женщины могут играть в азартные игры и заключать, как благородные месье, пари?

Такими темпами следующим её желанием будет научиться курить! Мадам надо притормозить. Да и жалование ей, Белль Эжен, платила не молодая хозяйка. Взвесив все «за» и «против», двумя днями позже Белль постучалась в кабинет господина Лалие. А тот – вот незадача! – вместо того, чтобы отругать и прогнать её, пригласил войти, присесть, поделиться своей *un problème*. Пришлось делиться.

– *Mon seigneur*, – девица Эжен в страшном волнении комкала фартук, – я знаю своё место. Не след мне поучать вас или мадам Алис, – при этом имени господин лишь горько усмехнулся.

– Но ведь мадам совершенно обезумела.

– Плачет? – тон господина был обманчиво равнодушным, только задурить он мог голову мужчине, никак не женщине.

– Лучше бы плакала! – в сердцах фыркнула Белль Эжен.

Господин заинтересовался.

– Неужели? Что тогда?

– Она строит планы!

– Очередного избавления от тирана? Опыт неудачных побегов ничему её не учит.

– Мне кажется, – нерешительно, очень тихо проговорила Белль, – мадам страдает от разбитого сердца. С её уст не сходит мужское имя, даже во сне она шепчет его...

Тишина в кабинете внезапно сгустилась до предела, стала тяжёлой, почти осязаемой. Господин Лалие в этот раз был одет в европейский костюм, и удары подошв его сапог о деревянный пол прозвучали пожарным набатом. Монсеньор развернулся, медленно прошагал на середину комнаты, немигающе уставился в глаза Белль.

– Не понял. У нас появился любовник?

Пересохшие губы горничной не подчинились, девушка лишь по-рыбы разевала рот.

– Отвечай!

Рёв привёл её в чувство.

– Не... не знаю... не могу сказать, господин.

– Что за имя? Андрес?

Белль удивилась.

– Нет. Похоже на Бек.

– Гос-с-споди! Бек-то у нас откуда? Имя это или фамилия? – Омар Лалие был мрачен и сосредоточен одновременно.

– Фамилия, наверное. Иногда она называет его Морис, –

Белль произнесла имя по-французски, с ударением на последний слог.

Господин Лалие отсутствующе сощурился, глядя в потолок.

– Бек. Бек. Морис Бек... убей Бог, не знаю. Получается, он не имеет отношения к обществу, из простонародья. С кем связалась Алис? Она же из дома не выходит. Могла госпожа познакомиться с посыльными из торговых лавок?

Эжен честно подумала.

– Я не всё время с нею, мой господин. Когда приходит мадемуазель Рене, госпожа меня отсылает.

– Вот в юной Рене я уверен, – пробурчал Омар Лалие. – Мадемуазель Рене хорошо знает руку, которая её кормит. Она не даст сестре наделать глупостей.

Он походил в раздумчивости по кабинету. И вдруг, совершенно неожиданно, грохнул кулаками по столу.

– Что за чёртов Бек?! Из какой преисподней он взялся?

– Я не думаю, что это рассыльный, – шепнула Белль. – У него такое длинное, благородное имя... очень трудное.

– Бек – трудное? – вытаращился на неё господин.

– Мадам Алис как-то его называет... Соторон-Бек... Похоже, но не так.

– Соторон-Бек? – мужчина попробовал и новый вариант на слух. – Морис Соторон-Бек? Морис...

Он застонал в голос, ещё и ещё раз, вцепился в волосы, затем неистовый смерч хохота скрутил его. Господин упал

в кресло, вытянул ноги на середину комнаты. И хохотал, даже подвывая, пока окончательно не обмяк в кресле. Приступ безумия совершенно истощил его.

Горничная перепугалась. Страшно встать и невозможно не двигаться. Что, если господину плохо? А вдруг он сошёл с ума?

– Девочка, – обессиленным вконец голосом простонала глубина кресла, – что же ты наделала... я перебрал в уме население двух стран... вот только собственным соперником ещё не был.

– Mon seigneur, я могу позвать на помощь...

– Сиди, глупое создание! Налить коньяк я могу и самостоятельно.

Выполнив это действие, Омар Лалие с пузатым бокалом весьма приличных размеров вернулся к письменному столу. Оперся бедром о его край.

– Теперь отвлечись от личности таинственного Мориса Бека, – господин тихонько хихикнул. – И вспоминай, что именно мадам говорила о нём.

– М-м... наверное, он её сильно обидел. Она всё твердит – ненавижу, ненавижу, докажу, что чего-то стою и без него...

Мужчина задумался.

– Ненавижу – это хорошо, это сильная эмоция, не депрессивная. Что ещё? Мадам плачет или злится?

– Не плачет, – удивлённо проговорила Белль. – Нет, совсем не плачет. Ругается на себя, что превратилась в нежен-

ку, в тряпку, а когда-то...

– Да, – на лице господина появилось мечтательное выражение, – ещё год назад она взлетала на лошадь птицей и скакала без седла...

Элиза могла бы подкорректировать его воспоминания, сильно приукрасившие её навыки верховой езды – но её не было в кабинете, чтобы сделать это.

– Что ж, – хозяин хлопнул себя ладонью по бедру, – благодарю, мадемуазель, – имени Белль он не вспомнил. – Вас ждёт награда за преданность.

Девушка снова удивила его, она поморщилась.

– Не надо награды. Я вроде как предала мадам, придя к вам. Только сама она не сможет спастись. Кому-то надо было стать негодяем.

Омар Лалие смотрел на неё молча. Долго. И думал.

– Пусть так. Тогда вашей наградой станет благополучие вашей госпожи.

Глава 32

Итак, любовь и проклятие его жизни тоскует по прежней Элизе Линтрем. Вольной крестьянке, которой не надо было опасаться его гнева или недовольствия, зато волновали кровь тайные встречи и хулиганские выходки. Читать нотации о социальной ответственности глупо и бессмысленно, она ещё больше замкнётся, уйдёт в себя, а такое нервическое состояние не способствует беременности. Отчего она до сих пор не смогла понести? Он вроде бы честно исполнял свой долг, и Элиза не скрывала плотского удовольствия. Но мутно всё между ними, нет гармонии. Значит, просто не время, назначенное Аллахом... Будет ей приключение. Пусть девицу встряхнёт.

Ещё на рассвете слуги начали наполнять водой и протапливать бани, устроенные по турецкому образцу в подвальных помещениях.хлопот было много, но и работал не один человек. Сам господин Лалие отдал распоряжения и после завтрака покинул дом, вернулся же после трёх часов, когда всё было готово. Показательно провёл рядом с собой через главный вход ладно сложенную женщину, чисто номинально прикрытую чёрным плащом. И вместе с ней уединился в банях.

Кошмарную новость Элизе принесла верная Белль. Женщина в ярости подскочила, едва уразумев, о чём, вся трепе-

ща, толкует служанка. Любовницу? В дом? Нисколько не постыдившись?

– Что скажут люди, Белль?! Да мне плевать, что они скажут! Достаточно с меня чужого мнения, если уж Стронберг его не уважает!

С лицом, пунцовым от гнева, мадам топнула ногой. Белль, разумеется, не отважилась задавать уточняющие вопросы, но подумала, что господин был прав, Соторон-Беком по какой-то причине мадам называет именно его.

– Нет, ну каков мерзавец! – продолжала бушевать Лиз. – Запер меня сохранять видимость ради своего «общества», а сам... сам... Задушу негодя!

Без помощи оторопевшей, забившейся в угол горничной она схватила в гардеробной домашнее платье из кисеи, начала натягивать через голову. Нетерпеливо повернулась спиной:

– Корсет зашнуруй! Да не туго, а то ещё чувств лишусь, когда буду убивать драгоценного супруга.

Белль охнула. Элиза рыкнула на неё.

– Да мечты это, только мечты! Пусть кувыркается с кем хочет, а меня отправит на родину. Я уверена, меня там ждут, – улыбка её замышлялась мечтательной. А вышла быстрой, нервной и жалкой.

– Нет, красить лицо ни к чему, волосы только заколи повыше.

Белль исполнила приказание, и Элиза отправилась в не

знакомую ей ранее часть дворца. Строго говоря, банные территории от неё не скрывали и не запрещали туда вход, но роскошной ванной комнаты при апартаментах мужа Лиз хватало, туда были проведены трубы, перегоняющие воду и забирающие её – такого чуда Лиз доселе не видела и с детским удовольствием играла рычагами. Вода где-то нагревалась, лилась на голову уже тёплой, было это сродни волшебству. А слово «баня» звучало привычно, баня и у них в селении была – небольших размеров бревенчатый домик, где дровами топили печь, носили вёдрами воду и мылись голые мужчины и женщины целой толпой. Нет, Лиз определённо предпочитала уединение. И зачем Стронберг поволок свою любовницу в бани, неужели мало спален во дворце?

В подвальные помещения вела каменная лестница, устланная ковром, в начале её и в конце, у самой двери, на стене горели масляные светильники, стилизованные под факелы. По пути Лиз вооружилась метровой палкой, ею пользовались слуги, чтобы раздвигать портьеры, и теперь палка здорово мешала ей. Тяжёлая деревянная дверь, удивительно, была не заперта. Торопился, видать, горько усмехнулась Элиза. Позволив себе окунуться в вязкую боль мыслей о гладком, цвета осенних листьев теле Мариса, как его сейчас ласкает другая женщина, целует, обводит пальцами твёрдые мышцы воина, Лиз ударила плечом дверь. Та трудно, но поддалась, а женщина и не ощутила боли от травмы. Другая боль сжигала её. Непонятно почему, ведь изменял ей не Андрес.

Если так больно от лжи Стронберга, от измены Андреса она бы, наверное, умерла. Счастье, что Андрес не такой. Андрес её дождётся.

Элиза оказалась в помещении, отделанном отражающей свет плиткой – мрамор, наверное? Пол устлан толстым ковром. Комната была небольшой, почти пустой и непонятного назначения, только мраморный же стол у стены и скамья. Здесь никого не было. Дверь в дальнем конце лишь притворена. Чуткий слух ревнующей женщины уловил смех и игривые взвизги, доносящиеся издалека.

«Ах, мерзавец», – подумалось вновь. Она не будет устраивать сцен, требовать возмещения или развода, пусть только обеспечит ей возвращение на родину. Скажет Андресу, что приехала к нему, не могла вынести разлуки. Сможет ли любимый простить, что не уберегла Элиза девичьей чести? Женщина вздохнула. Мужчины относятся к этому с шепетильностью, спасёт только любовь. Простит, если любит по-настоящему.

Визг снова, сильнее, будто за девушкой гнались, а та делала всё, чтобы догнали.

– Ах, ах! – вполголоса передразнила Элиза. Она не скрывалась, распахивая следующую дверь.

Снова мрамор, уже нет ковров, а посередине бассейн, не слишком большой, но достаточный, чтобы можно было поплавать, не задевая ногами пол. В глубь ведут три широкие ступени. Может быть, тут бегала и визжала девка Стронбер-

га? Лиз брезгливо отдернула ногу в кожаной мягкой туфле от ступенек. Пусто и тут. Смех колокольчиком вёл её дальше.

Ещё комнаты? Ну и баня! Она представляла себе тесное дымное помещение, наполненное паром, как в селе. Где здесь моются? В стене за бассейном не дверь, а полукруглая арка, и там виден коридор. Красиво. На стенах уже не просто плиты, а выложен узор, красный и тёмно-коричневый. Элиза обошла бассейн по узкому бортику, а чтобы не поскользнуться и не упасть в воду, перед тем разулась. Туфли оставила, где упали. Какая разница? Вон, у стены юбка валяется и чулок. Торопились любовники, похоже... Звук, с которым ногти женщины прошлись по плите, напомнил кладбищенский скрежет, когда лопата зарывает покойника. Но в целом Элиза была холодна. А что глаза мрачно сверкали да сердце грыз злобный червь, так Стронберг за всё ответит.

Справа по коридору ещё более мощная, чем на входе, деревянная дверь. Могучая ручка – видимо, сила, чтобы открыть, нужна немалая. Оттуда слышны приглушённые разговоры, дробный визгливый смех. Получается, ей внутрь нужно. В дали коридора видны ещё помещения, они Элизу не интересовали.

Первая попытка открыть дверь не удалась. Перехватила палку в левую руку, напряглась. Внутри девица взвизгнула и захохотала, мерзкие звуки придали сил. Уже рывком дёргая дверь, Элиза представила – а ну как сейчас увидит голую девку и голого Мариса на ней? Поздно было, дверь уже под-

далась.

А девка совсем оказалась и не голой. Сидела себе на высокой полке внутри в приличном купальном платье да, задрав ножку выше головы, гладила Мариса по груди её ловкими пальчиками. Тёмные волосы кудряшками, лицо красное и всё в поту. Заливисто хохотала, когда мужчина ловил ножку и щекотал под пальцами. Марис стоял спиной к двери, весь поглощённый своей любовницей. На нём, слава Создателю, были надеты узкие чёрные штаны, а голое тело выше блестело от пота. И уж как жарко-то было внутри! Лиз аж покачнулась в духоте воздуха.

И Марис хорош: только лишь недовольно обернулся да хмыкнул:

– Заходи, раз пришла, и дверь закрой, не гони тепло.

Где раскаяние, где ужас застигнутого врасплох мужа? От растерянности Элиза подчинилась. Влажный жар вмиг пропитал кисейное платье, оно прилипло к ногам, подчеркнуло контуры панталон. Девка смотрела на консервативное нижнее бельё с усмешкой.

Стронберг отвёл расшалившуюся некстати вновь ножку, подцепил онемевшую Лиз за локоть, протащил вперёд.

– Лили, алмаз очей моих, позволь тебе представить мадам Лалие.

Откинув голову, та радостно засмеялась. А зубки-то хороши!

– Мы втроём будем, да? Это же та самая?

– Какая та самая? – прорычала Лиз, вырываясь, злость не дала ужасу от первой фразы поглотить мозг. Стронберг лишь ухмыльнулся. Похоже, понимал, что за любой звук с его стороны получит пощёчину.

Девка развела руки в стороны, демонстрируя вдвое более пышную, чем у Элизы, грудь. Покачала своё мерзкое вымя на ладонях.

– Я вам не нравлюсь, мадам?

Взгляд Мариса не отрывался от лица Элизы, его интересовала только её реакция. Жена наклонила голову точь-в-точь молодым бычком.

– Потаскуху убью.

Лили взвизгнула, оценив решимость. Бойко спрыгнула с полки, попятилась к двери по стеночке.

– Мсье, мы так не договаривались...

Прыжком бросившись на Элизу, притиснув к бокам царапающиеся руки, Марис крикнул:

– Беги! Да дверь закрой поплотнее!

В парной стало меньше на одного человека. Элиза стояла, оцепенев, не успевая переключить сознание с исчезнувшей цели. Да и супруг не разжимал объятий. Силён, мерзавец! А когда Стронберг отодвинулся, и можно было продолжить его убивать, женщина обнаружила внезапно – её руки связаны в запястьях у неё за спиной. Плечи от этого выгнулись и уже начинают ныть.

– Рехнулся? Немедленно развяжи меня! – крикнула Лиз.

Стронберг разглядывал её и ухмылялся правым уголком рта.

– Ты лишила меня интересного досуга. Придётся предложить что-нибудь взамен.

Женщина сверкнула глазами.

– Разумеется. Публичная казнь подойдёт?

– На что мне твоя казнь, – демонстративно зевнул Марис. – Хочу радостей плоти.

– Освободи мне руки, – сладко предложила Лиз. – Я тебе этих радостей отсыплю выше неба.

Глядя в её глаза, Марис верил – отсыплет. Вот она, прежняя Элиза Линтрем, бросающаяся на него на берегу Эльмарена, он вернул её. Остаётся слегка сместить направление да закрепить полученный эффект.

– М-м... нет. Побудь некоторое время беспомощной, тебе это состояние идёт. Разозлилась, поди, вон как глазки сверкают. Кто тебе доложил про Лили?

– Ты привёл девку в дом, не скрываясь. Совсем слепой и глухой надо быть...

– Не Рене, конечно, – продолжал размышлять Марис. – Твоя сестричка давно на моей стороне.

– Ты тронул её? – Лиз страшно побледнела. Вращение точек перед глазами остановило неподдельное удивление Стронберга.

– Сдурела? Я не интересуюсь малолетними. Твоя сестра попросила разрешения учиться в школе для девочек, а потом

устроить ей брак. Я дал слово.

Элиза оперлась затылком о стену, тоже влажную. С одной стороны, Рената вроде как предала её. А с другой – умница, что подумала о своём будущем.

– Мне нехорошо, – пробормотала она. Сердце и впрямь теснило. – Душно.

– Бани – самый правильный способ для чистоты и расслабления, – объявил Марис. – Ходят в хамам, однако же, не в одежде.

Двигая, словно куклу, он развернул Элизу к себе спиной, уткнул лбом в стену. И кинжал у рачительного хозяина оказался припрятан в парной. Прежде чем Лиз успела сообразить, что последний раз надевала любимое домашнее платье, Стронберг одну за другой перерезал все верёвочки корсета, надрезал и разорвал юбку прямо до пола. Обрывки откинул в стороны, управился с рукавами. Груды, лишённые поддержки, слегка обвисли, однако Стронберг тут же накрыл их ладонями.

– Такая ты мне и нравишься, – жарко шепнул на ухо. – Голая, молчаливая, беспомощная.

Отодвинулся, похоже, избавляясь от штанов. Потёрся о ягодицы Лиз жарким, потным телом. И едва уберётся, успев отпрянуть, когда прямо возле щеки щёлкнули её острые зубы.

– Вот как, значит, – пробормотал. – Маловато ограничителей?

Если он решит привязать её к полке и оставить здесь, сердце не выдержит. И так вон бухает, словно кузнечный молот. Стронберг, похоже, знал это. Из волос начал по одной выдёргивать шпильки, а когда те рассыпались, отросшие уже почти до плеч, собрал их в хвостик, связал верёвочкой, а конец притянул к зафиксированным запястьям. Теперь Элиза не могла повернуть головы, подбородок смотрел строго вверх, любое движение отзывалось болью в корнях волос.

– Идиот...

– Зови меня просто господином, – любезно предложил Марис. Лиз не видела ни его лица, ни рук, только чувствовала их. Сильными и ритмичными нажатиями большие ладони растирали её повлажневшее тело – плечи, руки до локтей, спину, бёдра и ягодицы. Движения были не угрожающие, Лиз разрешила себе чувствовать удовольствие. Поцелуи ей тоже не грозили, кажется.

Когда стало совсем жарко, мутно в голове, томно, Стронберг открыл дверь, вытолкнул Элизу. И безжалостно, без предупреждения швырнул в ледяную воду бассейна. Сразу же прыгнул следом, не давая нахлебаться воды. Вытаращив глаза, разинув рот, Лиз завизжала:

– Совсем с ума... – закончила реплику она под водой. Тут же была извлечена, закашлялась и далее благоразумно молчала, стараясь отдышаться. Подняв на руки, Стронберг поволок её куда-то. Сначала показалось, назад в парную, но нет, путь лежал дальше по коридору.

И снова зал из восточных сказок. Мраморные высокие лоджа, подогреваемые изнутри, необычные, сладкие ароматы, два факела для света на стене. Их не хватает, чтобы осветить всё помещение, в нём чуть ярче, чем полумрак. Стронберг укладывает её на живот на скамью, нажатием рук вытягивает в струну всё тело. Шепчет умоляюще:

– Не порть удовольствие, наслаждайся, – перерезает пути, а в руках у него уже чудной мешок с мыльной пеной внутри, и этим мешком он начинает разминать, разглаживать её тело. Немыслимые ощущения бегут по рукам, ногам, охватывают каждую клеточку. Так и в раю не бывает – лениво скользит по краю сознания мысль.

Стронберг переворачивает её и повторяет процедуру спереди, не избегая сосков, но Лиз слишком ленива и расслаблена для возмущения и даже для возбуждения. Он разминает пальчики на её ступнях, потягивает их, наслаждение заставляет стонать, слегка выгибаться в пояснице. Вновь животом на скамью, руки мужа меж бёдер, они беззастенчиво трогают, тербят её складки, подсовывают валик – упругий, но не мраморный – под бёдра. Ноги раздвинуты шире уверенными руками, Марис сзади становится на четвереньки и начинает своим органом проникать в неё. Даже толчки не могут вывести Лиз из расслабленного состояния, но Марис и не нуждается в её содействии, всё делает сам. Крики и стоны удовольствия не доносятся к слугам из-за толстых дверей. Элиза в голос кричит, царапая мраморные плиты. А Строн-

берг неумолим – он крутит её, ставит на четвереньки, задирает ноги выше головы...

Элиза уснула на тёплой скамье спустя час, так и не почувствовала, как муж обмывал её, одевал в халат и относил на руках наверх в спальню.

Глава 33

Элен-Франсуаз Грандье отступаться не собиралась. Не того склада характера она была, чтобы сдаваться перед ничтожным препятствием. Детство её и юность прошли удивительно благоприятно, родители, люди именитые и состоятельные, никакому капризу любимой дочери не отказывали, просили лишь об одном – составить достойную их партию. Элен-Франсуаз была уже помолвлена с бароном Грандье, на беду свою отправившимся воевать в императорских войсках, поэтому в свои девятнадцать лет не считалась невостребованной, мир всё так же крутился вокруг неё. Барон был нехорош собой и немолод, после дурной болезни, перенесённой в молодости, он едва ли мог продлить свой род наследником. Такое положение очень устраивало Элен-Франсуаз: чем позже вернётся жених из своей армии, тем меньше опасений скандала, невеста давно была не девственной. А светское общество вдруг оживилось – в Париж прибыл на проживание экзотический экземпляр, не меньше чем саудовский король с сыном своим, принцем. Омар Лалие разительно расходился внешностью с представлениями о берберах. Смугл кожей, да, но заметно, что это воздействие палящего солнца, а не природная особенность, под зимним небом Парижа он постепенно светлел. Совершенно белые волосы, ни на каких приёмах он не носил париков. А глаза... в них кипел

жар солнца, постоянное желание и страсть. Впервые в жизни Элен-Франсуаз бегала за мужчиной, а не наоборот. Каравулила его, подстраивала «случайные» встречи, разве что не позволила бандитам напасть на себя – и то лишь потому, что не была до конца уверена, бросится ли Омар Лалие спасти её. Они сошлись стремительно, как только он узнал о её положении «вечной невесты», отчего можно было не опасаться ответственности. Встречались в гостиницах и на постоянных дворах, прикрывая лицо маской, Элен-Франсуаз сбегала от служанок, сопровождавших её. А когда отгремела Июльская революция, и Луи-Филипп начал награждать своих союзников, домой вернулся опостылевший жених. К тому сроку Элен прочно обосновалась в доме, принадлежащем барону, да и в его состоянии успела ручку запустить на правах невесты – но она готова была ради своего аманта на любой скандал. Умолила Омара Лалие о встрече, кинулась на шею своему принцу, а потом и в ноги ему, упрашивая увезти её, сделать своей супругой. А любовник решил иначе, не нужно ему было любви Элен и проблем, связанных с нею. В ту же неделю он покинул Париж, и что оставалось Элен, кроме постылого замужества? Повезло ещё, что боевые раны свели барона в могилу за два года, не пришлось брать греха на душу, травить его. А Омар Лалие вернулся в столицу с супругой. Беленькая, хорошенькая, ещё и моложе её, Элен... отбившая её мужчину. Тут уж все средства хороши.

Надёжный слуга баронессы Грандье был приставлен к вхо-

ду дворца на Вандом-Пляс отслеживать передвижения мадам Лалие. Именно эта блондиночка была слабым местом Омара, не станет её – желанный плод сам упадёт в руки Элен. Внедрить «уши» в ряды прислуги дворца, увы, не удалось, экономка никого не нанимала. Мадам Лалие выезжала редко, модистка посещала её на дому, а подруг женщина себе в Париже не завела. Напрасно прокараулив удачного шанса почти две недели, Элен перешла в наступление. Она явилась с визитом после полудня, едва стало известно, что Омар Лалие уехал на конезавод, в котором имел свои интересы. Как и следовало ожидать, блондиночка растерялась от такой наглости, не нашла предлога баронессу Грандье не принять. Абсолютно непригодный типаж для высшего света, жалкое создание.

Переходя от доверительного тона к слезам, от хрупких светлых улыбок к жалобам на судьбу, Элен-Франсуаз разыграла для единственной зрительницы целый спектакль. Вершиной мастерства стало застенчивое признание, вырванное из кровоточащей напоказ души.

– Алис, милая Алис, вы не можете не знать, как мечтает наш дорогой Омар о наследнике...

Светловолосую женщину явственно передёрнуло.

– Насколько я знаю, **вашим** дорогим он был довольно далёкое время назад.

– Ах! – баронесса всплеснула руками, страдальчески и вместе с тем понимающе улыbnулась. – Разве он мог сказать

вам!

– Сказать что? – мадам Лалие прищурилась.

– Наша любовь выдержала испытание временем, – залепетала баронесса Грандье. – Когда мы встретились в тот вечер, у графини де Лери, мы оба поняли, что чувства не угасли. А теперь, когда стало известно, что я в состоянии подарить Омару дитя...

Алис Лалие, разом обмякнув, повалилась в кресло.

– Подарить... дитя...

– Неужели именно мне, драгоценная Элен-Франсуаз? – мужской голос от входа в малую гостиную прямо-таки истек сарказмом.

Баронесса Грандье взвизгнула, с не приставшей даме её круга поспешностью вскочила на ноги. Ах, негодяй! Отчего он так рано вернулся? Один из друзей Элен-Франсуаз обаялся задержать Лалие на конезаводе дотемна.

– Лошадь захромала, – со сладкой улыбочкой пояснил на незаданный вопрос Омар. – А я вдруг почувствовал недоброе. Voilà! Значит, супруга моя мешает планам второй Жозефины Богарне?

– Мне пора ехать, – пробормотала Элен-Франсуаз. Поспешила к выходу, там её Омар Лалие и перехватил.

– Нет-нет, неужели на самой интересной новости вы оставите нас сгорающими от любопытства? Чьё же дитя зреет в вашем плодоносном чреве, любезная баронесса?

– Оставьте меня!

Мельком взглянув на смертельно бледную жену, Омар схватил баронессу Грандьё за руку.

– К чему эти сказки, Элен? Какая цель преследовалась?

– Я—тебя—верну! – прошипела в лицо ему брошенная любовница, брызгая слюной. – И выйду за тебя замуж!

– Люблю сражения с открытыми картами, – мужчина так оттолкнул её, что Элен Грандьё повалилась на пол. Другая на месте Алис Лалие бросилась бы гостье на помощь, а та только тарасилась на лицо мужа расширенными глазами. Дурочка, что с неё возьмёшь! Но следовало прежде подумать о собственном спасении.

– Алис, милая, – Омар Лалие остановился в двух шагах от поверженной интриганки. – Перед тобой не редкий, увы, в высшем свете зверь: потаскуха беспринципная и безмозглая. Я на такую не польстился бы и на необитаемом острове.

Супруга что-то ответила ему на незнакомом языке. Элен-Франсуаз Грандьё для неё больше не существовало. От её слов Омар Лалие встревожился:

– Что значит – тебе не интересно? Нет, так дело не пойдёт. Элен! Немедленно и прямо сейчас – всю правду! Если вдруг по вине вашего буйного воображения пошатнётся мой брак, пощады не ждите.

Не рискуя подняться с пола, та глянула дикими глазами. Алис Лалие махнула рукой:

– Да поняла я уже всё, этой сбредить – как собаке под забор нагадить, – выражения были красочными, Элен таких

отродясь не слыхивала. – Но где гарантия, что не придёт следующая? Слишком уж лакомая добыча вы, мой господин.

Омар Лалие расцвел в неосторожной улыбке:

– Люби меня крепче, чтобы не пришла.

– Тот, кто привык к толпе женщин, одной не удовлетворится.

Супруги стояли у окна, Омар Лалие прижимался грудью к спине жены. На звук хлопнувшей двери даже не обернулись – и так было понятно, что при малейшей оказии незадачливая баронесса Грандые сбежит.

– Не дави на меня, Стронберг, – Элиза сердито фыркнула. – Я думаю.

Муж встревожился.

– Не надо тебе этим заниматься. Выводы делаешь самые непредсказуемые.

– К примеру?

– Начинаешь думать, что подлый злодей насильно свернул тебя с райской дорожки. Где-то там ждал Ресья с нимбом на голове...

– Ждал и ждёт. Андрес не из тех, кто предаёт любимую женщину.

– Очнись! – Марис пощёлкал пальцами. – Достаточно делать из него святого. Твой Ресья – ничем не примечательный деревенский мужик!

Лиз ожидаемо вспыхнула. Она терпеть не могла покушений на свои ценности.

– Мужик. А я – баба, крестьянская баба! И место мне там, на земле, в деревне! Что за дурацкая прихоть – вытащить дрессированную обезьянку в парижский свет? И детей у нас нет, потому что в неволе звери не плодятся! Уверена, от Андреса я была бы уже вторым тяжела, самое меньшее.

Муж отшатнулся. Зажмурившись и раздавая оплеухи наугад, она ткнула в самое больное. Тишина звенела и давила. Развернувшись, чеканным шагом Марис покинул гостиную. Ночевать в супружескую спальню он не пришёл.

Глава 34

Следующим утром она спала на удивление долго и крепко, а проснувшись ближе к одиннадцати, почувствовала себя прекрасно отдохнувшей. Постель со стороны Мариса была примятой, но самого мужа нигде не видно, что позволило ей радоваться хорошему дню ещё десять минут, пока Лиз одевалась.

Белль подала ей завтрак на террасу. О местопребывании Мариса горничная знала только то, что на рассвете мсье Лалие уехал. Лиз отнеслась к новости легкомысленно, пожав плечами в ответ: мало ли что могло взбрести в голову этому безумцу? После лёгкого завтрака из овсяных хлопьев с фруктовым пюре Элиза спустилась вниз, в библиотеку, разыскивая дворецкого. Лоран находился внутри комнаты, наблюдая, как молоденькая служанка протирает толстые тома книг.

– Лоран! – пальцем хозяйка поманила к себе дворецкого.

Слуга подошёл быстро, но без угодливости. Время от времени Элиза задавалась вопросом, а что же думает Лоран о них, его нанимателях; но узнать истину было невозможно.

– Доброе утро, мадам.

– *Von matin, Laurent*, – нетерпеливо взмахнула рукой Элиза. – Утро слишком хорошее, чтобы сидеть дома. Попросите Жерара подготовить экипаж к выезду.

Дворецкий по непонятной ей причине колебался.

– Выйди, – наконец, обращаясь к служанке, он указал головой на дверь.

Девушка поспешно спустилась с лестницы, сделала книксен перед Элизой и покинула библиотеку.

– Зачем вы разводите такую таинственность, Лоран? – Элиза нахмурилась. – Что особенного в моём распоряжении? Поеду на прогулку и в шляпный салон. Что, Жерар просит расчёта?

– Нет, мадам. Дело в том, что вам запрещено покидать дом.

– Что? – Элиза не сразу поняла, о чём он толкует. – Что значит «запрещено»? Кем запрещено?

– Господином Лалие. До его возвращения вы не должны покидать дом ни на минуту. Инструкции на этот счёт совершенно определённые.

Элиза задыхнулась от негодования, ещё даже не осознавая до конца, что происходит.

– Но это же насилие! Я обращусь к жандармам...

– Мсье Лалие – ваш супруг, мадам. И он платит прислуге жалование, – двумя предложениями разъяснил ситуацию Лоран.

– Другими словами, – холодно проговорила Элиза, – ни от кого в этом доме помощи и поддержки я не дождусь.

У дворецкого был такой вид, словно он с трудом удерживается от философского пожатия плечами.

– Если вам будет угодно, мадам.

– Что мне будет угодно, что?! – закричала Элиза. – Мне угодно никогда не встречать это чудовище, вашего хозяина, мне угодно прожить жизнь по-другому и с другим!..

– Извините, мадам, – дворецкий смотрел поверх головы хозяйки, совсем не тронутый её истерикой.

– За что? – Элиза махнула рукой. – Вы ни в чём не виноваты. Я только не понимаю, Лоран, за что вы меня так ненавидите.

– Я, мадам? – Лоран удивлённо приподнял брови. – Мсье Лалие нанял меня не для того, чтобы любить или ненавидеть вас, а для того, чтобы быть к вашим услугам. И мне крайне неприятно ограничивать вашу свободу, мадам.

– А мою свободу, Лоран, не так легко ограничить, – Элиза в упор смотрела в глаза дворецкого. Ей показалось, что где-то там, в тёмной глубине, мелькнула искорка понимания.

– На этот случай, мадам, мне приданы самые широкие полномочия.

Лиз промолчала в ответ на это весьма дерзкое замечание. В мыслях она была уже далеко. В течение двух часов Лиз продолжала обдумывать свой план, а в половине третьего, когда слуги, по её сведениям, собирались в кухне для совместного принятия пищи, хозяйка дома уже бродила по саду, сужающимися кругами обходя маленькую дверь в стене. Обычно этот вход использовали слуги и поставщики продуктов. Мадам Лалие огляделась по сторонам, коснулась ручки

двери и начала медленно поворачивать её, придерживая рукой висящий над дверью колокольчик. Щель к свободе становилась всё шире, шире, почти достаточной для того, чтобы Элиза могла пройти в неё...

– Прогулки на свежем воздухе вам противопоказаны, мадам. Не угодно ли вернуться в дом? – Лоран кротко улыбался ей из увитой плющом летней беседки.

Колокольчик выскользнул из онемевших пальцев Элизы и громко звякнул. Дворецкий уже стоял рядом, заботливо придерживая дверь.

– Позвольте помочь вам закрыть дверь, мадам, это для вас может быть утомительно.

Пойманная на месте преступления, Элиза только скрипнула зубами и покорно вернулась, конвоируемая дворецким, в дом. На следующий день она пыталась бежать дважды – переодевшись в платье Белль и предложив кучеру Жерару деньги. Гнусный Жерар с улыбкой взял подкуп и немедленно отнёс его Лорану. Ровно через двадцать четыре часа он был повышен в звании до личного стража мадам. Лоран Буассе, не считаясь с расходами – гнев господина обойдётся ему дороже, нанял троих охранников для мадам. На одного из этих громил и наткнулась Элиза утром девятнадцатого ноября, открыв дверь своей спальни.

– *Von matin, madame*, – высокий мускулистый мужчина, сидя на стуле, спокойно смотрел на неё. – Меня зовут Дидье Шуан, я ваш новый сопровождающий.

Лиз с отвращением захлопнула дверь перед его носом.

К исходу декабря идея состязания в хитроумности с тремя охранниками, постоянно находящимися настороже, Элизе наскучила. Ей не удавалось придумать ничего, чтобы обмануть этих троих – Дидье, Жерара и Ахмета. Ахмет вообще не говорил по-французски, турецким языком Элиза не владела, да и запас арабских слов у неё сводился к минимуму. Хотя даже самый тупой тюремщик понял бы сочетание слов «не смотреть», «бежать» и «бакшиш» вместе с тугим мешочком, зажатым в руке хозяйки; но Ахмет не поддавался, умело притворяясь глухонемым или бормоча что-то по-турецки. Элиза подозревала, что этот темнокожий здоровяк был прислан лично Марисом присматривать за ней. Когда наступил 1834 год, и миновала половина января, она перестала надеяться на скорое возвращение мужа. К этому времени Элиза не выходила даже в сад больше двух месяцев.

Полгода назад Рената поступила во французскую школу при женском монастыре и поселилась там же в пансионе. Её привозили в дом на Вандом-Пляс один раз в неделю на два часа, которые она проводила с Элизой. Но передать просьбу о помощи с младшей сестрой Элиза не могла – ей просто некому было её передавать. Ни друзей, ни всего лишь знакомых в Париже у неё не было, Марис всегда строго следил за этим.

Мадам Лалие перепробовала двадцать шесть способов

освободиться. Треть из них была связана с причинением вреда себе в надежде, что после попытки самоубийства или при симуляции смертельной болезни её перевезут в госпиталь, откуда сбежать намного проще. Однако Лоран Буассе, «имеющий неограниченные полномочия», каждый раз угадывал её игру, и постепенно Элизу всё более одолевала апатия. А зачем вообще что-то пытаться сделать, если ничего от этого не меняется? Чисто автоматически она попробовала ещё соблазнить Дидье, который, казалось, был к ней неравнодушен. Охранник с интересом отозвался на её заигрывание, но к следующему дежурству Лоран провёл с ним «воспитательную работу», и с тех пор Дидье шарahalся даже от тени мадам Лалие. О Марисе по-прежнему было известно только то, что он находится в Алжире в компании своего отца.

С ноября минуло четыре месяца, и в Париж робко заглядывала весна. Вандом-Пляс была скучной и серой, парижане, ёжась от холода, не прогуливались, а пробегали по ней, свистел ветер. Потеряв всякую надежду когда-нибудь выйти из этого дома, Элиза приобрела взамен привычку целыми днями смотреть в окно, положив подбородок на подоконник. Белль всерьёз беспокоилась за её душевное здоровье. Элизу перестала интересовать даже сестра, и Рената приезжала всё реже.

Омар Лалие вернулся в Париж без всякого предупреждения, неожиданно, в день, когда тучи разошлись и выглянуло первое солнце. После обеда, к которому Лиз отнеслась без

интереса – это стало её привычным состоянием в последнее время, внизу в доме захлопали двери, раздались оживлённые голоса. В спальню Элизы ворвалась молоденькая взволнованная служанка:

– Мадам, господин, ваш муж, приехал!

Элиза повернула в сторону девушки голову, заморгала, будто от яркого света. Муж? Когда-то это слово ассоциировалось у неё с кем-то знакомым. Муж... она попыталась припомнить черты этого человека, но безуспешно. И Лиз снова погрузилась в дремотное состояние.

В кабинете хозяина дома тем временем негромко беседовали двое мужчин.

– И как давно это продолжается?

– Около полутора месяцев, мсье Омар. Мадам совершенно перестала бороться. Она не отказывается от еды, но ест очень мало. Сильно сбавила в весе. Не интересуется успехами мадемуазель Рене.

Марис озабоченно хмурился, перебирая перья в подставке на столе. За четыре месяца, проведённых в жарком климате, его кожа значительно потемнела, а светлые волосы стали почти белоснежными. Резче обозначились черты лица, глаза немного запали. Марис тоже похудел.

– Плохо, очень плохо, – двумя пальцами он поднёс изящно сделанный кораблик к глазам. – Мне не хотелось возвращаться, по правде говоря. У нас с мадам перед отъездом возникли определённые сложности.

– Я понимаю, мсье, – Лоран деликатно отвёл глаза в сторону. Марис криво усмехнулся.

– Разумеется, понимаешь. Женщины – это всегда одни и те же проблемы. Ты любишь, она не любит, и так далее.

– Да, мсье, полностью с вами согласен.

От сочувствия дворецкого Марису легче не стало.

– Если бы я знал, что всё так повернётся, я не уехал бы так надолго. Впрочем, достаточно, Лоран. Я поднимусь к мадам.

Марис вошёл в спальню без стука, но Элиза не выразила возмущения. Жена вообще не отреагировала на вторжение в комнату, где находилась она сама. Элиза продолжала смотреть в окно, подпирая подбородок руками.

– Любовь моя, – неестественно ласковым голосом – ему самому не понравилось, как это прозвучало, позвал он. – Я вернулся.

Спина жены даже не дрогнула. За окном, видимо, происходило что-то интересующее её несравнимо больше.

Подойдя вплотную к сидящей женщине, Марис посмотрел через её плечо на абсолютно пустую, будто вымершую улицу.

– Элизабетта! – громко проговорил он возле левого уха женщины. Та вздрогнула, ненадолго выныривая из своего сна.

– А? Кто здесь?

– Элиза, – мягче, растягивая гласные, будто лаская этим именем свой рот, повторил Марис. Положив руки жене на

плечи, он поднял блондинку со стула и повернул её к себе лицом. Модная в прошлом сезоне одежда висела на Элизе самым печальным образом.

– Дорогая, давай прокатимся в парк, в город...

– В город? – Элиза невероятно оживилась. – В город... – глаза её потухли, и в них вернулось выражение тоскливого смирения. – Но мне нельзя. Когда-то давно мне запретили выходить из дома.

– Этот запрет больше не действителен, дорогая, – Марис погладил Элизу, словно ребёнка, по голове. – Я не хотел, чтобы ты убежала, пока меня не было, и потерялась. Тебя могли обидеть.

Элиза сощурилась, что-то припоминая.

– Ты запер меня в этом доме, да? Ты! – Лиз завизжала, будто раненая ведьма, её глаза впервые за полтора месяца полыхнули живым огнём.

Марис отпрянул очень вовремя, иначе на его лицо обрушилась бы вся мощь женских когтей.

– Это ты! Ты! – бушевала Элиза. От недавней летаргии не осталось и воспоминания. Одним только словом «ты», прозвучавшим над ним то по-французски, то по-шведски, женщина ухитрялась выразить всю меру переполняющего её бешенства. – C'est tu! Du!

Она немного подумала, прежде чем перейти на арабский:

– Anta! – и добавила с сияющей улыбкой своё новое достижение – слово, выученное после отъезда Мариса. – Anta

hayavan!

Муж ещё отступил подальше под таким натиском. Будучи натуральной блондинкой от природы, Лиз умудрялась сочетать в себе темперамент всех темноволосых и рыжих женщин мира.

– Согласен, я чудовище, – Марис примирительно поднял руки. – Самый кошмарный монстр, когда-либо появлявшийся на свет за всю историю человечества. Но зато – посмотри сама – ты живёшь. На щеках у тебя снова румянец, глаза светятся...

– Ах, так это была терапия! – Лиз отвернулась от него. – Спасибо, доктор.

– Пожалуйста, – вежливо ответил Марис. – Теперь ты успокоилась и готова поговорить?

– Да, – Лиз с размаху упала в мягкое кресло. – Почему ты сделал меня пленницей этого дома?

– Потому, – Марис ответил ей широкой неискренней улыбкой, – потому что мне надо было уехать, и я ничуть не верил, что, вернувшись, застану тебя ещё здесь. Если помнишь, накануне ты упорствовала в своём желании уехать к Андресу Ресья.

– Не помню, – равнодушно отозвалась Элиза. – Давно это было... если не приснилось мне вообще.

– Прелестный сон! – разозлился Марис. – Интересно, **что именно** тебе снилось, когда ты выражала желание иметь детей от Андреса Ресья?!

– Я это сделала? – Элиза выглядела искренне удивлённой. – И из-за этого ты так взбесился – больше чем на четыре месяца? Какие глупости! – она пожала плечами.

– Глупости или нет, – Марис с трудом сдерживался, – но я всегда помнил, кто моя жена, и не звал тебя ни Рейхан, ни каким другим именем...

– А ты попробуй, – лицо молодой женщины окаменело, подбородок упрямо выдвинулся вперёд. – Я не упрекну, не бойся. Только для того, чтобы во всех мужчинах видеть одного-единственного, надо любить этого единственного всем сердцем.

– Понятно, – с отвращением пробормотал Марис. – Возврата к нормальной супружеской жизни мне не ждать.

– После всего, что ты сделал? Ты смеёшься?

– Я, откровенно говоря, рассчитывал на это. Ты не передумаешь, дорогая?

– Подожди, Марис, – Элиза встала, – я чего-то не понимаю. Ты уверен, что я тебе изменяю, ты знаешь, что я тебя не люблю; но всё равно хочешь оставаться моим мужем и иметь супружеские отношения?

– Я трахнуть тебя хочу, – муж, не отрываясь, смотрел на её ноги.

– Хотя, сколько тебе вздумается, – Элиза натянуто засмеялась, стараясь не показать, что покороблена его грубостью. – Но ведь насилие – не твой стиль. А я буду отказывать тебе в близких отношениях до тех пор, пока ты не со-

гласишься на развод.

– Ясно, – Марис не дал ей почувствовать вкус победы. – Другими словами, если я обещаю развестись, ты разрешишь мне делать с твоим телом всё, что я захочу. И так долго, как я захочу. Своего рода награда...

– Нет! – Элиза выглядела возмущённой. – Ты перевираешь мои слова. После развода закон запретит тебе дотрагиваться до меня.

– Да неужели? – передразнил её Марис. – Твои глупые законы пишут не для богатых людей, которые ничего не боятся, а для обывателей. Закон не помешал мне удерживать тебя в Швеции, не мешает и уложить в постель, когда я захочу. Так что не будем даже усложнять себе жизнь разводом.

– С тобой бесполезно спорить, – Элиза разочарованно отвернулась.

– И не спорь.

Они вовсе не выглядели как люди, достигшие компромисса. Марис с минуту смотрел на жену – обожаемую и желанную, несмотря на завихрения в её голове, последний раз что-то обдумывая. Приняв решение, он взял со стола чёрную бархатную коробочку для драгоценностей, принесённую с собой.

– Я привёз тебе подарок, – небрежно проговорил он, впиваясь взглядом в лицо жены. – Так, крохотную безделушку.

Он знал, что Лиз равнодушна к драгоценностям – слишком мало красивых вещей было у неё в детстве. Жена не об-

манула его ожиданий, с жадностью заглянув в коробочку.

Крупный голубой камень размером с перепелиное яйцо невинно лежал на подушечке внутри и сверкал всеми гранями, отражая электрический свет в комнате.

Бросив один только взгляд на этот камень, Элиза ощутила внутри себя такой ужас, что волосы зашевелились у неё на затылке. Камень был так прекрасен, что красота его кружила голову и ослепляла. Ужас, который испытывала Элиза при виде камня, не мог быть сильнее, даже если в комнате находился бы сам Сатана. Вся поглощённая этим чувством, Лиз даже не замечала, как внимательно наблюдает за ней муж.

– Этот аметист хранился в нашей семье на протяжении пяти поколений. Не бойся, возьми его в руку, ощути его власть... – двумя пальцами Марис снял драгоценный камень с его бархатного ложа и опустил в раскрытую ладонь Лиз.

Женщина устремила на него такой беспомощный, растерянный и одновременно брезгливый взгляд, будто он подсушил ей дохлую лягушку. Было заметно, что ощущения разрывают её на части. Она сама не понимала, что именно и почему она чувствует; зато знал Марис. Этим сияющим голубым аметистом воспользовался Хусейн, чтобы загипнотизировать ее в первый раз.

С криком отвращения Элиза разжала пальцы и уронила камень на ковёр.

– Я... я ненавижу его, – потрясённо пробормотала она. – Это плохой камень.

Скрывая своё разочарование, Марис подобрал аметист и спрятал его обратно в коробочку. Шанс, что при виде предмета, которым её уже гипнотизировали, Элиза впадёт в транс, был невелик, но следовало проверить и его, прежде чем прибегать к наркотикам. Сегодня вечером он использует вытяжку тайного растения, чтобы подчинить её своей воле раз и навсегда.

Глава 35

Остаться вдвоём с женой оказалось не сложно, а вот сделать укол так, чтобы она ничего не заподозрила, возможности не представлялось. Шприц с препаратом был готов давно, и Марис прятал его в руке за спиной, рассказывая Элизе о своём путешествии к Хусейну. Он ничего не скрывал, даже того, что по поручению отца ездил в Швецию, чтобы привезти в Улед-Джеллаль Рейхан – Хусейн наконец дал Кериму разрешение жениться. Элиза смеялась, узнав, в каком виде – завязанной в мешок – была доставлена визжащая Рейхан на свою свадьбу. В конце концов она, Элиза, предстала перед священником точно так же, только её пути были невидимыми. В первую брачную ночь Керим поступил с молодой женой вполне по-восточному: сначала выпорол её до потери сознания кнутом за то, что не уберегла свою девственность, а после, судя по улыбке, с которой утром Рейхан переступила порог супружеской спальни, сумел как следует утешить. К вечеру Рейхан з'ога-Керим уже готовила для мужа еду и стирала его одежду.

– Я бы на её месте выцарапала Кериму глаза, – откровенно призналась Элиза, поворачиваясь к Марису.

Тот поспешно спрятал правую руку за спину, со странным выражением глядя на жену.

– Восточные женщины гораздо мудрее прогрессивных ев-

ропейских. Никому, в том числе и вам, не нужна эта хвалёная свобода. Женщину Аллах создаёт слабой, а мужчину – сильным, чтобы оберегать её.

– Женщины рожают детей, а это работа не для слабых.

– Это делает их ещё более женственными. Прогресс призывает всех дам маршировать под его гимн и становиться всё сильнее и сильнее, чтобы опередить мужчин. Зачем, скажи мне ради Аллаха? Тебе хочется перетаскивать тяжести, управлять экипажем, иметь мускулы, как шары, во всех подходящих и неподходящих местах? Тебе хочется управлять своим мужем, словно собакой, и указывать ему, что делать, даже в постели? Тогда секс превратится в битву титанов – вы будете думать не о том, как доставить друг другу удовольствие, а как взять верх. А ведь в природе всё находится в равновесии. Если ты будешь сильной, твоему мужу придется стать слабым. И нежным, и чувствительным. И уже тебе придётся утешать его, когда он расстроится или испугается, или если ты не сумеешь купить ему то, что он хотел.

– Ты доводишь ситуацию до абсурда, – поморщилась Лиз.

– Лично я, – левой рукой Марис обнял жену спереди, соединил пальцы на её руке, слегка растягивая кожу на внутренней стороне локтя между безымянным пальцем и мизинцем, – буду всегда против подобного равноправия. Ответственные решения в моей семье буду принимать я.

– Например? – насмешливо уточнила Элиза.

– Например, я отучу тебя возражать, – молниеносным

движением он вонзил иглу шприца в голубую линию вены на руке жены.

Элиза вскрикнула – больше от неожиданности, чем от боли.

– Что ты делаешь? Ты сумасшедший! – но желтоватая жидкость почти уже вся ушла через открытые ворота в глубину её тела. Голос Элизы затих, склонив голову, она прислушивалась к происходящим в ней изменениям.

– Что со мной будет?

– Сейчас ты уснёшь. Только не по-настоящему. А проснувшись, забудешь, что Андрес Ресья вообще существовал на свете. Отныне у тебя будет только один хозяин и бог – я. Ты станешь делиться со мной всем, что тебя беспокоит. Днём ты будешь вести себя как обычно, но каждый раз, когда я произнесу: «Здесь становится слишком шумно, моя дорогая», контроль за твоими действиями будет переходить ко мне. Ты не сможешь ни возразить мне, ни отказать или не подчиниться. В обычном состоянии, как только ты соберёшься мне противоречить, к тебе будут приходить воспоминания, как мы занимаемся любовью. Едва я вот так щёлкну пальцами, – муж изобразил этот жест, – и произнесу: «Ты очень мило выглядишь сегодня», ты снимешь с себя одежду и попросишь овладеть тобой. Иногда тебе придётся умолять – это тоже будет частью игры. Но до тех пор, пока я не возьму тебя, ты не сможешь ни есть, ни спать, вообще ничем заниматься. Все твои мысли будут сосредоточены на мне...

Он говорил размеренным усыпляющим тоном ещё несколько минут, а жена слушала, сидя на стуле с закрытыми глазами. Бледность её лица не пугала Омара Лалие, он был хорошим заклинателем с большим опытом. Тренировались и он, и Хусейн – десятилетия назад, и предки Хусейна Лалие на слугах. Пятиминутный сеанс помогал снять любую боль и удалить крамольные мысли. Талант подменять чужую волю своей, как с гордостью говорил Хусейн сыну, перешёл к нему от прапрапрадеда – великого колдуна берберского племени. Чтобы дар гарантированно передать по наследству своим детям, колдун, перемещаясь со своим кочевым народом, отыскал самую искусную из восточных ведьм и женился на ней. Легенда умалчивает, что случилось в дальнейшем с супругами, обладавшими равным могуществом и равным коварством. Иногда Хусейн рассказывал, что колдун, стремясь, чтобы жена не обучила детей своим заклинаниям и зельям, отрезал ей язык и кисти рук. Но время от времени в легенде брала верх ведьма, превратившая своего мужа-колдуна в пустынную змею, но лишь после того, как понесла от него. В противном случае не родилось бы самого Хусейна, и множество людей, почитающих его сейчас, осиротели бы, так и не узнав об этом.

– Ты придёшь ко мне сегодня, любимая, – Омар Лалие говорил медленно, чтобы ни одно слово не проскользнуло мимо её сознания. – Придешь, мечтая, чтобы я овладел тобой. Сейчас я уйду, а ты отправишься к себе и будешь спать

еще около часа. Первым желанием, которое ты испытываешь, открыв глаза, – принять меня в своё тело. Но при этом ты будешь знать и помнить всё, что помнила до внушения, будешь знать, что это навязчивое желание внушено тебе, и попытаешься бороться с ним. Ты, разумеется, проиграешь, но игра от этого не станет менее интересной. Я предполагаю, что ты не продержишься и трёх часов. Это будет даже любопытно. А для тебя – и поучительно. Спи спокойно пока, моя дорогая... и добро пожаловать в Ад!

Она лежала, вытянувшись во весь рост на чём-то мягком; воздух словно застыл вокруг, оцепенев мёртвой тишиной, и страшно чесался нос. Дав мозгу время усвоить первые впечатления, Элиза попробовала приподнять руку, но та казалась налитой свинцом. Нос чесался всё сильнее, из глаз готовы были хлынуть слезы.

– Поросячьи хвостики! – женщина оглушительно чихнула. И открыла глаза.

Она лежала на кровати в гостевой спальне – очень милой комнате, оформленной в серебристо-голубых тонах. Как она тут очутилась? Вроде бы день начинался для неё в гостиной возле камина – а потом всё, провал в памяти длиной в... Элиза мельком глянула на стенные часы. Так, замечательно. Девяносто минут как корова языком слизала. Что с ней происходило в это время? В начале вечера в одной комнате с ней находился Омар Лалие. Однако – Лиз оглядела себя –

судя по тому, что вся её одежда в прежнем порядке, он не воспользовался её неожиданной сонливостью.

Спустив ноги, Элиза с трудом сползла с кровати. Колени отчего-то подгибались, будто за полтора часа она успела пробежать марафон до окраины Парижа и обратно. Не устояв, Элиза мягко опустилась на пол. «Поросячьи хвостики», как называла щекотку Мелисса Линтрем, её мать, были чиханием выброшены из носа, но приземлились на руку и озорничали теперь там. Кожа на сгибе правой руки зудела и чесалась, словно её укусило какое-то насекомое. Элиза рассеянно потрогала ногтём вспухшее красноватое пятнышко, напомнившее ей укус. Странные насекомые кусаются в марте... А ещё интересно, куда подевался этот мерзавец, этот так называемый муж?

Белая вспышка полыхнула под сомкнутыми веками Элизы, будто взорвалась ярко горевшая в комнате газовая лампа, заставив женщину охнуть и привалиться спиной к кровати, неловко подогнув ноги под себя. В самом центре вспышки возникла картинка, всё увеличивающаяся, словно оператор задался целью с помощью наезда снять крупный план. Светловолосые обнажённые женщина и мужчина лежат, обнявшись, в ворохе простыней, в переплетении рук и ног не разобрать, кому принадлежит какая конечность. Любовники явно утомлены, но лица их светятся разделённым наслаждением и счастьем. Женщина улыбается, потягивается в истоме, глядя на Лиз зеркальным отражением. Любовник-блондин,

обладатель хорошо развитого загорелого тела, кладёт руку ей на грудь...

– Мадам! – пронзительный вскрик совсем рядом прогнал наваждение. Элиза поморгала. Что это было: давнее воспоминание или обман, проделки дьявола? Когда это происходило с ней и почему вспомнилось именно сейчас? Щекощущий голосок в голове нашёптывал, что всё это не случайно.

– Мадам Алис! – Белль тянула Лиз за руку вверх, пытаясь заставить её подняться. – Как вы себя чувствуете?

Элиза не смогла признаться, что чувствует себя полной дурой. Она до сих пор явственно ощущала маленькие пальчики, копошащиеся в её голове.

– Белль... – голос прозвучал хрипло, Элиза кашлянула, с усилием сглотнула и попробовала ещё раз. – Белль, ты не знаешь, как я здесь оказалась?

Опытная горничная не выдала своего удивления даже движением бровей.

– Вы пришли, мадам. Поднялись по лестнице из гостиной и сразу, не раздеваясь, легли. Я попробовала уговорить вас снять платье, но вы так глянули на меня... – горничная поёжилась.

– Как глянула, Белль? – настаивала Элиза. – Я спрашиваю не из глупого любопытства. Последнее, что я помню – рука мужа держит меня за плечо. А потом я уже здесь.

– Ваш взгляд, мадам Алис... ваши глаза были совершенно пустыми... и будто мёртвые...

– Белль! – Элиза сделала попытку упасть на колени перед своей горничной. – Мне совершенно необходимо твоё любопытство!

– Мадам?

– Пожалуйста, скажи, что ты слышала хоть что-нибудь из нашего разговора с Омаром!

Белль Эжен замялась.

– Из меня неважный помощник, мадам. Я слышала голоса, точнее, голос из гостиной около часа назад. Голос мсье Лалие. Но я не знаю, был ли он один или вы находились там же. Возможно, он говорил сам с собой. Так тихо, вкрадчиво, но очень властно... Была, впрочем, одна странность...

– Да? – вскинулась Элиза, готовая ухватиться за любую мелочь.

– В гостиной, когда я зашла туда убраться, – задумчиво продолжала Белль, – стоял странный запах. Духи или какое снадобье.

– Мне это ничего не даёт, – Лиз разочарованно отвернулась. Почувствовав озноб, обняла себя руками. Пальчики в её сознании стали активнее, быстрее дёргать невидимые ниточки, управляя её желаниями.

– Ой! – Элиза схватилась за голову. – Ой, умираю!

Белль бросилась в ванную смочить холодной водой полотенце – только это средство Элиза позволяла себе при мигрени. Когда горничная вернулась, хозяйка уже сидела неестественно прямо, глядя перед собой.

– Белль, – в голосе её звучала смертная мука, перепугавшая горничную окончательно, – ты слышишь этот голос?

Мадемуазель Эжен честно прислушалась.

– Какой голос, мадам?

– Белль, Белль, неужели ты не слышишь?! Он зовёт меня, он так сладок...

– Мадам Алис, прошу простить меня, но в доме тихо.

– Ах! – Элиза держалась за голову обеими руками. – Я, наверное, схожу с ума. Но он звучит у меня в голове, Белль, он шепчет: «Приди ко мне, иди, любимая...»

– Белль, – подняв голову, она встревоженно посмотрела на больше подругу, чем слугу, – обещаю, что не позволю им отвезти меня в приют для умалишённых!

– О, мадам! – горничная расплакалась и убежала, хлопнув дверью.

Элиза Лалие с усилием поднялась с кровати, подошла к зеркалу. У женщины, отразившейся в волшебном стекле, был испуганный и истерзанный вид. И неудивительно, если её преследуют голоса, которые не слышит никто из окружающих. Но для неё-то они были реальностью!

– Лиза... Лиза... Элиза... иди...

– Куда? – в отчаянии прокричала Лиз. И очень удивилась, когда мозг выдал ей уже готовую картинку: Мариса, ждущего её в библиотеке. Он улыбался.

– Я этого не хочу, – сжав зубы, Лиз помотала головой. – Не пойду к нему, ни за что на свете.

Острая боль в животе заставила её согнуться – мозг мстил непослушному телу. Обняв себя руками, Лиз упала на край кровати и начала раскачиваться, пытаясь пережить боль.

– Не пойду... – шептала она сквозь слёзы, но чем больше сопротивлялась женщина, тем быстрее её тело превращалось в поле сражения между двумя могучими силами – внушением и волей.

А потом всё неожиданно кончилось, обессиленная Элиза опрокинулась на спину и закрыла глаза. Всё, что она хотела в эту минуту – уснуть; но её испытания еще не закончились. Второе искушение был мягче и соблазнительнее – ах, как много всего могло бы случиться, когда б не её неразумное сопротивление! Воспоминания о счастливых днях с мужем, заходящее солнце, река, цветы, радость в её глазах, обожание и страсть – в его... Молодожёны, сплетающиеся в объятиях в самых неподходящих местах, желание коснуться друг друга, такое сильное, что зудят кончики пальцев... Занятия любовью по двадцать раз в день, ощущения столь невероятные, угрожающие испепелить любовников, если не говорить о них... низкие стоны и крики, сливающиеся на пике страсти...

– Иди-и... – эхо, звучащее в её голове.

Груды набухли и ныли от сладкой боли, соски стали похожи на речные камешки, между ногами было мокро и горячо. Женское тело извивалось в полубреду на кровати, сбивая покрывало.

– Иди же, быстро! – прикрикнул разъярённый муж, угнездившийся внутри её головы.

Как он забрался туда? И ещё более важный вопрос – как его выгнать? Элиза Лалие медленно открыла припухшие глаза. Похоже, каким-то невероятным способом Марис сумел установить контроль за её поведением. Это уже не банальные охранники...

– Чтоб тебе утопиться в куче дерьма! – злобно прошипела Элиза, усилием воли отогнала очередное эротическое видение и села на краю кровати, обхватив себя за плечи обеими руками. Рубашка её была влажной от пота, обнажённые колени дрожали так, что было видно невооружённым глазом.

Молодая женщина затравленно огляделась. Ей надо срочно чем-то заняться, чтобы не думать о Марисе Стронберге. Почитать? Сборник стихов на полочке, с которым она засыпала накануне, теперь казался чем-то вроде затаившейся змеи. Хотя змеёй или, скорее, неразорвавшейся бомбой была она сама, Элиза Линтрем... Лалие. Пожар изнутри распространялся по всему её телу, полыхал с такой силой, что искры жгли даже кончики её пальцев; волосы потрескивали, словно сухие веточки в пламени костра, грудь налилась свинцовой тяжестью, веки, даже закрытые, были раздражены, чесались и зудели. Сжав кулаки, Элиза с подвыванием застонала.

Стоило ей закрыть глаза, и Марис повелительно улыбнулся ей из её подсознания. Пальцы, каждый из которых поче-

му-то заканчивался шипящей головкой змеи, заворазживающе двигались, манили к себе.

Уже достаточно, любимая. Вставай и иди.

Чтобы не подчиниться команде, Элиза схватилась за деревянную спинку кровати.

Иди.

Ноги женщины коснулись пола, нащупывая сброшенные туфли. Взгляд в зеркало – ей надо быть красивой для господина. Последняя попытка восстать – чёрт забери весь этот грешный мир, что она делает? Неужели всё-таки позволяет управлять собой?

Иди!!!

Неровная мозаика мира, в котором она могла себе позволить послушаться повелителя, дрогнула и осыпалась кусочками, словно зеркало, разбитое камнем. Господин ждёт. Больше того, он начинает уже сердиться...

Глава 36

Абсолютно расслабленное мужское тело лежало поперёк кровати, такой широкой, что даже в этом положении ни голова, ни ноги не доставали до краёв. В комнате было немного прохладно – в камине горело пламя, но тепло уходило через раскрытые окна в весенний воздух. И тем не менее, на лбу и верхней губе мужчины выступил пот. Поза спящего человека ничего не означала – хозяин спальни работал. А быть кукловодом всегда нелегко. Последние полтора часа Омар Лалие пытался настроиться на волну сознания своей жены. Неизвестно, как подействует внушение в этот первый раз. Маловероятно, но у Элизы может хватить воли, чтобы не подчиниться голосам. Впрочем, Марис плохо себе представлял ощущения подчинённого человека – Хусейн ни разу не проделывал этого с ним. В вопросе внушения Хусейн Лалие старался быть до конца честным с сыном: контроль – не всегда благо. Наоборот, чаще он применяется во зло. Несмотря на прямое происхождение от людей, правивших миром, и унаследованные моральные принципы, старый алжирец не любил использовать свое таинственное искусство, опасаясь нарушить установленное Аллахом в подлунном мире равновесие. Но, тем не менее, Хусейн дал своему обожаемому сыну всё, что могло помочь Омару сразиться с окружающим миром и победить – деньги, знания, навыки обра-

щения с оружием тайным и явным. Последним, самым драгоценным подарком Хусейна сыну была женщина, которую Омар любил. Проблемам с нею теперь не было конца. Стоило ли жалеть об этом?

Омар Лалие не успел решить для себя этот вопрос. Дверь начала двигаться, и в образовавшуюся щель проскользнула Элиза. Марис поднялся ей навстречу.

– Ты очень мило выглядишь сегодня, дорогая, – проговорил он.

Красивая блондинка с ничего не выражающим лицом начала медленно раздеваться.

Пройдя мимо неё, Марис плотнее закрыл дверь. Обернулся, по-прежнему стоя у выхода.

– Элиза! Посмотри на меня.

Женщина повернулась всем телом, словно солдат по команде «Кругом!», и устремила на повелителя тёмный пустой взгляд.

– Что ты делаешь, Элиза? – мягко спросил Марис. – Зачем ты пришла?

– Повелитель позвал меня. Я пришла, чтобы доставить удовольствие моему повелителю.

Под развязанными полами халата была заметна кружевная сорочка, из тугого корсета выпирали пышные молодые груди. Марис позволил себе ненадолго задержать на соблазнительном зрелище взгляд. Но необходимо было проверить, как действует внушение.

– Повелителю ты не нужна, Элиза. Уходи отсюда.

Молодая женщина сделала два совершенно механических шага к двери – Марис с интересом следил за нею – и остановилась. На её лице отражалось смятение.

– Я не могу уйти, пока не доставлю удовольствия своему повелителю.

– Хорошо, – Марис удовлетворённо кивнул. – Тогда подойди сюда.

Его лишённая собственной воли игрушка приблизилась.

– Раздень меня.

Женщина не медлила и не раздумывала, она не была способна на это. Только безоговорочное подчинение желаниям господина. Её руки двигались, снимая одежду с тела мужчины.

– Встань на колени и сними обувь.

Запустив пальцы в волосы на склонённой перед ним голове, Лалие крепко сжимал их. Его игрушка не выражала протеста против такого обращения. Единственное, чего она хотела – доставить удовольствие повелителю, даже если для этого потребуется вспороть себе живот и достать свои дымящиеся внутренности. Впрочем, такой жертвы пока Лалие не хотел.

Дёрнув за волосы вверх, Марис немного наклонился.

– Поцелуй меня.

Рабыня выполнила его команду беспрекословно; но Марису результат не понравился – будто целуешься с восковой

фигурой. Столько же тепла и точно такая отдача. Вместе с волей Элизы исчез и азарт победить её, побороть, повернуть желания на совершенно противоположные. Эта же светловолосая кукла, замершая сейчас в подобострастной позе, была, безусловно, прекрасна; однако от мёртвой её отличали только две вещи – кожа была тёплой, и женщина дышала. Красивая заводная игрушка, лишённая того, что делало её женщиной – свободы выбора.

И всё же Омар Лалие хотел её. Если, находясь в здравом уме и памяти, Элиза отвергала его, то сейчас она не могла этого сделать. Он снова толкнул её голову к полу.

– Ласкай меня языком!

Команда явно вызвала сложности у рабыни, женщина замерла в неподвижности, глядя перед собой. Кончик розового языка виднелся между слегка сжатыми челюстями.

Ясно, команды должны быть более конкретными.

– Открой рот и возьми в него... – нажатием на нижнюю челюсть мужчина помог ей. – А теперь соси, сильней. И облизывай языком.

Рабыня послушно следовала его командам, ускоряя или замедляя темп. Сама проявлять инициативу она была не способна. Густое семя наполнило её рот и горло; по приказу хозяина она проглотила всё и замерла в ожидании.

Омар Лалие смотрел на это красивое пустое лицо, испачканное его соками, сверху вниз, не понимая, что именно он ощущает – похоть или отвращение. Её Элиза, будь она са-

ма собой, сейчас бы визжала и бесновалась, словно дикая кошка, и сыпала оскорблениями – если вообще оказалась бы здесь. Так, может, к лучшему, что она не имеет возможности выбирать?

– Что ты сделаешь, если я сейчас прикажу тебе убираться?

Стоя по-прежнему на коленях, Элиза подняла лицо вверх.

– Повелитель счастлив?

– Твой повелитель, по правде говоря, в ярости, – пробормотал Марис.

– Мой долг – сделать господина счастливым, – лишённым всякой интонации голосом повторила Элиза.

Похоже, он несколько перестарался с силой внушения, если сейчас жена не подчинится прямым приказам. Что делать ему? Разбудить её или просто отправить восвояси, отказавшись от роскошных возможностей, которые предоставляет ему её состояние? Глупо как. Ведь он по-прежнему чувствует себя неудовлетворённым.

– Ложись на постель, птичка, – распорядился Омар Лалие. – А я позабочусь о том, чтобы сделать обоих – и тебя, и меня – счастливыми...

Утром следующего дня Элизабетта Лалие проснулась с такой головной болью, равной которой не испытывала за всю свою жизнь. И эта ужасная боль не ограничивалась только колокольным звоном внутри её многострадального черепа, нет, она протягивала свои коварные лапки во все части те-

ла. Ныли мышцы бёдер, рук, горло было таким сухим и воспалённым, будто по нему долго водили крупноячеистой тёркой. Волосы в полном беспорядке – и это всё становится понятным, если учесть, что Элиза проснулась в кресле. Было похоже, что она провела в нём, скрючившись, всю ночь. Вот чёрт, неужели накануне она приползла в спальню настолько уставшей, что рухнула в кресло и уснула, не раздеваясь? Элиза оглядела себя и внесла поправки – не сняв всю одежду. На ней осталась ещё короткая кружевная сорочка на бретельках, тоже вся перекрученная и измятая после ночи, проведённой в кресле. Странно, а где же была Белль? В обязанности личной горничной как раз и входит со всем комфортом укладывать хозяйку в постель. Насколько Элиза помнила, она поднялась в спальню не поздно, около девяти часов. Вместо остальной части вечера в её памяти зияла огромная дыра.

Элиза рассеянно почесала зудящее место на бедре. Кожа там покраснела и была испачкана чем-то белым. Молодая женщина сняла ногтём присохшую корочку, встала и подошла к зеркалу. С удивлением обнаружила, что этим же веществом перепачкано её лицо и волосы. Это было похоже на...

– *Bon matin, madame!* – радостно проговорила Белль. – Сегодня вы чувствуете себя лучше?

Элиза обернулась.

– Сегодня я чувствую себя так, – морщась от боли в висках, объявила она, – словно меня похоронили заживо, и я

три дня пролежала в могиле, но совершенно не выпалась.

– О! – огорчилась служанка. – Чем я могу вам помочь?

– А у тебя есть опыт эвтаназии? – мрачно поинтересовалась мадам Лалие, отворачиваясь от зеркала.

Белль неуверенно хихикнула.

– То есть не убивала ли я кого-нибудь из милосердия? До сих пор, насколько я помню, нет.

– У тебя есть отличная возможность потренироваться. Но шутки в сторону, Белль: я действительно плохо себя чувствую. Такое ощущение, будто я молотила овёс всю ночь, огромное-преогромное поле. И я совершенно не выпалась. Кстати, Белль, ты не знаешь, почему я спала в кресле?

– О, мадам, – горничная начала внимательно разглядывать ковёр, – я не знаю, сможете ли вы простить меня. Я действительно очень виновата. Не могу объяснить, как я посмела...

– Эй, Белль, завязывай с бесполезными сожалениями. Мне они совсем ни к чему. Просто скажи, что случилось.

– Мадам Алис, – Белль Эжен с тревогой посмотрела в лицо госпожи, – это опять происходит с вами, да?

– Что происходит? – немного рассеянно уточнила Элиза.

– Вы забываете, что случается накануне.

– Ты хочешь сказать, что у меня старческое слабоумие? – с лёгким опозданием возмутилась хозяйка.

– Нет, мадам, конечно, нет!.. но вы забываете. Два дня назад вы меня спрашивали, о чём с вами разговаривал мсье

Омар, а сейчас не помните, что вчера вам было плохо...

– Мне вчера было плохо? Ладно, не говори, это всё равно детские игры по сравнению с тем, что я чувствую сейчас.

– Вчера вы говорили странные вещи, мадам. И страшные. Я была так расстроена, что убежала и плакала... и не смогла вернуться сюда.

– Какие вещи?

– Вы говорили, что слышите голоса. Как Орлеанская Дева.

– Это ещё кто?

– Жанна д'Арк, наша национальная...

– Эй, это имя я уже слышала! Но если мой обожаемый супруг не врал, эту даму уже довольно давно спалили на костре – в том числе и за голоса.

– Это правда, мадам, – Белль Эжен со скорбным видом поджала губы.

Элиза выглядела встревоженной:

– Но я не хочу, чтобы меня испекли, словно цыплёнка в печи! И честно говоря, никаких голосов я не помню. А что они мне говорили? – живо заинтересовалась она.

Судя по мрачному выражению лица, горничная заранее смирилась со всеми фанабериями хозяйки.

– Не голоса, а, кажется, голос. Один. Он вас звал.

– Куда? – Элиза неожиданно развеселилась. – И что, я отправилась за этим зовом?

Белль беззвучно произнесла какое-то короткое слово, едва ли отличающееся благочестием.

– Не знаю. Это была ваша галлюцинация, мадам, не моя.

– Не знаешь – и чёрт с ней, – Элиза широко зевнула. – Всё это было интересно. И невероятно глупо. Только спать я хочу ничуть не меньше, чем до всей этой катавасии. Поэтому сейчас я приму душ и лягу в постель.

– Что мне передать мсье Омару, мадам?

– А с каких это пор ты отчитываешься перед ним, Белль? Разве тебе не всё равно, что будет с этим мерзавцем и тираном? Я всё ещё не могу поверить – четыре месяца в полной изоляции, под домашним арестом из-за его прихоти! Так что большой привет мсье Омару, моя дорогая! – чётко, по-военному, развернувшись на месте, Элиза ушла в ванную, и вскоре оттуда послышался шум льющейся воды.

Тяжело вздыхая, Белль принялась перестилать постель для своей хозяйки.

Элиза забралась под одеяло, заново ощутив весь комфорт своей кровати, прохладу простыней, пышность подушек. Вот только уснуть она не смогла. Во всяком случае, когда она снова открыла глаза, то была уверена, что проспала совсем недолго – десять-пятнадцать минут.

На краю кровати, создавая вмятину, куда тело Лиз пыталось скатиться, сидел её муж. Или почти муж – Лиз испытала мстительную радость при мысли, что самой главной из привилегий супруга ему от неё теперь не добиться никогда.

Откинув одеяло, Марис провёл ладонью по ноге Элизы,

пользуясь тем, что жена лежит обнажённой. Голос его звучал хрипловато:

– Белль мне сказала, что ты плохо себя чувствуешь. Как именно?

– Собираешься посмаковать? – немедленно огрызнулась Элиза. – Не рассчитывай, что я умру, и ты останешься свободным и счастливым...

Марис загадочно улыбнулся уголком рта.

– Почему ты считаешь, что твоя смерть сделает меня счастливым? Ты доставляешь мне больше удовольствия жизнью.

Лиз раздражённо – оттого, что его слова были ей непонятны – глянула на мужа.

– Каким это образом, позволь спросить?

– Не позволю.

– Но я стараюсь...

– Да, стараешься вести себя так, чтобы у меня начиналась мигрень при одном только взгляде на тебя. Но у меня есть свои методы.

– Интересно, что за методы могут превратить ненависть в наслаждение?

– А ты ещё маешься этой ерундой? – Марис скучающе трогал указательным пальцем пальчики на ноге Элизы.

Лиз автоматически поджала их.

– Не надо, я боюсь щекотки.

– Значит, это будет первая попытка, которую я применю, ко-

гда ты окончательно достанешь меня.

– Да ради Бога! – Лиз раздражённо отвернулась; но Марис был счастлив и тем, что она понемногу оживает. Просунув руку под одеяло, он дотронулся до полушарий её зада, с силой сжал мягкую плоть.

Когда Лиз с возмущённым криком повернулась, муж уже стоял на четвереньках над нею, готовясь её поцеловать. Не в силах Элизы было увернуться от этого поцелуя, поэтому она напрягла все мускулы и сжала губы, став похожей на деревянное полено, неизвестно как очутившееся в супружеской кровати. Как Марис ни изощрялся, разомкнуть эту оборону оказалось невозможно.

Желваки на его челюстях начали медленно пульсировать, что было верным признаком нарастающего гнева.

– Чёрт побери, Элиза, я всё тебе объяснил насчет отъезда! И я не понимаю, почему именно Я должен чувствовать себя виноватым. Когда ты научишься правильно принимать наказания?

– Я думаю, что тебе слишком нравится роль султана, – вытянув руки, Лиз оттолкнула его от себя. – Только я тебе подыгрывать не буду.

Вид у Мариса был поистине угрожающим.

– У меня есть способы тебя заставить...

– Ну так заставляй, – Элиза с презрением пожала плечами. – И посмотрим, чья воля сильнее.

Совершенно неожиданно для неё, Марис расхохотался.

– Чья... воля... сильнее... – задыхаясь, повторил он. – Как прелестно... ты это сказала... Только знай, малышка: у тебя так же мало шансов устоять передо мной, как у Красного моря – перед посохом Моисея.

Элиза скисла.

– Ну вот, опять ты со своими историческими примерами, – пробормотала она. – Только подчёркиваешь моё невежество.

– Я пришёл сюда не за тем, что у тебя в голове, дорогая, – перебил её Марис, – а ниже. Значительно ниже.

Молодая женщина сделала вид, что не поняла его.

– Ниже моей головы – подушка, кровать и ножки кровати. А под ними пол. Я разрешаю тебе забрать весь паркет, лишь бы ты ушёл из моей спальни.

Муж больше не был настроен на шутки.

– Не пытайся играть со мной, заога. У меня есть права...

– Засунь их себе в задницу, – грубо парировала женщина.

Муж силой развернул её на спину.

– Я получу то, за чём пришел сюда, добром или насильно – решать тебе.

Одеяло давно было откинута в сторону, и ноги Элизы были свободны. Изловчившись, она с силой пнула Мариса в живот, совсем чуть-чуть промахнувшись мимо гениталий. Муж свернулся в клубок, стиснув зубы от боли; а Элиза вскочила с кровати, в ярости заметалась по спальне.

– Чёрт побери все эти восточные замашки восточных мер-

завцев! Я потребую вырыть мне в саду подземелье и буду прятаться там от тебя! А ещё лучше...

– Самое лучшее сейчас для тебя – вернуться в постель.

Элиза метнула в сторону Мариса взгляд-молнию.

– И попытаться уменьшить мой гнев, хотя бы немного, – добавил муж. – Тогда я позволю тебе самой выбрать наказание.

Вместо ответа Лиз громко запела по-французски «Марсельезу» – один чёрт знает, где она выучила её.

– Шутки закончились, Элиза, – голос Мариса звучал опасно тихо.

– ...Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrive, contre nous de la tyrannie, l'etendard sanglant est leve...

– Кстати, я всё собирался сказать тебе – ты очень мило выглядишь сегодня.

Мелодия неожиданно скомкалась, рассыпалась на нестройные составляющие – как будто музыканты в оркестре случайно перевернули разное количество страниц нот, и каждый рванул в свою сторону. Воинственно напряжённое тело молодой женщины странно обмякло. Примерно минуту она не двигалась; а потом повернулась, и Мариса вновь поразило выражение отрешённой пустоты на её лице. Вроде бы трюк удался. Отчего же ему так гадко?

Элиза Линтрём-Лалие исчезла, уступив место рабыне, наложнице.

– Мой господин, – тихо пробормотала она, опускаясь на

ковёр на колени, – я готова служить вам...

Глава 37

Говоря обобщённо, Белль Эжен, как все обычные люди, боялась сумасшедших, и тот факт, что к их рядам неожиданно примкнула молодая госпожа, её совершенно не радовал. Конечно, Алис Лалие не была полоумной в традиционном понимании этого слова, но отклонений и странностей в её поведении со временем становилось всё больше, столько, что бедная голова Белль переставала соображать при первом же её слове. Чего стоила хотя бы выборочная потеря памяти мадам Лалие! Особенно часто этот недуг поражал её по вечерам, когда утром мадам не могла вспомнить, о чём они с Белль разговаривали накануне и во сколько расстались. Алис Лалие говорила, что иногда ей снится, будто она куда-то идёт. Вообще-то Белль не находила в этих снах ничего странного, зная из перешёптываний других горничных, что мадам очень часто часа в два-три ночи выходит из спальни господина и возвращается к себе. Даже в отношениях супругов Белль ничего не могла понять: почему они ведут себя, точно тайные любовники, встречаясь украдкой по ночам, а днём грызутся, словно враги, совершенно всерьёз и не смущаясь ничьим присутствием. Такая романтическая игра? Мда...

Белль удивляло и обижало то, что раньше госпожа делилась с нею всеми переживаниями – приятными и не очень;

а теперь будто повесила замок на рот и спрятала ключ далеко-далеко, так, что и не достанешь. Больше того, стоило Белль хоть слово произнести в похвалу Омара Лалие, и мадам смотрела на неё так удивлённо, с обидой, будто бы лучший друг нанёс ей подлый удар оружием, спрятанным за спиной.

Короче, Белль Эжен не понимала, что происходит с её хозяйкой, как ей, Белль, вести себя, и давно бы покинула странный дом на Вандом-Пляс, если бы не чувство почти материнской нежности, привязывающее её к молодой мадам Лалие, в некоторых отношениях так и оставшейся глупее однодневного цыплёнка.

Кроме того, у Алис Лалие начались проблемы со здоровьем. Головная боль, с которой она проснулась полтора месяца назад, была только началом, первым вестником близящихся испытаний. С тех пор мигрень стала верным спутником Алис, мадам начала легко раздражаться по любому поводу... и злоупотреблять алкоголем. За первый бокал она бралась в одиннадцать часов утра, переходя к вечеру от легкого красного вина на коньяк. Раз или два Белль находила у её кровати початую бутылку, но, верная статусу личной горничной, никому об этом не докладывала, только потихоньку возвращала бутылки в бар. Белль знала, что мадам просила семейного доктора, Пьера Ранжера, выписать ей снотворное, но доктор обратился за подтверждением к мужу пациентки, а тот отказал наотрез. Неделю назад Алис Лалие одолела же-

стокая тошнота, её рвало, буквально выворачивая наизнанку, утром, днём и вечером, на голодный желудок и после еды. За считанные дни молодая женщина исхудала, словно египетский раб; к концу недели у неё не осталось сил даже подниматься с постели. Положение осложнялось тем, что Омар Лалие десять дней назад уехал в Руан по каким-то делам, и даже его секретарь был не в курсе, стоит ли его ожидать в ближайшее время. Белль Эжен пришлось принимать решение самостоятельно.

И она сделала это.

– Никаких больше сомнений и колебаний, мадам. Мы должны были так поступить, – сидя возле кровати в самой дорогой палате самого дорогого частного госпиталя в Париже, Белль Эжен держала в ладонях почти прозрачную руку своей молодой хозяйки.

– Когда будут готовы результаты анализов? – голос Элизы Лалие был таким же слабым, как и её рука. В последние дни она сделала для себя открытие, что силы меньше всего тратятся, если лежать на спине с закрытыми глазами и не шевелиться, и с тех пор не изменяла этой позе.

Белль с сочувствием смотрела на тающую каждый час, словно свеча, госпожу.

– Доктор Ранжер обещал, что зайдёт сразу, как только...

– И доктор Ранжер не нарушает своих обещаний! – профессионально оптимистическим голосом подхватил стояв-

ший в дверях врач ускользающую нить беседы.

– Ну-с, моя дорогая мадам, – обойдя кровать, Пьер Ранжер взял руку молодой женщины, лежавшей на ней, и померил пульс, следя за временем по дорогому брегету. Это был хороший врач, с обширной практикой, признанный авторитет в медицине; но не в меньшей степени на выбор его лечащим врачом Алис Лалие повлияло то, что Пьер Ранжер уже был не молод и не красив ни лицом, ни телом – доктор сильно хромал после аварии, в которой погибла восемь лет назад его жена. Впрочем, все эти достоинства – или недостатки – не мешали Белль Эжен краснеть при встречах с эскулапом. Если бы Элиза чувствовала себя лучше, её, несомненно, заинтересовало бы наблюдение, что Пьер Ранжер в эти минуты начинает слегка заикаться от волнения.

Но сейчас врач предусмотрительно встал подальше от искушающей его Белль Эжен и направил всё своё внимание на великосветскую пациентку. В голосе его звучала отшлифованная годами бодрость:

– Как мы с коллегами с радостью убедились, мадам Лалие, вы не умираете ни от одной экзотической, не известной науке болезни...

– Да? – с лёгким разочарованием переспросила женщина на кровати. – Хотите сказать, что я симулирую?

– Нет, мадам, нет, ни в коем случае! – врач вскинулся в благородном негодовании. – Нет сомнений, что вы плохо себя чувствуете. Но, благодаря уровню современной медици-

ны, практически все женщины выживают после этой болезни.

– А мужчины? – с неожиданным интересом Алис Лалие открыла глаза и даже приподнялась на подушках. – Я к тому, что, может быть, мне удастся заразить моего мужа.

Доктор Ранжер явно пребывал в смятении.

– Ну... э-э... насколько я знаю, мужчины этим вообще не болеют.

– Жаль, – искренне огорчилась красивая блондинка.

Пьер Ранжер улыбнулся возникшей ассоциации.

– Они... м-м, как это назвать... мужчины являются переносчиками инфекции.

– Конечно, вот она, справедливость. Переносят инфекцию, но сами не болеют. У меня есть шансы вылечиться, доктор Ранжер?

– Конечно, мадам. Еще пара недель – и вы думать забудете о своих неприятных ощущениях, а месяцев через восемь наступит окончательное выздоровление.

Белль Эжен тихо ахнула, впиваясь взглядом в лицо врача. Тот кивком подтвердил её догадку.

– Очень странно, – с подозрением рассуждала Элиза, – что вы можете с такой уверенностью предсказывать сроки...

– Мадам, – Белль осторожно тронула её за плечо, – у вас будет ребёнок.

– Ребё... – у Элизы перехватило дыхание, и она вытаращила глаза.

– Совершенно верно, мадам Лалие. Я не специалист в гинекологии и акушерском деле, но токсикоз – то есть ваша тошнота – довольно часто сопровождает течение беременности в первые месяцы, но зато после...

Белль Эжен оказалась единственным слушателем импровизированной лекции, и не очень внимательным. Несмотря на все чувства, испытываемые к доктору Ранжеру, Белль прежде всего была озабочена лежащей в глубоком обмороке мадам.

Алис Лалие сидела в кресле, мертвой хваткой вцепившись в стакан с водой. Зубы её стучали о край стакана. На лице молодой женщины застыло выражение человека, застрявшего в сюрреалистическом кошмаре и не видящего способа выбраться из него.

Остальные участники сцены, доктор Ранжер и Белль, словно сговорившись, смотрели только на неё, не отводя глаз ни на секунду, не давая Лиз осмыслить странное положение вещей.

– Мне... э-э... кажется, что ваша реакция... э-э... была несколько излишне эмоциональной, дорогая мадам...

– Ещё бы не эмоциональной, – с сарказмом, но при этом странно отстранённым голосом отозвалась блондинка. – Всё-таки не каждый день уподобляешься святой Деве.

– М-м? – врач в растерянности посмотрел на Белль, но та только пожала плечами в знак того, что не знает, о чём идёт

речь. Ранжеру пришлось вновь обратиться к первоисточнику.

– Боюсь, я не совсем... э-э... понимаю, дорогая мадам... Разве у вас нет супруга?

Алис Лалие с отвращением посмотрела на него.

– Супруг у меня есть. У нас нет супружеских отношений, без которых, как я понимаю, забеременеть не так-то легко.

– Один случай на всю историю человечества, – подтвердил доктор. – Могу я спросить, когда...

– Последний раз – полгода назад. Но ведь этот ответ вас не устроит?

Ранжер покачал головой.

– Беременность трёх-, от силы четырёхнедельной давности. Шесть месяцев никак не вписываются в этот срок. А-а... вы уверены, что не было других вариантов?

– У меня нет и не было любовников. Омар такого бы не позволил. То, что он не пользуется мною сам, ещё не значит...

– Мадемуазель Эжен, почему вы так странно смотрите на мадам Лалие?

У горничной действительно был такой вид, словно все её жизненные ценности подвергаются серьёзному сомнению. Замолчав, Элиза тоже с тревогой уставилась на свою наперсницу.

– Что, Белль?

– Не понимаю, – горничная отвечала ей таким же оторо-

пелым взглядом, – почему вы отрицаете.

– Что отрицаю? О чём ты говоришь?

Сложив руки «домиком», доктор Ранжер с интересом наблюдал разворачивающуюся перед ним сцену. Давно он не чувствовал себя таким заинтригованным.

Белль Эжен явно переживала какие-то сильные эмоции и выглядела при этом так, словно ей приходится преодолевать внутренний барьер высотой с Китайскую стену. Женщина то пунцово краснела, то бледнела и становилась похожей на утопленницу, заикалась и никак не могла найти удобного положения для своих рук.

– Мадам, но как же... ведь вы... мсье Омар и вы...

– Белль! – пронзительно крикнула Алис Лалие.

Горничная заторопилась.

– Вы же ходили к нему каждую ночь, все слуги об этом знали... вы же не разговоры там разговаривали... и мсье Омар иногда днём приходил к вам... я точно знаю, что вы... – она замолчала, напуганная вмиг посеревшим лицом мадам Лалие. Обхватив кистью одной руки запястье другой, светловолосая женщина вонзала в кожу острые ногти, пытаясь предотвратить повторный обморок.

Когда, наконец, Алис Лалие посмотрела не на горничную – на врача, губы её дрожали, а вид был на редкость жалкий. У Ранжера мелькнуло сравнение с роскошной пушистой собачкой, попавшей под дождь и ставшей похожей на облезлую крысу.

– Доктор, – голос мадам Лалие тоже дрожал, но было заметно, что она пытается с этим справиться, – если у вас есть знакомства среди специалистов по психам, самое время звонить им.

– Почему вы так говорите? – заинтересовался Пьер Ранжер.

Голос шведки, и без того слабый, упал до шёпота:

– Потому что я не имею ни малейшего понятия, о чём говорит Белль.

Глава 37

Женщина, сидевшая по другую сторону стола, была невероятно привлекательна. Говоря по правде, она была так ошеломляюще, сногшибательно красива, что у Франсуа-Рэймона Дюма, сорокаторрёхлетнего магистра философии и главного авторитета столицы по всем смежным наукам, при её появлении в дверях его кабинета перехватило дыхание, и он замер с историей болезни предыдущего пациента в одной руке и надкусанным бутербродом в другой. Разным мужчинам нравятся разные типы женщин – или не женщин вообще; но доктор Дюма, холостяк со стажем, был страстным поклонником стройных блондинок с растрёпанной копной волос, отливающих то золотом, то серебром в зависимости от освещения, и с большими глазами, лучистыми, словно драгоценные агаты, от стоящих в них слёз. Кстати, о слезах. Посетительница могла стать просто богиней, если бы хоть на минуту перестала плакать. Пусть не минуту – Франсуа-Рэймон чувствовал, что несколько завывает свои требования. Пятнадцать секунд. Но вот уже почти полчаса, как божественное видение уделяло этому бессмысленному занятию – пролитию слёз – всё свое внимание. Но никакого громкого плача, ни-ни! Зрелище столь деликатное – крупные жемчужные капли, стекающие в шёлковый, обшитый кружевами, тканевый клочок – заставило бы сжаться сердце любого мужчины,

даже, вполне возможно, серийного убийцы, разыскиваемого за истребление женщин по всей Европе. Такие мелочи, как еле слышная икота и покрасневший носик, не смущали очарованного взора Франсуа-Рэймона Дюма. Но всему же есть предел; расписание приёма восстало против велений сердца и победило в этой борьбе.

– Дорогая мадам, если бы дело касалось только меня, я не знал бы большей радости, чем утешать вас. Но через сорок минут ко мне придёт следующий пациент, и...

Женщина неожиданно энергично высморкалась.

– Да, вы правы, – проведя последний раз скомканным платком по красным полосам на щеках, она убрала безделушку в сумочку и, наконец, прямо взглянула на консультанта.

– Совершенно правы, – повторила она. – Хватит разводиться сырость. Дело в том, что события, произошедшие со мной, так потрясли меня...

– Какие именно? – теперь доктор Дюма любовался её решительным видом не меньше, чем до этого – трогательной слабостью и слезами.

Женщина вздёрнула подбородок ещё выше, хотя подобное было сложно представить, и всё её лицо стало таким жёстким, словно окаменело.

– Я расскажу вам. Естественно, расскажу. Уж если я сразу ощутила к вам такое доверие, что позволила увидеть меня в слезах, теперь глупо останавливаться. К тому же Ранжер

поручился за вас.

Слегка изменившееся лицо эскулапа выразило его недоумение. Женщина заторопилась:

– Дело довольно деликатное. Во-первых, никто не должен меня здесь видеть. Вдруг кто-то узнает, что жена... что я посещаю врача по головам? Мне лично всё равно, даже если о том, что я сумасшедшая, будет шуметь весь Париж. Но это не безразлично моему мужу, а своё недовольство он всегда срывает на мне. Так что о встречах с вами будет договариваться моя горничная, сейчас она ожидает меня в приёмной. Кодовое имя – мадам де Ламор.

На плечах врача находилась и голова мужчины тоже, и сейчас именно она шла кругом от запаха духов и блеска глаз этой женщины. Франсуа-Рэймон Дюма плохо понимал, что от него требуется, зато сразу восхитился выбранным незнакомкой псевдонимом. Мадам Любовь. Кажется, именно это чувство сразило его около тридцати минут назад наповал. Захмелев от неожиданного всплеска гормонов, доктор блаженно смотрел на новую пациентку; до него не сразу дошло, что женщина спрашивает о чём-то – и, судя по тону её голоса, не в первый раз. Сделав над собой усилие, доктор Дюма прислушался.

– Вы меня узнали?

– Вы – сама Примавера, Весна, – вырвалось у никогда не склонного к поэзии эскулапа.

Взгляд женщины просветлел.

– Понимаю. Вам затмевают разум внешняя атрибутика, – она презрительным щелчком отправила за плечо короткий локон. – Всё это пустое, милейший доктор. Как можно любить сумасшедшую?

– Вы уже второй раз говорите о своей ненормальности, – доказывая, что он не совсем поглупел, спокойно проговорил врач. – В чём это выражается?

– Я теряю память.

– М-м... а точнее? Забываете, где лежат вещи или памятные даты?

– Я не помню ни одного вечера за последние полтора месяца, – женщина говорила бесстрастным тоном, словно всё происходящее её не касалось.

– Так, – Франсуа-Рэймон задумался. – Надо полагать, что в эти вечера что-то происходило или вы просто ложились спать?

– Об этом я узнаю от посторонних людей. В частности, моей горничной. Сама я была уверена, что укладывалась в постель и спала.

– Продолжайте.

Мадам де Ламор нахмурилась.

– Я и сейчас не знаю, как об этом рассказывать. Дело в том, что для меня все рассказы Белль, моей горничной, остаются всего лишь рассказами. Я по-прежнему не могу вспомнить.

– Что заставило вас забеспокоиться? Как я понимаю, гор-

ничная держала свои наблюдения при себе?

Женщина продолжала хмуриться.

– Да. Белль, в общем, не любопытна. Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятно... Хорошо, – решила она, – слушайте. Моя супружеская жизнь такова, что мы с мужем балансируем на грани раздельного проживания. Последний интимный контакт был более полугода назад. Так утверждает МОЯ память. В то же время Белль говорит, что в минувшие полтора месяца – половину марта и апрель – очень часто находила доказательства обратного...

– Чего обратного? – теперь уже нахмурился доктор.

Пациентка начала нервно наматывать на палец свои волосы.

– Ну... что мы с мужем... продолжаем иметь близкие отношения...

– Интимные? – уточнил психиатр.

– Да, чёрт побери, секс! Секс каждый день! – зашипела разъярённой змеёй женщина.

– И? – Франсуа-Рэймон Дюма задвинул в дальний угол сознания зависть к счастливицу, обладающему этой богиней.

– И я склонна верить ей больше, чем себе. Потому что доктор Ранжер обнаружил у меня трёхнедельную беременность. А никакие ангелы от Господа Бога меня в последнее время не посещали с известием о непорочном зачатии. Остаётся сделать вывод, что виноват мужчина. Я хочу, чтобы вы покопались в моей голове и сказали, кто он и как ему удалось

этого добиться.

Она замолчала, выжидаяще глядя на доктора; но психологический врач ещё минуты три хранил молчание, обдумывая интересный случай. Синдрома Девы Марии, к тому же с доказательствами, в его богатой практике ещё не попадалось. Что ж, можно попробовать... и тогда он станет видеть эту прелестную женщину почти каждый день.

Франсуа-Рэймон посмотрел на часы.

– У меня есть кое-какие идеи, мадам де Ламор. Я займусь вашей загадкой, и с помощью Господа Бога и определённых научных методов мы поймаем негодяя на месте преступления...

Ожидать, пока она перестанет плакать, практически вошло у доктора Дюма в привычку за месяц почти ежедневного общения. Время от времени у него даже мелькала мысль заменить чехол на кресле для пациентов на влагоустойчивый. Хотя это ничуть не умаляло обаяния самой женщины, да и оснований вести себя так у неё, надо признать, было предостаточно.

Провести месмерический сеанс удалось далеко не сразу, сознание пациентки по неизвестной причине сопротивлялось введению в транс. Было ясно, что с женщиной уже работали, проводя загадочные и, скорее всего, малоэтичные эксперименты. Мадам де Ламор продолжала описывать свои странные сны и обрывочные воспоминания; складывая эти

рассказы и пояснения горничной, энергичной француженки, по-матерински опекавшей свою мадам, Франсуа-Рэймон получал неизменный результат: в сознание пациентки умышленно или по преступной неосторожности было введено сомнамбулическое внушение. И оно продолжает действовать.

Муж мадам де Ламор, остававшийся для доктора безмянным, вернулся из долгой деловой поездки, и мадам сразу стала выглядеть намного хуже. Фиолетовые круги под глазами – следы недосыпания, головокружения и общая слабость; к ним прибавились кровоподтёки на теле и на запястьях, о происхождении которых пациентка не имела ни малейшего представления.

Прогресс начал наблюдаться совсем неожиданно. Неделями месмеристу удавалось погружать мадам де Ламор в транс совсем неглубоко, и она просыпалась от любого испытанного волнения. В таком состоянии пациентка ничего не могла рассказать об источниках своих проблем. И вдруг, к удивлению испытателя, на неё подействовало простейшее приспособление для концентрации внимания пациента. Это был небольшой шарик из отшлифованных мельчайших кусочков драгоценных камней голубого цвета.

Женщина уставилась на него, с испуганным и восхищённым видом одновременно.

– Сейчас он выглядит по-другому, – еле слышно пробормотала она.

Эти слова пациентки крайне заинтересовали доктора Дю-

ма.

– Почему вы так сказали? Я показываю вам эту вещь в первый раз.

– Да? – женщина подняла на него отрешённый взгляд. – Не знаю. Мне кажется, раньше камень был целым.

При первых же словах месмериста она уснула. И начала рассказывать странные вещи – настолько странные и страшные, что Франсуа-Рэймон Дюма поспешил начать записывать, убеждённый, что его пересказу после пробуждения она не поверит.

Достаточно было одного взгляда на лицо пациентки, чтобы рука доктора Дюма сама собой потянулась к толстому тому на книжной полке, за которым у него был устроен маленький тайничок. Он щедро плеснул коньяк в пузатый бокал и подтолкнул его через стол.

– Считайте это лекарством, прописанным врачом. Вам не помешает.

Светловолосая женщина долго смотрела на него, а после пожала плечами и залпом выпила. Когда огонь по её пищеводу скатился в желудок, выражение глаз стало почти нормальным.

– Вы хотите прочесть протокол сеанса ещё раз, мадам де Ла...

– К чёрту, зовите меня Алис! – прорычала женщина. – Какие могут быть церемонии, когда вы узнали про меня ТА-

КОЕ?!

Она попыталась взять себя в руки.

– Нет, не хочу. Четыре раза я прочла о том, что господин Лалие проделал со мной. Более чем достаточно. Боже всеми-
лостивейший, – обхватив голову руками, Алис Лалие – на-
онец-то Франсуа-Рэймон знал её настоящее имя – застонала.

– Я не могу поверить. Чтобы отомстить, он превратил ме-
ня в проститутку, бессмысленную и бессловесную куклу для
сексуальных игр... Как он посмел! – женщина клокотала за-
поздалым гневом, но Франсуа-Рэймон был готов к тому, что
в любой момент она снова разразится слезами.

– Алис, – с осторожностью начал он плести спасительную
паутину, – вы не должны во всём обвинять себя...

– Себя? – закричала женщина так громко, что доктор едва
не свалился со своего стула. – Какого чёрта, я себя вообще
не обвиняю! Только мсье Лалие, и одного его!

– Но это тоже неверно, Алис, – прервал её доктор. – В
проблемах любой супружеской пары очень редко бывает ви-
новат один. Вы говорили, что отказали ему в близости...

– Вот уж где Омар Лалие не ожидал встретить союзника, –
женщина с отвращением глянула на Дюма, – так это в моём
враче.

– Я должен быть объективен, Алис. Больше никому.

– Я не хочу знать, какие оправдания вы придумаете для
Лалие. Ему-то как раз адвокат дьявола не нужен. А я попро-
шу вас, Франсуа-Рэймон, назвать мне имя лучшего знатока

законов в Париже, который возьмется за мой бракоразводный процесс. И будь я проклята, если не оставлю господина Лалие без последних штанов!

Доктор невольно восхитился её решимостью, мрачным блеском глаз. Но у него оставались сомнения.

– Он вам не позволит.

– Попробует не позволить, – согласно кивнула головой женщина. – Попытается снова взять под свой контроль. Насколько велики его шансы?

Франсуа-Рэймон ухмыльнулся.

– Ну, пусть попробует. Результаты должны удивить его.

Блондинка вопросительно подняла брови.

– Я снял внушение, – пояснил доктор. – И навсегда заблокировал ваше сознание от попыток изменить его. Душа человека – не игровая площадка для дураков, полагающих, что они владеют методами доктора Месмера. Ваше счастье, что вы пришли ко мне, Алис. Дело могло закончиться для вас «жёлтым домом».

– Клиникой для сумасшедших.

– До конца жизни. Уверен, что ваш супруг такого исхода не желал.

– Зато он хорошо поразвлёкся за мой счет. Мне очень хочется убить его, – женщина встала, – так сильно, что чешутся ладони. Так что читайте утренние газеты, Франсуа-Рэймон. В них может оказаться сенсация...

Глава 38

Элиза тешилась этой мыслью до вечера, представляя в своём воображении различные способы сведения счетов с Марисом Стронбергом. Вот она топит его в аквариуме с вуалехвостыми рыбками, вот душит тончайшими женскими чулками по сотне франков за пару... а теперь просто и без затей кастрирует костяным ножичком для открывания писем.

В глубине души Элиза понимала, что не посмеет сделать ничего подобного с Марисом.

Она его боялась.

Но страх не означал, что она вовсе не попытается отомстить.

Пролистав на досуге рукопись, которую ей вручил с озабоченным видом Франсуа-Рэймон, Лиз отыскала все сведения, что ей были необходимы для успешного осуществления её мести. И вечером она была готова.

Бархатное платье цвета молодого салата, плотно облегающее фигуру – живот ещё оставался плоским, несмотря на двухмесячную беременность, переливающиеся золотом распущенные волосы, запах духов – всё в этой экипировке было её оружием. Марис не мог – впрочем, и не хотел – скрыть впечатления, которое жена на него произвела. Лиз то и дело ощущала на руке, на спине, на шее его пальцы, поглаживающие её. Ярость и унижение – убийственная смесь, какую

она испытала, читая утром записи Франсуа-Рэймона, помогли ей отреагировать на эти знаки внимания с привычным уже гневом. Марис послушно отодвигался дальше, убирал руки, но глаза его опасно темнели, так, что не было видно зрачков. Элиза мысленно торжествовала – он не сможет не попытаться прямо сегодня утвердить свою власть над усып-лённой женой – и только старалась, чтобы Марис не видел её удовлетворённой улыбки. Но даже в этом случае Стронберг не догадался бы, что он разоблачён, и лишь снова решил, что Элизе доставляет наслаждение ставить его на место. И ей действительно доставляло.

После вечерней трапезы и отъезда гостей – министра с супругой, четы Тейланов, главы одного из муниципальных округов Парижа, Омар Лалие учтиво проводил супругу до дверей спальни и оставил одну, даже не попытавшись на прощание поцеловать; но Элиза была уверена, что он вернётся. Она даже не стала переодеваться, легла прямо в своём красивом платье на покрывало. И задремала, утомлённая событиями безумного дня.

Спящая, она представляла собой идеальную жертву; но, видимо, кодовая фраза не могла сработать, если жертва спала, потому что Омар разбудил её примерно через час, снова войдя в комнату. В мёртвом молчании он расхаживал по спальне жены и раздевался, ничуть не смущённый испуганным взглядом Элизы, которым она провожала каждое его движение. Смятение Лиз было вполне обоснованным –

неужели сегодня Стронберг решил принудить её к близости грубой силой, не вводя в сомнамбулическое состояние? И как ей полагается реагировать? Ну, уж это Элиза знала.

– Марис, что сие представление означает? – голосом Снежной Королевы процедила молодая женщина. – Я, кажется, не приглашала тебя в свою комнату и вовсе не собиралась любоваться на твои мускулы.

– Будешь себя хорошо вести – дам потрогать, – небрежно пообещал муж. На его бёдрах оставались только домашние брюки из мягкой серой шерсти. Дойдя до кровати, он резко остановился, глядя в лицо Элизы. – Но прежде я хотел сделать тебе комплимент: ты очень мило выглядишь сегодня.

Глубоко втянув воздух, блондинка закрыла глаза и откинулась на спину. Хорошо, что её собственный невыразительный голос сегодня поведал, какие фразы использовал Омар Лалие для введения ее в транс. Пусть кукловод до поры считает, что марионетка полностью подчинена его воле.

Очевидно, Марис поверил, потому что Лиз почти сразу услышала его удаляющиеся шаги. Она не рисковала подсматривать сквозь ресницы, чтобы не вызывать подозрений; да и на что там смотреть? В уши вливался равномерный спокойный голос, отстранённо перечисляющий все нанесённые ему за вечер обиды:

– Сегодня ты вела себя хуже обычного, рабыня. Теперь ты осмеливаешься делать мне замечания при посторонних людях. Мне! Ты дорого заплатишься за это. Тебе придётся

вымаливать прощение...

Если он потребует целовать ему руки или ноги и ползать на коленях, она не выдержит. Её стошнит прямо на самое ценное для Лалие – бухарский ковёр.

Муж всё распался, упиваясь своей властью над бессловесной жертвой.

– Ты станешь молить меня о наказании и сама поднесёшь – в зубах, ползком – кнут, которым я выпорю тебя...

Ну, достаточно. Глаза женщины открылись.

– Я всегда подозревала в тебе садистские наклонности, только следует знать меру.

Если бы посреди комнаты вдруг выросли буйные джунгли, Лалие не был бы так изумлён, как услышав эту реплику. Введённый в транс человек по определению не способен критически мыслить, делать замечания или задавать вопросы. И вдруг подобный бунт!

– Что? Что?! – он круто повернулся на каблуках.

Жена, сидя с подогнутыми ногами на кровати, смотрела на него с откровенно издевательской улыбкой. В её глазах он не заметил ни капли доброты или прощения, а тем более готовности повиноваться.

– Извини, если нарушила твои планы на этот вечер.

Неспособный скрыть своё потрясение, Лалие по-прежнему смотрел на неё.

– Как ты... как...

– Как я сумела не стать в очередной раз лабораторным

кроликом? – подхватила Элиза. – У тебя просто неудачный день, милый, – ласково пропела она. В тёмных глазах светилась жажда убийства.

Шагнув к кровати, Марис больно схватил её за руку.

– Говори, кто помог тебе! Ты слишком глупа, чтобы сделать это самостоятельно.

Тяжёлый удар обрушился на его левую щеку. Жена не покупилась на подтверждение своих чувств; но даже тряся головой, чтобы вернуть себе ясность мыслей, Марис не отпустил её руку.

– На моём месте садист, дорогая, уже пинал бы тебя сапогами, подкованными железом. Так что считай, тебе повезло, что у меня только склонность к садизму. А теперь давай сядем и спокойно обо всём поговорим.

– Я не хочу с тобой разговаривать! – вырываясь, закричала Элиза. – Всё, о чём я мечтала, это посмотреть тебе в глаза, когда ты поймёшь, что я знаю всё!

– Смотри, – муж приблизил к её лицу своё, с уже начинающей опухать щекой. Лиз резко отодвинулась.

– Пошёл в... – ответила она не подходящим даме выражением. – Теперь у меня есть прекрасное основание для развода, Лалие, и я получу его. Мне плевать, что по твоим дурацким законам я останусь в браке, главное – цивилизованный мир.

Омар сухо улыбнулся.

– Я уже говорил тебе, дорогая: не угрожай человеку, в ру-

ках которого власть. Ни о каком разводе и речи быть не может. Поверь мне, ты не доберёшься до мирового судьи. Мы с тобой по воле Аллаха связаны навеки.

– А может быть, не по воле Аллаха, а по твоей? – раздражённо уточнила женщина. Омар снова улыбнулся, но отвечать не стал.

– Кто помог тебе снять внушение?

Лиз не собиралась выдавать Франсуа-Рэймона.

– Значит, ты признаёшься, что превратил меня в куклу, рабыню для сексуальных игр...

– Да, да, – нетерпеливо перебил супруг, – признаюсь. Кто снял внушение? – его куда больше волновала опасность утраты власти, чем сбросившая чары жена.

Лиз внезапно надоело увиливать. Она покачала головой.

– Отвяжись. Не скажу.

Омар Лалие явно ожидал от неё не такого ответа, но был готов к затяжной конфронтации.

– Скажешь, – со спокойной уверенностью ответил он. Встал прямо перед Элизой. Молодая женщина подалась всем телом назад, настороженно глядя на него.

– Вот видишь, – удовлетворённо произнёс укротитель, – ты меня боишься, и это внушает надежду, что твой рот откроется меньше чем через десять минут.

– Чтобы послать тебя к чёрту! – под напускной бодростью Лиз не удалось скрыть дрожь.

Лалие засмеялся, демонстрируя роскошные зубы. В голо-

ве жены мелькнула свежая идея нанять головорезов, чтобы где-нибудь в тёмном переулке они научили Мариса быть более человечным.

– Тебе никогда больше не удастся меня мес... месмери... сделать со мной то, что делал! Франсуа-Рэймон заверил меня, что...

– Ага, – бесстрастно отметил муж, – начало положено. Видишь, как легко говорить правду? Оказывается, неведомого спасителя зовут Франсуа-Рэймон. Что ж, неплохо, это имя не так часто встречается. Было бы хуже, если б его звали просто Жак или Мишель. А Франсуа-Рэймона мы найдём, даже если ты не скажешь его фамилии. Или скажешь?

– Нет, – зная связи Лалие в Париже, Лиз понимала, что после глупой ошибки, допущенной ею, сопротивление остаётся пустой формальностью. Но сдаться? Никогда.

– Напрасно ты думаешь, *habibti*, что мои возможности исчерпываются внушением. Я могу добиться всего, что угодно, и от человека, находящегося в трезвом уме и полном сознании.

Элиза фыркнула.

– Не веришь? – муж взял её руку, закатал рукав платья выше локтя и проникновенно посмотрел в глаза. – Ну, сокровище, скажи мне, как твой «спаситель» выяснил, что ты находишься под действием внушения?

– Нет, – повторила Элиза.

– Нет, – отозвалось со скрытым удовлетворением эхо го-

лосом Мариса.

Лиз не заметила, откуда у него в руке появилась свеча, но крохотный огонёк уже приближался к нежной коже на её запястье.

– Сумасшедший! – Лиз дёрнула руку, но Марис держал крепко.

– Скажешь.

– Нет! – женщина вскрикнула, ощутив мгновенный укус боли. – Ой!

– Скажешь, если не захочешь сгореть заживо. Или зови на помощь. Слуги прибегут. Если услышат, сейчас ведь ночь.

Лиз не собиралась рассчитывать на чью-то преданность или бессонницу. Сообразив, что маньяк, увлечённо поджаривающий её левую руку, совершенно забыл о правой, женщина напряглась и изо всех сил ударила кулаком в нижнюю челюсть врага.

От боли и неожиданности Лалие прокусил губу, по подбородку вниз потекла кровь. Лиз искренне понадеялась, что сломала ему зубы – и сэкономила на найме громил; но, видимо, квалификация была всё же разной. Хотя главной цели она достигла – Лалие отвязался от неё. Огонёк погас, свеча покатилась по полу, Марис выскочил из спальни жены, словно безумный мартовский заяц.

Только устраиваясь на покой, Лиз сообразила, что так и не порадовала его известием о предстоящем довольно скоро отцовстве.

Сон Элизы был так крепок, словно её одурманили; она не услышала, как отворилась тщательно запертая на ключ дверь, как ночной гость по очереди уделяет внимание каждой её руке и ноге, передвигается плавно, стараясь не шуметь. Завершив своё дело, мужчина уселся в кресло, собираясь дождаться её пробуждения.

Сон замер на одной точке. Что-то мешало ему развиваться в положенном направлении. И ужасно чесался нос.

Элиза Лалие сморщилась, пытаясь избавиться от неприятного ощущения, дёрнула рукой, ногой... и проснулась. Достаточно было пары взглядов, чтобы понять, что произошло. Ах, как она была неосторожна! Заперла дверь на ключ и считала, что находится в безопасности. Но кто бы мог подумать, что желание Мариса Стронберга поквитаться окажется таким долгоиграющим?

– Немедленно отвяжи меня, – чётко проговорила она, обращаясь к тёмному силуэту в кресле.

В свете луны было заметно, как тот довольно улыбается.

– Похоже, что такое твоё положение – единственно возможное для того, чтобы нам спокойно поговорить. Как цивилизованные люди.

– Ты именно так понимаешь цивилизованность? Что же ещё мы не обсудили?

Муж подошёл к кровати, указательным пальцем прочертил линию через шею к груди беспомощной жертвы. Лиз дёр-

нула головой, но добилась только обратного эффекта: Марис начал водить пальцем по ночной сорочке вокруг сосков, уже ставших особенно восприимчивыми в ожидании того времени, когда им придётся кормить ребёнка.

– Не нервничай так, дорогая, – вкрадчиво промурлыкал он, но не успела Лиз вздохнуть, как голос стал злым и жёстким. – Этот Франсуа-Рэймон был твоим любовником? Ответь мне!

– И не подумаю, – сексуальное возбуждение по капле вливалось в тело Лиз через руки Лалие, обхаживающие её грудь. Женщина попыталась сжать ноги, растянутые путами в разные стороны.

Во взгляде мужа появилось некоторое удовлетворение.

– Я тебя трахну, только скажи мне: этот хлыщ был твоим любовником?

– Зачем мне говорить это? – Элиза поёрзала бёдрами по матрасу. Где-то внутри неё начинал припекать крохотный уголёк.

Марис наклонился, лизнул поднявшийся сосок через тонкую ткань, потом начал жадно сосать его, слегка прихватывая зубами.

– Так был?

– Нет, нет! Или прекрати, или заканчивай начатое!

– А кем он был?

Скулящий звук прорвался через стиснутые губы Элизы.

– Как вы познакомились? – методично продолжал вести

допрос третьей степени муж.

Элиза лежала с закрытыми глазами, всем видом изображая намерение молчать хоть до второго пришествия Христа.

– Ну хорошо, – Омар Лалие задумчиво посмотрел на распластанную женщину перед ним. – Вижу, здесь мне ничего не добиться...

Элиза слегка дёрнула головой, но промолчала.

– Тогда я пойду с другого конца верёвки. С Франсуа-Рэймона. У него наверняка есть свои слабости – семья, работа... Достаточно будет двух-трёх неприятностей, чтобы этот умник согласился поговорить со мной.

Элиза уже не притворялась мёртвой, а следила за рассуждениями мужа широко раскрытыми в тревоге глазами.

– Что ты собираешься делать? Франсуа-Рэймон помог мне решить такую загадку, а ты хочешь доставить ему **неприятности**? Только посмей, и я задушю тебя в твоей собственной постели!

– Похоже, проняло, – муж зло улыбнулся. – Интересно, почему ты так заступаешься за этого парня? Может, он всё-таки был твоим...

– Он – мой друг! – выкрикнула женщина.

– Разумеется, – Марис с сарказмом кивнул. – Тебя хочет добрая половина мужиков Франции и Швеции, а этот почему-то не захотел. Может, ему нравятся мальчики?

– Марис, ты идиот, – тело Лиз обмякло. – Чтобы меня захотеть, надо, по крайней мере, меня хоть раз увидеть. А та-

кого шанса не выпадало практически никому. Ну, вспомни, когда мы выезжали в город и даже ещё только ехали в Париж, я всякий раз была замотана в плащи с капюшонами. Я даже не могла есть!

Муж тяжело вздохнул, провёл тыльной стороной ладони по лицу.

– Ты, наверное, права. Схожу с ума от одной только мысли, что ты можешь оказаться в постели другого парня.

– Чтобы сходить с ума, надо этим умом обзавестись для начала, – Элиза сердито дёрнулась. – Развяжи меня!

Муж подавленно повиновался. Продолжая издавать звуки разъярённой кошки, Элиза потёрла запястье, на котором остался красноватый след; в шипении, вырывавшемся из её рта, можно было различить не лестные для Мариса эпитеты.

– ...вообразил себя божком... мерзавец...

Период смирения у Лалие не затянулся.

– Достаточно. Теперь выкладывай всё об этом Франсуа-Рэймоне и учти – начнёшь увиливать или врать, посажу на полгода под замок на хлеб и воду.

– Это уж вряд ли, побоишься навредить ребёнку.

Марис застыл на месте с открытым ртом, словно шарахнутый молнией. Что это с ним, впервые слышит? Ах, ну конечно, о ребёнке она ещё не говорила...

– Какому ребёнку? – осторожно уточнил муж.

– Тому, что во мне, любимый, тому, что во мне. Как это по-мужски – сделать ребёнка и думать, что об этом никто не

догадается!

Лиз расположилась на подушках в позе королевы, дающей аудиенцию ничтожному подданному. Для полноты картины не хватало, чтобы Лалие упал на колени перед ней. Ничего, он ещё поползает у неё в ногах! Но в данный момент муж выглядел так, будто всё его тело утратило гибкость, превратилось в цельный деревянный брусок.

– Ты шутишь? – облизнув губы, с осторожностью переспросил Марис. Лиз сделала кистью руки величественный жест.

– Нисколько. Ты хотел правды – так бери её, сколько сможешь унести! Тебе было интересно, как я познакомилась с Франсуа-Рэймоном? Изволь, расскажу. Из-за твоих безответственных экспериментов я заболела, почти потеряла рассудок, узнав о том, что беременна. **Я была уверена**, что последний раз спала с мужчиной полгода назад. И вдруг ребёнок! Доктор направил меня к специалисту по психам. Как раз мой случай, правда?

– Ты не сумасшедшая! – возмутился муж.

– Но было очень похоже, – парировала Элиза. – Воспоминания о том, чего не было, ребёнок, которого не могло быть. Таким дамочкам самое место в приюте для умалишённых. Мне очень повезло, что Франсуа-Рэймон сумел расставить все факты по своим местам, отделить ложь от истины, правильные воспоминания от галлюцинаций. Я навечно останусь его должницей, – она поднялась с кровати, босыми но-

гами прошла по ковру к стоящему в неподвижности мужу и коснулась указательным пальцем его груди.

– Если я узнаю, что ты причинил хоть малейший вред Франсуа-Рэймону, можешь попрощаться со мной, с ребёнком – да и с жизнью вообще. Ты меня понял?

Омар Лалие только заторможенно кивнул; его голова ещё не работала настолько хорошо, чтобы начать изобретать обходные пути.

Глава 39

С некоторого времени клиенты известного в столице магнетизёра Франсуа-Рэймона Дюма обнаружили за эскулапом новую привычку. Доктор мог подолгу стоять возле окна и, подняв повыше занавеску, смотреть на улицу, словно поджидая кого-то. Его ассистентка не раз заставляла кудесника в этой позе – руки сложены буквой Г на груди, правая ладонь подпирает подбородок – и задумчивый, отрешённый взгляд.

На деликатные расспросы Жаклин Денуа Франсуа-Рэймон поначалу отделялся шутками, но с каждым уходящим днём он грустнел всё больше и всё чаще молчал. Окончательно напугал Жаклин внезапно пробудившийся в докторе интерес к светской хронике. Жаклин, уже давно нацелившаяся занять должность мадам Дюма, внутренне холодела, видя кипы «жёлтой прессы» на столе доктора по утрам. Что он там выискивал, в этих газетах, для неё оставалось загадкой. Благодаря мерам предосторожности, обеспеченным до этого Белль Эжен, медсестра ни разу не столкнулась с таинственной светловолосой дамой под вуалью, посещавшей кабинет доктора Дюма.

А Франсуа-Рэймон всё рылся в газетах, бормоча вполголоса:

– Ну где же она? Почему о ней ничего не напишут? Почему она ни разу не сообщила... – так что причин для ревно-

сти у Жаклин Денуа было предостаточно.

Всё началось днём, в яркий полдень, когда Франсуа-Рэймон Дюма по своему обыкновению стоял у окна, словно ожидал появления этой таинственной женщины, про которую говорил «она».

Мрачный, чёрного цвета экипаж, запряженный лошадьми, достойными короля, с вычурными плюмажами, позолотой на упряжи, промчался по улице в окружении четырёх верховых с саблями наголо. Из соседних домов тут же высыпали праздные зеваки. Почувствовав необычное, Жаклин подошла сзади к доктору и вытянула шею, стараясь через его плечо разглядеть происходящее на улице. А увидев, ахнула от изумления. Экипаж уже остановился, королевский, не менее, эскорт спешил, а слуга в золочёной лирее стоял у дверцы кареты, открыв её и при этом согнувшись до земли. Жаклин ещё немного прищурилась... и верно, на землю слуга постелил небольшой ковёр. Их почтил визитом Его Высочество?

Из кареты показались белые одежды, а вовсе не ноги в современных чулках. Гаркнув приветствие, стражники отдали честь саблями наголо. Король, поняла Жаклин, и вправду король. Да только не французский.

Возле кареты стоял высокий, представительный господин. Белые одежды ниспадают до земли, а голову скрывает платок, закреплённый жгутом. На всех пальцах бедуинского короля переливались драгоценные камни.

– Святая Мария! – потрясённо прошептала Жаклин.

Доктор Дюма стоял как каменный, не реагируя ни на бедуина, ни на Жаклин; но медицинская сестра с удивлением слышала его учащённое дыхание и различала мелкие капельки пота, выступившие на лбу.

– Что происходит, Франсуа? Вы знаете?

– Это он, – пробормотал доктор. – Это он...

Ну вот, не хватало загадочной «её», теперь в пару и «он» появился!

Шейх, так выделявшийся среди толпы своим нарядом и властной уверенностью манер, ясно говорившей о том, что именно он является работодателем остальных, и работодателем богатым, выступил вперёд. Всего лишь поманил пальцем – и двое последовали за ним, заглядывая в лицо хозяина в страхе пропустить очередные указания.

В прихожей глухо стукнул дверной молоток. Жаклин Дену подскочила на месте, направилась встретить посетителей, но была остановлена холодными, будто лёд, пальцами Франсуа-Рэймона на своём плече.

– Не открывайте им, не надо, – засипел врач.

– Чего? – изумилась Жаклин, забывая про усвоенный парижский выговор. – Почему это? Он, наверное, хочет проконсультироваться...

– Он всё узнал и хочет убить меня! – твердил доктор.

подавив готовое вырваться предложение Франсуа-Рэймону обратиться к его собственным коллегам, мадемуазель Де-

нуа начала спускаться по лестнице.

Омар Лалие стоял перед закрытой дверью, со всех сторон окружённый телохранителями, не испытывая ни малейшего волнения. Пусть Дюма беспокоится о причинах, побудивших приехать сюда мужа его бывшей пациентки. На то, чтобы установить личность доктора, у Мариса ушло пятнадцать минут. Почему он приехал? Дюма сделал столько хорошего его жене – за добро надо платить.

– Бонжур, мсье, – сразу за дверью стояла очень эффектная женщина колониального типа – смуглая кожа алжирцев, мелко завитые смоляные волосы спускаются вдоль скул на запоминающееся лицо. – Что вам угодно?

Жаклин охватило неприятное чувство, когда тёмные глаза гостя обратились на неё. В них не было чувств. Но выглядел бедуинский принц, тем не менее, так, что дух захватывало. От него просто ощутимо пахло деньгами.

– Доктор Франсуа-Рэймон Дюма здесь принимает?

Жаклин стояла, как дурочка, хлопая глазами. О небеса, а голос у него какой сексуальный!

– Мадемуазель?

– О!.. да, да. Пожалуйста, мсье, проходите! Как о вас доложить?

– Лалие. Омар Лалие.

С лестницы, ведущей на второй этаж, донёсся отчетливый стон. Известный магнетизёр Франсуа-Рэймон Дюма прятался за балюстрадой.

Медицинская сестра растерялась всего на несколько секунд.

– Мсье Лалие, пожалуйста, пройдите в кабинет. Доктор спустится к вам через минуту.

Бедуин ответил учтивой улыбкой, не вложив в неё ни капли тепла.

– Поторопитесь.

Разглядев гипотетического соперника ближе, Марис несколько успокоился. Во внешности доктора не было ничего примечательного: не первой молодости, фигура напоминает скорее шарик, нежели античного Геркулеса. Разве что Лиз привлекли его мозги, до последней извилины набитые мудрёными терминами? Есть женщины, которым нравится думать, что их мужчина умнее всех в этом мире.

Доктор Дюма сидел в кресле, но в его позе не было расслабленной уверенности хозяина дома. Казалось, что каждый нерв в теле несчастного магнетизёра напряжённо вибрирует; француз ежесекундно готов был сорваться с места и побежать.

– Доктор Дюма, я – Омар Лалие.

– Я знаю, – дрогнувшим голосом пробормотал эскулап.

Глаза посетителя были всё так же бесстрастны и неподвижны.

– Моя жена рассказала мне позавчера, как вы помогли решить её проблему.

Рука доктора, которую сжимала в своей ладони Жаклин

Денуа, внезапно вспотела.

– Эээ... да... ммм...

– Не надо скромничать, доктор, вы – замечательный специалист. Я безмерно благодарен за всё, что вы сделали для Алис. И чтобы доказать всю величину своей признательности, я решил сделать вам маленький подарок.

Доктор съёжился в кресле и зажмурил глаза, будто опасаясь, что Омар Лалие сейчас вытащит из-под просторного одеяния базуку и начнёт стрелять в него. Жаклин, которой передалась тревога патрона, застыла рядом. Она, без сомнения, уже укоряла себя за то, что впустила таких подозрительных гостей.

Омар Лалие щёлкнул пальцами левой руки, и скульптурная группа ожила. Жаклин Денуа дёрнула головой, уважаемый доктор ещё глубже забился в кресло. Похоже, его не волновало, в какой позе, героя или труса, он примет смерть.

Один из сопровождающих бедуина шагнул вперёд, поставил на стол между Омаром Лалие и людьми по другую сторону небольшую резную шкатулку.

– Это мой дар вам, доктор Дюма. Откройте её.

– Л... лучше вы, – магнетизёр по-прежнему опасался, что в шкатулке может оказаться бомба или смазанная ядом пружина, готовая уколоть того, кто беззаботно откинёт крышку.

Усмехнувшись, Лалие кивнул человеку, подавшему шкатулку. Мужчина без слов сделал шаг вперёд.

Жаклин Денуа ахнула, впиваясь взглядом в россыпь дра-

гоценных камней, до половины заполнивших резной ящик. Цвет и переливы каждого лишь оттенялись соседством других камней.

– Это вам, – повторил Омар Лалие.

– Но... но это же целое состояние! – выдохнула Жаклин. – Тысячи франков!

– Скорее, миллион, мадемуазель, – бедуин вежливо наклонил в сторону медицинской сестры голову. – Но здоровье моей жены и моего ребёнка бесценно.

Очнувшись от потрясения, Франсуа-Рэймон Дюма внезапно вскочил и закричал, тыкая в гостя пальцем:

– Вы!.. вы!.. хотите подкупить меня, чтобы я молчал о том, что вы сделали с Алис! Вы – преступник, Лалие, богатый преступник, но за все деньги мира вы не заставите меня молчать...

Посетитель без слов внимал его истерике, даже не шевельнувшись в своём кресле. А может, он воспользовался возможностью вздремнуть под своим головным убором.

Голос Омара Лалие прозвучал поразительно тихо по сравнению с выкриками доктора.

– Со мной лучше оставаться друзьями, Дюма.

– Можете подтереться своей дружбой! – с новыми силами крикнул врач. Захватив из шкатулки горсть камней, он швырнул их в посетителя.

– Забирайте свои блестяшки и проваливайте отсюда вместе с этими гориллами! Если Алис захочет обратиться в жан-

дармерию, я обязательно поддерживаю её! Вы не заслужили такой милой жены, подонок!!!

Омар Лалие чуть наклонил голову, и помощник бросился собирать рассыпавшиеся по одежде бедуина и по ковру камни. Все действия были проделаны в обратном порядке – камни ссыпаны в шкатулку, крышка защёлкнута, и ящичек исчез за спиной помощника.

Лалие встал, не сказав больше ни слова, покинул кабинет. Свита потянулась за ним, и через минуту от роскошного экипажа на улице осталась только пыль, поднятая его колёсами.

Чувствуя, что ей не помешает проявить деликатность, Жаклин не расспрашивала патрона о предыстории сегодняшних событий. Видимо, Франсуа-Рэймон сам ощущал неприятный осадок, потому что охотно принял приглашение Жаклин на ужин. Они ели и говорили о пустяках, и каждый чувствовал повисшее в воздухе напряжение. Около полуночи Франсуа-Рэймон Дюма начал рассказывать о первом визите Алис Лалие. Не слишком искушённый на практике в особенностях женской психологии, он подробно описывал красоту и свежесть мадам Лалие, её ласковый характер и подчёркивал жестокость обращения с ней мужа; этим он добился того, что Жаклин, шестым чувством угадавшая в Алис Лалие ту самую соперницу, из-за которой доктор к ней охладел, только порадовалась, что у мадам Лалие есть муж, да такой, что легко её не отпустит.

Уставший от переживаний доктор заснул прямо в кресле,

Жаклин тоже задремала. В час перед рассветом их разбудил шум и треск в саду, где два месяца назад было построено специальное здание для приёма пациентов. Франсуа-Рэймон и Жаклин не успели к началу представления – языки пламени уже охватили весь дом, взлетали в чёрное небо и отгрызали то там, то здесь яркие куски от него; нетрудно было догадаться, кто выступил инициатором происходящего. К приезду пожарного расчёта перекрытия уже рухнули, и шеф команды, стараясь всё-таки исполнить свой долг, попытался у доктора и его служащей, как же они оставили въездные ворота не запёртыми на ночь. Ни Жаклин, ни доктор не смогли вспомнить, запирали ли они их. Зато ни один из них не сомневался в авторстве «сюрприза». Убытки были велики, сгорел не только дом, но и все записи, весь архив доктора.

Франсуа-Рэймон Дюма ещё сидел в холле жилого дома, держась за голову, когда в дверь позвонили.

– Неужели это опять жандармы? – Жаклин закатила глаза, берясь за ручку двери.

На ступеньках стоял только один человек – мужчина с короткой стрижкой, в сером отглаженном костюме и со сдержанностью в глазах.

– Мсье доктор, мадемуазель Денуа, мой шеф приглашает вас присоединиться к нему. Прошу следовать за мной, – посланец развернулся и начал спускаться по ступенькам. Отказа не предусматривалось.

– Это тот самый, который подавал камни, – зашептала воз-

ле уха патрона Жаклин. Доктор Дюма только махнул рукой с мрачной покорностью судьбе.

Дорога не заняла много времени. За пятнадцать минут открытая коляска с тремя пассажирами внутри переехала в район богатых особняков и остановилась перед гостеприимно распахнутыми воротами одного из них.

– Прошу следовать за мной, – повторил посланец.

Сад за коваными воротами был больше и старше сада доктора Дюма, белый дом в глубине – выше на два этажа, обстановка не в пример роскошнее.

– Здесь живет Лалие, да? – задал вопрос в спину провожатого доктор.

Человек только пожал плечами, надо полагать, полномочий делиться информацией у него не было. Но нет, Омар Лалие там не жил, хотя и встретил приехавших у дверей дома. Одет он на этот раз был по-европейски, шейный платок безупречно повязан, несмотря на ранний час. Когда взгляд загадочного мужчины коснулся её, Жаклин остро почувствовала свой растрёпанный вид. Но взгляд скользнул дальше.

– Мсье доктор, – голос бедуина звучал безучастно, никакой радости от своей мести, никакого торжества, – этот дом отныне принадлежит вам. А точнее, мадемуазель Жаклин Денуа...

Медицинская сестра ахнула.

– ...на которой вы женитесь в ближайшее время и продолжите в полном комфорте вести свои несомненно важные

научные исследования.

– Я женюсь на Жаклин? – врач уставился на ассистентку в недоумении. Та постаралась скрыть торжествующий блеск глаз.

– Верно. Радуйтесь выпавшему вам счастью и забудьте про существование и проблемы моей жены. Мадемуазель Жаклин, – короткий наклон головы, – могу я рассчитывать на ваше содействие?

– Жаклин, не смей!

– Ну разумеется, господин, – женщина мурлыкала разомлевшей кошкой. – Сделаю всё, чтобы имя Франсуа Дюма осталось в истории.

– Прекрасно, – без улыбки кивнул меценат. – Ведь у меня есть разные возможности.

Кому было надо, тот понял несказанное. Жаклин Денуа точно поняла и в скором времени объяснит милейшему доктору, если он пока не понял, что семейного счастья ему не миновать.

Глава 40

К удивлению и некоторой настороженности Мариса, грядущее материнство изменило Элизу. Она даже улыбалась ему теперь, не без теплоты, но отстранённо, будто всё время прислушивалась к тому, что происходит у неё внутри. Основной, безотказной причиной для споров стал пол будущего ребёнка: Марис хотел девочку. Разумеется, что Элиза сразу же начала готовиться к рождению сына. Марис думал и был внутренне готов к тому, что от супружеских радостей его отстранят надолго, отнёсся стоически и вовсе не собирался искать благосклонности дам полусвета на трудный период жизни. Изумив его, Элиза сама проскользнула однажды ночью в его постель, потом продолжала это делать постоянно. Муж обнимал её и молчал, боясь разрушить волшебство. Прошло время экспериментов, теперь ему хотелось нежности. Днём Лиз о своих походах не говорила – воля её.

Канун 1835 года доктор Ранжер за компанию с повитухой провёл во дворце. Девочка родилась в последние минуты уходящего года. Элизе поднесли дочь, та глянула на красное сморщенное существо, но после мук родов осталась к ней равнодушна. Не спросила про девочку и вечером следующего дня, ей хотелось лишь спать. Было слегка досадно, что судьба вновь подыграла Марису Стронбергу, это ведь он хотел дочь. На третий день грудь Элизы наполнилась моло-

ком, а муж разгадал намерение не привязываться к малышке, чтобы досадить ему. Молодой отец сам явился в покои Лиз, дочку в пелёнках и одеяле голубого цвета – вещи шили для мальчика, по распоряжению Лиз – несла за ним незнакомая женщина. Роженица имела вид цветущий, задумчиво разглядывала потолок. Рассмотрев и оценив процессию, выпрямилась:

– Вы кто? Отдайте мне Грету!

Женщина не торопилась расстаться со свёртком, лишь удивлённо глянула на хозяина:

– Разве ж девочка Грета, монсеньор?

– Мадам Палю не ошибается. Дочь мы уже окрестили, ей дано имя Кристиана-Дениз.

Элиза молча разинула рот. Ну и имечко, ей же не повторить такого вовек! Криса... Окрестили? Что за спешка, и без участия матери?

– Мне показалось, тебе будет не интересно. Ты ведь не достаиваешь Тину вниманием.

Молодая мать окинула его сожалеющим взглядом, помянула к себе кормилицу:

– Дайте дочь.

Положив одеяло с ребёнком на колени, долго и с удивлением рассматривала дочь.

– Это Я родила?

Стронберг хотел вмешаться, что-то добавить – лёгкое прикосновение Белль остановило его. Мать и дочь знакоми-

лись друг с другом. Глупая, без малого двадцатилетняя мать, она ещё и матерью-то стать не была готова... Тина смотрела в сторону пахнущего молоком цветного пятна распахнутыми мутноватыми глазёнками... взмахнула ручками... открыла рот...

Прозвучавший вопль был так пронзителен, что Лиз, вздрогнув, едва не уронила ребёнка с колен. Вся дрожа, она повернула бледное лицо к няньке:

– Что с ней? Она больна? Я ей не нравлюсь?

Мадам Палю заворковала самым успокоительным, деликатным тоном:

– Наша прелестная мадемуазель хочет кушать, да, сладкое дитя?

Ради разнообразия Лиз покраснела, коснулась груди под подозрительно плотной сорочкой.

– Я не умею...

– Это просто, мадам Лалие, надо лишь поднести дитя... но разве вы собираетесь сами кормить малышку? Дамы вашего положения этого не делают!

Марис нахмурился.

– Она прежде всего мать, а потом уже – дама какого-то там особого положения. Что с твоей грудью, Элизабетта? – он впервые обратил внимание, что глаза супруги блестят, было похоже, что у неё небольшой жар.

Лиз молча приподняла сорочку, показывая область груди, туго перебинтованную холстиной. Вперёд выступила Белль.

– Доктор Ранжер велел после родов перетянуть грудь мадам, чтобы молоко перегорело. Он не думал...

– Заметно, – процедил Марис. Глаза его недобро сузились. – И что, уже поздно, она не сможет кормить грудью?

– Н-нет... не поздно пока...

– Именно меня полагается спросить, хочу ли я делать это!

– А я не спрашиваю. Снимайте повязки!

Обе груди Элизы выглядели распухшими, твёрдость их угадывалась и без прикосновений. Совершенно очевидно, что именно они были причиной жара роженицы. Муж положил ладони чуть выше сосков. Удивился, обратился к авторитету кормилицы:

– Мадам Палю, почему это так выглядит – словно камень? Разве должно...

– У мадам молоко остановлено в движении наружу, оно не может найти выход. Если продолжить бинтовать, оно уйдёт через неделю-две.

– Нет, – отрезал Марис. – Мы будем кормить.

Элиза только вздохнула.

Муж не побрезговал ничем, не отходил от неё до самого вечера. Сам менял горячие компрессы на грудях, неустанно разминал их в массаже, так что первые капли на тёмных оконечностях можно было считать его заслугой. Кристиану поднесли к груди матери на следующий день, и дочь была столь нахальна, что выразила недовольство малым рационом. Докармливала её плодородная мадам Палю. Крохотная

Кристиана на уровне рефлексов одобрила своё младенческое счастье, целых две мамы, родная и молочная...

Глава 41

И ведь всё было хорошо. Марис перевёл взгляд с дочери, бодро ползающей по ковру, на настороженную жену. Целых семь месяцев. Кристиана росла, Элиза угомонилась, стала вести себя, как подобает достойной молодой женщине. Может, немножко более скованно, чем хотел бы её супруг, но выше всех похвал в глазах высшего света. Конечно, в силу своего материнства она почти не участвовала в раутах, балах и охотах, а когда выезжала, вела себя молчаливо и сдержанно; однако Марис ловил себя на мысли, что эта замкнутость притягивает его взор больше разукрашенных фривольных дам. Уж как крутилась и извивалась вокруг Элен-Франсуаз, пытаясь привлечь его! Пока однажды Элиза не отыскала её и его, зажатого дамой в вынужденном tête-a-tête в углу оранжереи, и безучастным голосом не озвучила все травмы, которые она нанесёт вышедшей из берегов воспитанности кокотке. По глазам было видно, Элен-Франсуаз поверила. Дрогнула. Отстала, подыскав себе новую жертву среди аристократов. Марис пытался выразить жене свою благодарность, но не заметил, чтобы это тронуло Элизу.

– Ты принадлежишь мне, – жена дёрнула плечиком. – Я не делюсь.

И тем не менее, жизнь шла хорошо. До получения треклятого письма Лаймен, доставку которого Марис не смог ута-

ить от Лиз. Вести с родины, где Элиза не была более двух лет, взволновали её. А более всего тот факт, что Лаймен Стронберг ничего и не писала о её семье. Прикажете упоминать о крестьянах? Пфе, сударь мой, моветон! А не угодно ли и о свинячьем опоросе?

– Читай, – дрогнувшим голосом попросила Лиз. Марис вздохнул, достал второй лист из конверта.

«...далёкое расстояние, любезный сын, делает новости не совсем таковыми, пока почтовые кареты домчат нам твои послания. Вот и узнала я, что родилась у тебя дочь, когда малышке уж месяца три исполнилось. Но это ничего, возблагодарить Господа никогда не поздно! Надеюсь, что и супруга твоя...»

Быстрый взгляд на Элизу.

«...пребывает в добром здравии и сможет по прошествии приличествующего времени одарить тебя сыном-наследником...»

Лиз хмыкнула, встала, стремительно отошла к окну. Марис читать не перестал, зная, что она всё равно слушает.

«...новости есть и у нас. С полгода назад Аделаида объявила, что она в тягости, а всё оттого, что ездила она к святым мощам на поклон. Наверное, сила святых помогла, ибо ребёночка она не скинула, как прежде, и теперь ходит круглая, что твоя бочка. И радоваться бы мне милости такой, да вот сомнение гложет: Раймонд ли семя посеял то? Не в себе он с тех пор, как девка его деревенская в лесах сгинула...»

Лиз крутанулась вокруг своей оси, в ужасе уставилась на Мариса, отвечавшего ей беспомощным взглядом. Оба они понимали, что «деревенской девкой» могла быть только Линета Линтрем.

Марис наскоро просмотрел остатки письма.

– Ничего интересного. В основном, догадки, кто может быть отцом ребёнка Аде. Мамап грешит на молодого поручика, гостившего по соседству. Сетования, что здоровье отца пошатнулось, от Рея помощи никакой, и мамап приходится лично направлять и проверять управляющего, чтобы всё делалось вовремя и не воровал.

– Я должна ехать туда, – Элиза кусала губы. – Я же неблагодарная! Уехала и забыла. А мама уже тогда чувствовала себя нехорошо.

– Там брат твой, – возразил Марис. Пускаться в далёкое путешествие с семимесячной дочерью на руках не хотелось.

Элиза вскинулась горячей лошадкой:

– А что брат? Куда Георгу, помимо своих детей, ещё пять сестёр малолетних? Что с Линетой случилось? Как там... Андрес?

Муж явственно скрипнул зубами. Лиз глянула виновато – но не остановилась.

– Нельзя скрываться в Париже и далее. Ты решил, мы едем?

Проще всего было настоять на своём праве главы семьи единолично принимать решения. Только Элиза ему подоб-

ного манифеста не простит.

– Ma chérie, ну что ехать-то? Кристиана ещё мала, ты её к груди прикладываешь. Пусть ей хотя бы год исполнится. А там, на родине, уже всё, что было суждено, произошло.

Элиза слушала его и даже кивала, и Мариса обманул её покорный вид. Он думал, что если её сейчас задержать в Париже на полгода, то острота переживаний схлынет, а там, глядишь, к зиме она и вторым беременна будет. И опять же нельзя пускаться в дорогу, положение-то деликатное!

Решение приняла сама жена. Три недели она думала и готовилась, а потом исчезла, забрав из стола мужа мешочек с золотом, а взамен оставив послание.

«Мне ждать нечего и некогда. Там моя мать и сёстры, они нуждаются во мне. Береги Тину. Вернусь, наверное».

«Наверное» встревожило. Кому, как не Марису, было знать, в присутствии Андреса Ресья «наверное» легко могло превратиться в «не вернусь». И как эта идиотка доберётся до Швеции? Проехать несколько беспокойных, чужих государств, имея при себе только деньги... её убьют на первом же перевале...

Стронберг кинулся следом, верхом, в изматывающей погоне.

Часть 4. Время замкнуть круг

Глава 42

Амьен – Фландрия – территории Римской империи вплоть до Гамбурга... Хвала богам, что у Элизы хватило здравого смысла взять с собой Белль и отправиться в собственной карете, в Лилле две женщины наняли сопровождающих, вполне надёжных людей, по словам хозяина постоянного двора на въезде в город. Марис менял там лошадей, и ему повезло разговориться именно с человеком, привечавшим беглянок. Их путешествие к тому времени длилось неделю, женщины даже под вуалями выглядели измотанными. Однако по-прежнему опережали его на день. Когда Марис был вынужден пересесть на почтовый дилижанс – ноги уже не слушались его, и следовало отоспаться, хотя бы сидя, в пути, разрыв увеличился ещё более. Элиза и Белль времени не теряли, деньгами не раскидывались, и расспросы на постоянных дворах не давали результата. Да и не было у него времени на эти расспросы, одна надежда – случись что с нею, он бы узнал об этом, услышал разговоры, почувствовал.

На территории Датского королевства было неспокойно, то и дело вспыхивали крестьянские восстания, лошадей удавалось менять на свежих с трудом. Элиза не кичилась высо-

ким положением, они с Белль весьма находчиво, хотя и богохульно, переоделись в монашеские платья. Марис, напротив, обратился за содействием королевского наместника в Киле, и тот, убеждённый звонкими аргументами, предоставил курьерских лошадей. Так что Марис переправился на пароме из Копенгагена в Мальмё лишь на полдня позже тех, кого догонял. Беда была в том, что он сделал это вечером, и после пришлось остановиться на ночлег. К этому времени он высоко оценил дорожные навыки своей жены, женщины не пропали, не пострадали от грабителей, ехали хорошо охраняемыми дорогами, не напрашиваясь на неприятности.

А следующим днём он отыскал в портовом Мальмё оставленную здесь Элизой Белль – и в один миг изменил решение: всё-таки его жена – дура. Бросив неважно себя чувствующую попутчицу и кучера, рассчитав охрану, переодетая в мужское платье, Элиза в одиночестве рванула верхом в родные края. Белль Эжен и напугалась, и обрадовалась грозному лику господина, каялась, что позволила хозяйке ехать одной. Элиза просто-напросто её обманула – покинула таверну, велела лежать, а под подушкой её кровати Белль обнаружила записку и деньги. Махнув рукой, Марис купил в очередной раз лошадь, отправился следом. Тут уже в выборе дороги он не сомневался. Края, хорошо знакомые им обоим...

Думала ли она, чем всё закончится, когда начинала своё путешествие? И не сказать, что пустилась в него необдуманно.

но, нет, они планировали с Белль этапы пути и меры предосторожности. Но тогда ей казалось всё это совершенно не важным, мыслями она уже была с матерью, сёстрами и... что греха таить, с Андресом Ресья. Этот человек стал для неё мифическим подобием якоря, навсегда привязавшего Лиз к родной земле. Безусловно, он ждёт её. Не может не ждать, они так любили друг друга. Женщина забывала, что возвращается в Швецию не глупенькая, наивная, подкупающая свежестью и чистотой Лиз Линтрем. Какая разница, она, Лиза, это всегда она. Короче говоря, на плечи Белль легло обдумывание и обеспечение их путешествия, договорённость с кучером, отвлечение внимания прочих слуг в день побега. Одно Элиза знала точно – Марис не одобрит её план. Собиралась ли она возвращаться и нести ответственность за побег? Белль Элиза сказала, что да. Верная до кончиков пальцев служанка могла – и должна была – испугаться неясного будущего в незнакомой стране. Элиза не думала, как и на что она будет жить в Швеции. Решение этих проблем полагалось обеспечить Андресу.

Ещё до переправы на Мальмё Белль натуральнейшим образом разболелась. Ломило спину, болела голова, из глаз безостановочно текли слёзы. Элиза оставила служанку в гостинице под присмотром кучера, сама же забрала из конюшни лошадь и поскакала верхом домой. Ой... четыре часа в седле довели её до изнеможения. Неаккуратным мешком сползая с уставшей лошади, Лиз посидела немного на дороге. Она ви-

дела крыши построек и даже надменный фасад дома Стронбергов в левой стороне от деревни. Надо вставать.

По дороге, едва поднимая колени, прошаркал старик-односельчанин. Элиза не помнила его имени, вот и не стала называть себя.

– Желаю здоровья, дедушка. Не помочь ли чем?

Старик подозрительно осмотрел её европейскую одежду.

– А чем ты можешь помочь, дочка? Силы мне и добрый боженька уж не вернёт. Чья же ты будешь?

– Я... я проведать приехала разных людей, – Элиза подстроилась под вялую походку старика. Лошадь она, ослабив подпругу, вела под уздцы.

– Вы же знаете, наверное, семью Вергилиуса Линтрема?

Старик нахмурился.

– Лавочника, что ли? Его уж, почитай, лет десять как земля прибрала.

– Я знаю, – Лиз рассматривала пыль под ногами. – Но ведь большая семья осталась...

– Э-э, девонька, почитай, уж никого и нет!

– Как это? – губы женщины помертвели, шёпот получился невнятным. Старик не заметил её состояния.

– Ну разве что сын евонный, кузнец Георг. Вот он обзавёлся своим хозяйством, жинка такая ладная да складная, ребятишек трое.

– А сёстры его и мать?

– Старуха-то, почитай, уж год как померла...

У Элизы ещё хватило времени сравнить возраст рассказчика с годами Мелиссы, она была лет на двадцать моложе, и тут осознание новости ударило её обухом топора.

– Как? – женщина осела на дорогу, поводья выскользнули из слабых рук. – Не может быть... мама...

Дед сощурился, разглядывая Элизу. Помогать он не спешил. Наконец удовлетворённо сплюнул пережёванную травинку.

– А и правда, ты – Лизка, третья их. Узнал тебя дедушка... Приделась, смотрю, личико гладкое, похорошела. Небось богатеньких в стольном граде обслуживала?

Мерзок оказался односельчанин и недобр. Или не вспомнил, как Марис Стронберг за ней ухлёстывал, или поверить нельзя было, что хозяйский сынок всё ж женится на ней. Марис и вправду мог этого не делать, запоздало поняла Лиз. Власти над нею и физической силы у него хватало, чтобы получить её без всяких обязательств. Вдруг, действительно... любил? Мама!

Не заботясь о судьбе лошади – а ведь гадкий старик мог увести кобылку на свой двор, Элиза побежала к когда-то родному дому. Выглядел домишко неважно, крыша почти провалилась в одном месте, забор едва стоит... Элиза не хотела знать заранее, что случилось с его обитателями.

– Есть кто живой? Девочки! Девочки!

Худенькая фигурка в горе обносков – одна рванина поверх другой – сгорбилась над слабо тлеющим очагом, отча-

янно дую на красноватые угли, пыталась возродить пламя.

– Мирабела! – Элиза бросилась к сестре. Та отшатнулась.

– Лиза... да что это... неужели живая?

В крохотном треугольном личике, в голосе сестры была безнадёжность. Смерти, потери – всё уже было в её тринадцать лет.

– Мирабела... – спокойнее повторила Лиз, стараясь ещё более не напугать сестру. – Ох, бедная моя! Где Нонна, Марсела, Селена? Про маму я знаю уже...

Слёзы капнули на угли. А маленькая Мирабела смотрела сухими глазами, свои слёзы она, похоже, уже выплакала. Девочка села в какие-то тряпки, прямо на пол.

– Да, мама... Когда ты уехала, всё стало не так. Мама говорила, что тебе будет лучше. Правда было, Лиза?

Сестра только усмехнулась.

– Я не голодала.

Для Мирабелы это было признаком благополучия.

– Тогда хорошо. Через неделю приехали за Ренатой. Какой-то господин пошептался с мамой, денег ей дал, она велела Ренате собираться, а нам ничего не сказала. Селена потом сказала, что, наверное, ему маленькие девочки нравятся, и Рената не вернётся назад...

Элиза до боли сжала губы. Она не знала, кто из слуг Хусейна Лалие забрал для неё малышку сестру в качестве живой игрушки, только память об этом покорёжила души младших сестёр. Посланник оставил после себя дурной след.

– У Ренаты всё хорошо, она со мной живёт... жила, пока не поступила в школу.

– Школу? – глаза Мирабелы расширились. В голосе прозвучало неверие и зависть. – Она, что, **учится**?

Элиза впилась зубами в верхнюю губу, чтобы не расплакаться. То, что она считала естественным для человека, её младшей сестре казалось роскошью.

– Но послушай, маленькая... ведь Селена же занималась с вами...

Мирабела вздохнула с недетской горечью.

– Селена уехала в город. Сказала, что будет работать и сама выкует свою судьбу.

По торжественности тона Лиз поняла, что фраза Селены.

– Давно?

– Еще до того, как Лин потерялась.

Похоже, именно об этом писала сыну Лаймен Стронберг. Тему Линеты начинать было жутковато.

– Что произошло с Лин?

– Она с ума сошла, – просто пояснила девочка. – Сидела всё на крыльце, сидела... бормотала, что Раймонд вот-вот её заберёт да они поженятся. Потом начала говорить, что он уже её муж... а однажды решила, что он её ждёт в лесу, ей надо идти к нему. Маме было совсем плохо, старших никого, вот мы и не уследили, как Линета сбежала.

От безыскусности повествования сердце Элизы сжимало будто крепкой рукой. Сёстры нуждались в ней, пока она за-

нималась лишь собственной жизнью.

– А где Нонна, Марсела? – спохватилась она. – Они-то живы?

– Нонна в кровати лежит, у неё болит внутри, – из недр домика действительно донёлся лающий кашель.

– А малышку мы попросили Георга забрать. Она там помогает по хозяйству.

Марселе всего семь лет, но вряд ли жена брата щадит «обузу».

Элиза не удержалась, крепко-крепко обняла сестру.

– Я теперь не уеду. Будем вместе. Сейчас я добегу до Андреса, скажу, что вернулась, и попрошу еды.

Мирабела глянула с удивлением.

– Зачем до Андреса? Лучше Георга попросить.

Но Лиз уже убежала, охваченная волнением. Конечно, нет, только Андрес поможет им!

Возникли трудности с тем, где разыскать Андреса Ресья. Дом, который односельчане строили им на свадьбу, стоял пустой, с провалившейся крышей. Чего Андрес так и не достроил его? Жил бы себе в удовольствие... Элиза поймала за хвост воспоминание, похолодела, аж мурашки с плеч побежали на руки. Марис грозился Андреса отдать в солдаты. А вдруг так и поступил? Она тогда не простит мужу...

Элиза печально улыбнулась. Всё равно – муж. Сердце томится по другому, а в голове Марис. Муж.

Бросилась к старому дому семьи Ресья. Вышла сестра Андреса, Сюзана, грудного ребёнка держала на руках – а самой-то ладно если семнадцать минуло! Удивления особого не высказала, осмотрела Элизу и ткнула пальцем на восток.

– Андрес живёт там, на подворье старосты.

Где располагался самый богатый дом их деревни, Лиз знала. Вот только какая тропка привела её Андреса... Сюзана уже шла прочь.

Женщина добежала до указанного подворья за десять минут, задыхаясь, заколотила в ворота. Да, тут была не только дверь в дом, просторный двор обнесён воротами. Со двора несло мычание коровы, бляение коз, а с дороги под столбы бодро шмыгнули рыжие куры. Створка ворот отошла.

– Вот полоумные, стучат как на пожар!

Элиза стояла лицом к лицу с Андресом.

И смогла только раскрыть рот, замычать. Андрес, её Андрес был одновременно и не им. Раздались вширь плечи, наметился живот, пополнели щёки, а ясный взгляд стал хмурым, циничным, неприятно сверлил из-под нависших бровей.

Романтическая встреча не задалась.

– Чего надо?

– Андрес... это же я...

– А это я. Надо чего, спрашиваю?

Лиз попыталась снова.

– Я вернулась домой, Андрес...

– Поздравляю. Потаскух только в деревне недоставало.

– Андрес! – задохнулась Элиза. – Как ты посмел! Ты же любил меня!

– Любил – разлюбил, – цинично хмыкнул бывший жених. – Как только ты за Стронбергом убежала да легла под него ради выгоды.

– Это неправда! От меня ничего не зависело!

– Слушай, – Андрес воровато как-то оглянулся, – мне это уже не интересно. Было и прошло.

В сердце будто загнали острую щепку. Было больно. Рушился мир. Но... не совсем, не до конца.

– А как ты... почему ты живёшь здесь...

– Дорого-ой, – в воротах обрисовалась дородная блондинка. Лицо толстое, за щеками почти глаз не видно. По-хозяйски обняла Андреса Ресья за талию. – Что стоишь здесь? Кто пришёл?

Дочка старосты – узнала Элиза. Средняя. Но и та узнала соперницу. Набрала воздуха, отчего немалая грудь раздулась более и приподнялась, по-жабьи шлёпнула губами.

– Вот чудо, девка господская заявила! Думали, что подохла уже.

– Марита, – хмуро одёрнул её Андрес. По глазам было видно, сравнил сохранившую стройность и гибкость Лизу с дочкой старосты, не уступавшей бочонку в объёме, и разозлился оттого ещё более. Буркнул. – Ну что смотришь, жена Марита моя. Да, жена. Вот, вышло так.

Быть простым «вышло так» Марита Ресья явно не собиралась. В голос добавилось визгливых нот, свободная рука уперлась в область талии.

– Жена, и любимая! Два года меня на руках носит мой муженёк...

– Не надорвался бы, – не удержалась Элиза. Лицо Мариты побагровело.

– Завидууй молча, подстилка господская! Никому не нужна стала, оттого и прибежала, поджав хвост?!

Элиза молча пожала плечами. Смысла рассказывать об истинном положении дел этим двоим она не видела.

Женщина развернулась, пошла по дороге прочь. Андрес догнал её, не обращая внимания на визги жены.

– Лиза! – схватил за руку, разжал пальцы под устремлённым на них взглядом женщины. Помялся. – Ты... это... не ходи сюда. Анвар – отец Мариты – за такое по голове не погладит. Да ведь и не связывает нас ничего уже...

– Истинная правда. К тому же, я замужем.

Не удержалась, ах, не удержалась от шпильки, вернувшей ей часть равновесия. Бывший жених лишь выпучил глаза, а Элиза с гордой, прямой спиной пошла к материнскому дому. А как скрылся новый дом Андреса за поворотом да стихли вопли его жены, прыгающей вокруг остолбеневшего супруга, обессиленно опустилась на придорожный камень. Отчего так странно устроен человек, что кормится он мечтами и иллюзиями, а как лишится их – может даже умереть от разоча-

рования? Дура она, выстроила в небесах хрустальный замок да принца волшебного посадила в него, хоть по всем правилам сидеть бы там принцессе. Что теперь делать с разбитым сердцем, как жить? В голове всё мутится... солнце, хоть и осеннее, а как печёт...

Кто-то присел рядом на корточки.

– Довольна? Добилась своего? А ведь какую силу воли проявила...

Знакомый голос, вот только делать его обладателю здесь нечего. Элиза распахнула глаза.

Марис Стронберг смотрел грустно и строго, без издёвки, без желания причинить боль.

– Откуда... – рот женщины пересох, превратился в пустыню, голова поплыла. Почудилось вдруг – не было ничего, никуда она и не уезжала, ей снова семнадцать и после сбора урожая пойдёт замуж за Андреса... а молодой барон ухлёстывает за ней...

– Доволен будь... – слабый хрип, и женщина валится на дорогу с камня, падая в чёрное небытие.

Глава 43

Лаймен Стронберг, разумеется, представляла себе сцены очередного возвращения младшего сына домой. И пешком, и на лошади, и роскошный выезд в карете, внезапный или предупреждённый письмом. А вот такого – в запылённой одежде, без сопровождающих и слуг, зато с бесчувственной женщиной на руках – не предусмотрела. Не хватило бурной фантазии.

– Господь милосердный, да что же это!

– Ну извини, мама, – Марис ухитрился пожать плечом. Протиснулся в дверь боком, оберегая ноги и голову своей ноши. – Это Элиза, ей солнцем голову напекло.

– Может, беременна? – с надеждой воззрилась мать. Сын сорвался.

– Дай же мне положить её куда-нибудь! Потом умыться б с дороги. Я скакал верхом из Мальмё без остановки. Жёнушка моя, кажется, тоже.

Лаймен заметно удивилась, однако молча, без слов, указала путь в гостевую спальню, где невестка была положена на застеленную кровать. Служанка приволокла холодный компресс на голову и была тут же приставлена Лаймен к делу.

– Приглядишь за молодой госпожой. А ты, – палец упёрся в грудь Мариса, – пойдёшь со мной. Выпьём чаю, поговорим.

Сын рассказал ей... наверное, не всё, но многое. Умерен-

но счастливая семейная жизнь, растёт дочка. Вот только жена беспокоилась за своих родных. Пришлось разрешить ей путешествие под охраной, от которой она в последнем городе благополучно удрала. Как только понял, что без него она наделает глупостей – пустился вслед. Догнать удалось уже в родной деревне.

– Вы останетесь здесь жить? – Лаймен мечтала скрасить своё одиночество. Муж капризен и частично парализован после головного удара, сын погружён в себя, а когда удаётся расшевелить его – того хуже, впадает в буйство. На фоне этих несчастий – цветущая, безмерно довольная собой Аделаида, доживающая последние недели беременности. В поместье теперь раз в три дня наезжал лекарь, что обходилось в кругленькую сумму хозяйке его. А проку-то... Эмилю легче не становилось, рука так и не шевелится, Раймонд и вовсе теперь прячется по углам и спит при свете свечей – говорит, теней боится. А надумай Аде рожать сразу после отъезда лекаря, так он ведь коней обратно не повернёт. Так хотелось бы иметь под рукой кого-то разумного, кто в силах помочь в трудной ситуации...

Марис слушал жалобы матери сочувственно, а всё ж обещаний не давал. Пусть для начала придёт в себя от тягот путешествия Элиза.

– Любишь ты её всё-таки, вижу, сын, – с должным оттенком неодобрения заметила Лаймен.

Марис не стал вилять.

– Люблю. В огонь, может, не брошусь, а прощаю многое. И она мне прощает.

– Она – тебе? – каждое слово Лаймен было выделено большими буквами удивления. Мол, кто невестка, а кто её сын.

Марис глядел устало.

– Да брось ты, мама, эти сословные различия! Лиз – моя женщина, я мужчина. В любви каждая крестьянка – королева.

– Хорошо поёшь, братец, я аж заслушалась, – Аде Стронберг шагнула в гостиную, задев плечом раздвигающиеся двери. Последние дни беременности «украсили» её пятнами на лице и раздувшимися ногами, но в то же время рыжие волосы стали длиннее и гуще, а щёки розовели румянцем. Не дожидаясь приглашения, Аде села.

– Чего же ждать королеве в любви?

– А королева уже достигла своего предела, – парировал Марис. Невестка ему не нравилась. Прежде всего, склонностью к гадостям и проказам.

– Так что, люби – не люби, а счастья не будет?

– Каждая женщина носит счастье в себе.

Аде с иронией глянула на свой огромный живот. Марис продолжил.

– Счастье любить кого-то ещё, кроме своей драгоценной персоны. Заботиться. Отдавать своё время и силы.

– Ты нам мечту описываешь, а не свою женщину. Тоже ведь самаритянка ещё та.

Марис не стал отрицать очевидное. По крайней мере, Элиза любила своих сестёр. Лаймен будто услышала его мысли.

– Твоя жена родных видела?

– Да. О девочках надо бы позаботиться, если уж брату не до них. У меня есть кое-какие мысли, осталось отдать распоряжения.

Болела Элизабетта Стронберг не тяжело и не долго – три дня, однако поизучать потолок всё же пришлось. От себя самой не скрывала, что больше симулирует слабость нервов вкуче с расстройством хрупкой душевной организации, выгадывала время подумать. Муж на глаза не показывался, даже было сомнение, что там, на дороге, она видела его. Но ухаживающая за ней служанка подтвердила, что да, гостит Лиз в доме госпожи баронессы Стронберг, а как бы она сюда попала без Мариса. Сам молодой господин уехал, прислуга не знала, куда. Элиза думала – хлопотать о разводе либо раздельном проживании, но на этой мысли надолго не задерживалась. Если так, он будет в своём праве, она его не послушалась, удрала в Швецию. Кристиану, конечно, заберёт. Дочери будет с ним лучше. Или, по воле Господа, материнские чувства она рано растратила на сестёр, или вообще была в них урезана, но – дочь и дочь. Славная, милая, а только львицей при слепом помёте Элиза себя не чувствовала. Ей бы с сёстрами разобраться. Как теперь прокормить их? Придётся для начала заняться огородом, впрочем, до зимы

она ничего не вырастит. Наняться бы куда в прислуги, только не к старосте же на поклон идти! И не к матери Мариса. А больше людей, способных нанять прислугу, в их округе не водится. Деньги, что были, она все оставила Белль, так была уверена в своём Андресе. Вспомнив сытое, даже припухшее лицо, Элиза поморщилась. Вот он, герой грёз идиотки! За глупость и будет теперь расплачиваться, биться, как рыба об лёд, в попытках прокормить себя и девочек придётся просить брата о помощи, чтобы поддержал до весны, а там она отправится в Мальмё. Белль, может, её дождётся. Устроится служанкой в доходный дом, девчонок заберёт к себе...

– К вам госпожа Лаймен! – на миг просунулась в двери мордашка горничной, и девушка тут же убежала. Элиза нехотя приняла чуть более достойную позу – подоткнула подушку повыше, спрятала голые ноги под одеяло.

Мать Мариса вошла стремительно, уселась в кресло на отдалении от кровати, будто боялась от невестки чем заразиться – то ли дуростью, то ли неблагородным происхождением. Элиза могла бы её успокоить, мол, ни то, ни другое не передаётся по воздуху. Но молчала, открыто, прямо разглядывая свекровь. Время щадить Лаймен не собиралось, и не купишь вечной молодости, можно только ловить ускользающую птицу свежести за хвост. Печали и трудности успешной охоте не способствуют, а горестей, видимо, хлебнула Лаймен немало.

– Здравствуй, Элиза Линтрем, – отрывисто начала свекровь.

– Стронберг я, матушка, – вздохнула строптивица. – Принято брать фамилию мужа в браке.

– Принято-то принято, да только долго ли ты в нём останешься со своими выходками?

– Это уж мужа забота.

– Я тебе добра желаю, Элиза!

Поднятые брови.

– Давно ли, матушка?

Лаймен поморщилась.

– Марису ты дорога, значит, и мне тоже.

Лиз сползла ниже в кровати.

– Не напрягайтесь, госпожа. Ваш сын разведётся со мной, и не придётся изображать невесть что, тратить своё красноречие.

Лаймен внимательно рассматривала её.

– Наглая и бесстрашная, всё по-прежнему. Воспитания ноль...

– Я руками не ем!

– Зато сил и энергии достаточно. Родила бы ты Марису мальчика.

– Госпожа баронесса, говорю вам...

– Не разведётся, – махнула рукой Лаймен. – Любит он тебя.

Лиз уставилась на одеяло.

– Не за что меня любить. Я дура первостатейная, в фантазиях плавала...

– Андрес Ресья? – догадалась свекровь.

Невестка покаянно кивнула.

– Увидела его, и глаза словно раскрылись. Ведь чисто таракан!

Баронесса Стронберг, к её чести, не стала привязывать моральные качества к социальному статусу.

– Ну, а к Марису... у тебя есть чувства?

– Он меня бесит, – честно призналась Лиз. – Уж три года знаем, а всё никак просчитать его не могу, что сделает да как поступит.

Лаймен кивнула. Это хорошо, что интерес сохраняется.

– А постель?

Элиза глянула в панике. Подобных вопросов ей и родная мать не задавала. Женщина даже глаза зажмурила от смущения. Тихо призналась:

– В постели с ним хорошо... нежный он и изобретательный...

Лаймен кивнула опять, успокоенная. За эту пару можно не волноваться, найдут общий язык. А она станет воспитывать внука или внучку от Аде, что ещё остаётся...

Марис вернулся в Стронберггард, когда Элиза уже вставала, передвигалась по комнате и всё чаще обдумывала, как объявить Лаймену, что пора с гостеприимством завязывать. Уже дней десять прошло, как она выбежала из родного дома, оставив обнадеженную Мирабелу у чахлого очага. Сест-

ра думает, небось, что она скрылась, убоявшись трудностей. Или осталась с Андресом полюбовницей. Элиза фыркнула.

Стукнула дверь.

– Что, лентяйка, жизни радуешься? – Марис поддел её как-то необидно. А когда Лиз, потрясённая его появлением, повернулась от окна, он уже лежал, растянувшись во весь рост на кровати. В домашней одежде и босиком. Выражение лица... отличается от положенного в сцене об униженном и оскорблённом муже.

Элиза вздохнула.

– Ты пришёл обсудить условия?

– Условия чего? – Марис заинтересованно поднял голову, посмотрел на неё.

– Ну как же... нашего расставания.

– А! Нет, – голова снова стукнулась затылком о покрывало.

– Зачем тогда? – Лиз честно пыталась понять.

Тема беседы, похоже, не сильно Мариса увлекала, он даже закрыл глаза и тихо засопел. Спит, что ли? Лиз постояла ещё с минуту в растерянности, после бесшумно придвинулась к изголовью кровати. И взвизгнула – рука Мариса ловко сцапала её.

– Полежи со мной, беспокойная моя жёнушка. Я все эти дни был в дороге или на совещаниях.

Уж такую малость за его снисхождение Лиз выделить могла. Покорно легла рядом и даже положила руку на живот.

– Где ты был?

– Половину страны, почитай, объездил. Очень хотел разыскать одну женщину.

Элиза оцепенела, снаружи и внутри. Одно дело – заявлять во всеуслышание, что готова расстаться со своим мужем, отпустить его, не пролив и слезинки. Иное – узнать, что замена тебе уже на подходе.

– Мы же ещё не разведены... – пискнула Лиз сорвавшимся голосом.

Марис сильнее притиснул её к себе.

– А ты настаиваешь?

Некстати вспомнились восточные традиции его приёмного отца.

– Ты хочешь... взять вторую жену – при живой первой?

Она не видела, что Стронберг улыбается, искренне наслаждаясь их беседой.

– Ты не будешь возражать?

Элизе потребовалась вся её выдержка, всё испытываемое ею чувство вины и понимание, что за поступки надо платить.

– Я не имею права не подчиниться.

– Дурочка, – Марис сжалился, поцеловал в затылок. – Я разыскивал твою сестру.

– Линету?!

– Нет, – судя по голосу, муж искренне сожалел. – Боюсь, что Линета действительно погибла. Зато Селену мне удалось найти.

Лиз только ахнула. Задача была поистине невыполнимой.

– Но как...

– Подрядил сыщиков, разговаривал с осведомителями.

Она не уехала далеко. Селена, уезжая из дома, думала, что город распахнёт ей объятия... а город жесток.

Спрашивать Лиз боялась. Но спросила:

– Она... работала на фабрике?

– Поначалу да. Потом в таверне. После же... жизнь её не баловала. Не сразу, но Селена согласилась поговорить со мной.

– А зачем вообще тебе Селена?

– У вас три младшие сестры, которым надо дать воспитание и образование. Твоя сестра этим займётся. А я профинансирую.

Элиза лежала тихо, словно мышка. Слова звучали так странно, не укладывались в сознании. Селена... девочки...

– Я собиралась заняться этим.

– Мне бы хотелось получить от тебя ещё одного ребёнка, – вежливо сообщил Марис. – Возможно, двух. Трёх. Так что ты будешь занята.

Ясности не прибавилось.

– Ты не станешь разводиться со мной?

– Если каждый муж станет разводиться из-за глупости жены... ой! – сильный тычок в рёбра остановил Мариса.

– Неужели же я ошибся и роковая встреча лишь укрепила твою страсть к Андресу Ресья? Ай, за что?

Теперь он получил шлепок по животу. Лиз спрятала нос в его бок.

– Я так виновата перед тобой, Марис. Осуждала твою мать за то, что она считала, мол, честь только для благородных. А сама хороша, решила, что если уж благороден по рождению, то никак не может быть справедливым, честным, порядочным человеком...

Губы Мариса дрогнули. Не прошло и трёх лет, а такая оценка из уст любимой! И приятно же.

– А если свой, деревенский парень – то просто обязан быть рыцарем. А он, вон, хуже дерьма коровьего оказался, за миску каши продался... – голос её затих. Всё-таки Элиза переживала. Но это пройдёт. Все мы умнее с разочарованиями, с возрастом, с опытом.

– Сейчас нам следует вернуться домой, к Кристиане. Сестёр твоих я во Францию не повезу, однако дом в Мальмё уже куплен, туда въехала Селена и девочки постарше. Самая юная, мы так решили с твоим братом, который кузнец, останется у него до весны. Его жена не плохо обращается с девочкой. Потом твой брат...

– Георг, – тихо подсказала Элиза.

– Да, Георг – он встретится с Селеной, и они решат, где девочке...

– Марселе.

– ...где девочке Марселе будет лучше. Между прочим, имена старших я помню. Тощенькая, у которой вместо ли-

ца одни глаза, это Мирабела. А другую, Нонну, сначала надо вылечить от грудной болезни. Доктора говорят, что довольно запущено, но девочка от этого не умрёт.

Он замолчал, справедливо ожидая вознаграждения. Молчала и Элиза. Думала. Чтобы раскрыть рот и сказать неожиданное:

– Так что же – у моих сестёр всё будет хорошо?

– Наверное.

– И у нас с тобой будет хорошо?

– Ну, не знаю, – Марис дёрнул рукой. – Может случиться всякое. Ты влюбишься в очередного лекаря, кучера, купца, уйдёшь от меня. От Кристианы. От детей.

– Так ты меня и отпустил, – довольная, усмехнулась Элиза. – Бедный Франсуа, интересно, как он пережил?

Марис не говорил ей про свою сделку с Дюма и говорить не собирался.

– Думаю, что у твоего помощника всё сложилось удачно. Насколько я знаю, он женился, и жена уже в положении. А ты бы счастья ему не принесла, не по зубам орешек.

– Марис Стронберг, ты никогда отныне не сделаешь со мной такого! Будешь, как все мужья, добиваться прощения, говорить...

– И речи нет. Ещё тогда я понимал, что мечтаю о живой жене, а не кукле. Однако?

– Ну разумеется. Трое детей обязывают к взрослению.

Уезжали они на рассвете, верхом, сначала в Мальмё, освободить Белль от знакомства с чужим городом, посмотреть, как устроились Селена с младшими сёстрами. Потом домой. Лаймен, пролившую озеро слёз, и четыре дня как родившую мальчика Аде просили не провожать их, но мать всё же наблюдала блестящими глазами из верхнего окна. Увидит ли вновь их – и детей Мариса, она не знала. Увидит, наверное. Жизнь долгая. Эти двое твёрдо намерены прожить свою жизнь в любви. Господь да пошлёт им мудрости.

Мужчина и женщина ехали по дороге, удаляясь. Он держал её за руку. Над Эльмареном стремительно разливался розовым заревом рассвет.